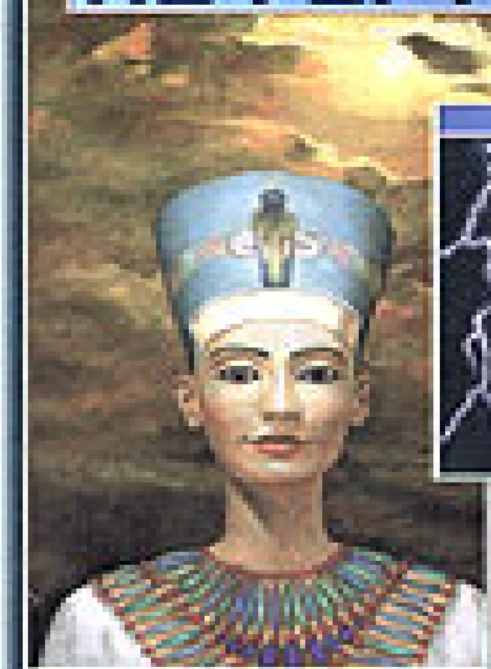
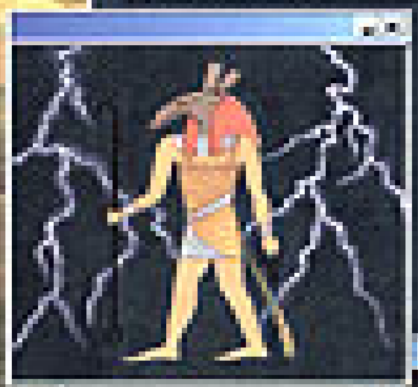
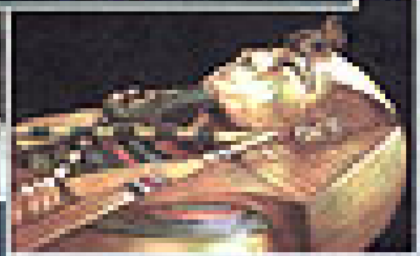
Татьяна Семёнова

ДОЧЬ НЕФЕРТИТИ







Фантом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С тех пор, как трое 17-летних ребят нашли в развалинах дома устройство под названием «Фаэтон» — этакую машину времени для путешествий в свои прошлые жизни, прошло каких-нибудь три дня. Но сколько событий случилось! Невероятных и пугающих, увлекательных и очень страшных… И зачем только они включили «Фаэтон»? Все это казалось игрой… Однако сотрудники Секретной Лаборатории, которым принадлежит прибор, не любят шутить — игра превращается в настоящую смертельную схватку. Едва вернувшись из кошмара Средневековья, друзья опять вынуждены скрываться в прошлом — на этот раз в Древнем Египте, где их ждут не менее опасные испытания. Переместившись в Фивы в момент траура по Тутанхамону, юные герои оказываются в самом центре политических интриг. Здесь же настигает их и служба безопасности Секретной Лаборатории…

«Дочь Нефертити» — вторая книга проекта «Фаэтон» — сюжетно продолжает первый роман автора — «Монсегюр».

- Татьяна Семенова
  - Апология научной фантастики
  - ОТ АВТОРА
  - Совершенно секретно
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19

- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Приложение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Татьяна Семенова
ДОЧЬ НЕФЕРТИТИ

Апология научной фантастики или Новичкам везёт

Когда мне в руки попала первая книга Татьяны Семёновой «Монсегюр», я решил, что это обыкновенная фэнтези. Однако с первых же страниц роман озадачивал и не поддавался современной классификации. Стилистика его напоминала нечто давно забытое, из далёких-далёких лет, из романтических воспоминаний детства: образцово-показательные главные герои, популяризация науки едва ли не в форме лекций, чётко выстроенный классический сюжет, отсутствие жаргона даже в диалогах и жестко заданные моральные принципы. Всё было так странно, что начинало слегка раздражать своей непривычностью и непонятностью. Когда это написано? Может, лет пятьдесят назад? Нет, слишком много сегодняшних реалий… Так не пародия ли это?

Однако, всё более увлекаясь, я прочёл добрую половину романа, и уже полюбил его героев, и погрузился в их мир, и полностью принял предложенные правила игры. И вот тогда… Словно пелена с глаз упала: да это же научная фантастика! Настоящая, традиционная, «твёрдая» НФ, которой давно уже никто не пишет. Напомню для тех, кто не в курсе: когда научная фантастика только возникла и оформилась как направление в прозе XX века, она была как минимум на две трети научно-популярной литературой, и такое не то что не считалось зазорным, а наоборот вменялось всем в обязанность и на родине фантастики — в Англии и США, и у нас, в СССР, подарившем миру не менее яркие образцы этого рода книг.

С годами фантастика развивалась, ширилась, ветвилась, примеривая на себя философию и лирику, сатиру и сказку, эстетство и авангард, психологию и психоделику… При этом от науки она уходила всё дальше и к XXI веку, как ни странно, ушла практически совсем.

Я сам очень много говорил и писал об этом. Я был уверен и уверял других, что научная фантастика умерла, я приводил массу веских аргументов. Маститые собраться по перу иногда вяло спорили со мной, но в целом придерживались того же мнения. Никто уже и не пытался возрождать традиции Беляева или Гернсбека, Кларка или ранних Стругацких. Не интересно? Неперспективно? А может, просто тяжело — под грузом собственного и чужого опыта, который всегда давит на профессионала?

Возродить научную фантастику сегодня оказалось по силам лишь абсолютному новичку на нашем поле — автору своей самой первой книги — Татьяне Семёновой. Она ничего не знала о спорах мэтров и законах жанра. Ей просто захотелось написать именно так. Потому что самой интересно, а значит — вот восхитительно наивная логика! — будет интересно и читателю. И ещё потому что устали все от бездумных приключений и дилетантских описаний, от грубости в языке и жестокости в поступках, от мрачной философии и голого натурализма, от монотонно однообразных попыток удивить тех, кто уже ничему не удивляется.

А «Монсегюр» удивил. Непохожестью. Простотой, добротой и чистотой. Искренним оптимизмом и молодым задором. Пронизанностью светом. И — быть может это главное — желанием поделиться знаниями, научить, заставить думать.

Фантастика последних лет всё это растеряла. А зря.

Апология — это (с древнегреческого) речь в защиту чего-либо, и сегодня я выступаю в защиту той самой настоящей НФ, мною же и похороненной совсем недавно.

Конечно, мне захотелось встретиться с человеком, так радикально поменявшим мои представления о фантастике. И мы быстро нашли общий язык. Слово за слово, из просто серии «историко-приключенческих романов с элементами фантастики», как было заявлено в авторском варианте первой книги, родился проект «Фаэтон» — по существу целая программа возрождения научной фантастики и научно-популярной литературы.

Да, сегодня речь идет лишь об ещё трех книгах Татьяны Семёновой, сюжетно продолжающих первую. Вторая — перед вами, две другие — в работе. Ну, и появился сайт проекта во всемирной сети — www.faet.ru . О чём пойдет речь завтра, покажет время. Но уже над «Дочерью Нефертити» мы работали вместе. Как работали? В двух словах не объяснишь… Мы долго думали, как именно определить мою роль. Соавтором становиться поздно — книга целиком написана до меня. Редактор? Нет, редактором выступил другой человек. Литобработчик? Тоже нет, это для тех, кто совсем писать не умеет. Литконсультант? Ближе, но все равно неточно. В общем, решили меня назвать руководителем проекта.

Я как бы пропускаю эти тексты через себя и полностью за них отвечаю. А главное, я отвечаю за проект в целом. Но автор, создатель, настоящий родитель этих непослушных детей — конечно, Татьяна, тот самый новичок в фантастике, которому, если верить поговорке, обязательно повезёт.

Ант Скаландис

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель!

Прежде чем Вы откроете первую главу этого романа и вместе с героями отправитесь в очередное увлекательное и опасное путешествие должна предупредить Вас: «Дочь Нефертити» — вторая книга в проекте «Фаэтон». Первая называлась «Монсегюр». Не беда, если Вы её не читали — просто в этом случае Вам совсем не помешает познакомиться с кратким содержанием.

В руки наших героев Ани, Саши и Вани, вчерашних школьников, а ныне студентов совершенно случайно попадает экспериментальное устройство «Фаэтон», позволяющее человеку путешествовать в свои (и не только свои) прошлые жизни. Вместе с прибором они находят дневник учёного-генетика, откуда и узнают обо всём. Генетик зачем-то унёс «Фаэтон» из секретной лаборатории, хотел уничтожить, потом спрятал, наконец, погиб при загадочных обстоятельствах…

Склонный к авантюрам Ваня, ещё ни в чём не разобравшись, решает испытать прибор на себе и попадает в свою прошлую жизнь вместе с друзьями. Все трое оказываются в незнакомой местности: цепи гор, окутанные облаками, тянутся бесконечной вереницей, и над головокружительно высокой скалой одиноко и гордо возвышается замок-крепость…

Где это? Какая эпоха? Какие люди живут здесь? Чтобы разобраться, Ваня должен вспомнить свою прошлую жизнь. И то, что постепенно пробуждается в памяти нашего героя, приводит его друзей в смятение. Место, куда они попали, носит название Лангедок — южная провинция средневековой Франции. На дворе — декабрь 1243 года. И неприступная крепость на вершине скалы — это легендарный Монсегюр.

Замок принадлежит катарам — таинственному христианскому ордену. Это их Папа римский объявил еретиками, против них организовал Крестовый поход. И сейчас у подножия горы Монсегюр встал лагерем отряд крестоносцев. Последние катары, укрывшись в неприступной крепости, и не думают сдаваться а, тем более, отрекаться от своей веры. В замке хранятся бесценные реликвии, среди которых Чаша Грааля и Копьё Лонгина. И ещё остаётся шанс помочь катарам. А ведь это одна из загадок истории: как удалось спасти священные предметы и какова их дальнейшая судьба…

И вот Ваня, который в своей прошлой жизни был защитником Монсегюра, вдруг вспоминает удивительную вещь: не где-нибудь, а именно там, в осаждённой крепости, он видел своего

московского друга Сашу. Это открытие поначалу ставит наших героев в тупик. Как такое могло быть? Но потом путём логических умозаключений ребята приходят к очень важному для себя выводу. Человек, попавший в прошлое, не может быть сторонним наблюдателем, он гармонично вливается в общий исторический процесс, становится непосредственным участником давних событий. И самое главное: если они здесь и сейчас не повторят событий, происходивших в реальной истории, будущее изменится и они уже не смогут вернуться в свой, родной мир, ведь он исчезнет.

Так они считают, и потому начинают действовать.

Ох, как это оказалось не просто! В их распоряжении всего пять дней. Затем «Фаэтон» вернёт ребят обратно. Вопрос — куда? Другой вопрос — вернет ли? И третий: а будет ли, кого возвращать?

Смертельные опасности преследуют их на каждом шагу. Крестоносцы, разбойники, инквизиторы… Чужой, враждебный мир, а местным языком, знанием обстановки и обычаев владеет только один из них — Ваня. И тут ещё выясняется, что таинственные преследователи — это совсем не папские легаты, которыми они прикидываются, а люди из нашего времени, из той самой Секретной Лаборатории, и задача у них нехитрая: завладеть прибором и выяснить, куда пропали документы на изобретение, похищенные вместе с «Фаэтоном». А судьбы наших героев им совершенно безразличны. Ребята рискуют элементарно остаться без машины времени, а значит, навсегда в средневековье…

Конечно, раз Вы держите в руках вторую книгу про Аню, Сашу и Ваню, значит, они благополучно вернулись в свой мир. Да, им удалось найти могущественных союзников и спасти сокровища катаров, и спастись самим от всех, казалось бы, неминуемых бед. Получается, хэппи энд? Не совсем. Слишком много вопросов останется у наших героев.

И ещё один маленький штрих. Даже возвращение домой не всегда и не для всех бывает безоблачно радостным. За пять невероятных дней в Лангедоке девушка Аня успела по-настоящему влюбиться в прекрасного юного рыцаря Анри, и расставание с ним оказалось пронзительно грустным. Такова жизнь…

Совершенно секретно

Из инструкции №66/1 по работе с прибором «ФАЭТОН»

Комплектность:

1. Анализатор ДНК человека
2. Волновой генный сканер (ВГС-1)
3. Высокочастотный генератор-излучатель
4. Персональный компьютер (ПК)
5. Аккумуляторная батарея усиленного типа (АБТ-4у)

Принцип действия:Генно-волновое путешествие в собственную прошлую жизнь.

Перемещение во времени происходит за счет туннельного эффекта в точках максимального искривления пространственно-временного континуума. Поиск соответствующих точек производится с помощью частотного резонанса волн, излучаемых генами, находящимися в различных исторических эпохах, но принадлежащими одному и тому же индивиду.

Руководство по применению в режиме случайного поиска:

1. Поднять крышку прибора не менее чем на 90 градусов и нажать кнопку «пуск».
2. Дождавшись полной загрузки системы, вложить палец (любой) в выемку анализатора. Игла анализатора срабатывает от термодатчика в течение 1-3 секунд.
3. Следить за информацией на мониторе (система должна последовательно сообщить о завершении работы анализатора, сканера и генератора) в течение 2-5 минут.
4. По достижении полной готовности прибора к перемещению материальных объектов (в переговорном окне появится сообщение: «Хотите ли вы посетить свою прошлую жизнь?») выбрать ответ «да» или «нет» с помощью клавиатуры или мыши.

Примечание:

В режиме случайного поиска процесс возвращения полностью автоматизирован и будет завершён даже при отключённом приборе. Но пользователю рекомендуется помнить о точном времени возвращения и в целях безопасности заблаговременно включить прибор, а непосредственно в момент перемещения находится как можно ближе к прибору.

Дополнительная информация и требования безопасности:

1. Водозащищённый корпус не гарантирует сохранности прибора при полном погружении в воду.

2. При температуре выше 100 и ниже 50 градусов по Цельсию возможны сбои в работе вплоть до полного отказа.

3. Крайне нежелательно подвергать прибор ударным нагрузкам и другим механическим воздействиям.

4. Гарантированный радиус действия прибора — 2 метра. Гарантированное отсутствие опасности перемещения — в радиусе 3,5 метров. Нахождение в пограничной зоне может повлечь за собой нежелательные явления — от поломки прибора до летального исхода для пользователя.

5. Максимальная масса перемещаемых объектов — 980 кг

6. Максимально возможное количество перемещаемых лиц — 7

7. Перемещению подлежат все живые организмы, находящиеся в радиусе действия прибора и только те предметы, которые находятся в непосредственном контакте с организмами.

8. При отключенном дополнительном оборудовании прибор может быть использован в качестве обычного ПК.

Особое предупреждение: При нахождении в прошлом пользователю ***категорически запрещено*** контактировать со своим генетическим предшественником. Опасность резонанса существует уже на расстояниях менее 0,5 км. О последствиях см. *Приложение 9*.

Глава 1
И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН

Тусклый свет уличных фонарей падал на развалины дома сквозь пустые глазницы бывших окон в единственной уцелевшей стене. И в зловещем полумраке эти условно прямоугольные отверстия с неровными краями напоминали пробоины от снарядов.

— Последний день Помпеи, — произнесла Аня, настороженно осматривая неприглядное место, словно впервые оказалась здесь.

— Скорее уж Сталинград, — возразил Ваня.

— Но даже такой пугающий пейзаж *здесь* куда больше ласкает глаз, чем самые красивые Пиренейские горы *там* . Разве нет? — Саша радостно улыбался, вдыхая полной грудью пусть и не очень чистый, зато такой родной воздух.

— «…И дым Отечества нам сладок и приятен», — продекламировал Ваня тоже со счастливой улыбкой.

— Да… — задумчиво протянула Аня. — Неужели мы опять дома? Это сколько же времени прошло?

— Здесь? Кажется, нисколько, — сказал Саша. — Вон, и петарды наши валяются, будто только что их запускали в честь твоего дня рождения…

— Только что… — повторила Аня. — А там — целая вечность прошла… Слушайте, что, если нам все это приснилось?!

Глаза у девушки округлились, видно было, что она вовсе не шутит.

— Конечно, приснилось, — с подчеркнутой серьезностью согласился Ваня. — Причём, всем троим одно и то же. Да и местечко для сна мы выбрали классное. Окрестные бомжи обзавидовались уже.

— Да ну тебя, Вань. Я же, правда, не понимаю…

— А что тут понимать? Часто тебе удавалось из собственного сна подарки приносить?

Поправив на плече перевязь, он потащил за красивую рукоять, и меч блеснул начищенной сталью в неверном свете далекого фонаря. Потом Ваня изящно и вместе с тем лихо, со щелчком — даром, что ли, фамилия его Оболенский? — вдвинул оружие обратно в ножны.

Девушка растерянно взглянула на меч и перевела взгляд на свои руки. Ее изящные пальчики украшали два величественно

сверкавших перстня: один с изумрудом, другой с рубином.

— А ты говоришь, «приснилось»! — улыбнулся Ваня.

— Мы там были, Анюта, — убежденно кивнул Саша, — были.

— А помнишь, — засмеялся Ваня, — как ты жадничала и не хотела жертвовать свой браслет на благое дело? Представляешь, насколько эти колечки, — он показал на перстни, — дороже, чем твоя оставленная в средневековье бижутерия.

— Какой ты меркантильный! — картинно возмутилась Аня. — Дело не в деньгах. Ценность этих вещей в том, что они — частичка другого мира. А для нас — еще и память…

— Да, память, это точно… — Ваня сжал крепче рукоять меча и затравленно огляделся, словно готовился отбить внезапную атаку ночных разбойников. Однако вокруг было по-прежнему пусто и тихо.

— Господин Ветров, — повернулся он к другу Сашке, — пожалуйста, достаньте из сумки ещё один презент от Аниного средневекового обожателя.

— На, Ань, возьми, — Саша протянул девушке великолепную деревянную шкатулку, украшенную искусной резьбой и самоцветными камнями.

— А ну-ка посмотрим, что там внутри? — начал дурачиться Ваня. — Целых восемь веков ты так и не давала нам прикоснуться к этой тайне.

Девушка бережно взяла шкатулку из рук Саши и медленно открыла её, не реагируя на шутки. Ребята нерешительно придвинулись и вытянули шеи, пытаясь заглянуть внутрь загадочной коробочки, но откинутая крышка мешала им сделать это. Аня все так же медленно, не говоря ни слова, повернула шкатулку к друзьям…

Там лежала роскошная красная роза, немного увядшая, но по-прежнему удивительная в своем совершенстве. Благородная и печальная красота засыхающего цветка напоминала о бренности земного бытия, о том, что счастье мимолетно, а жизнь быстротечна, но все равно прекрасна. Ане вдруг показалось, что она прикоснулась к какому-то таинству. Этот волшебный цветок, прорвавшийся сквозь века вместе с нею, был яркой, живой — да, все еще живой! — иллюстрацией к древней истине: «Любовь сильнее смерти».

Оболенский, увидев розу, скривился в иронической усмешке и, конечно же, не удержался. Хорошо еще, что изо всех способов комментария он выбрал именно этот: цитаты из Пушкина имелись у Вани на все случаи жизни.

Цветок засохший, безуханный,

Забытый в книге, вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? Когда? Какой весною?
И долго ль цвёл? И сорван кем:
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та — жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Саша посмотрел на друга с осуждением:

— Последнюю строфу можно было и не читать.

— А что такого? Это же Пушкин.

— Я понимаю. Но зачем о грустном?.. И потом, Аня-то сама определенно ещё жива и совсем не собирается увядать, «как сей неведомый цветок». Дурак ты, Ванька.

— Ну, извини, — с неумеренной аффектацией сказал Ваня, обращаясь непонятно к кому и то ли продолжая дурачиться, то ли действительно прося прощения.

— А я не обижаюсь, — улыбнулась Аня. — Наоборот, мне очень понравилось. Было так здорово: красная роза, Пушкин и это ночное небо над головой… Смотрите, ребята, какие там звезды.

Саша и Ваня подняли головы и обнаружили, что осеннее небо в эту ясную ночь усыпано такими яркими белыми, голубыми, зеленоватыми, золотистыми искорками, что даже извечное зарево большого города не сумело их погасить.

Аня закрыла шкатулку и тихо добавила:

— Знаете, ребята, к какому выводу я пришла? Смысл жизни не в том, чего ты достиг, а в том, от чего отказался.

— Вывод парадоксальный и очень грустный, — констатировал Саша. — С такой философией придется уходить в монастырь. Да ты не переживай так, Анюта, — решил он успокоить её. — Пройдёт время, и все забудется, кроме хорошего. Это правда, что время лечит.

— Может быть, — ответила она. — Но ты говоришь, словно старик. Откуда ты знаешь, как лечит время?

— Я так думаю, — растерялся Саша. — Мне кажется, что это правда.

По ту сторону улицы неожиданно громко и пронзительно заорала чья-то автомобильная сигнализация. Все трое вздрогнули, и Ваня первым вернулся с небес на землю.

— Послушайте, пора отсюда сваливать. Вам не кажется? И еще. Что мы будем делать с этим средневековым мечом?

— Оставишь себе на память. О прошлой жизни, — буркнул Саша. — Меч точно не завянет.

— Да погоди ты, «на память»! Его ещё до дома донести надо…

«Верно, пора идти домой», — пронеслось в голове у Ани, но каким-то вторым, третьим планом, на первом месте по значимости стоял другой вопрос: «Почему этот Ванька всё время норовит меня поддеть? Раньше он таким не был. А Саша… в общем, тоже… Но нет, он всё-таки молодец. Всегда меня защищает».

— Эй, — сказал вдруг Саша, — знаете, сколько сейчас времени?

Ваня посмотрел на левое запястье и радостно крикнул:

— Чуваки, у меня часы заработали! Классно! И мобила — тоже! — он уже давил на все кнопки. — Та-а-ак, это родаки звонили, а это Глебушка Метёлкин. Звуковую мессагу наговорил. Круто.

— Ненавижу автоответчики, — заметил Саша. — Полный отстой, тем более в мобиле.

— Не согласен. По-моему, рульная вещь…

— Слушайте, ребята! — прервала Аня их диалог. — Мы же договаривались: общаемся без жаргона. Сами говорили, что это интересный эксперимент.

— Ну, извини, — сказал Ваня второй раз за десять минут. — Александр Валентинович, разрешите обращаться к вам отныне исключительно на великом и могучем русскому языка.

— Не смешно, — поморщилась Аня.

— Ты не сердись, Анют, это мы от избытка чувств, — пояснил Саша. И вдруг добавил после паузы: — Не звони никому, Ванька. Погоди. Давай сначала решим, что делать будем.

Действительно, это было какое-то безумие, общее помешательство. Вернуться из средневековья назад целыми и невредимыми с исправной машиной времени в руках и даже с трофеями, и вместо того, чтобы сразу уйти в безопасное, надежное место, где всё и обдумать, обсудить; вместо того чтоб

сориентироваться во времени и позвонить родителям, которые уже, наверняка, беспокоились — вместо всего этого они добрых полчаса стоят на развалинах старого дома, читают стихи, философствуют о любви и смерти, любуются звёздами, наконец, мило беседуют о мобильных телефонах и, прости, Господи, о жаргоне в русском языке!

— Ребята, — решительно заявил Саша на правах старшего, — отсюда действительно пора сва… то есть уходить. Развалины эти действуют, откровенно говоря, удручающе. Вот только как мы пойдём с мечом по городу? В милицию не заберут?

— Могут, — кивнул Ваня. — Холодное оружие, да ещё древнее. Типа, украли из музея.

— А может, мы ролевики, толкинисты, — предложила Аня.

— Эх, Анюта, милиция и слов-то таких не знает!.. — грустно улыбнулся Саша.

Друзья задумались.

— Эврика! — провозгласил Ваня с таким лицом, что опять непонятно было, собирается он говорить всерьёз или шутит. — Будем добираться до дома перебежками. Тут же недалеко. Один — впереди, дозорный. Двое — хранители меча — следом, используя естественные укрытия, как то: подворотни, ларьки, ниши подъездов.

— Лучше не так, — возразил Саша. — Один с мечом петляет, как заяц, впереди, а двое сзади идут себе, как нормальные люди.

— И кто этот один?

— Ну, ты, разумеется. Во-первых, меч конкретно твой, а во-вторых, инициатива наказуема.

— Слушайте, ребята, — сквозь смех проговорила Аня, — мы так до дома к утру не доберёмся. Меч, конечно, длинная штука, но думаю, что в куртку его завернуть можно. А тут действительно два шага — не замерзнешь.

— Ты права, — согласился Ваня. — Очевидно, от путешествий во времени глупеют.

— Вообще-то глупеют от другого, — тихо произнес Саша, но Ваня сделал вид, что не услышал его.

— Послушайте, — вдруг замахала руками Аня. — У меня есть идея поинтересней. А что если спрятать меч в штанину?

Ребята уставились на девушку.

— Чего? — переспросил Ваня.

— Ну, запихнуть меч в брюки, — смущённо повторила Аня и тут же пояснила: — Правда, при ходьбе одна нога не будет сгибаться, но это как будто у тебя вместо ноги протез.

Ребята покатились со смеху.

— Вы чего? — растерялась Аня. — По-моему идея неплохая.

И не надо ни от кого прятаться. Все будут думать, что идёт инвалид… без ноги… — добавила она тихо, — на протезе… — сказала ещё тише.

Саша с Ваней переглянулись.

— И кто это будет? — ухмыльнулся Ваня.

Аня посмотрела сначала на одного, затем на другого и вдруг живо представила себе эту картину, сперва в главной роли с Ваней, а потом с Сашей и, не выдержав, прыснула от смеха.

— Считайте, что я вам ничего не предлагала, — резюмировала она.

Ребята облегчённо вздохнули.

— Ладно, пошли быстрее, — скомандовал Ваня, укутывая меч в ветровку и пристраивая его под мышкой, — а то наша здравомыслящая Анюта может придумать ещё что-нибудь.

— Минутку, — сказал Саша, — в твоем предложении, Вань, был один разумный момент. Дай-ка я выгляну в переулок, проведу, так сказать, рекогносцировку. Это будет не лишним.

Время, однако, приближалось к полуночи, и для обычного буднего четверга было вполне нормально, что улица оказалась совершенно пуста — массовые народные гуляния по поводу дня рождения Анны Птицыной, похоже, пока не проводились.

— Можно выдвигаться, — разрешил Саша, вернувшись, — а вот эту шнягу, — сказал он Ване, — неси лучше на плече — будешь похож на строителя с теодолитом.

— Или на моджахеда с базукой.

— Постойте! — всполошилась вдруг Аня.

Ребята остановились.

— Ещё одна гениальная идея? — саркастически усмехнулся Ваня.

Аня, казалось, не обратила никакого внимания на едкое замечание.

— А вдруг здесь тоже прошло пять дней?! — испугано зашептала она. — И нас родители уже ищут с милицией по больницам и моргам?

— Этого не может быть, — спокойно проговорил Саша.

— Почему? Откуда ты знаешь? — спросила Аня.

— Ну, во-первых, в дневнике генетика, который мы нашли вместе с «Фаэтоном», было чётко написано: все, кто побывал в своей прошлой жизни, возвращались обратно в то же самое время. А во-вторых, за пять дней в этом унылом месте что-нибудь изменилось бы. Тут еще вчера бульдозеры работали и экскаватор. Значит, уж этот кусок стены доломали бы точно.

— Второй аргумент не принимается, — возразил Ваня. — Помните, в соседнем переулке недоломанная стена три года

стояла. Или четыре. А до этого тоже бульдозеры очень бойко там шевелились.

— Ну, ладно, — немного обиженно сказал Саша, — а с дневником?

— С дневником убеждает, — кивнул Ваня.

— Тем более, — поддержала Аня, — что все часы и мобильники показывают одну и ту же дату.

— Хорошо. Вопрос номер два, — они уже шли по улице, и Александр Ветров, вновь обретая уверенность, принимал руководство на себя. — У кого будет храниться «Фаэтон»? И что с ним делать дальше?

— Мне кажется, — сказала Аня, — лучше будет, если у тебя, Саш. Вань, ты не против?

— Он-то не против, — улыбнулся Ветров, — меня надо спрашивать. Или кто-то считает, что хранить у себя эту бомбу — большая радость? Повторяю для забывчивых вторую часть вопроса: что нам делать дальше с «Фаэтоном»?

— Обсудим это завтра, на свежую голову, — предложила Аня.

— Хорошо, — принял вариант Саша.

— Только вот ещё… — забеспокоился Ваня. — Давайте договоримся, что никому не расскажем о том, как мы путешествовали во времени.

— А что, у кого-то есть желание прослыть сумасшедшим?

Аня и Ваня хмыкнули и тут же поняли, что Саша прав.

Благополучно проводив девушку до подъезда, ребята двинулись в сторону своих домов, расположенных совсем рядом друг от друга. Всё было буднично до оскомины, но в самой этой обычности таилась какая-то невозможность, нереальность. Уж слишком не вписывались Ванькин меч, завёрнутый в куртку, Анин цветок в шкатулке, и вообще все воспоминания о Лангедоке, такие недавние, такие свежие!.. в эту тихую московская ночь с желтыми окнами высоких зданий, с чистым сухим асфальтом и мерцающими во тьме рекламными вывесками.

Они оба долго молчали, а, уже подходя к своему дому, Ваня вдруг спросил:

— И что она нашла в этом средневековом рыцаре?

— Ты про Анри? — усмехнулся Саша.

— Ну да, — кивнул он. — Мне все время казалось, что стать бойфрендом Анюты Птицыной — абсолютно нереально. Она, конечно, отличная девчонка, но характер у неё — не подарок. Мы ведь давно дружим, правильно? Однако стоит хоть намекнуть на что-то… серьёзное, и она сразу делается вся такая гордая и надменная.

— Не согласен, — помотал головой Саша. — Какая она

надменная? Смешно даже. И характер у неё нормальный. Ты просто преувеличиваешь, потому что… для тебя это важно.

— Нет, ты вспомни, — настаивал Ваня, — сколько к ней подкатывало пацанов? И все получали отлуп.

— Ну, положим, не все…

— Ты про Гошу, который звал её Птичкой? Да, это её детское прозвище, и Аня никому не разрешает так себя называть сейчас… Кроме Гоши. Но это же особый случай, ему почти тридцать.

— Не надо, — поправил Саша, — всего двадцать шесть.

— Какая разница. Он — не в счёт, слишком стар.

Саша улыбнулся, а Ваня продолжил:

— Из наших ровесников никто не удостоился её внимания… А тут за каких-то два дня ледяная красавица растаяла. Чудеса, да и только! — он развёл руками. — Ну, что она в нём нашла?!

Саша задумался.

— С точки зрения теории, вопрос вообще нелепый. Поговорку русскую знаешь: «Любовь зла…» Но я попробую ответить, ведь я тоже об этом думал. Понимаешь, в Анри есть то, чего не достаёт нам всем — естественность.

— Не понял. Объясни, — попросил Ваня.

— Анри был откровенен с нею от начала и до конца. Все вокруг знали, как он относится к Ане. Он ничего не скрывал и — самое главное — не боялся показаться смешным. А мы всё время стремимся доказать девчонкам своё превосходство, свою независимость, не признаем за собой никаких слабостей и завоевываем их сердца под лозунгом «Смотри, какой я крутой!». А им, похоже, совсем не это надо…

— Да уж, — нахмурился Ваня, — им бы только дарили цветочки, пели серенады и вздыхали на скамейке — бред какой-то! Представляешь, что будет, если «Фаэтоном» начнут пользоваться все кому не лень? Девчонки, попав в средневековье к этим манерным кавалерам, вообще не захотят обратно. Полный атас! Нет, мы их туда не пустим, — твёрдо решил он. — Если уж такая, как Анька, растаяла в два счета, что будет с другими?

— А может, лучше перенять опыт у средневековых рыцарей? — усмехнулся Саша.

— Какой еще опыт? — возмутился Ваня. — Розовые сопли развешивать, как этот Анри?

— Ты к нему не справедлив, — возразил Саша. — Какие там сопли? А с другой стороны, Анри свою «крутизну» никому на нос не вешал, но когда пришлось защищать Аню, он один стоял против целой банды, и потом сражался вместе с нами, хотя был ранен. Ты к нему несправедлив. И я даже знаю, почему.

— Да?! — завёлся Ваня, — А мы что же, не защищали Аню, не

дрались за нее?

— Ага, — кивнул Саша, — правда, за нами был отряд рыцарей, и нас никто не собирался убивать, хотели только отнять «Фаэтон». А вот разбойники, напавшие на Анри и Анюту, предлагали парню вернуться в замок. Им нужна была только она. Но рыцарь не бросил свою даму. Один против десятерых. И они бы убили Анри, если б не подоспела помощь. Идти на верную смерть ради той, с кем и знаком-то всего несколько дней, — многие ли способны на такое? Вот ты, например, смог бы?

— Не знаю, — буркнул Ваня.

— А я знаю: не смог бы. Мы — другие. И ты на Анри наезжаешь только из ревности, потому что ты сам к Ане неравнодушен.

— Хватит ерунду молоть! — вспылил вдруг Ваня.

— Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав, — усмехнулся Саша. — Ладно, даю совет, а ты запоминай. Пересмотри свои приоритеты, на историю с Анри взгляни по-новому и сделай выводы… Ну, пора расставаться. Спокойной ночи, Ромео!

— Что ты сказал? — вкрадчиво поинтересовался Ваня.

— Спокойной ночи, говорю! — рассмеялся Саша и подтолкнул друга к подъезду.

— А-а, — протянул Ваня. — Спокойной ночи, Отелло!

— При чём здесь Отелло? — Саша буквально опешил.

— Подумай.

Саша подумал секунды три.

— Да пошёл ты!..

— И вам того же желаю, Александр Валентинович!

С этими словами Ваня очень шустро скрылся в подъезде.

Глава 2
ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

На следующий день они собрались у Ветрова, благо именно там им никто не мог помешать, так как после девяти утра никого из Сашиных домашних уже не было.

— Ну, какие будут предложения по главному вопросу? — спросил Саша.

— А ты придумал что-нибудь за ночь? — несколько по-одесски, вопросом на вопрос ответил Ваня.

— Я перебрал варианты. Основных, как водится, не много. Первый. Уничтожить прибор, чтобы не поддаваться соблазну вообще. Второй. Тщательно спрятать и взять тайм-аут до выяснения некоторых обстоятельств. Третий. Сдать государству, как поступают все законопослушные граждане. И, наконец, четвертый (на мой взгляд, самый неприемлемый): воспользоваться прибором снова.

— Есть пятый вариант, — предложил Ваня, — разыскать хозяев прибора и поторговаться с ними об условиях.

— Нет, — возразил Саша, — это все тот же второй, только в профиль. Ты нафантазировал события в одну сторону, а они могут покатиться и совсем в другую. Будут ли с нами торговаться? В любом случае, это — вариант ожидания.

— Есть ещё шестой вариант, — сказала Аня, словно и не слышала, что пятый не принят. — Прямо сейчас отправиться назад в Лангедок, чтобы меня там оставить…

— Ты бредишь, Анюта, — едва не закричал Саша, но вдруг осекся. Они оба с Ваней поняли, что девушка всю ночь думала только об Анри, а вовсе не о вариантах действий.

— Ладно, — резюмировал Ваня после невольно возникшей паузы. — Уничтожение отменяется по трем причинам сразу. Во-первых, глупо — мы же знаем, что прибор не единственный. Во-вторых, недостойно: это же просто варварство — уничтожать гениальное устройство, которое, к тому же, и не ты сделал. В-третьих, бессмысленно: мы ничего не выиграем, за нами точно также продолжат охотиться.

— Логично, — похвалил Саша. — Давай дальше.

— Можно я? — Аня решила себя реабилитировать. — Хочу отбросить третий вариант. Сдавать прибор государству еще глупее, чем уничтожать его. Даже если им действительно

завладеют официальные лица и организации, совершенно никакой гарантии нет, что эти высокопоставленные дяди не наделают трагических глупостей. А уж если его по дороге украдет какой-нибудь морально-нечистоплотный чиновник… Вообще страшно подумать! Нет уж ребята, теперь за этот конкретный «Фаэтончик» перед всем миром отвечаем мы и только мы. Это наш крест.

— Красиво говоришь, — оценил Ваня.

Анюта сердито сверкнула в его сторону глазами.

— Нет, правда, красиво. Без прикола.

— Значит так, друзья, — сказал Ветров. — Между собой потом разберетесь. Давайте к делу. Выбирать-то особо и не из чего. Либо оставляем «Фаэтон» в надежном месте, а сами занимаемся выяснением обстоятельств. Либо возвращаем его людям, которые охотятся за нами.

— Возвратить «Фаэтон»? — возмутился Ваня.

— Возможно, этот вариант более безопасен для нас.

— Саш, признайся честно, — начал вкрадчиво Ваня, — ты ведь тоже не хочешь расставаться с прибором.

— Может, и не хочу. Но ты сам посуди. Мы нашли его чисто случайно, буквально на какой-то свалке. Как говорится, не важно чей был прибор — важно, что не наш. Прибор, обладающий колоссальными возможностями: финансовыми, политическими, научными… Прибор, способный изменить и даже уничтожить Вселенную. Короче, наткнулись случайно на эту штуку и почему-то решили, что имеем право ею распоряжаться. Корнет Оболенский! Кто вам, собственно, разрешил пихать туда пальцы?

— Ну, — стушевался Ваня, — это был такой импульсивный порыв, неконтролируемое движение души.

— Так возьми теперь свою душу под неусыпный контроль!

— Сашка, давай без юмора, — попросила Аня. — Времени мало. Пока я согласна с тобой в одном: этот «Фаэтон» очень опасная игрушка.

— Да, — грустно констатировал Саша. — И мы слишком далеко зашли. Испытали прибор на себе. Раз. Убедились в потенциальной безвредности. Прошли первое и очень серьезное испытание на коррекцию истории. Два. И как это ни странно, все сделали верно, то есть выполнили свою историческую миссию. И вроде мы уже не случайные обладатели «Фаэтона». Нас уже слишком многое связывает с ним…

— Извини, дружище, — перебил его Ваня. — Я что-то не пойму. Ты нас уговариваешь расстаться с «Фаэтоном» или объясняешь, почему нельзя этого сделать?

— Да я сам себя уговариваю! — разозлился Саша. —

Понимаешь, мы просто влюбились… — он покосился на Аню, — в этот «Фаэтон», и теперь уже никак не сможем без него.

— Молодец, Ветров, вот тут ты абсолютно прав! Я тоже хотел высказать похожую мысль, но у меня вертелось, что мы «подсели» на путешествия во времени — прямая ассоциация с этим уколом в палец. А ты сказал лучше — влюбились. Это — воистину на великом и могучем. Молодец!

— Спасибо за комплимент. Но делать-то что будем? Давайте хоть решим для начала: мы достойны распоряжаться «Фаэтоном» или самозванство это всё?

— Можно я скажу? — Аня кокетливо подняла руку, как первоклашка в школе. Да, именно так: это был её любимый жест — одновременно и детский, и очень женственный.

— Можно, — улыбнулся Саша.

— У прибора, который способен изменить и даже уничтожить Вселенную (а тут Саша совершенно прав) не может быть законного хозяина. Кто бы ни изобрел его, и какая бы страна ни претендовала на эксклюзивное пользование, он всё равно принадлежит всему человечеству. И решать судьбу этого прибора тому, кто готов взять на себя всю полноту ответственности.

— А ты готова? — спросил Саша без всякой иронии.

— Не знаю, — произнесла Аня медленно.

— А я готов, — лицо Вани сделалось серьезным, как на самом важном экзамене. Или как в тот день, когда умер дедушка и мама сказала ему об этом: настроение было отличное, погода шикарная, куча звонков с предложениями на вечер и вдруг — полная невозможность радоваться и шутить.

Саша с сомнением посмотрел на Ваню. Тот понял этот взгляд и решительно продолжил:

— Просто обидно упускать такую возможность. Открыть дверь во времени, шагнуть за грань доступного, увидеть своими глазами… Да что там — глазами! Это и в кино можно. Всеми органами чувств ощутить далекие, казалось бы, навсегда ушедшие времена… Разве от такого отказываются?

— Но ведь это опасно, — как-то уже устало повторил Саша, — и не только для нас — для всех, кто живёт сегодня. Вдруг наши игры с прошлым приведут к необратимой катастрофе? Стоит ли испытывать судьбу?

— Стоит, — резко отрубил Ваня. — Это высшее удовольствие — играть с судьбой… И давайте не говорить больше об опасности и ответственности. Иначе пойдем на второй круг. Ну, подумай, Сашка, — Ваня вдруг зашептал вкрадчивым голосом искусителя, — неужели тебе не хочется побывать в одной из своих прошлых жизней? А вдруг ты был Александром

Македонским или Юлием Цезарем? Представляешь, на белом коне ведёшь на великие завоевания огромную армию. Перед тобой распахиваются ворота неприступных городов, жители падают ниц, а ты шествуешь победоносно, окружённый свитой, и тебе под ноги бросают цветы и кричат: «Дорогу Победителю!»

— Ну, ты загнул! — усмехнулся Саша. — А почему на белом коне?

— А как же! Победители обязательно на белом коне.

— Что-то я сомневаюсь, — рассмеялся Саша.

— Вот прицепился к ерунде! Говори: хочешь в прошлое или нет?

— Не знаю, — честно признался Саша.

— А ты, Ань? Представь себя Клеопатрой. Или Екатериной II, или коварной Марией Медичи, которая в тайных комнатах Лувра вместе со своим преданным магом придумывает хитроумные интриги, готовит смертельные яды для врагов… Сколько можно узнать всяких тайн, над которыми историки голову сломали! Вы только подумайте!

— Слушай, Ванька, хватит подбивать нас на очередную авантюру! А если я окажусь женой декабриста в какой-нибудь сибирской глуши, или — того хуже — черной рабыней на юге Америки? Ты сам-то кем был в прошлой жизни? Осаждённым в крепости. Считай, повезло, что попал в число спасателей реликвий катаров и не сгорел на костре вместе со всеми.

— Возможно, это одна из самых непримечательных моих жизней, — хвастливо заявил Ваня. — Но и приуменьшать ее значение не стоит. И потом, вы только подумайте, ведь это ж мы, сами, оказавшись в прошлой жизни, своим вмешательством сделали историю именно такой, какой она и должна быть! А если б не мы, еще неизвестно…

— Хватит щёки надувать, — прервал его тираду Саша. — Мы не слишком-то и старались — просто оказались частью истории. Ну, помогли катарам — это радует. Ну, а если всерьёз над всем задумываться, мозги можно вывихнуть. Вернёмся лучше к насущным проблемам. Катары нас в ближайшее время едва ли станут беспокоить, а вот те двое из нашего времени, которые гонялись за «Фаэтоном» в средневековой Франции… Давайте вспомним, что нам о них известно.

— Ну, — сказала Аня. — Они называли себя сотрудниками службы безопасности секретной лаборатории. Странноватая организация. И ещё они специально отправились за нами в прошлое, чтобы отобрать машину времени. Вот, собственно, и всё. Думаете, они продолжат свои поиски здесь?

— Скорее всего, — включился Ваня. — Но пока они не знают,

где мы живём и кто мы такие. Помните, я наврал им, что мы нашли «Фаэтон» в лесу, когда были на пикнике. Звучало правдоподобно.

— Допустим. Только давай не считать их за идиотов, — ответил Саша. — Возможно, они и поверили нам. Но, по сути, для этих людей не так важно, где мы нашли машину времени, им всё равно нужен прибор, и они не успокоятся, пока не отберут его. И будут, естественно, правы. «Фаэтон» изобрели в секретной лаборатории, и то, что генетик Сергей вынес его оттуда, ничего не меняет — машина по праву принадлежит создателям. Чувства, которые двигали беглецом, в целом гуманны и понятны: он боялся за всех людей. И все равно это глупо. Хотел как лучше, а получилось как всегда: «Фаэтон» на свободе — что может быть опасней? Вот мы пока вроде не натворили в средневековье ничего такого, но…

— Лиха беда начало, — продолжил за него Ваня. — Резюмирую вкратце: люди из секретной лаборатории будут искать нас. Это — факт…

— А помните, что они хотели сделать с нами? — с ужасом в голосе произнесла Аня. — Отобрать прибор и оставить в прошлом, то есть избавиться от свидетелей. Они же натуральные убийцы.

— Ну да, — кивнул Саша, не найдя что ответить по существу.

Никому из ребят не хотелось умирать молодым.

— Давай продолжим, — сказал Ваня. — После гибели генетика, эти люди решили, что ниточка, ведущая к «Фаэтону», потеряна. Но когда мы включили прибор, они сразу запеленговали нас.

— Правильно, у них есть радар, улавливающий волны «Фаэтона», — подхватил Саша, — они поняли, что прибор не уничтожен, и снарядили команду в XIII век.

— Интересно, как они это делают? — задумалась Аня. — Ведь «Фаэтон» выбирает одну из прошлых жизней наугад…

— Хороший вопрос, — признал Саша, — но сейчас не до этого. Итак, отобрать у нас машину времени *там* им не удалось. Значит, охота продолжится *здесь* … Правда, они знают только наши имена, — Саша задумчиво почесал в затылке. — На их месте я бы начал искать в окрестностях бывшего дома генетика. А это, как раз наши любимые развалины.

— Весело, — сказал Ваня. — Что еще они знают, кроме наших имён?

— Имена — мелочь, — заметила Аня. — Хуже то, что они видели наши лица.

— Да, — согласился Саша. — Пройтись по району с

фотороботами… Недели им за глаза хватит.

— Что, расклеят на всех столбах «Их разыскивает милиция»? — хихикнул Ваня.

— А почему бы и нет? — ответил Саша. — Мы ведь ничего не знаем об отношениях секретной лаборатории с милицией и вообще с государством.

Ваня прикусил язык.

— Ну, и что же делать? — всполошилась Аня.

— Пока не знаю, — нахмурился Саша. — Думать надо.

— Может, нам изменить внешность? — предложил Ваня.

— Как это? — не поняла Аня. — Наклеить фальшивые бороды, что ли? И мне тоже?

— Тебе остричь волосы и покраситься, — сказал Ваня.

— Разбежался! — возмутилась она. — Ни за что на свете!

— Ну и зря. По-моему стрижка под мальчика тебе пойдет.

— А вообще-то, идея неплохая — изменить внешность, — поддержал друга Саша. — Цветные волосы, например. Только придется что-то объяснять в институте и дома.

— А можно просто тёмные очки носить, — выступил Ваня с новым предложением.

— Во смеху-то будет! — сказала Аня. — Осень, дождь, а они в очках щеголяют, да ещё волосы крашеные — панки с больными глазами. В общем, цирк уехал, а клоуны остались!

— Очки — это неплохо, — всерьез рассуждал Саша. — Даже с простыми стёклами они здорово меняют лицо. Плюс, какая-нибудь вязаная шапочка, дурацкое пальто. Анюта просто сделает себе новую прическу. И очки — тоже не лишними будут.

— Господа офицеры! — тихо позвала Аня, — С вами всё в порядке? Ну, от тебя, Ваня, я еще могла ожидать такой бредятины, но от тебя, Сашенька… — она только руками развела.

— А что такого? — не понял Ваня. — Элементарные меры предосторожности.

— Эх вы, математики! Да наши фотороботы покажут людям, которые видели нас раньше. И тем, кто ищет «Фаэтон», будет особенно интересно узнать, что теперь эти чудаки изменили внешность.

— Да-а, — протянул Саша, — мы как-то об этом не подумали.

В комнате наступила тишина.

— Ну, хорошо, — наконец, произнёс Саша, — А шапку я всё равно надену. Холодает уже. И вообще для первой случайной встречи любая, самая примитивная маскировка не помешает.

— Ладно, убедил. Дальше что? — спросила Аня. — Допустим, «Фаэтон» мы спрятали, а они нас нашли и задержали.

— Будут пытать, — бесцветным голосом сообщил Ваня.

— Насчёт этого ничего не скажу, — так же спокойно произнёс Саша, — мы ведь людей из секретной лаборатории практически не знаем. Единственное, что известно: они ученые и, скорее всего, найдут средства более современные, чем пытки.

— Психотропные препараты? — сообразила Аня.

— Ну да, — сказал Саша. — Так что «Фаэтон» может стать и спасением нашим, и смертью.

— Риск — дело благородное, — тупо проговорил Ваня.

Разговор их заходил в довольно страшную область, и Аня инстинктивно решила переключить тему:

— А документы? — вдруг вспомнила она.

— Какие документы? — отреагировали мальчики практически в один голос.

— Да у вас что, мозги заблокировались?! — возмутилась Аня. — Забыли? Наши преследователи требовали не только прибор, но и всю документацию. А мы же этих бумаг в глаза не видели. Так что, отдавай «Фаэтон», не отдавай — ничего не изменится, — заключила она в отчаянии. — Всё равно нас будут пытать!

Эх, не удалось сменить тему…

— Но мы же сказали им, что ничего не знаем про документы, — буркнул Ваня, как обиженный ребенок.

— Так они тебе и поверили! — горько усмехнулась Аня. — Это даже обсуждать не хочется. Не отстанут они от нас. Думайте, думайте, что делать!

— Знаешь, Аня, я замечал, что заставить себя придумать что-нибудь нельзя, — поведал Ваня, — как правило, мысли сами приходят в голову.

— Философ! — рассердилась Аня. — Если не напрягать мозги, ни одной мысли вообще не будет.

— Получается какая-то ерунда, — Саша словно говорил сам с собою. — Без документов им прибор не нужен. Вот почему тот главный «папский легат» так спокойно освободил нам дорогу, когда мы убегали из пещеры. Бессмысленно было отбирать у нас «Фаэтон» и оставлять навсегда в средневековой Франции. Где потом искать документы? Генетик-то погиб в автокатастрофе. Мы — единственная ниточка к украденным бумагам. Хотя, скорее всего, это не бумаги, а диск. Все-таки двадцать первый век.

— Ты гений, Сашка! — обрадовался Ваня. — Если они не стали убивать нас там, значит, и здесь пылинки будут сдувать. Всё дело именно в этих документах. Надо только до последнего пудрить им мозги: то ли мы знаем, где они, то ли не знаем… В документах наше спасение. Конечно, для начала следует как можно дольше не попадаться врагам, но главное, самим найти

эти бесценные документы. Вот и всё! Анюта, не унывать! Мы ещё повоюем…

— Где ж мы будем их искать? — спросила Аня.

— Это — отдельная тема, — задумчиво проговорил Саша. — Возможно, генетик уничтожил документацию, но вероятнее, тоже спрятал — в другом месте.

— Слушайте, — с волнением произнесла Аня, — а вы уверены, что документов не было в развалинах дома? Диск занимает совсем мало места. Могли мы его не заметить?

— Нет, — уверенно сказал Саша. — Ничего, кроме «Фаэтона» и дневника, там не было. Я обшарил весь тайник.

— Ну, хорошо, допустим, он уничтожил диск, — предположил Ваня, — а прибор уничтожить не успел…

— Не похоже, — засомневался Саша. — Если следовать логике, он бы уничтожил всё и сразу, даже не вынося из лаборатории…

— Я понял, — заключил Ваня. — Запись в дневнике он сделал, чтобы всех запутать. Генетик с самого начала хотел всё сохранить, но только для себя, и в разных местах — разумеется, так надежнее: одно найдут — другое останется.

— Честно говоря, — произнёс Саша, — мне не всё понятно в этой истории. Получается, что этот генетик — очень коварный тип. Чего не скажешь по записям в его дневнике… И вообще ничего не сходится: зачем он спрятал дневник вместе с прибором?

— Бог с ним, с генетиком, Саша, — вдруг очень трезво рассудил Ваня. — Надо разыскать документы. Без них мы, как в мышеловке.

— Ну, и где ты собираешься их искать? — спросила Аня. — Это как в сказке: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что…Те, кто за нами гоняется, найдут нас раньше, чем мы — их документы.

— Постойте! — вдруг крикнул Саша. — Дневник! Мы же его до конца не дочитали. Вот чудаки! Я просто уверен, что там есть какая-нибудь зацепка…

Саша быстро достал дневник и принялся листать его.

— Так… тут описывается его путешествие в прошлую жизнь, не надо, дальше… — он перелистнул несколько страниц. — Тут он размышляет о непоправимом вреде для человечества, если прибор, попадет в грязные руки… тоже не надо… — наконец, Саша стал читать медленнее. — Вот, послушайте:

«… Какой же я болван! Есть ли смысл в том, что я унёс „Фаэтон“? Я хотел спасти мир, пусть это громко сказано, но это правда. Однако моя затея оказалась бессмысленной. У них есть все

чертежи и расчёты. Они сделают еще один точно такой же прибор. И как я сразу не понял? Конечно, они дублировали всю документацию. … И всё же. Я не собираюсь сдаваться…».

— А дальше что? — Аня и Ваня аж дышать перестали.

— Дальше вырван лист, — ответил Саша. — На последней странице есть ещё одна запись, но её невозможно разобрать. Всё зачёркнуто. И какие-то непонятные рисунки.

— Но что-то наверняка можно разглядеть? — не поверила Аня. — Дай сюда.

Девушка взяла тетрадь и стала сосредоточенно вглядываться в зачёркнутые строчки. Потом, подойдя к окну и плотно прижав лист, попробовала сквозь стекло смотреть на свет. Ребята застыли в ожидании.

— Ну? — нетерпеливо спросил Ваня. — Удалось что-нибудь разобрать?

— Так, отдельные слова, даже не фразы. Вот, послушайте:

«…он не сделает этого… я считаю иначе… блокировать волны и не дать им использовать…»

Девушка замолчала и перевела взгляд на ребят. Саша аккуратно записывал на листок то, что диктовала Аня.

— Всё? — спросил он.

Аня сделала еще одну попытку и через некоторое время добавила следующее:

«… посоветоваться с Алек… …собрать гр… друзья…… исправ…»

— Всё. Теперь точно всё, — выдохнула она, — больше ничего разобрать не могу.

Ребята задумались, уставившись в Сашин листок.

— Знаете, — медленно произнёс Саша, — возможно, генетик, задумал сделать другой прибор, своего рода «волногаситель», анти-«Фаэтон». Вот и не стал ничего уничтожать.

— Но он же генетик, а не физик! — удивился Ваня.

— Поэтому и хотел обратиться к друзьям, — Саша показал на слово «друзья». — «Собрать гр…» — это понятно: «собрать группу». Интереснее другое: «посоветоваться с Алек…» Это даёт нам шанс. «Алек…» — значит, скорее всего, Александр или Алексей. Уже проще искать…

— Скажу больше, — добавила Аня. — У этого «Алека» есть отчество, потому что следующее зачёркнутое слово начинается с заглавной буквы. Итак, солидный, немолодой человек, пользовавшийся авторитетом у нашего спасителя человечества, раз он посоветоваться хотел.

— Спаситель человечества? — усмехнулся Ваня. — Так и будем звать его.

— Длинновато, — заметил Саша, — и потому неудобно. Однако он сам себя так назвал… Ладно, короче. Ищем уважаемого человека по имени «Алек…». А там и до документов недалеко.

— Но мы даже не знаем фамилии генетика, — напомнила Аня.

— Дело техники, — сказал Ваня. — Мы знаем дом, где он жил. И даже этаж — первый. База данных — на что? Беру это на себя.

— Когда найдёшь соседей, живших с ним рядом, — добавил Саша, — мы опросим их, выявим круг друзей и родных нашего спасителя человечества.

— Хороший план, — одобрила Аня.

— Всё, я пошел домой, — объявил Ваня, — не терпится залезть в компьютер. Как только что-нибудь найду — позвоню.

— Я тоже пойду, — сказала Аня. — Готовиться надо к семинару. У нас такой преподаватель злющий! Может высмеять перед всей группой. И всё время цитирует Козьму Пруткова, не дай бог какую-нибудь глупость сказать.

— «Не ходи по косогору, сапоги стопчешь!», — вспомнил Ваня.

— «Не всё стриги, что растёт», — продолжил Саша.

— Вот именно, — подтвердила Аня. — А также «Зри в корень» и «Сон — лучший способ борьбы с сонливостью».

— Вот это правильно! — Ваня поднял вверх палец. — У кого из нас есть время поспать? У Саши? Нет, он должен караулить прибор.

— Фигу! У меня тоже дела. А караулить «Фаэтон» я поручу своему коту. Он у меня ученый.

Глава 3
ТРЕВОЖНЫЙ СОН

Яркие лучи утреннего солнца освещали просторную комнату, проникая через маленькие, высоко расположенные окна. Круглые деревянные колонны в виде стеблей лотоса грациозно поддерживали высокий потолок, искусно расписанный виноградными лозами и яркими цветами. Стены тоже украшали разноцветные росписи, изображающие сцены охоты, рыбной ловли, празднеств и паломничества в священные города. На каменном полу лежали красиво сплетённые циновки и множество маленьких и больших подушек. Около окна стояли низкие и высокие табуретки, подставки под ноги и стулья. Они были сделаны из драгоценного ливанского кедра и украшены богатой инкрустацией. Небольшие столики, располагавшиеся у стен, были уставлены прекрасными вазами с цветами, статуэтками богов, фигурками священных животных и резными шкатулками из дерева, эбонита и слоновой кости. Алебастровые светильники довершали интерьер. Их зажигали в тёмное время суток, и скрученные бумажные фитили, опущенные в масло, тихо потрескивали, наполняя просторный зал мягким светом и густым ароматом благовоний…

Закончив утреннее омовение, хозяин дома, носивший звучное имя Джедхор, сопровождаемый слугой, вышел из ванной комнаты. Это был смуглый мужчина лет сорока с весьма выразительным лицом. Большие миндалевидные глаза, широкие скулы, прямой длинный нос, слегка расширяющийся книзу, полные губы — все эти черты выдавали в нём человека знатного происхождения. Несмотря на возраст, он был строен и подтянут. На обнажённом торсе рельефно выступали мышцы.

После омовения Джедхор пребывал в малом утреннем облачении: в одной короткой набедренной повязке, без всяких украшений и босой.

— Ты знаешь, Апуи, — обратился он к слуге, — мне снился сегодня странный сон.

— Сон, который посылают нам боги, приносит часто добрый совет, — ответил слуга.

Джедхор помолчал немного, размышляя о чём-то, а потом, наклонившись к самому уху слуги, доверительно произнёс:

— Тревожный сон… Очень тревожный… Будто выехал я с друзьями на охоту в пустыню… Место для охоты мы выбрали заранее: глубокая долина, зелень, по краям крутые склоны. Слуги

перегородили долину сетями, оставив вход с двух сторон для диких животных, разложили внутри корм и воду. Когда всё было готово, вернулись домой… Всё, как обычно… Выждав положенное время, я выехал на колеснице, без возничего. Лук и стрелы — всё при мне. Слуги последовали за мной пешком, неся кувшины с водой и еду в пальмовых корзинах. Псари повели собак… Подъехали к долине. Друзья мои тоже прибыли туда на колесницах, со слугами и собаками. Мы спешились и, приблизившись к месту, увидели, что животных в загоне великое множество: газели, дикие буйволы, ориксы, страусы, антилопы, зайцы. Охота предвещала быть удачной… Мы натянули свои луки и выпустили стрелы. И вот на дичь обрушилось бессчётное множество стрел. Животные в панике стали метаться и искать выход… Псари спустили собак… Много всякой живности полегло… У нас была богатая добыча… — он перевёл дух и, немного помолчав, продолжил свой рассказ. — Когда охота подходила к концу, не знаю зачем, я вскочил в колесницу, чтобы догнать убегающую антилопу. И такой азарт охватил меня! Сколько стрел выпустил! Но ни одна не поразила её. Антилопа была неуязвима!.. Устав от бессмысленной погони, я прекратил преследование, наконец осознав, что не одолею эту быструю как молния антилопу. Я остановился, сошёл с колесницы и, оглядевшись, обнаружил, что нахожусь в незнакомом месте. Впереди ска?лы, кругом — пустыня и никого, ни одной живой души. Антилопа исчезла, как будто её и не было вовсе. И тут я осознал, что остался один среди раскалённых песков, и меня сковал великий страх. Я стал молиться богам, чтобы они услышали меня, указали путь и отвели беду…

Джедхор замолчал и посмотрел на Апуи.

— Воистину, остаться в пустыне одному без воды и хлеба — великая опасность. Даже если это сон — это страшный сон, — произнёс слуга. — Что же было дальше?

— Я долго молился, а затем направился к скалам. Стал подниматься вверх, чтобы осмотреться, и вдруг услышал страшный рёв. Я обернулся. Из расщелины вышел… лев. Глаза его горели страшным красным всепоглощающим огнём. Он оскалил пасть и двинулся прямо на меня. Бросив лук и стрелы, я начал быстро карабкаться по скалам. Лев прыжками кинулся за мной и почти настиг…

Джедхор прервал свой рассказ, провёл рукой по лбу, на котором выступили капельки пота, и направился в середину комнаты к низенькому табурету со скрещенными ножками.

Слуга последовал за ним.

Усевшись и положив ноги на мягкую подушку, Джедхор

продолжил:

— Я бежал от хищного зверя к отвесной скале — единственному месту, которое могло спасти меня. «Если я смогу взобраться на неё, то лев не допрыгнет до меня», — думал я… Но добежав, с ужасом обнаружил, что оказался в ловушке. Скала была слишком отвесной, без единого выступа. А справа и слева — пустыня… Я прижался спиной к горячим камням и закричал что было сил, призывая великую богиню Мут, чтобы она услышали мои мольбы, стала щитом моим, чудесным спасителем моим… Лев уже приблизился ко мне на расстояние одного локтя[1]. В его глазах горела ненависть и яростное желание разорвать меня. Слюна стекала из хищной полуоткрытой пасти. Острые зубы этого свирепого зверя поблёскивали, как лезвия ножей… — Джедхор передёрнулся, вспоминая ночной кошмар и, немного помедлив, переведя дух, продолжил: — Я закрыл глаза и приготовился к смерти. Страх сковал все мои члены. Я не мог пошевелиться, не мог дышать… Я уже чувствовал тяжёлое дыхание злобного зверя и понял, что смерть неизбежна… Смерть не внемлет мольбам, её не смягчить никакими молитвами…

Приближающиеся шаги не дали Джедхору закончить рассказ.

В комнату вошёл невысокий мужчина. Это был цирюльник, который ежедневно посещал своего господина: брил ему голову, щёки и подравнивал короткую квадратную бородку. Низко поклонившись хозяину и пожелав ему, как обычно, жизни, здоровья и могущества, он подошёл к маленькому столику, где стоял красивый ларец из чёрного дерева. Ларец был инкрустирован слоновой костью и полудрагоценными камнями, а боковые стороны расписаны изящным рисунком. Открыв его и вынув несколько кожаных футляров, в которых хранились бритвы, цирюльник направился к Джедхору.

Апуи поспешил принести таз и кувшин с водой. Цирюльник, достав из кожаного футляра бритвенные принадлежности, приступил к обычной процедуре. Слуга внимательно следил за его движениями. Осторожность и бдительность были отличительной чертой преданного уже немолодого слуги. Цирюльник приходил по утрам в дом Джедхора уже на протяжении многих лет, но всё же никогда Апуи не оставлял его один на один с хозяином.

Апуи был лет на семь старше Джедхора. Этот, на первый взгляд, невзрачный человек невысокого роста, худой, с маленькими умными глазами на смуглом лице и горбатым носом, являлся на деле «правой рукой» господина. Он не был рабом, как многие другие слуги, а относился к привилегированной категории слуг. Апуи был свободным гражданином Великой Та-

Кемет (Великой Чёрной Земли), или, как её ласково называли граждане, Та-мери (Любимая Земля). Позднее греки дали имя этой земле — Египет. Правители Великой Та-Кемет именовали себя властителями Двух Земель, то есть властителями Верхнего и Нижнего Египта.

Апуи, верный слуга и помощник во всех делах, всегда сопровождал своего хозяина и всегда был рядом с ним. Он выслушивал доверительные признания Джедхора, давал советы, участвовал в домашних разбирательствах. В общем, обладал значительным влиянием. Также, в его обязанности входило накрывать на стол и прислуживать во время еды. Апуи не был бедняком, у него тоже были слуги и несколько рабов. Жил он в основном в большом доме Джедхора, хотя имел своё небольшое поместье, где обитала его семья. Он мог в любой момент уйти от своего господина, так как являлся свободным гражданином, но Апуи был слишком предан и привязан к Джедхору. За долгие годы службы, он научился понимать своего хозяина с полуслова, всегда знал, в каком он расположении духа и по возможности пытался оградить Джедхора от мелких бытовых неприятностей. Обладая острым и гибким умом, он давал своему господину дельные советы. Никогда не плёл интриг, был честен и искренен. Джедхор ценил преданность слуги и часто одаривал Апуи и его семью подарками и милостями.

…Цирюльник уже побрил голову Джедхору и приступил к бритью щёк. В этот момент в комнату вошли старший управляющий и писец. Быстрыми шагами они направились к хозяину, для того чтобы представить отчёт и записать приказы и распоряжения на день. Следом вошли другие слуги и расположились в ожидании недалеко от цирюльника. В их обязанности входило делать массаж своему господину, маникюр, педикюр и умащать тело благовониями. В руках они держали небольшие сосуды из обсидиана и алебастра, в которых хранились драгоценные мази, масла и духи?. Настоящие благовония были большой редкостью. Особенно мирра, которую доставляли из Пунта — страны, находящейся у берегов Красного моря в Восточной Африке. Путь туда после долгого перерыва вновь открыла знаменитая царица Хатшепсут, снарядив экспедицию в волшебную «страну богов», названную так потому, что мирра была непременным атрибутом религиозных церемоний. Правда, в некоторых местах восточной пустыни Великой Та-Кемет росли драгоценные фисташковые деревья, чью смолу возжигали в храмах и домах, но богам больше нравились благовония страны Пунт. Поэтому драгоценные масла и смолы, используемые для умащения и воскуривания, запирались в ларцы

и хранились в комнатах хозяина и хозяйки. Чтобы в жару избавиться от запаха пота и защитить кожу от ожогов, жители каждый день натирались специальной мазью, в состав которой входили скипидар, ладан и другие компоненты. Но богатые люди, такие, как Джедхор, использовали вместо ладана мирру. Кража бесценных благовоний считалась серьёзным преступлением. В доме устраивали разбирательство и наказывали виновного десятками ударов палкой.

Управляющий развернул свиток папируса и стал докладывать о состоянии дел в имении. Ежедневный отчёт входил в его обязанности. Писец, сидя на корточках рядом с хозяином, держал в руках кисточку, чернила и папирус. Он приготовился записывать приказы и распоряжения господина.

Джедхор внимательно выслушал отчёт. Лицо его стало довольным. Казалось, хорошее расположение духа вновь вернулось к нему.

— Принеси мне пива, — обратился он к Апуи.

Слуга взял серебряный кувшин, инкрустированный золотом, такой же кубок, и, налив пива, поднёс его хозяину.

Отпив несколько глотков, Джедхор начал диктовать писцу распоряжения на день.

Цирюльник, наконец, закончив свою работу, отошёл в сторону. Апуи поспешил принести гладко отполированное серебряное зеркало в золотой оправе с изящной ручкой из слоновой кости, чтобы хозяин смог взглянуть на работу парикмахера.

Джедхор посмотрел на своё отражение и остался вполне доволен. Голова и щёки были гладко выбриты, а узенькая квадратная бородка аккуратно подстрижена.

Цирюльник, внимательно следивший за выражением лица Джедхора, с облегчением вздохнул и улыбнулся. Уложив инструменты обратно в ларец, он низко поклонился и вышел, уступая место другим слугам, в чьи обязанности входило делать массаж вельможе и умащать его тело благовониями.

Когда и эта процедура была закончена, один из слуг принёс два маленьких мешочка, в одном из которых находился растёртый в порошок малахит. Насыпав немного зелёного порошка в хрустальную чашечку и смешав его с маслом, слуга нанёс эту смесь маленькой палочкой на веки хозяина. Затем он открыл другой мешочек и высыпал из него немного чёрного порошка на дощечку. Смешав и его с маслом, он аккуратно подвёл глаза Джедхору чёрной краской. В моде были именно миндалевидные глаза, и эту процедуру делал каждый уважающий себя гражданин Великой Та-Кемет. Тем более что такой грим

предохранял нежные веки глаз от воспаления, вызываемого слишком ярким солнцем и пылью.

Закончив утреннюю процедуру, выслушав отчёты и отдав распоряжения, Джедхор распустил слуг и остался наедине с Апуи.

Хозяин подошёл к маленькому столику, на котором лежали хлеб, мясо и фрукты, уселся на стул с высокой спинкой и приступил к трапезе.

Апуи поставил на край столика тазик и кувшин с водой, чтобы хозяин мог ополоснуть руки.

— Так чем же, господин, закончился сон? — обратился слуга к Джедхору, поливая ему на руки воду из кувшина.

Джедхор взял льняную салфетку со стола, вытер руки и продолжил свой рассказ:

— Прижавшись спиной к скале и зажмурившись, я ждал своей смерти. Ужас, охвативший меня, был очень велик, я боялся даже взглянуть в налитые кровью глаза дикого зверя… И так простоял достаточно долго. Потом странное волнение охватило меня: в какой-то момент я вдруг забыл о смерти. Просто перестал о ней думать. «Почему лев не нападает?» — думал я. Мой внутренний голос твердил: «Открой глаза». Я подчинился этому приказу и увидел странную картину…

Апуи, внимательно слушая Джедхора, не забывал про свои обязанности. Он взял кувшин с пивом с соседнего столика, налил в кубок немного золотистого напитка и подал хозяину.

Облокотившись на спинку кресла и потягивая пиво, Джедхор принялся рассказывать дальше:

— Лев, как испуганный шакал, пятился назад, присев на задние лапы. Его глаза были устремлены вверх. Я тоже поднял голову. Наверху скалы стояла газель и смотрела на свирепого хищника. В лучах яркого солнца она казалась золотой. Её шерсть переливалась необычным сиянием. Я в растерянности застыл на месте. Через некоторое время к газели присоединилась ещё одна газель, а потом ещё одна. Их было три. Они стояли и гордо смотрели на пятившегося льва. Я не мог оторвать от них своего взора. Животные притягивали к себе и в то же время были недоступны, неуловимы, как мираж… Я даже забыл о хищнике… А когда пришёл в себя, льва уже не было. Газели тоже исчезли. Благодаря и восхваляя богов за чудесное спасение, я спустился со скалы и направился в сторону колесницы… Каково же было моё удивление, когда, подойдя к ней, я увидел трёх газелей. Они спокойно стояли рядом с лошадьми и как будто говорили мне: «Следуй за нами»… Я сел в колесницу. Газели устремились вперёд, и я тронулся вслед за ними. Через некоторое время показались стены родного города… — Джедхор остановился и

отпил большой глоток пива.

— И что же газели, господин? — допытывался слуга.

— Сон мой оборвался на этом месте.

Наступила пауза. Хозяин молча сидел в кресле и не спеша допивал пиво. Апуи стоял рядом и задумчиво теребил в руках амулет-подвеску из сердолика в виде жука-скарабея. Этот амулет на длинном кожаном шнурке всегда висел у Апуи на шее. На лицевой стороне был выгравирован скарабей, а на оборотной имя владельца: «Апуи».

Носить на себе изображение скарабея — значило жить под знаком жизни, то есть обеспечить себе достойную жизнь и долголетие. Ведь жук-скарабей — священное насекомое. Действия скарабея напоминали жителям Древнего Египта движения Солнца на небосклоне. Весной множество этих жуков-навозников выползало из-под земли. Египтяне были уверены, что они возвращались из подземного Царства мёртвых. Скарабеи, запасаясь едой, задними лапками перекатывали шарик навоза, притом, по мнению жителей Великой Та-Кемет, всегда в одном направлении — с востока на запад, совсем как Божественный Скарабей в их легендах, который выкатывал на небосклон Солнце. Многие горожане носили амулет-талисман в виде этого насекомого, но немногие могли себе позволить приобрести амулет из сердолика, яшмы или лазурита. Простые жители носили амулеты из дешёвого фаянса. Производство фаянсовых украшений и талисманов в городах Египта было поистине массовым. Песка в стране было много. Направо пойдёшь — песок, налево — тоже. А для изготовления фаянса он как раз и нужен — песок, содержащий много кварца. Его перемалывали в порошок, полученную массу засыпали в форму и ставили в печь. После обжига поверхность изделия покрывалась стекловидной плёнкой, делавшей предмет гладким и блестящим.

Амулет-скарабей, который носил на шее Апуи, был подарен Джедхором. Слуга очень дорожил талисманом и никогда с ним не расставался. Амулет, подаренный от чистого сердца, имел двойную силу. Размышляя, Апуи всегда брал его в руки. Ему казалось, что через прикосновение к священному талисману придёт просветление мыслей. Когда на душе у Апуи было тревожно, он также брал в руки амулет, и сердце его успокаивалось.

— Что скажешь, Апуи? — прервал размышления слуги Джедхор.

— Сон твой поистине необычный. Он послан тебе богами. Они знают все человеческие помыслы и могут в любой момент вмешаться в дела людей… Но что он означает?

— Я думал об этом всю оставшуюся ночь и утро, — задумчиво произнёс Джедхор. — В стране сейчас неспокойно. И этот сон, возможно, предупреждает меня о чём-то… Владыка Та-Кемет Тутанхамон ушёл в Страну вечности… Такой молодой! Великая Жена Анхесенамон (да будет она жива, невредима и здорова!) безутешна… Трон свободен. Она никак не может выбрать себе нового мужа, а ведь до погребения Тутанхамона осталось всего несколько дней… Несколько дней, чтобы объявить нового властителя Двух Земель…

— Да… — протянул Апуи. — Будь у неё сын, ей не нужно было бы искать себе нового мужа. Анхесенамон (да будет она жива, невредима и здорова!) могла бы быть регентом при малолетнем сыне-властителе.

Джедхор поставил серебряный кубок на стол, встал и прошёлся по комнате. Потом остановился и, устремив свой взор на дверь, обратился к слуге:

— Закрой дверь, Апуи. Здесь повсюду уши.

Апуи поспешил выполнить распоряжение хозяина. Выглянув в соседнюю комнату и оглядевшись, он плотно прикрыл дверь и подошёл к Джедхору.

— Визирь Аи готов занять освободившееся место владыки Двух Земель, — тихо произнёс Джедхор. — Этот старый ловкий хитрец держит Анхесенамон полностью в своей власти. Женитьба на ней даст ему безграничную власть. Ему мало быть Верховным жрецом и визирем, ему нужен трон. Смерть молодого властителя, я думаю, была неслучайной, — шёпотом проговорил он в самое ухо Апуи.

— Власть он имел и при Тутанхамоне, — так же тихо произнёс Апуи. — Но мальчик стал подрастать, и влияние Аи на повелителя ослабело. Тутанхамон сам захотел принимать решения и властвовать. Ему надоела опека вездесущего визиря… Девять лет Аи безраздельно правил Великой Та-Кемет, находясь в тени. И сейчас, после смерти Тутанхамона, у него появилась возможность закрепить за собой право быть абсолютным властителем нашей страны. Но, похоже, эту возможность он сам себе предоставил. Тутанхамон совсем недавно был здоров и невредим. И вдруг — смерть. Странная смерть… Я тоже думаю, что смерть правителя была неслучайной, — шёпотом заключил Апуи.

Джедхор походил по комнате, затем приблизился к столику с едой и сам налил себе пива.

— Анхесенамон не хочет брать Аи в мужья, — уверенно произнёс он. — Я думаю, она догадывается о причинах смерти её восемнадцатилетнего мужа. Ты ведь знаешь, что она писала

хеттскому правителю, чтобы тот прислал ей одного из своих сыновей… Два раза писала. Она хочет взять одного из них себе в мужья. Анхесенамон не доверяет своим приближённым и не ждёт от них помощи, её окружают люди визиря, следят за каждым её шагом. Чтобы увидеть владычицу, нужно выпросить благоволения у Аи… Она боится его, — шёпотом произнёс он. — Хетты — её последняя надежда. Но почему она так боится Аи? Я не думаю, что он намерен убрать её после женитьбы. А если он и задумал это, то по какой причине? Чем она может помешать ему, если он, женившись на вдове, станет владыкой Двух Земель? Он будет править страной так же, как и раньше.

— Я тоже не понимаю её настороженности, — медленно произнёс Апуи. — Она ищет поддержку у иноземцев. Значит, для этого есть веские причины. И о них знает её мать, Нефертити, потому что именно она, как ты помнишь, господин, научила её написать хеттскому правителю.

— Да, — подтвердил Джедхор. — Божественная Нефертити очень мудрая женщина. Да будет она жива, невредима и здорова! Не может мать дать плохой совет дочери. Но знает ли о письме Аи? Знает ли он, что задумала Анхесенамон? Кажется, он вполне уверен, что вдова возьмёт его в мужья. Мне стало известно, — тихо произнёс он, — что Аи уже заказал свадебное кольцо с выгравированными на нём именами: своим и Анхесенамон. А на стене гробницы Тутанхамона он приказал высечь своё имя в картуше[2]. Это немыслимо, он уже чувствует себя полноправным властителем. Такого ещё не бывало в истории Великой Та-Кемет!

— Да, — согласился Апуи. — Аи слишком самоуверен. И, пожалуй, он убеждён, что будет владыкой Двух Земель.

— Можно себе представить, — с усмешкой произнёс Джедхор, — что будет с Аи, если Анхесенамон не возьмёт его в мужья и божественный трон владыки Двух Земель достанется хетту. Аи сразу потеряет власть, а возможно, и титул Верховного жреца Амона.

— Хетты сильный народ, — подхватил Апуи. — Если Анхесенамон выйдет замуж за сына хеттского правителя Суппилулиумы, то Аи несдобровать. Хетты не любят, когда им мешают править.

— Страна Хатти сейчас сильна как никогда, — заключил Джедхор, — и всё благодаря поистине их могущественному властителю Суппилулиумы. Границы его государства расширились до небывалых размеров. Я думаю, при сильном и независимом муже-хетте (а сыновья Суппилулиумы не уступают отцу) Анхесенамон некого будет бояться. Пожалуй, вся знать и жрецы, которые сейчас трясутся и падают ниц при виде Аи и ни

во что не ставят молодую владычицу, будут трястись перед новым властителем-хеттом и, конечно же, его молодой женой Анхенсенамон. Хетт не даст жрецам безраздельно господствовать. Он не будет ни с кем делиться властью, тем более с Аи. — Джедхор ненадолго задумался. — Если всё так, как мы думаем, Нефертити — великая женщина. Она сразу поняла как отстранить жрецов от власти и обеспечить спокойную жизнь дочери. Выйти замуж за хетта, сына правителя могущественного государства Хатти — неожиданный и очень хитрый политический ход… Но всё же, — с тревогой в голосе произнёс он, — ты думаешь, Аи раскусил намерения вдовы?

— Во дворце, где живёт Анхесенамон, слишком много людей Аи. Повсюду его уши и глаза. И сейчас, во время семидесятидневного траура, Аи особенно бдителен, — сказал Апуи.

Джедхор уселся на стул с высокой спинкой. Апуи заботливо подложил ему под спину подушку.

— Пожалуй, Суппилулиума слишком подозрителен, — стал размышлять Джедхор. — Получив первое письмо Анхесенамон, вместо того чтобы отправить своего сына, он прислал послов. Думаю, на разведку. Анхесенамон, естественно, не ожидала этого. И её можно понять. У неё мало времени. До погребения Тутанхамона (а осталось не так много дней) ей нужно назвать имя будущего мужа. Послам она вручила второе письмо правителю Хатти и те благополучно уехали. Но пока сын хеттского правителя не прибыл во дворец. Почему он медлит? Это не в его интересах. Стать правителем Великой Та-Кемет — поистине великое счастье для иноземца, — заключил Джедхор.

— То, что вместо сына Суппилулиумы прибыли послы — это вполне понятно, — размышлял Апуи. — Он, должно быть, не поверил Анхесенамон. Вероятно, решил, что это какой-то хитрый политический ход. Суппилулиума ведь завоевал земли, платившие дань Та-Кемет. И ему, в связи с этим, кажется, что великая держава что-то замыслила против него. Например, убить его сына, чтобы наказать воинственного хеттского правителя. Он опасается, поэтому и не прислал сразу сына… Хетты сейчас очень сильны, но Великая Та-Кемет поистине могучая держава. Он сомневается, что божественная владычица Двух Земель может взять себе в мужья хетта, ведь тогда Великой Та-Кемет будет править иноземец! А такого ещё не случалось.

— Ты прав, — сказал Джедхор. — Сомнения Суппилулиумы небезосновательны. Сейчас у нас с Хатти очень непростые отношения. Суппилулиума захватил многие земли, которые платили нам дань. Подношения и подарки от этих земель теперь

текут не в нашу казну, а в казну Хатти. Но всё равно, наша держава ещё крепка, и Суппилулиума побаивается Великой Та-Кемет. Думаю, что он даже не мог мечтать о родстве с такой великой державой, как наша.

— Ещё бы! Отсюда и подозрительность, — заключил Апуи и снова перешёл на шёпот. — И потом, Тутанхамон был молод. Поверить в то, что владыка умер, очень трудно. Подозрения Суппилулиума оправданны.

— Сдаётся мне, что, когда послы Суппилулиумы прибыли во дворец, Аи сразу всё понял, — размышлял Джедхор. — Не знаю, что предпримет этот хитрый жрец, но трон просто так не отдаст, тем более какому-то чужеземцу. Он сам всеми правдами и неправдами стремится жениться на вдове… Послы уехали уже давно и увезли с собой второе письмо Анхесенамон, — задумчиво произнёс он. — Возможно, на этот раз Суппилулиума пришлёт ей одного из своих сыновей. У него остаётся мало времени. Скоро похороны. После погребения Тутанхамона вдова должна объявить нового правителя… Но всё же, почему Анхесенамон так боится Аи? Или она боится за свою жизнь?

За дверью послышались шаги.

— Кто-то идёт, — недовольно сказал Джедхор. — Я же просил не мешать мне во время утренней трапезы.

Дверь отворилась. В комнату быстрыми шагами вошёл молодой человек.

— Жизнь, здоровье, могущество! — поприветствовал он хозяина и низко поклонился. — Божественная мать Великой Жены владыки Двух Земель, Нефертити, желает видеть тебя.

— Я немедленно прибуду к ней. Да будет она жива, невредима и здорова! — взволнованно ответил Джедхор.

Посланец ещё раз низко поклонился и вышел. Апуи прикрыл за ним дверь и вернулся к хозяину.

— Великая Нефертити так рано никогда не принимала, — удивился Джедхор. — Что-то случилось…

— Она всегда доверяла тебе, — ответил слуга. — Ты один из немногих, кто не покинул её в годы опалы. Ты остался предан ей.

— Я многим обязан великой и божественной Нефертити. Это она возвысила меня. И то, что я сейчас имею, — это её милость. Я ел её хлеб, когда она была Великой Женой владыки Двух Земель. Да будет она жива, невредима и здорова! Я верно служил ей. Она доверяла мне самые трудные разбирательства. Я был и судьёй, и советником одновременно. Я клялся ей в верности и так же следую своему сердцу теперь, когда она в опале. Разгневанные жрецы Амона не хотят видеть её в столице и разлучили её с дочерью.

— Это неудивительно, — подтвердил Апуи. — Ведь ты же помнишь, господин, какое время было. Её муж, Эхнатон, бывший владыка Двух Земель, закрыл восемь храмов Амона в столице, выселил жрецов, сместил знатных людей со своих постов. В общем, сделал жизнь в столице невыносимой. Жрецы Амона, до этого имевшие огромную власть и богатства и фактически правившие страной, остались ни с чем. Эхнатон у них всё отобрал.

— О, как беспощадно он всё уничтожал! — поддался воспоминаниям Джедхор. — Но самое страшное, что он сделал, — уничтожил мемориальную табличку своего отца. Стёр его имя в храмах.

— Поистине жестокое решение. Стереть имя со стен храмов равносильно убийству. Теперь его отец не сможет жить в Царстве вечности, в Царстве мёртвых. Его душа в загробном существовании обречена на разрушение.

— Да, — медленно произнёс Джедхор, — столицу Эхнатон безжалостно опустошил. Жрецы Амона остались не у дел. Двенадцать лет они влачили жалкое существование после того, как Эхнатон порвал с ними, построил новую столицу и переехал туда. Сейчас, после смерти Эхнатона, как видишь, они опять набирают силу. И опять захватили власть в стране. И Аи стоит во главе. А ведь когда-то он так же отверг бога Амона. Устремился с Эхнатоном в новую столицу и поклонялся другому богу. Ты помнишь, как Эхнатон возвысил его? Конечно, он же был отцом его любимой жены Нефертити. А какими титулами он наградил Аи! «Отец Бога», «Тот, кому доверяет добрый божественный владыка на целой земле», «Первый из соратников владыки Двух Земель», — Джедхор скривил лицо и поморщился.

— Воистину, Эхнатон высоко вознёс Аи, — подтвердил слуга.

— И сейчас, после смерти Эхнатона, Аи всё так же на вершине власти.

— И вновь поклоняется старому богу Амону, — продолжил Апуи мысль хозяина. — Более того, Аи — Верховный жрец Амона… Он прочно закрепил свои позиции при Тутанхамоне. Да… практически он управлял страной вместо малолетнего правителя. Тутанхамон взошёл на трон, когда ему было всего девять лет. Разве ребёнок мог вершить великие дела?

— Это понятно. Да и жена его Анхесенамон была слишком молода. Вот Аи и решил помириться со жрецами Амона после смерти Эхнатона, искал поддержку среди жрецов и бывшей знати. Естественно, чтобы закрепить свою власть, объявил себя Верховным жрецом Амона, — продолжал вспоминать Джедхор. — Аи быстро забыл, кому молился при старом властителе. Но мы-то

помним, как он возносил бога Атона и совершенно презрел всеми почитаемого Амона!

— О своей дочери Нефертити он также запамятовал, — шёпотом сказал Апуи. — Кем бы он был без неё?.. Сейчас все его силы брошены на то, чтобы жениться на своей внучке. Теперь его забота — не потерять власть. Принять Нефертити в столицу он не желает. Она слишком умна и может повлиять на дочь.

— Да, — поддержал слова слуги Джедхор, — сейчас у Нефертити трудные времена. Дочь её в столице, а она здесь, в Меннефере, великом городе бога Птаха. Но боги не покинули её. Могущественный Птах оберегает Нефертити.

— Да, воистину, боги видят всё, они могущественны и всесильны, — сказал Апуи. — Прекрасную Нефертити они не оставят.

— Я молюсь за неё каждый день! — горячо произнёс Джедхор. — Да будет она жива, здорова и невредима! Я воскуриваю благовония у алтаря и прошу богов даровать ей мир и спокойствие сердца, молю, чтобы она оставалась в милости у богов.

— А Аи молится великому Амону, — ехидно заметил Апуи. — Но не во славу своей дочери Нефертити, которая возвысила его, дала ему хлеб. Он просит богов даровать ему власть.

Высказав едкое замечание в адрес Верховного жреца Амона, Апуи направился к резному столику, ножки которого были сделаны в виде львиных лап, а хорошо отполированная деревянная столешница сияла богато инкрустированным золотым орнаментом в виде диковинных птиц и зверей. На столе стояла не менее изящная шкатулка. В ней хранились драгоценности хозяина, которые он надевал, выходя из дома. Осторожно взяв шкатулку в руки, Апуи пронёс её через всю комнату и поставил на столик перед господином. Открыв ларец хитроумным устройством, отдалённо напоминающим ключ, он достал красивое ожерелье из шести рядов бус с золотыми застёжками в виде соколиных голов. Великое множество удлинённых и круглых бусинок из сердолика, полевого шпата и цветного стекла делало ожерелье ослепительным. А искусно выполненные золотые застёжки внушали почтение и уважение к владельцу нагрудного украшения.

Аккуратно надев ожерелье на шею Джедхора, Апуи извлёк из шкатулки подвеску-амулет. Длинный шнурок подвески был унизан бусинами каплевидной формы из яшмы, сердолика и других разноцветных камней, а квадратный кулон размером с ладонь представлял собой изящно исполненное украшение из золота, в середине которого находился скарабей, в окружении

соколов. Туловище скарабея было сделано из сердолика. Маленькие тонкие ножки из золотых нитей поддерживали красное солнце, обрамлённое золотым ободком. Сидевшие по бокам соколы словно охраняли священное насекомое. Их оперенье состояло из мельчайших камешков лазурита и бирюзы, великолепно смотревшихся в золотом обрамлении. Головы соколов были повёрнуты в сторону маленького красного солнца, а в когтях они держали священный символ «анх», означающий жизнь и символизирующий долголетие и могущество.

Апуи передал подвеску Джедхору, и тот сам надел её поверх ожерелья.

— Но что же всё-таки означает мой сон, Апуи? — задумчиво спросил Джедхор.

— Твой сон, господин, послан тебе богами, — повторил слуга уже высказанную ранее мысль. — Растолковать его могут только в «Доме Жизни». Лишь мудрые жрецы-толкователи знают тайный смысл магических текстов, только им известно, что происходило раньше и что произойдёт в будущем. Жрец-толкователь будет твоим проводником, он раскроет тебе скрытое предупреждение богов, будет посредником между тобой и божеством, пославшим тебе сон.

— Ты думаешь мой сон — предупреждение свыше?

— Возможно, — ответил слуга. — Взгляни, что происходит вокруг. Хотя мы и далеко от столицы, но тревожные события коснулись и нас. Нефертити просила тебя найти надёжного человека, для того чтобы вести переписку с дочерью. Своим людям она не доверяет. Аи вездесущ. Его люди повсюду. И сейчас Нефертити ты нужен. Возможно, у неё к тебе очень срочное дело, раз она в столь раннее утро прислала слугу. Теперь ты понимаешь, что сон навеян тебе богами?

— Да, похоже, ты прав, — ответил Джедхор.

— Жрец-оракул растолкует твой сон, и если он окажется недобрым, то с помощью заклинаний он отведёт от тебя беду. Ты получишь от него хлеб, смоченный в пиве, над которым он прочтёт заклинание, размажешь этот хлеб по лицу и будешь надеяться, что беды не случится.

— Да, жрецы — великие толкователи снов. Ты дал мне хороший совет. Но сначала я должен увидеть божественную Нефертити. Я нужен ей.

Слуга подал хозяину золотые браслеты на запястья и великолепное кольцо тонкой работы. Без всех этих украшений ни один знатный вельможа не покидал своего дома.

Джедхору осталось сменить домашнюю набедренную повязку на гофрированное платье-тунику из тонкого льна и поверх туники

надеть широкий гофрированный пояс, который завязывался таким образом, что спереди имел вид передника трапециевидной формы. Это был обязательный атрибут облачения.

Когда же процедура переодевания была закончена, Апуи приказал запрячь колесницу.

Очень скоро Джедхор выехал на богато украшенной колеснице, запряжённой двумя сирийскими жеребцами в направлении дворца великой Нефертити. А следом торопливо, чтобы не отстать, бежали слуги, в обязанности которых входило сопровождать хозяина во всех его передвижениях.

Глава 4
КТО ЕСТЬ КТО

— Ну когда же он придёт? — возмущалась Аня. — Звонил сорок минут назад, сказал, чтобы я быстро шла к тебе, а сам куда-то пропал.

Саша молча смотрел, как Аня нервными шагами ходила по комнате.

— Может, с ним что-нибудь случилось? — предположила она.

— Да не волнуйся ты так, — стал успокаивать её Саша. — Ты что, Ваньку не знаешь? Сейчас явится. И такое напоёт в своё оправдание — заслушаешься!

— А вдруг его схватили наши преследователи? — не унималась Аня.

— Конечно, — хмыкнул Саша. — Приковали к батарее в подъезде и пытают паяльной лампой.

— Шутка не слишком удачная, — поморщилась Аня.

— Зато… — Саша не успел договорить — раздался звонок в дверь, и он на ходу переделал фразу: — Зато гость долгожданный.

— Сейчас этот гость у меня получит!.. — грозно прищурилась Аня, направляясь в прихожую.

Саша распахнул дверь без всяких предосторожностей и тут же пожалел о своем легкомыслии. Аня у него за спиной тихо вскрикнула и тут же зажала рот ладошкой. «Теперь так нельзя, — пронеслось в голове у Ветрова. — Кончилась спокойная жизнь, каждую минуту надо ждать неприятностей и готовиться к ним…»

Впрочем, стоявший в дверях незнакомец пока не проявлял агрессивности. Несколько секунд все трое рассматривали друг друга, а затем Аня первая схватилась за живот и стала хохотать в голос. Смех оказался заразительным, и скоро они покатывались уже втроём с Ваней.

Конечно, это был Иван Оболенский, собственной персоной. Он плотно закрыл за собою дверь и сказал строго:

— Хватит ржать на весь дом. Соседи сбегутся.

Но после нервного напряжения остановиться было трудно, особенно на Аню смешливость напала жуткая. Наконец, Саша с трудом выдавил из себя:

— Ну, Вань, ты даёшь! Что это за маскарад?

— Я буду называть тебя товарищ Иван, — предложила Аня.

— Точно, — усмехнулся Саша. — На князя он теперь совсем не тянет.

Ваня подошёл к большому зеркалу в прихожей и придирчиво оглядел себя с ног до головы: не пострадал ли маскарад дорогою?

На нём были старая кожаная кепка, такая же древняя и вытертая куртка а ля Дзержинский, подпоясанная солдатским ремнём, и высокие армейские башмаки несколько из другой эпохи. В довершение на носу громоздились очки в металлической оправе с круглыми, слегка затемнёнными стёклами, а верхнюю губу украшали вполне профессионально изготовленные накладные усы.

— Где ты всё это взял? — удивился Саша.

— Куртка, ремень и кепка — дедовские, он ещё в молодости носил, а башмаки двоюродный брат подарил, когда из армии вернулся в прошлом году. Он в десантном спецназе служил. Между прочим, обалденно удобные, для походов — просто супер! Что там еще? Очки — дома валялись. А усы — это моя гордость. Сосед по подъезду в театральном учится. Я у него их видел как-то, ну и попросил…

— Знаешь, кого ты мне напомнил из классики? — сказала Аня. — Смотрителя училищ из «Ревизора».

— «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» — процитировал Саша. — Есть что-то… Но у меня другая ассоциация: приладить кобуру сбоку и — настоящий Глеб Жеглов получится.

— «Место встречи изменить нельзя», — с удовольствием вспомнил Ваня. — Мой самый любимый фильм из старых… — Ваня поискал глазами, взял из-под зеркала трубочку с кремом для обуви, пристроил её в руках так, будто это пистолет, набычился, сделал страшное лицо и прохрипел голосом Высоцкого: «Горбатый! Я сказал, Горбатый!»

Ребята еще раз покатились со смеху.

— Ванька, тебе самому надо было на актерский поступать, — оценила Аня.

— Неплохо, — сдержанно похвалил Саша. — До Высоцкого далековато, конечно, но для работы в тылу врага — сойдет.

— Вообще-то я для маскировки всё это напялил, — слегка обиделся Ваня. — И сейчас не лучшее время, чтобы хохмить.

Саша посерьезнел, и Аня перестала улыбаться.

— Сказать честно? — предложила она. — Усы с очками — нормально, а вот наряд такой мне не нравится. С тобой рядом ходить стыдно — оглядываться будут, засмеют. Скажут, что за красноармеец такой к тебе приклеился?

— И пусть говорят, — Ваня уже начал сердиться. — Мы делом будем сегодня заниматься?

— Будем, — согласился Саша. — Список принёс?

— Конечно, — он вынул из кармана сложенный вчетверо листок. — Вот вы смеётесь надо мной, а я ещё успел провести «разведку боем».

— Какую «разведку боем»? — не поняла Аня.

— Обошёл близлежащие дома, ну, вокруг тех развалин, где мы нашли «Фаэтон». Вступил в контакт с местными старушками по поводу жильцов из старого дома.

— Старушки в бою стояли насмерть, — прокомментировал Саша.

— Но и товарищ Иван, не собирался сдаваться живым, — подхватила Аня. — Он кричал «Вся власть советам!» палил вверх из маузера, и бедные старушки с перепугу выложили всё…

— …даже то, чего не знали, — добавил Саша, увлёкшись.

Товарищ Иван терпеливо ждал, пока они успокоятся.

— Почти все жители того дома, — проговорил он в наступившей, наконец, тишине, — переехали в новый семнадцатиэтажный дом неподалеку. Я записал адрес.

— Отлично, — искренне обрадовался Саша, а затем, немного подумав, добавил. — Но всё-таки смени одежду.

— Ладно, оденусь во что-нибудь другое, а то вы меня запилите, — махнул рукой Ваня.

Список жильцов старого дома, представляющих для ребят интерес, оказался недлинным. Собственно, он охватывал только первый этаж в искомом подъезде. Владельцем квартиры номер один был Голоскоков Павел Петрович. Номер два — Борисов Сергей Викторович и Борисова Любовь Михайловна. В третьей квартире ранее проживала Палецкая Элла Вениаминовна. И, наконец, в четвёртой — Копейко Александр Григорьевич, Копейко Вера Ивановна и Копейко Александр Александрович.

Начать решили с Голоскокова, уж больно фамилия забавная. Других критериев отбора не придумали — к сожалению, графа «год рождения» в базе данных отсутствовала. Не говоря уже о том, что квартира «спасителя человечества», могла не быть его собственностью. О таких усложненных схемах пока не думали. Просто наметили очередность: обойти всех мужчин и «на закуску» оставить женщину из третьей квартиры. Вдруг и она знает что-то полезное…

— Думаю, — сказал Саша, — отправляться надо прямо сейчас. Куда откладывать? Времени и так мало. Погибший генетик — только первый этап, а дальше надо выходить на этого «Алека».

— Принимается, — согласилась Аня.

А Ваня молчал, угрюмо наблюдая, как старший товарищ выбирает ему из гардероба подходящую куртку.

— И кепку лучше сними, — посоветовал Саша. — А усы и очки, если хочешь, можно оставить.

Погода выдалась отличная, и в другой раз они бы с удовольствием прогулялись пешком, но сейчас логичнее было подъехать одну остановку на метро: и время сэкономить, и от возможного хвоста оторваться легче. Ваню шпионские страсти захватили всерьез, он поминутно оглядывался, потом долго провожал взглядом людей, показавшихся ему подозрительными. Особенно эти симптомы обострились уже после выхода из метро.

— Нас в милицию не заберут из-за этого типа? — полюбопытствовала Аня, покосившись на Ваню.

— Нет, — успокоил её Саша, — милиция такими не интересуется. Главное, чтобы врач-психиатр мимо не прошёл. На лицо все признаки мании преследования.

— Вот, дураки! Я же просто проявляю бдительность, — отвечал Ваня. — О вас же, бестолковых, и забочусь!

Многоподъездный семнадцатиэтажный дом полукругом огибал детскую площадку, где заботливые бабушки и мамаши «выгуливали» своих воспитанников. Было их много, и все вместе они наверняка обладали достаточно полной информацией, а присутствие маленьких детишек вселяло надежду на доброжелательность. Ожидания оправдались: десяти минут не прошло, как ребята уже знали, что искомые жильцы из старой пятиэтажки переехали во второй подъезд. А там, по счастью, сидели перед входом две дежурно бдительных старушки. Без таких добровольных блюстителей порядка, пожалуй, ни одного преступления не раскрыли бы.

Бабульки исправно, как постовые, занимают свои места на излюбленных скамейках и всегда знают, кто, где, когда, с кем, сколько раз, зачем и почему. Наверняка они могут в мельчайших подробностях описать, что едят на завтрак соседи сверху, чем жена ударила мужа в квартире слева, и сколько бутылок в неделю выбрасывают в окно из квартиры справа, ну и, конечно, по каждому поводу выносится окончательный, не подлежащий обжалованию вердикт. А также своих соседей они делят на порядочных, просто соседей и тех, кого не считают за людей вовсе. Последних изничтожают огнем беспощадной критики, и сменить их гнев на милость в отношении этих персонажей в принципе невозможно. Да и кто станет пробовать? Разве что наши герои с их юношеской непосредственностью. Да и то, если честно, сделали они это по ошибке.

Позволив любознательным бабушкам не только осмотреть себя, но и расспросить с дотошностью следователей

генпрокуратуры по особо важным делам, ребята явно расположили их к себе и, можно сказать, втерлись в доверие. Вот тогда и выступил на авансцену актер больших и малых театров Иван Оболенский, великий мастер предельно правдоподобных историй, не имеющих ничего общего с жизнью. Ничтоже сумняшеся Ваня поведал изумленным и всё более изумляющимся старушкам, что ищут они Голоскокова Павла Петровича по поручению Центрального комитета защиты окружающей среды, дабы вручить вышеупомянутому гражданину почётную грамоту и диплом с благодарностью за активную помощь в героической работе по спасению редких видов деревьев и кустарников в ближайшем лесопарке.

— Вы ничего не перепутали, молодые люди? Улицей не ошиблись? — удивлённо спрашивали бабульки, перебивая друг друга. — Вам нужен именно наш Голоскоков Павел Петрович?

— Однозначно! — голосом Жириновского отчеканил Ваня. — Павел Петрович у нас ещё по старому адресу числился.

И назвал адрес. Старушки кивали и с удивлением переглядывались:

— Да нешто он защитник окружающей среды?! — возмутилась одна из них. — Каждый божий день он нам воздух портит!

— И никакого сладу с ним нет, — поддержала вторая, — дышать уже просто нечем. Все говорят, все жалуются, а ему хоть кол на голове теши! Всё портит воздух и портит, как только стемнеет. Да ещё вместе со своими дружками.

— Странные у него дружки, — вновь вступила первая старушка. Очень странные. А звуки от них какие по ночам! Просто жуть. Кровь леденеет… В милицию его надо, а не благодарность объявлять.

— А! — махнула рукой вторая. — Милиция их сама боится. Они же днём отсыпаются, и только по ночам вылезают, никому покоя не дают…

— И вот что я вам ещё скажу, — первая старушка всерьез увлеклась рассказом и перешла на заговорщицкий свистящий шёпот. — Какие к нему девицы ходят! Я тут давеча поднималась по лестнице, задумалась и вдруг слышу: кто-то каблуками цок-цок — навстречу. Я глаза-то подняла и чуть не умерла со страху. Девица эта точно от Пашки вышла — вся в чёрном, вокруг глаз круги чёрные, а губы фиолетовые. Ходячая покойница, Христом-богом клянусь! Я в стенку вжалась, зажмурилась плотно — чур меня, чур! — та прошмыгнула, словно и не видит никого, только могильным холодом обдала! Настоящая ведьма. И как таких земля носит?

— А я тут однажды … — решила не отставать вторая бабулька, но Саша как мог вежливо перебил их:

— Бабушки, милые, торопимся мы. В какой квартире он живёт?

— В сто двадцать шестой, на шестнадцатом, — хором ответили обе.

А лифты в подъезде не работали оба — редкий случай! — и Саша тут же вспомнил старый английский анекдот о лондонцах в Нью-Йорке. Их поселили на сто какой-то этаж в отеле со сломавшимся лифтом, и чтобы не скучать по ходу подъема, друзья решили рассказывать по очереди страшные истории. Самую страшную рассказал один из них, уже у дверей номера: «Мы забыли внизу ключи».

— Ключи нам не понадобятся, — улыбнулся Ваня, — подъезд перепутать мы тоже вроде не могли. А вот страшные истории — это вполне актуально, после такого вступления.

— Но вы что-нибудь поняли из этих рассказов? — спросила Аня.

— Трудновато было понять, — заметил Саша, — ночная жизнь, странные звуки, дышать нечем… Вы чувствуете какой-нибудь нехороший запах?

Все трое принюхались.

— Да нет как будто, — сказал Ваня. — Разве что кошками чуть-чуть пахнет.

— И подгоревшей кашей, — добавил Саша.

— Правильно, и не должно быть ничего, — радостно догадалась Аня. — Голоскоков ночью воздух портит, а днём спит.

— А вообще вечер уже, — глухо пробормотал Ваня. — Скоро он выползет из своей норы, будет скакать по лестнице голым (зря он, что ли, Голоскоков?) и начнет портить воздух. Надо поторопиться, чтобы застать его дома.

— Слушайте, — Аня остановилась, — а может, вообще не пойдем туда?

— Анют, тебе не стыдно? — пожурил Саша. — Ванька же дурака валяет. Голоскоков у него голым скачет. Вот если б он был Воздухопортин… А так… глупости это всё.

— Ань, слышишь, я Ваньку валяю, — скаламбурил Иван. — Чего ты испугалась. Лучше сама расскажи какую-нибудь страшную историю.

— Да погодите вы! — Аня немного успокоилась, но в глубине её глаз ещё прятались остатки страха. — А вдруг этот Голоскоков и есть генетик?

— Генетик же умер, — удивился Ваня.

— А что если он вернулся с того света? Живет теперь как

зомби. И к нему такие же ходят.

— Ты веришь в зомби? — поинтересовался Саша с ядовитой улыбкой.

— Не то чтобы верю… — замялась Аня. — Я про них много читала. В некоторых местах считают, что зомби на самом деле существуют. На Гаити, например. Там культ Вуду. Якобы мир населён добрыми и злыми божествами — лоа. От них зависит судьба человека. Обычные люди не видят лоа — только колдуны, которые тоже бывают добрыми и злыми. Злые — бокора — насылают порчу, могут умертвить человека, потом оживить при помощи своей магии, сделав из него зомби. Оживший мертвец теряет память, не знает кто он и откуда и способен только на самые примитивные действия. Зомби беспрекословно выполняет приказы своего хозяина. И говорят, что совсем недавно на Антильских островах обнаружили тысячи зомби, которые работали на плантации от зари до зари…

— Весёленькая история, — оценил Ваня. — А как колдуны делают из людей зомби?

— Рассказываю! — о зловещем Голоскокове Аня и думать забыла. — У них есть специальный «порошок зомби». В его состав входит морская жаба борджия, жалящий морской червь и растёртые в муку кости недавно умершего колдуна. Но главный ингредиент — смертоносный яд рыбы фугу. Он в пятьсот раз сильнее цианистого калия. Но если класть определённое количество, можно умертвить человека не до конца.

— Как это не до конца? — удивился Ваня.

— А так. «Порошок зомби» подсыпают в еду жертве, из которой хотят сделать зомби, или натирают порошком всё тело. У человека немеют конечности, холод охватывает его, а сердце начинает биться настолько глухо и медленно, что невозможно прослушать. Врач констатирует смерть, а на самом деле человек не умер. Просто тело его парализовано. «Покойный» даже может слышать. Так вот, живого мертвеца хоронят, а потом на кладбище приходит злой бокора. Он совершает ритуал оживления, раскапывает могилу и получает себе в слуги зомби. Вот так-то.

— Гаитянские колдуны — это сказки, — сказал Ваня, — но я слышал, что рыба фугу действительно существует.

— Конечно, существует, — ответила Аня. — Её подают в самых дорогих ресторанах Японии. Готовят специально обученные повара, которые точно знают, сколько оставить яда, чтоб он не убивал человека, а вызывал эйфорию. И настоящие гурманы «ловят кайф», отведав деликатеса. Правда, иногда повара допускают ошибку в приготовлении рыбы фугу и тогда…

— Гурман становится зомби, — закончил Ваня.

— Да нет же, умирает, — поправила Аня, даже не заметив сарказма в Ваниных словах.

— Мы почти пришли, — сообщил Саша. — Ань, а ты хочешь сказать, что нашего генетика оживили специально вызванные с Гаити колдуны?

— Если всерьез, я думаю, что этот Голоскоков — не тот кого мы ищем, а генетик и, правда, погиб в автокатастрофе.

— Но он же все-таки генетик, — решил поспорить Ваня. — Может, он бессмертие изобрел. Допустим, вырастил свою копию. Оригинал погиб, а клон скачет тут по лестнице.

— Голый, — вставил Саша. — И еще с одним большим недостатком: днём не может выходить на улицу.

— Может, — возразил Ваня, — только сразу начинает воздух портить, потому что разлагается.

— Вы запутались, ребята, — Аня начала смеяться. — Ведь он портит воздух тоже ночью. И еще вы совсем забыли про жуткие звуки, про дружков и девиц…

Они уже стояли перед квартирой.

— Звонить будем? — спросил Саша. — Или обратно пойдем?

Долго никто не открывал им. Все трое уже отчаялись, как вдруг послышался неясный шорох за дверью.

— Что он там делает? — шёпотом спросила Аня.

— Из гроба вылезает, — прошелестел Иван.

— Хватит уже! — цыкнула на него Аня.

Тут загремели ключи, видно, в замке изнутри торчала целая связка, и, дверь начала медленно открываться… А за ней… никого не было! Лишь темнота в расширяющемся проёме. Потом внезапно вспыхнул свет, раздался смех и, словно чёртик из табакерки, перед ребятами возник хозяин квартиры — молодой человек с заспанной физиономией. На мертвеца он совсем не был похож. Скорее, на маленького толстого поросёнка.

Но Аня всё же вскрикнула от неожиданности.

— Напугал? — заботливо спросил розовощёкий зомби. — Это моё хобби — людей пугать.

На нём был длинный бархатный халат и мягкие тапочки несколько женского фасона. Волосы торчали на голове в разные стороны, напоминая воронье гнездо. Под глазом темнел синяк, в ухе поблёскивала серьга, а на шее красовалась толстая золотая цепь с черепом устрашающего вида. Какой-то он был весь, словно из разных кусков слепленный. Детская нежность пухлых щек и наивная улыбка совсем не вязались с вызывающей серьгой и этим жутким черепом на шее. А дорогой и совершенно свежий халат плохо гармонировали с растрёпанными и неухоженными волосами.

— Чем обязан, господа? — поинтересовался плохо смонтированный персонаж, и его вторая фраза так же не сочеталась с первой, как его мягкие тапочки и фингал под глазом.

— Нам нужен Голоскоков Павел Петрович, — ответил Саша.

— Зачем? — спросил хозяин квартиры довольно агрессивно.

— По личному и очень важному вопросу, — доверительно сообщила Аня.

Мужчина перевёл взгляд на девушку, лицо его подобрело. Он вальяжно опёрся рукою о дверной косяк, а другой инстинктивно пригладил взлохмаченные волосы. Аня явно понравилась ему.

— Голоскоков Павел Петрович — это именно я, мадмуазель. Готов помочь вам во всём, если это будет в моих силах.

Он обращался только к девушке, словно и не замечая её спутников. Теперь его бархатный голос вполне соответствовал бархатному халату, а мягкие тапочки — такому же мягкому взгляду.

— Собственно, мы хотели поговорить с Вами об одном человеке, которого Вы знали, — смущённо проговорила Аня, ей было немного не по себе от столь откровенных знаков внимания со стороны Голоскокова.

— И что же это был за человек такой, скажите на милость? — едва не пропел тот, совершенно не торопясь получать ответа на свой вопрос.

— Ну… этот человек… он… это… — Аня окончательно растерялась.

А Голоскоков вдруг картинно всполошился.

— Простите, леди, я немного не одет, но позвольте предложить Вам войти.

Аня шагнула в прихожую, и ребята поспешили за ней — этот наглый тип мог бы и дверь захлопнуть у них перед носом.

И сразу упала завеса тайны. «Зомби» оказался разоблачён. Вся квартира его была увешана фотографиями и плакатами, почти на каждой — Голоскоков собственной персоной, в чёрной коже, сверкающих заклёпках и верхом на мотоцикле, иногда при выполнении весьма опасных трюков.

— Мастер спорта по мотогонкам, — представился Голоскоков, и пока ребята с любопытством рассматривали его фотогалерею, успел даже похвастаться, что неплохо зарабатывает, особенно на всяких экстремальных соревнованиях полулегального характера.

— А это на съёмках нового боевика, — продолжил экскурсию мотогонщик. — Приглашают. Я выполняю любые, самые сложные трюки.

— Классная работа! — искренне восхитился Ваня.

— Это даже не работа, это образ жизни, — Голоскоков коротко глянул на Ваню и вновь повернулся к девушке. — Рисковать жизнью — это моё призвание, мисс.

Анюта не знала, что ответить, и мотогонщик сжалился над ней:

— Ладно, рассказывайте, зачем пришли.

Аня покосилась на ребят, как бы ища поддержки, и начала:

— Дело в том, что к нам попало заказное письмо, адресованное вашему соседу по старой квартире, но, как выяснилось, он погиб в автокатастрофе. Мы хотим найти кого-нибудь из его родственников или хотя бы друзей, чтобы передать письмо.

— Да… — протянул Голоскоков, — Серёгу жалко, хороший был мужик.

Аня облегчённо вздохнула. Теперь им известно, как звали генетика — Борисов Сергей Викторович. А Борисова Любовь Михайловна — это жена или мать.

— Так вы не подскажете, как разыскать его родственников? Любовь Михайловну, например…

— Да нет её в Москве, — ответил Голоскоков. — Давным-давно развелись. Любка подцепила немца из Дортмунда и живёт там. Слушайте, плюньте вы на это письмо. Оно вам надо? Человек погиб, родственников — нема. Кроме Любки. А ей до бывшего мужа… На похороны и то не приехала. Наша Элла Вениаминовна дважды ей звонила — пустой номер. Вот сама Вениаминовна очень переживала, когда узнала о смерти. Она ж ему вместо матери была.

— А Вы ходили на похороны? — спросил Саша.

— Натурально! Серёга мировой мужик был. Вообще, мы в одной школе учились, он только старше на четыре года. Помогал по-соседски, если я просил. Потом он поступил в МГУ на биофак. Голова-то у Сереги светлая была.

— А он действительно обгорел в машине, так что узнать было нельзя? — решил спросить Саша.

— Ну, меня на опознание не приглашали. Одно скажу: хоронили в закрытом гробу. Вообще, мне случалось видеть, как сгорают заживо. Никому не пожелаю. Жуткая смерть!

Они все помолчали, будто соблюдая некий ритуал.

Потом Голоскоков ещё раз повторил:

— Плюньте вы на это письмо, ребята. Оно вам надо?

— Наверно, вы правы, — рассудил Саша. — Но чтобы совесть была чиста, может, письмо этой… Ольге Венедиктовне отдать?

— Элле Вениаминовне, — поправил Голоскоков.

— Ну да, вы же сказали, она ему как мать была.

— Логично, — кивнул Голоскоков и назвал квартиру, где живёт Элла Вениаминовна.

Прощались по-дружески.

— Девушка, — окликнул Голоскоков на всякий случай. — А как Вас зовут?

— Аня.

Жестом фокусника он извлек откуда-то свою визитку и протянул ей:

— Если вдруг что — заходите. Буду рад.

Ваня скривился в недовольной ухмылке и поспешил выйти, подталкивая Анюту. Потом вдруг вспомнил что-то, остановился и, повернувшись к Голоскокову, спросил:

— А почему бабки у подъезда жалуются, что Вы портите воздух?

Голоскоков удивлённо поднял брови — не ожидал такого глупого вопроса, а потом громко расхохотался.

— Ах, эти вездесущие старушенции! Вечно чем-нибудь недовольны. У наших мотоциклов движки по полтора литра. Судите сами, какой выхлоп идет. Издержки цивилизации. А все желающие могут ездить на лошадях.

На лестничной клетке друзья посмотрели на часы:

— Ещё не поздно, — сделал вывод Саша. — Можно нанести визит Элле Вениаминовне.

Глава 5
ОХОТА НАЧАЛАСЬ?

Элла Вениаминовна встретила ребят очень приветливо. Едва узнав, о ком с ней хотят поговорить, сразу пригласила молодых людей на кухню, поставила чайник и сказала с улыбкой:

— У меня очень вкусный чай. Я его завариваю по всем правилам.

Ребята не возражали: беседа за чашкой чая, доверительный тон — это было как раз то, что нужно.

Радушная хозяйка торжественно выставила на стол красивые чашки из тонкого фарфора с причудливыми китайскими драконами, извлекла из шкафчика десяток, как минимум, разноцветных жестяных коробочек и спросила:

— Вы какой чай предпочитаете: зелёный или черный?

Элла Вениаминовна была из той породы людей, каких сегодня уже почти не осталось. Утончённость манер, вежливость, даже осанка — всё свидетельствовало о великолепном воспитании. А благородные черты лица и живые, ясные, умные глаза делали её по-настоящему красивой даже сейчас, в весьма почтенном возрасте. Язык бы не повернулся назвать такую женщину старухой. Её облику соответствовало совсем другое слово — дама. И странно было подумать, что Элла Вениаминовна — ровесница тех бабок, которые целыми днями сидят у подъезда.

— А какой, по-вашему, лучше? — в своей излюбленной манере — вопросом на вопрос — ответил Ваня.

— Ну, во-первых, это дело вкуса, — улыбнулась Элла Вениаминовна, — а во-вторых, надо же понимать, что в природе чайный лист всегда зелёный, но после специальной обработки, он может превратиться в чёрный, красный, жёлтый или бирюзовый.

— Бирюзовый? — удивился Ваня.

— Да. Этот сорт известен под названием «Чёрный Дракон». Забавно, правда? Сам чай по цвету бирюзовый, а в названии присутствует слово «черный». Чтобы оценить всю прелесть чая его надо правильно заваривать. Зелёный, жёлтый, бирюзовый чаи настаивают не более восьми минут, трижды доливая кипяток. Красный — так же, как и чёрный. Красный чай самый ароматный. Он снижает уровень холестерина, поддерживает высокую концентрацию витаминов… Так все-таки черный или зелёный?

— Мы уже запутались, — пожаловался Ваня, — давайте на ваш вкус.

— А мне, если можно, зелёный, — попросила Аня.

— Хорошо. Но Вы обязательно должны попробовать мой любимый чай.

Кипяток был уже готов, и Элла Вениаминовна подошла к плите, чтобы непосредственно приступить к священнодействию — завариванию чая.

— А Вы нам расскажете про секрет его приготовления? — спросила Аня, искренне заинтересовавшись.

— Ну, разумеется, мои хорошие! — не возражала Элла Вениаминовна. — Только ведь вы, кажется не за этим пришли. Вас интересует Сергей.

Конечно, пожилой женщине было очень любопытно, что именно заставило этих совсем юных ребят интересоваться судьбою её Сергея, но воспитание не позволяло начать расспросы самой.

— Серёжа был… — Элла Вениаминовна словно споткнулась об это слово. — Ну, да, был удивительным человеком. Ему исполнилось всего четырнадцать, когда умерла мать. Она долго и тяжело болела, Серёжа заботился о ней — замечательный сын. Потом её не стало, и я взяла опекунство над мальчиком. Неофициально, конечно. Мы с ним просто были очень дружны. Он мне всегда всё рассказывал, спрашивал совета. Даже когда поступил в Университет и познакомился со своей будущей женой, продолжал приходить ко мне, и мы подолгу беседовали. Я не отговаривала его от женитьбы, видела, как он влюблён. Но я всегда знала, что из этого брака ничего хорошего не получится. Люба не подходила ему: ветреная, вспыльчивая. Да, противоположности притягивают друг друга, но лишь на какое-то время… Серёжа был очень увлечён наукой, а Любочка всегда любила шумные компании. Не прошло и полугода их совместной жизни, как она закрутила роман с другим человеком. Серёжа очень переживал и всё же простил её. Такой характер. Однако сделать Любу другой было не в его силах. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»…

— Это Пушкин, — с уверенностью констатировал Ваня.

— Да, — кивнула Элла Вениаминовна. — И вот, в результате, через год они развелись. Серёжа закончил аспирантуру, защитился. Начал работать в одном из крупнейших научных центров по генетике. Он был вообще увлекающейся натурой, а работу свою любил настолько, что иногда по несколько суток оставался в лаборатории, ночевал там… Мне всё ещё очень странно говорить о Сереже в прошедшем времени.

Металлический чайник, не иначе, середины прошлого века в очередной раз закипел, подав сигнал тоненьким свистом, Ваня посмотрел на него, как на диковинного зверя, и Элла

Вениаминовна сказала:

— Может, это глупость, но кипяток из этих пластмассовых полуавтоматов кажется мне не таким вкусным… Так вот, как-то раз Серёжа признался мне, что очень близок к ошеломляющему научному открытию.

«Ну, вот и пора, — подумал Саша. — Рассказать ей всё мы, конечно, не сможем, но и сочинять ахинею вроде природоохранных достижений „мото-зомби“ Голоскокова здесь не получится. Эта женщина слишком умна и проницательна.

— Знаете, Элла Вениаминовна, мы совершенно случайно на развалинах вашего старого дома нашли дневник Сергея.

Саша достал из сумки заветную тетрадь, и Элла Вениаминовна порывисто поднялась ему навстречу. Потом, совладав с собой, взяла дневник в руки, словно это было уникальное хрупкое изделие древнего мастера, и начала перелистывать страницы. Глаза её наполнились слезами. Тяжело вздохнув, она присела на краешек стула и тихо сказала:

— Да, это почерк Сергея. Его дневник.

— Тут описаны какие-то научные эксперименты, — сообщил Саша, — Мы почитали немного, даже любопытно. Но как оценить степень важности? Разумнее всего отдать кому-то из его сослуживцев. Правда? А в конце — да, да, вот здесь — есть зачёркнутые строчки, мы кое-что разобрали. Там, например, сказано, что Сергей хотел обратиться за помощью к человеку по имени «Алек…» — четыре буквы, дальше не прочесть, но явно было ещё написано отчество. У вас нет предположений, кто это: научный руководитель, старший товарищ, друг семьи… Кому он доверял?

Саша увлекся и почти вёл допрос, однако Элла Вениаминовна не обращала внимания на тон — она искренне хотела помочь.

— Алек… Алек… Скорее всего… Ну, конечно! Это Александр Петрович Зорин. Его университетский преподаватель. После окончания аспирантуры Сергея уговаривали остаться на кафедре, но он перешёл работать в исследовательский центр, где предложили очень интересную тему. Александр Петрович поддержал ученика. Со своим бывшим преподавателем Серёжа продолжал общаться: часто ездил к нему домой, советовался. Пожалуй, Александр Петрович был в курсе его работы… Да, несомненно, «Алек…» — это Александр Петрович.

— А Вы не знаете, где он живёт? — Саша уже сгорал от нетерпения.

— Об этом мы с Сережей никогда не говорили. Где-то в центре.

— А других друзей по имени Александр или Алексей, у

Сергея не было? — Ваня решил проявить дотошность.

— У Серёжи вообще было очень мало друзей, — вздохнула Элла Вениаминовна. — Ну, школьный друг Владик… Да и всё, пожалуй…

— А всё-таки что он Вам рассказывал про свою работу? — поинтересовалась Аня.

— Очень мало. То есть он увлекался иногда, начинал говорить, а я же ничего не смыслю в генетике. Я не запоминала. И потом, некоторые умеют объяснять самые сложные вещи просто. Сережа не умел. Он не учитель, он практик… Только вот… — Элла Вениаминовна задумалась на минуту, — Не знаю стоит ли это говорить, но мне кажется его смерть не была случайной.

— Почему вы так решили? — быстро спросил Саша.

Элла Вениаминовна помолчала, еще раз взвешивая, стоит говорить или нет.

— Видите ли, буквально за неделю до смерти Серёжа был… ну, прямо сам не свой. Он прибежал ко мне такой растрепанный, такой возбуждённый. Явно хотел что-то рассказать, но… не решился. Мы с ним долго беседовали в тот вечер. К концу разговора он сник, выглядел подавленным и всё время вспоминал детство, будто хотел вернуться туда. А потом вдруг сказал: «Я совершил поступок, который может разрушить всю мою жизнь. Не знаю, правильно ли я сделал, но мне показалось, что иначе нельзя было поступить». Я попросила его рассказать подробнее. А Сергей как-то по-детски уткнулся мне в плечо и долго-долго молчал. Мне даже почудилось, что он плачет. Я, конечно, пыталась его приободрить, шептала какие-то благоглупости, но, похоже, он даже не слышал меня … Ах, если б он тогда рассказал мне, что случилось!..

Элла Вениаминовна вновь готова была расплакаться, однако взяла себя в руки.

— Вы правильно поступите, если отдадите дневник Александру Петровичу, — тихо произнесла она. Потом поспешно встала, подошла к плите и предложила: — Ну что, пора поведать вам мои чайные секреты?

— Конечно, давно пора! — обрадовалась Аня.

— Тогда смотрите. Сейчас я завариваю чай на английский манер. В чашку наливают три столовых ложки горячего, но не доведенного до кипения молока, а затем добавляют крепкую чёрную заварку. Но самое главное, заварка должна быть правильной, только тогда чай будет вкусным и полезным. Многое зависит от воды — чистой, без примесей. Воду долго кипятить нельзя, как только побелеет от мелких пузырьков, сразу снять с огня. Чёрный чай заваривают не дольше пятнадцати минут и

разбавляют кипящей водой два раза. А если заварка остаётся в чайнике более двадцати минут, она начинает выделять отравляющие вещества, канцерогены. На Востоке говорят: «Свежий чай подобен бальзаму, оставленный на ночь — подобен змее».

— Надо же, — удивился Ваня, — а я не знал этого!

Теперь они вдумчиво дегустировали уже третий по счету напиток. И Саша сказал:

— Я всегда думал, что зелёный чай пахнет сеном. Но, похоже, это не так.

Элла Вениаминовна улыбнулась:

— Пахнут сеном только низкокачественные сорта. Хороший зелёный чай имеет терпкий вкус, а его аромат напоминает запах завядшего земляничного листа. Лучшие и самые древние сорта — китайские, и наиболее популярный из них — зелёный чай с лепестками жасмина. Он даже выводит из организма радиоактивные вещества и тяжёлые металлы.

— Вряд ли об этом думали в древности, — сказал Саша несколько бестактно.

Но Элла Вениаминовна согласилась:

— Не думали, зато интуитивно чувствовали, какой напиток полезнее всего для здоровья. Древнейший культовый чай Китая называется «Жемчужина инь с жасмином». Чайный лист собирают ранней весной, снимают самые верхние два листочка на нежном ростке и только с молодых чайных кустов. Поэтому чай этот имеет утончённый аромат и нежный вкус, но его любят ароматизировать натуральными цветами особого китайского жасмина. Хотите расскажу любопытную легенду об этом сорте чая?

Ребята уже выполнили свою главную задачу, можно сказать, перевыполнили, и теперь с удовольствием слушали эту замечательную женщину. Она действительно много знала о чае, да и рассказывала интересно.

— Очень хотим, — ответили все трое почти хором.

— Однажды, — начала Элла Вениаминовна, — китайский император тяжело заболел. Об этом узнала девушка, жившая во дворце, и передала для него необычный зелёный чай. Два верхних листочка на тоненьком стебельке были скатаны в зелёные шарики. Девушка сделала этот чай сама. Её тёплые руки превратили чайные листья в «жемчужины». Вскоре император выздоровел, и все решили, что причиной исцеления явился именно этот напиток. С тех пор императорская семья предпочитала пить этот сорт чая. Но собирать и скручивать листья в «жемчужины» могли только некоторые девушки, чьи

руки обладали особым теплом. В Китае считают, что весь мир наполнен энергиями инь и ян и именно заряд энергии инь, который вложила в «жемчужины» девушка, помог исцелиться императору.

— А жёлтый чай? — вспомнила Аня.

— Жёлтый чай — большая редкость, — охотно принялась за новый рассказ Элла Вениаминовна. — Его делают из почек чайного листа или из молодых побегов. Вкус у него приятный, но немного терпкий. Этот чай бодрит. А вот бирюзовый (или «Чёрный дракон») полезен чрезвычайно, в нем почти четыреста ценных веществ! Собственно, в него кроме чайного листа входит масса всяких трав и обязательно японская жимолость.

— А, в Шотландии, я слышала, чай заваривают кипящим молоком, вообще без воды, и сахар добавляют сразу в чайник, — Аня проявила необыкновенную «чайную» эрудицию.

— Совершенно верно. Кстати, чай по-шотландски отлично снимает головную боль, помогает при простудах… А вот в Иране к чёрному и красному чаю добавляют корицу или имбирь. Весьма необычно, но приятно на вкус. И действует возбуждающе… Вот ещё что запомните: чай надо пить крепким, иначе это просто подцвеченная вода. К примеру, в Японии, Китае и Англии на литр воды кладут в среднем двадцать пять-тридцать граммов чая, в Индии — и того больше — сорок четыре грамма, а в России всего четыре грамма, — Элла Вениаминовна развела руками. — Нет соответствующей культуры. Но если вы хоть раз заварите чай правильно, и почувствуете наслаждение от его вкуса и аромата, уже никогда не сможете пить абы что.

Они бы могли и дальше так беседовать, но Аня украдкой взглянула на часы и решила, что они уже злоупотребляют гостеприимством. И тихонечко стукнула Сашу ногой по ноге под столом.

— Большое спасибо вам! — сказал Саша. — К сожалению, нам пора.

— А вы не будете возражать, — спросил Ваня, уже вставая, — если я иногда стану приходить к Вам в гости? Было так интересно!

Элла Вениаминовна благодарно улыбнулась, но не успела ответить. Аня и Саша возмутились и заговорили, перебивая друг друга:

— А почему только ты один? Ну, товарищ Иван!.. Элла Вениаминовна, разрешите и нам тоже навещать Вас.

— Конечно, — сказала она. — Я всегда буду рада вас видеть!

Уже на лестнице Аня сказала:

— Удивительная женщина! Правда?

Ваня кивнул и задумался:

— Сам не пойму, в чём тут фишка… извини, в чем тут секрет, но эта Элла Вениаминовна прямо как добрая волшебница

— И помогла нам очень вовремя, — добавил практичный Ветров.

На улице уже темнело, и всё-таки обратно решили идти пешком, благо недалеко, всего одна остановка метро.

— Подытожим: теперь мы знаем генетика и знаем его руководителя, — отчеканивал Ваня в такт широким шагам. — Зорин Александр Петрович, живёт в центре. Маловато информации. Но я разыщу, — бодро добавил он.

— А вдруг это не тот «Алек…»? — засомневалась Аня.

— Скоро узнаем. Но, по-моему, тот. Элла Вениаминовна сказала же, что у Сергея почти не было друзей. Из кого выбирать?.. Слушай, Ань, а этот «зомби» оказался интересным типом. Правда?

— Ты меня спрашиваешь? — удивилась она.

— Ну, ты же с ним в основном общалась.

— И что?

Подходя к своей улице, ребята встретили знакомого Мишку из соседнего дома, который выгуливал своего грозного пса.

— Привет, — сказал Мишка. — Гуляете?

— Здоро?во, — ответил Саша. — Гуляем, — он с опаской покосился на огромную складчатую тушу. — Ну, как, научил своего барбоса уважать прохожих? До сих пор не забуду нашей последней встречи — коленки начинают дрожать при виде… как называется это пугало?

— Сам ты пугало, — обиделся Мишка. — Бордосский дог — очень умная собака. И учиться себя вести, между прочим, надо людям. Кто ж перед носом у собаки теннисной ракеткой замахивается?

— Я же не на него, — сказал Саша. — Как ты помнишь, я показывал тебе удар слева.

— Ну… — замялся Мишка. — Пёс это расценил, как нападение.

— На кого?

— На меня, естественно. Ведь я его хозяин, и он должен меня защищать.

— Понятно, — усмехнулся Сашка. — Спасибо, что в горло не вцепился.

— А как рука-то? — сочувственно спросил приятель.

— Зажила полностью. Правда, шрамчик остался. Вот, — Саша, засучил рукав куртки и показал небольшой след от прокуса.

Бордосский дог Самсон шрамом не заинтересовался — смотрел Саше в лицо как-то печально, точно извинясь. Ваня невольно заулыбался:

— Действительно умная псина!

— Ты не расстраивайся, — решил утешить Мишка. — Шрамы украшают мужчин.

— Особенно, когда они приобретены в результате драки с братьями нашими меньшими.

— А ты говори всем, что это на тебя волк в лесу напал, — предложил Мишка.

— Спасибо за совет. Обязательно им воспользуюсь.

— Слушай! Заболтал ты меня, я чуть не забыл сказать, — хлопнул себя по лбу Мишка. — Вами тут один мужик интересовался.

— Какой ещё мужик? — почти хором выдохнули друзья.

— Ну… — прищурился Мишка. — Обыкновенный мужик, лет сорока, небольшого роста, спортивного телосложения…

— И что ему нужно было? — спросила Аня.

— Откуда я знаю? — пожал плечами Мишка.

— Ты внятно можешь рассказать или твой *Самсунг* за тебя это лучше сделает? — вкрадчиво поинтересовался Ваня.

— Да ладно вам, — ехидно улыбнулся Мишка. — Сейчас расскажу. Вышел я гулять с собакиным. Где-то около часа назад. Смотрю, какой-то чел ко мне подруливает. Ну, я Самсона на поводок, чтоб чего не вышло, а он рычит…

— Слушай, давай по делу, — перебил Саша. — А то сейчас я зарычу.

— Сами просили подробно, — обиделся Мишка.

— Я просил не подробно, а внятно, — уточнил Ваня.

— Так вот, — продолжил Мишка, — Он вас троих очень точно описал — не перепутаешь. Но я, само собой, прикинулся валенком, типа, не знаю таких. Он же явно из милиции — зачем мне вас продавать? Тогда этот чел вытащил листок, а на нём три такие фейса, в компе нарисованные, и классно так, прямо как фотки… Ну, думаю, беда! Что-то вы серьёзное натворили, раз он даже с вашими портретами ходит. Думаю, попали ребята.

— А он что? — спросила Аня. — Поверил?

— Вряд ли. Такие вообще никому не верят.

— Понятно, — протянула Аня. — А потом?

— В соседний двор пошёл. Вот и всё. А чего вы такого натворили-то? — хитро улыбнулся Мишка. — Только не говорите, что старушку отказались перевести через дорогу, а она оказалась агентом ФСБ.

— Ничего мы не натворили, — сказала Аня, но тревогу и

даже испуг скрыть не смогла.

— Ладно, понятно, что не скажете. Действительно, зачем трепаться, если дело серьезное?

Ваня счёл за лучшее промолчать. А Саша протянул приятелю руку:

— Спасибо, что не выдал. Правда, спасибо.

Немного растерянно пожав протянутую ладонь, Мишка проворчал:

— Да не за что…

Попрощавшись с ним, ребята направились в сторону Аниного дома.

— Ну, думаю, началось… — прошептал Ваня, когда они отошли достаточно далеко.

— Да, самое позднее — к завтрашнему утру — они уже будут знать, где мы живём, — констатировал Саша.

— Они — это люди из секретной лаборатории? — решила уточнить Аня.

— Естественно. Не милиция же.

— Выходит, надо срочно разыскивать этого Александра Петровича, — резюмировала девушка.

— Разбудим его среди ночи? — невинно поинтересовался Ваня. — Учтите, мне понадобится как минимум часа два за компьютером, чтобы найти его адрес и телефон.

— Так, — сказал Саша, — значит, завтра начинаем рабочий день в шесть утра.

— Ладно. В шесть у входа в метро, — кивнул Ваня. — И «Фаэтон», Саш, возьми с собой.

— Зачем? — удивилась Аня.

Саша думал ровно три секунды.

— Ванька прав. «Фаэтон» возьму с собой. Без меня наши преследователи могут забраться в мою квартиру.

— Неужели? — похоже, Аня всё ещё не понимала, в какой серьезный переплет они угодили.

Саша хотел ответить, что эти люди способны не только тихо вскрыть квартиру, но и взломать её, и даже не посмотреть на присутствие людей. Но передумал и сказал другое:

— Мы не имеем права недооценивать опасность.

Однако Аня всё равно была какая-то совсем потерянная, она будто и не слышала Сашиных слов.

— Знаете, — сообщил вдруг Ваня, — никакой логики тут нет, но я просто уверен, что в итоге всё будет хорошо.

Анюта посмотрела на него и улыбнулась.

Глава 6
ВЕЛИКИЙ СТРАТЕГ И ЗАВОЕВАТЕЛЬ

По другую сторону Средиземного моря на севере Малой Азии (это территория современной Турции) простиралась Великая страна хеттов — Хатти. Со всех сторон эту местность окружали горы. На юге возвышались величественные горы Тавр, на востоке — Антитавр, а на западе и севере растянулись горные кряжи. Климат здесь был очень суров. В зимние месяцы резкий северный ветер приносил обильные снегопады, а короткая тёплая весна сменялась долгим знойным летом. Столица Хатти, Хаттуса, располагалась в плодородной долине на северном склоне одного из горных хребтов. С вершины этого хребта по глубоким ущельям неслись два стремительных горных потока, которые, сливаясь в предгорьях, недалеко от Хаттусы, огибали горный отрог и уходили на север.

Столица Хатти представляла собой настоящую природную крепость. Почти со всех сторон её защищали глубокие ущелья и скалы. Единственное открытое место на вершине было огорожено массивной оборонительной стеной на высоком валу, обложенном камнями, вернее двумя стенами метрах в шести друг от друга: основной и вспомогательной. Основная сама по себе являлась двойной: две стены, соединялись поперечными простенками и образовывали прямоугольные ячейки, плотно заполненные щебнем. Хетты только так строили оборонительные укрепления. Вспомогательная, внешняя, невысокая стена, хотя и не была двойной, тоже являлась очень прочной. Она была сложена из массивных камней неправильной формы, плотно подогнанных друг к другу, но не скреплённых строительным раствором. Внутри стен через каждые тридцать метров возвышались защитные прямоугольные башни, где непрерывно дежурила стража. Чтобы подобраться к воротам крепости, необходимо было преодолеть высокий скат. Привратные башни, тоже охраняемые бдительными воинами, как огромные великаны стояли по бокам. Кроме того, под крепостным валом проходил туннель, позволяющий защитникам города во время осады совершать внезапные вылазки в стан врага.

Эта непреступная крепостная стена вокруг столицы Хатти была выстроена по приказу правителя Суппилулиумы.

Великий стратег и хитрый политик, он сумел поднять свою державу на небывалую высоту. Суппилулиума взошёл на трон во времена царствования Аменхотепа III, отца Эхнатона. Тогда

Египет был очень силён. Предки Аменхотепа III, в особенности его прадед Тутмос III, завоевали множество земель. Египетское царство простиралось от четвёртого порога Нила, что далеко на юге, до северных границ Сирии. Покорённые города платили дань всесильному Египту — из восточных городов Сирии везли великолепных сирийских жеребцов для колесниц, средиземноморский город Библ поставлял лес для кораблей Великой Та-Кемет, а из южных владений, в частности из Нубии, везли золото, медь, аметисты и рабов.

Аменхотеп III не вёл завоевательных кампаний, но он старался поддерживать порядок в вассальных странах и следил за спокойствием на границе Великой Та-Кемет. Он много строил, особенно в столице Египта — Фивах. Великолепные храмы во славу бога Амона процветали в царствование Аменхотепа III, чьё имя переводилось, как «Амон доволен». И действительно, бог Амон имел причины быть довольным: храмы его обогащались за счёт необычайно щедрых даров властителя Двух Земель, а жрецы постепенно приобретали небывалую власть. Сына своего, Эхнатона (хотя это имя наследник взял гораздо позже, когда порвал со жрецами Амона), ещё в младенчестве Аменхотеп III сослал в далёкую провинцию, опасаясь странного пророчества оракула, а сам спокойно правил страной, наслаждаясь благами прежних завоеваний своих доблестных предков. Короче говоря, жизнь во времена Аменхотепа III протекала тихо и мирно, без потрясений и войн. Великая Та-Кемет получала дары и подношения от вассальных городов и княжеств, и ничто, казалось бы, не предвещало беды. В самом Египте и в его подневольных городах жители были уверены, что находятся под покровительством Великой Та-Кемет и что порядок этот установился на вечные времена. Однако… не все так думали.

Высоко в горах Малой Азии Суппилулиума поглядывал на юг и выжидал, укрепляя столицу своей, пока ещё не очень сильной державы. Его привлекало богатство южных равнин. В душе он лелеял надежду завоевать хотя бы часть этих земель. Также его мечтой было сведение счётов с Митанни, ещё одной могущественной державой, граничащей с Хатти на востоке, по вине властителей которой его предки потеряли много земель. Нападать на Митанни, своего соседа, Суппилулиума пока не решался, опасаясь Великого Египта, поддерживавшего дружеские отношения с Митанни, так как многие принцессы этой страны выходили замуж за фараонов. Да и сам Аменхотеп III был женат на принцессе Митанни.

Но вот наступил момент в конце длинного царствования Аменхотепа III, когда амбициозный завоеватель предпринял

попытку захватить соседние земли. Первый поход на Сирию через Таврский хребет обернулся полным поражением. Завоевать сирийские земли, на которых находилась Митанни и её мелкие вассальные княжества, не удалось. Войска дружественного Египта помогли митаннийцам справиться с дерзким врагом. Суппилулиума решил ещё немного выждать и следующую кампанию подготовить более тщательно. В это время к власти пришёл молодой Эхнатон, который первым делом стал уничтожать имя своего отца со стен храмов и вынашивать план смещения жрецов, которые слишком крепко, по мнению молодого фараона, держали власть в стране. Эхнатон ненавидел отца за то, что тот, выслушав жестокое предсказание оракула о преемнике-фараоне, который якобы погубит правителя, решил убить маленького наследника. И только благодаря своей матери Эхнатон остался жив. Его вывезли в далёкую провинцию Митанни к родственникам, где он воспитывался до восшествия на трон, даже не зная, что является сыном владыки Двух Земель.

Став фараоном, Эхнатон отомстил своему отцу Аменхотепу III, стерев его имя со стен храмов, что было равносильно убийству. Теперь душа бывшего фараона в загробном мире была обречена на разрушение. Предсказание оракула свершилось, хотя Аменхотеп III сам и был в этом виновен. А Эхнатон с гордостью говорил о себе: «Я тот, кто выжил, чтобы жить долго».

Молодого правителя мало интересовала политическая обстановка за пределами Египта. Все свои силы он направил на борьбу со жрецами. В результате опустошил храмы в Фивах, распустил жрецов, сместил знатных вельмож со всех постов и объявил в стране единобожие, запретив остальных богов, которым египтяне поклонялись испокон веков. Он построил новую столицу и гордо удалился туда со своей свитой, чтобы полностью посвятить себя культу нового и единственного бога Атона. Новую столицу он назвал Ахет-Атон, что означало «Горизонт Атона». Но все её называли просто солнечным городом, потому что бог Атон, которому поклонялся Эхнатон, был одним из богов, олицетворяющих Солнце.

У египтян было множество солнечных богов: и бог утреннего Солнца, и бог закатного Солнца, и Великий бог Ра — главное дневное светило, и Амон — «сокровенный» и «незримый». Атон же был просто солнечным диском с исходящими лучами. И вот некогда второстепенный бог занял почётное и единственное место в храмах Эхнатона.

Пока властитель Та-Кемет Эхнатон устанавливал новые порядки в стране, Суппилулиума выжидал и наблюдал. Наконец поняв, что владыка Двух Земель совершенно не интересуется

политикой, он решил, что пришло время великих завоеваний. На Египет он нападать не собирался — слишком могучая держава. Он писал льстивые письма Эхнатону, посылая подарки и выражая всяческое почтение. Но Митанни… Суппилулиума двинул свои войска на ненавистную соседнюю державу. Захватив столицу Митанни и разграбив её, он пошёл дальше, вглубь Сирии, где местные царьки, лишившись поддержки Митанни, поспешили выказать ему полное повиновение. Правитель Митанни, рассчитывавший на поддержку могучего Египта, непрерывно писал Эхнатону, чтобы тот прислал войска на помощь. Но великий владыка Двух Земель молчал. А Суппилулиума, потирая руки от удовольствия, завоёвывал всё новые и новые страны. Митанни и принадлежащие ей земли были уже под властью великого завоевателя.

Теперь Суппилулиума обратил свой взор на вассальные княжества Египта. Часть средиземноморских земель, включая и Библ, Суппилулиума прибрал к рукам благодаря хитрой политике. В результате почти вся Сирия от Евфрата до Средиземного моря попала в зависимость от хеттов. Князья и правители покорённых городов в отчаянии писали Эхнатону послания, прося о помощи. Но великий владыка Двух Земель, как и прежде, был занят совсем другими делами. В своей резиденции, в солнечном городе, он восславлял нового бога Атона, совершенно не замечая мольбы о помощи бывших вассалов Великой Та-Кемет. Жрецы Амона и знатные вельможи Египта были в гневе. Великая империя теряла земли, завоёванные предками. Дань уходила в другие руки. А властитель Двух Земель бездействовал…

Эхнатон правил семнадцать лет. Из них двенадцать — в новой столице. За этот последний срок Египет потерял почти все зависимые княжества в Сирии, а дружественная Митанни, не получившая помощи от своего союзника Египта, полностью растворилась под властью хеттов.

Суппилулиума внимательно наблюдал за тем, что происходит в Египте. Его очень тревожила эта могущественная держава. Теперь Тутанхамон правил уже девять лет под бдительным оком Аи и пока не пытался отвоевать потерянные земли. Правителя Хатти это радовало. Хотя Великая Та-Кемет резко сдала свои позиции, тем не менее могущественный Суппилулиума всё ещё побаивался Египта и не нападал на него. Он поставил перед собой другую задачу — полностью утвердить свою власть в Сирии, пока Египту, погрязшему в своих внутренних проблемах, нет до него дела.

Чтобы осуществить задуманное, Суппилулиуме необходимо

было завоевать Каркемиш. Эта неприступная крепость контролировала главную переправу через Евфрат. Если он завоюет Каркемиш, вся Сирия, от Евфрата до Средиземного моря, попадёт в зависимость от хеттов. Каркемиш не давал покоя великому завоевателю. Захватить эту непобедимую крепость стало его очередной стратегической задачей.

Весной, как раз в то самое время, когда странной смертью умер молодой владыка Двух Земель Тутанхамон, Суппилулиума стоял лагерем у стен Каркемиша. Крепость, не захотевшую сдаться хеттам, великий завоеватель решил осадить.

Вокруг лагеря воины выкопали ров и соорудили насыпь. Поверх насыпи вплотную друг к другу стояли щиты воинов, создавая дополнительную преграду от стрел. Внутри рядами расположились палатки. И в самом центре — палатка великого завоевателя Суппилулиумы.

Через восемь дней осады некогда непобедимая неприступная крепость была взята.

Глава 7
СМЕРТЬ В ПЕСКАХ

Уже немолодой, но полный сил мужчина сидел, расслабившись, в походном кресле после дневной трапезы. Он был невысокого роста, крепкого телосложения с крупными чертами лица. Пышная, короткая борода и густые волосы, постриженные полукругом так, что открывали лоб и шею, отвлекали внимание от большого носа. Хитрые выразительные глаза поблёскивали от удовольствия, на умиротворённом лице играла мягкая улыбка.

Это и был великий завоеватель, властитель обширных земель, могучий правитель Хатти — Суппилулиума.

— Принеси мне ещё вина, — приказал он слуге.

Слуга быстро вышел из палатки и побежал к соседнему навесу, под которой располагалась походная кухня. В углу была вырыта глубокая яма, где хранились кувшины с водой, разнообразные вина, пиво и другие продукты, не переносящие жару.

— Поистине, боги благоволят ко мне, Тудхалия, — произнёс довольный Суппилулиума, высокомерно поглядывая на своего приближённого — советника и помощника во всех делах, — Солнечная Богиня, госпожа моя и покровительница, всегда держала меня за руку, потому что я был одарён благоволением богов и ходил у них в милости.

— Твои слова — чистая правда, великий владыка, — поклонившись, подтвердил Тудхалия. — Ты — любимец богов! Да будут благословенны их имена! Боги даровали тебя мудрость. Они радуются, видя, как ты велик и могуществен на земле! Ты, как солнце, освещающее путь своих подданных к богатству и процветанию! Побеждённые властители сирийских земель трепещут перед тобой, падают ниц. Ты — великий герой, покоритель непобедимых земель. Ты…

— Ну хватит, — махнул рукой Суппилулиума и поморщился. — Не нравится мне, когда ты начинаешь восхвалять меня безмерно и не можешь остановиться. — Я завоёвывал земли во славу наших богов! Я всегда хотел, чтобы наша держава стала могущественной и великой. Я отомстил Митанни за позор наших предков. Властитель Митанни думал, что он непобедим, — ухмыльнулся Суппилулиума, — думал, что владыка Двух Земель поможет ему. Теперь Митанни — ничто, пыль под моими ногами! — и великий завоеватель расхохотался.

Слуга принёс вино в красивом глиняном кувшине и налил в два бокала.

— Выпей со мной, Тудхалия, — позволил Суппилулиума. — За процветание нашей великой державы Хатти. За взятие последней сирийской крепости! Каркемиш наш!

Они подняли бокалы и осушили их до дна.

— Хорошее вино, — удовлетворённо заметил Суппилулиума. — А ты знаешь, почему Великий Мисри (так хетты называли Египет) так ослабел?

Тудхалия вопрошающе посмотрел на своего правителя.

— Слишком много у них Верховных вельмож, — стал объяснять Суппилулиума. — Верховный жрец, Верховный главнокомандующий, Верховный судья. Зачем владыки Двух Земель дают своим подчинённым так много власти? Все эти напыщенные вельможи тайно желают править великой державой, плетут интриги и заговоры. Они скоро съедят друг друга… Великая Хатти никогда не давала столько власти простым подданным. Что гласит наш закон?

— Наш закон гласит: правитель Хатти — единственный повелитель. Он является и Верховным главнокомандующим, и Верховным жрецом, и Верховным судьёй, — ответил Тудхалия, до которого начинал доходить смысл слов, сказанных Суппилулиумой.

— Вот видишь, как справедлив наш закон, — улыбнулся правитель. — Наша держава всегда будет крепко стоять на ногах.

— Воистину, наш закон мудр и справедлив, — подтвердил Тудхалия.

— Скоро жрецы Амона Великой Мисри, а с ними и хитрый Аи будут трепетать перед новым владыкой Двух Земель, — сказал завоеватель, гордо подняв голову. — Мои сыновья — это моя плоть и кровь. Они так же, как и я, ни с кем не станут делить власть, неся стране раздоры и разрушения… Дай-ка мне письма от владычицы Двух Земель.

Тудхалия подошёл к столику, на котором лежал короткий меч, ножны, боевой топорик и большая шкатулка из чёрного дерева с золотым орнаментом. Клинок меча был слегка изогнут, а рукоятка выполнена в форме полумесяца, отделана золотом и самоцветными камнями. Ножны украшал не менее изящный золотой рисунок, выбитый на коже. Топорик имел округлую режущую кромку, и деревянная ручка его напоминала человеческую руку со сложенными в кулак пальцами. Великий правитель Хатти всегда носил это боевое оружие. А в чёрной шкатулке хранил документы и письма. Обычно правители вели между собой переписку на глиняных табличках, но тексты

договоров между странами и особо важные документы выбивались на пластине из драгоценного метала — золота или серебра — и скреплялись оттиском царской печати.

Письма, о которых говорил Суппилулиума, были написаны на папирусе и свёрнуты трубочкой. Слуга аккуратно вытащил их из шкатулки и поднёс правителю.

— Читай, — приказал великий завоеватель советнику. — Я хочу ещё раз послушать.

Тудхалия раскрутил папирус и начал читать:

«Мой муж умер, и у меня нет сына. Люди говорят, что у тебя много сыновей. Если ты пришлёшь ко мне одного из них, он станет моим мужем. Я не хочу брать в мужья никого из своих слуг».

Суппилулиума сидел гордый и довольный.

— Читать второе письмо? — спросил советник.

— Читай, — улыбнулся правитель.

Тудхалия аккуратно скрутил первое письмо и положил обратно в шкатулку. Развернув второй папирус, продолжил:

«Почему ты говоришь: „они пытаются обмануть меня“? Будь у меня сын, то стала бы я писать чужеземному правителю, унижая себя и свою страну? Ты не веришь моим словам и даже не стыдишься говорить мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер, и у меня нет сына. Неужели теперь я должна взять одного из своих слуг и сделать его своим мужем? Я не писала в другую страну, я писала только тебе. Говорят, что у тебя много сыновей. Пришли мне одного из них, и он станет правителем Великой Та-Кемет».

— Да… — задумчиво проговорил Суппилулиума. — Ещё никогда не случалась такого, чтобы владыкой Двух Земель стал чужеземец. Если у властителя не было сына-наследника, то он обычно выдавал замуж свою дочь-наследницу за сына от наложницы или младшей жены, но, в крайнем случае, за сына близкого родственника. Страной, по их мнению (и это правильно), должен править только кровный преемник. Однако Анхесенамон никого из своих приближённых не хочет брать в мужья, — он развёл руками. — Всё это странно. Анхесенамон хочет взять в мужья моего сына. Тогда страной будет править чужеземец, мой сын, и именно он станет великим владыкой Двух Земель.

Суппилулиума походил по комнате, потом налил себе вина, поднял кубок и важно произнёс:

— Мой сын Занханза — владыка Двух Земель! Это поистине чудо! Я благодарю тебя, Солнечная Богиня, владычица земли Хатти, владычица Неба и Земли, направляющая и благословляющая! Я поднесу тебе щедрые дары, я выстрою новые храмы в твою честь!.. Слава вам, великие боги, создавшие небо и землю по своему разумению, покровительствующие мне и любящие меня!..

Великий завоеватель расхаживал довольный и умиротворённый. Затем он сел в кресло и обратился к советнику:

— Ты знаешь, Тудхалия, а я ведь сомневался, очень сомневался, получив первое письмо Анхесенамон.

— На то у тебя были причины, — сказал Тудхалия.

— Ещё бы! — скривил губы Суплилулиума. — Я подумал, что они хотят обмануть меня, хотят заполучить моего сына, а потом потребовать за него выкуп. Например, часть потерянных вассальных земель.

— Великая Та-Кемет не настолько обессилила, чтобы так низко поступать, — проговорил Тудхалия.

— Я предпочитаю думать самое худшее относительно правителей соседних держав, — твёрдо заявил Суппилулиума. — Я никогда никому не доверял и благодаря этому стал великим завоевателем. Тем более разве я мог предположить, что великий владыка Двух Земель Тутанхамон так рано умрёт, не оставив наследника. Он был так молод и совершенно здоров… Это всё интриги жрецов. Но ничего, когда мой сын станет владыкой Двух Земель, он поставит этих хищников на место!

— Да, — согласился советник, — жрецы там крепко держат власть. И так просто они не сдадут своих позиций — будут бороться до последнего. Но твой сын — плоть и кровь твоя, он сумеет победить их, сумеет стать могущественным и единственным владыкой Двух Земель.

Суппилулиума погладил свою пышную бороду, потом подошёл к Тудхалии и взял у него из рук второе письмо.

— Это письмо, — и он потряс папирусом перед носом советника, — поистине, самая ценная вещь из тех, что я имею. Все сирийские земли, которые я завоевал, — ничто в сравнении с этим посланием, — он аккуратно свернул папирус и убрал в шкатулку. — И всё-таки я правильно поступил, — продолжил правитель, — что, получив первое письмо владычицы, послал Хатту-Заттиша с миссией в Мисри. Я должен знать наверняка намерения Анхесенамон. А вдруг у них уже есть преемник? Или они что-то задумали против меня?

— Конечно, ты поступил совершенно правильно, великий владыка. Но не дал ли ты повода жрецам Амона что-то

заподозрить? Ведь посланник, передавший тебе первое письмо от владычицы, говорил, что Анхесенамон тайно писала тебе, — сказал Тудхалия.

— Ты же знаешь, Хатту-Заттиш — мой верный слуга. Он не настолько глуп, чтобы выдать Анхесенамон. Послав его разведать обстановку в Мисри, я дал наставления. Хату-Заттиш прекрасно понимал, какое ответственное поручение доверено ему…

— Но жрецы Амона вездесущи. Если они узнают о решении Анхесенамон взять в мужья хетта, то…

— Что они сделают? — возмутился Суппилулиума. — Она владычица, кровь от крови Великих владык! Это её право выбирать себе мужа!

— Жрецы не примут иноземца, — робко возразил Тудхалия.

— Жрецы! — расхохотался великий завоеватель. — Какое они имеют право вмешиваться в божественные решения владык!

— Не забудь, — заметил советник, — Анхесенамон писала тебе тайно, значит, она побаивается жрецов. Видимо, на это есть причины.

Суппилулиума внимательно посмотрел на Тудхалию и, улыбнувшись, ответил:

— А ты совсем даже не глуп, мой верный советник!

Тудхалия поклонился. Услышать из уст правителя похвалу было величайшей милостью.

— Мой сын Заннанза отбыл в Мисри. Скоро, я думаю, получу хорошие вести. Если народ покорённых мною городов узнает, что мой сын стал владыкой Двух Земель, люди падут ниц передо мной, будут целовать следы моих ног, а правители перестанут подстрекать подданных бунтовать, прекратят тайно принимать послов других государств. Правители покорённых земель хоть и принесли мне клятву верности, но доверия к ним нет. Я разрешил им править принадлежащими им землями самостоятельно, однако вступать в дипломатические отношения с другими княжествами или принимать у себя при дворе иноземных послов строго запретил. Но ты же знаешь, как они соблюдают договор.

— Да, в сирийских землях тяжело поддерживать порядок, — подтвердил Тудхалия. — Митаннийцы ищут поддержку у Ассирии. На Мисри у них надежды мало.

— Митанни, которая получала дань от Ассирии, теперь ползает перед ассирийцами на коленях, умоляя о помощи, — рассмеялся Суппилулиума. — Митанни не опасна — она лишь пыль под моими ногами. После того как я растоптал их столицу и отнял все подчинённые им земли, они погрязли во внутренних интригах. Две правящие ветви никак не могут поделить трон. А ты знаешь, когда в стране слишком много претендентов на

власть, такая страна не опасна. Пусть едят друг друга, а мы посмотрим… Меня больше беспокоит Ассирия. Её правитель слишком высоко поднял голову.

— Он от нас далеко — за Евфратом, — сказал Тудхалия. — А к тому же, нас разделяет клочок земли, которую ты оставил митаннийцам. Если ассирийцы захотят расширить свои владения, им сначала придётся отобрать оставшуюся землю у Митанни, своего соседа. А пока они будут воевать друг с другом, мы соберём войска.

— Да, — согласился Суппилулиума, — Митанни будет прослойкой пирога. И всё же правитель Ассирии слишком активен. Нужно усилить охрану границы на востоке…

Великий завоеватель ещё не закончил говорить, как в палатку вбежал запыхавшийся гонец, упал перед правителем на колени и, опустив голову вниз, произнёс:

— О владыка! Солнце Небесное! Великий правитель могучей земли нашей Хатти! Недобрую весть принёс я. Я четырежды припадаю к твоим ногам и молю Солнечную Богиню из Аринны, чтобы она даровала нам милость твою. То, что я скажу, великий владыка, повергнет тебя в ужас!

— Что за страшную весть ты принёс? — взволнованно проговорил Суппилулиума.

— О владыка! Мой язык отказывается говорить тебе такие вещи. Ты покараешь меня за сию весть.

Суппилулиума встал и подошёл к гонцу.

— Если ты не причастен к тому, о чём скажешь, я не буду наказывать тебя, ибо великодушен я. Говори! — приказал он.

Гонец ещё ниже склонил голову и тихо произнёс:

— Твой сын Заннанза, которого ты послал в Мисри, убит.

— Что?! — громовым голосом выкрикнул Суппилулиума. — Что ты сказал?! Повтори!

Гонец распластался перед правителем и ещё тише сказал:

— Твой сын убит.

Лицо у завоевателя стало багровым от гнева, ноздри затрепетали, губы сжались, глаза метнули молнии. Он взял со стола свой меч и крепко стиснул рукоятку. Затем подошёл к гонцу и сквозь зубы процедил:

— Встань.

Гонец поднялся с земли, весь дрожа от страха. Лицо его было белым, как льняное полотно. Взглянув в глаза повелителю и увидев в них великий гнев, он снова бросился на колени.

— Клянусь жизнью, — тихо произнёс гонец. — Моей вины здесь нет. Прошу тебя, великий повелитель, выслушай меня. Я — слуга твой, я — раб твой. И пусть меня покарают боги, если я

скажу хоть слово неправды.

— Говори.

— Это случилось на границе с Мисри. Отряд твоих верных воинов, в числе которых я находился, подобрал в пустыне умирающего хетта. С ним было письмо, — и он протянул Суппилулиуме кожаный мешочек, в котором лежала глиняная табличка с посланием к Анхесенамон.

Суппилулиума взял письмо. Глаза его пробежали первые строчки послания:

«Великая владычица Двух Земель, Великая Жена владыки, ушедшего в Страну вечности! Да будешь ты жива, невредима и здорова! Моё сердце скорбит вместе с тобой! Как ты и желала, я посылаю к тебе своего сына…»

— Это моё письмо к Анхесенамон, — сказал Суппилулиума и передал письмо Тудхалии. Тот тоже прочитал табличку и кивнул.

— Рассказывай дальше! — прозвучал приказ гонцу.

— Воин, которого мы подобрали, рассказал нам, что, когда твой сын Заннанза, о великий правитель, вместе с отрядом сопровождения находился уже на земле Мисри, на них в пустыне напали воины. Их было великое множество. Они, как стая саранчи, настигли на своих колесницах небольшой отряд твоего сына, подло убили его, всех воинов и слуг. Израненные и мёртвые тела твоих подданных они оставили в пустыне и умчались, растворившись, как мираж. Воин, единственный выживший из всех, израненный, истекающий кровью, взяв важное послание из мёртвых рук твоего сына, двинулся через пески в надежде найти наши приграничные войска. Когда мы его подобрали, он был почти мёртв. Но вот его предсмертные слова: «Подлые враги из Мисри убили сына великого владыки земли Хатти. Они знали, что он спешит ко двору владычицы Двух Земель. Они подстерегли его. Спешите к нашему правителю и расскажите ему о подлом предательстве». Сказав это, он вручил нам письмо, которое ты, повелитель, держишь в руках. Наши воины тут же направились в указанное место, где произошла неравная битва, с тем, чтобы привести тело твоего убитого сына, а меня с письмом послали в Каркемиш, чтобы я передал тебе, великий правитель, последние слова умирающего воина и страшную весть о гибели сына.

Когда гонец закончил свой рассказ, наступила гнетущая тишина. Было слышно лишь тяжёлое дыхание Суппилулиумы.

— Иди, — сквозь зубы сказал он гонцу через некоторое время.

Тот, пятясь, вышел из палатки, благодаря про себя богов за то, что правитель не покарал его за ужасную весть. Ведь гонца,

принесшего плохую весть, принято было убивать.

— Ничтожные и подлые убийцы! — яростно выкрикнул Суппилулиума, когда гонец вышел из палатки. — Отныне нет у меня доверия к Мисри! Я соберу войска, которые будут многочисленнее песчинок на морском берегу и завоюю эту страну! Я сокрушу её! — Суппилулиума взял свой боевой топор со стола и со всей силы ударил им по креслу. Кресло великого завоевателя разлетелось на несколько частей. — Небесный Бог Грозы, слышишь ли ты слова мои?! О, теперь Мисри познает гнев великого завоевателя! Не будет им пощады!

Глава 8
ОПАСНОСТЬ ВСЕГДА УГРОЖАЕТ ТЕМ, КТО ЕЕ БОИТСЯ

Раньше всех к метро подошёл Ваня. Он прохаживался туда-сюда и с еще большей опаской, чем накануне, вглядывался в снующих мимо людей. Подозрительными казались все: один посмотрел не так, у другого — походка крадущаяся, третий — споткнулся на ровном месте, будто специально, чтоб искоса понаблюдать за ним, а четвёртый вообще нахально остановился рядом и попросил зажигалку. Ваня аж вспотел. «Как тяжело, оказывается, когда ты один! Да еще и враг неизвестен… Может, пойти друзьям навстречу? — думал он, лихорадочно перескакивая с одного на другое. — Люди, жаждущие получить „Фаэтон“, наверняка уже здесь. Ещё минута, другая — и они меня схватят…»

Странно, но там, в средневековой Франции, он так не волновался. Наверно, только сейчас до него стало всерьез доходить, что же он натворил. Да, именно он. Ради сомнительного соблазна посетить свои прошлые жизни подверг кошмарному риску всю свою настоящую жизнь. И не только свою.

Ваня никогда не был трусом. Даже наоборот — прослыл смельчаком и отчаянным искателем приключений. Но сейчас его оптимизм и твёрдость духа испарились почти без следа. Непрерывное ожидание подлого удара из-за спины постепенно переходило в неуправляемый, животный страх. К этому добавлялось и чувство вины за тот скоропалительный и безответственный поступок, когда он нажал злосчастную кнопку на «Фаэтоне»…

«Хоть бы дневник, что ли, до конца прочитали, не торопясь разобрались, взвесили всё, а уж потом…» — мысленно ругал он себя. Но тут же вдруг и понял: ничего бы не изменилось. Лично он, Иван Оболенский все равно принял бы то же самое решение. И потому не только поздно, но и просто глупо биться головой о стену… «В чем каяться? — продолжил он разговор с самим собой. — Ты подарил себе настоящее счастье и никому не принес зла. Ты был там и возвратился живым в неизменившийся мир. Конечно, ты и сегодня еще можешь вернуть машину времени, не опасаясь дальнейших преследований. Вот только эти чертовы документы!.. Их надо найти, тут даже нет вариантов…».

И все же он переломил в себе страх и отчаяние. Он думал уже

о конкретной, пусть очень сложной, тяжелой, но разрешимой проблеме. Бодрость духа и даже чувство юмора постепенно возвращались. Неожиданно для себя он проговорил тихо, но все-таки вслух:

— Ничто так не утомляет, как ожидание поезда. Особенно если лежишь на рельсах.

Проходившая мимо немолодая женщина покосилась на Ваню, остановилась в нерешительности, подошла ближе:

— Что-нибудь случилось, сынок? Я могу помочь? — спросила она ласково.

Ваня вздрогнул от неожиданности и пару секунд смотрел на женщину испуганно. Потом взял себя в руки, улыбнулся немного вымученно и сказал:

— Да нет, всё в порядке

— Правда всё в порядке? — уточнила на всякий случай женщина.

— Да, конечно. Я просто задумался. Спасибо за участие.

— Да не за что.

— Не скажите, — возразил Ваня. — Сегодня это такая редкость! Никто не останавливается. Умирать будешь на улице — все мимо пройдут. А то и побегут ещё быстрее.

Женщина нахмурилась.

— Ты ещё очень молод, а так мрачно рассуждаешь. Никогда не отчаивайся, и удача будет твоей. Поверь мне.

В голосе женщины слышалась небывалая искренность и убежденность, да и в лице ее было что-то особенное. Оно вдруг сделалось моложе, красивее и напомнило ему одновременно маму, Анюту и одну знаменитую актрису, он только фамилию никак не мог вспомнить. На душе стало удивительно тепло, и все грустные мысли куда-то испарились.

— Спасибо, — сказал он, а может, только хотел сказать, ведь женщина уже уходила своей дорогой, словно и не было ее здесь вовсе.

«Как мало надо человеку! — подумал Ваня. — Просто почувствовать, что ты не один…»

И уже совсем спокойно, словно наблюдая ситуацию со стороны, он вспомнил один из афоризмов Бернарда Шоу: «Опасность всегда угрожает тем, кто её боится». «Мудро сказано, однако!», — восхитился про себя Ваня, аккуратно подталкивая к урне валявшуюся под ногами банку из-под «колы» и даже не вздрогнул, когда кто-то хлопнул его по плечу: страха не осталось совсем.

— Привет! — ему улыбались Аня и Саша.

— Вы чего опаздываете? — спросил Ваня строго.

— Мы? Опаздываем?! — удивилась Аня и глянула на часы. — Без трёх минут шесть.

— А-а, — растерянно протянул Иван. — Это, значит, я в такую рань притащился…

— И уже начал психовать, — догадалась Аня.

— Не без этого, — сознался он.

— Время, — напомнил Саша, постучав по часам и перекинул увесистую сумку с «Фаэтоном» с одного плеча на другое. — Куда поедем?

— Я знаю одно приличное кафе на Арбате, — сказала Аня, — которое открывается очень рано. Отличный кофе, тишина, масса пустых столиков. Туда в основном приходят завтракать те, кто веселился в ночных заведениях.

— А они вообще завтракают? — удивился Ваня. — По-моему, после этого сразу заваливаются спать.

— Поверь мне, — подтвердила Аня, — после ночных дискотек бывает зверский аппетит и никакого желания идти домой.

— Возражать не стану, — пожал плечами Саша. — Вань, нам Арбат подходит территориально?

— Возможно, — ответил Ваня уклончиво. — Но давайте обсуждать это не здесь. Только после выхода из метро.

— Понятно, — тихо сказал Саша, — в метро он надеется отсечь хвост.

— По-моему, это смешно, — высказала свое мнение Аня.

— Береженого бог бережет, — отпарировал Ваня и достал из внутреннего кармана куртки темные очки.

— У тебя их три пары? — поинтересовалась Аня.

— Нет. Я только себе взял, — растерялся Ваня.

— А тогда смысл? — пожала плечами Анюта. — Впрочем, очки тебе идут, особенно тёмные.

— Она права, — сказал Саша. — Сними их лучше.

От хвоста они отрывались вполне грамотно, если не считать, что Аня всякий раз хихикала, когда они вываливались из вагона или запрыгивали в него в последнюю секунду перед закрытием дверей. А на Арбате было непривычно пусто и тихо. Редкие в этот час автомобили проносились по широкому проспекту. Водители явно наслаждались дорогой, свободной от пробок. Собственно, город только еще пробуждался. Свежий осенний ветерок бодрил первых прохожих, зябко кутавшихся с недосыпа в куртки и плащи.

Возле кафе ребята почти догнали устало бредущую компанию.

— Наверно, хорошо вчера погуляли, — прокомментировала Аня.

Компания сгрудилась у входа. Первый из подошедших стал

яростно дёргать ручку, но дверь покорилась ему лишь с четвёртого раза.

— Вся силы отданы ночным танцам, — съязвил Ваня.

— Тут действительно туговато дверь открывается, — сказала Аня. — Я помню. Правда, и мы тогда после дискотеки были.

— Вот видишь, — улыбнулся Саша, — похоже, дверь тут не при чем. — И вдруг спросил неожиданно для самого себя: — А ты была здесь с Гошей?

— Это так важно знать именно сейчас? — Аня немедленно перешла в наступление.

Ваня удивленно покосился на Сашу (вот что значит, не выспаться!), но решил поддержать друга:

— Анюта, сейчас, когда от наших поступков и решений зависит судьба целой планеты, важно все! В этом деле не может быть мелочей. Как же ты не понимаешь?

И он театрально всплеснул руками.

— Да ладно вам, шутники! — сменила Аня гнев на милость.

Они уже стояли у дверей. И Саша небрежно потянул ручку на себя. Без видимого результата.

— Ого! Оказывается, я был не прав.

— Без труда не выловишь и рыбку из пруда, — назидательно проговорил Ваня.

— Да уж, это по-нашему, — Саша продолжал воевать с дверью. — Хочешь получить удовольствие — сначала помучайся!

А внутри было красиво и как-то очень по-домашнему. Тихая музыка, приятный полумрак, небольшие столики, чистые скатерти, ненавязчивые официанты — все, что надо утреннему посетителю. Побывав однажды, сюда приходили еще и ещё.

Ребята расположились в самом дальнем уголке, заказали по большой чашке кофе и пирожных. Ваня, продолжая играть в разведчика, конечно, сел спиной к стенке, чтобы постоянно наблюдать и за входной дверью, и за барной стойкой, позади которой был проход в служебные помещения.

— Итак, — приступил он к отчету, — в Москве проживает двадцать семь Зориных Александров Петровичей. Из общего списка я выделил подходящих по возрасту и зарегистрированных в центре, то есть в пределах Садового кольца. Таких получилось всего четверо. И я обзвонил бы их всех, но, посмотрев на часы, понял: нормальные люди уже спят.

— А сейчас они еще спят, — заметила Аня. — Будем ждать девяти утра?

— Да нет, около восьми уже вполне прилично звонить, — сказал Саша. — А в девять можно и упустить человека.

— В субботу, — напомнил Ваня.

С этой суетой они все трое немного утратили чувство реальности.

— Да уж, придется ждать, — загрустил Саша.

— Да вы что, ребята?! — Аня смотрела на друзей в полном недоумении. — У вас как с головой-то? Или мы просто так в пять утра поднялись — кофе попить? Вопрос стоит о жизни и смерти, а они стесняются человека разбудить! Ну, трое других поругаются немного и лягут обратно, а нужный нам Александр Петрович все поймет. Он бы и среди ночи понял. Зря ты не позвонил, Вань! Мы же драгоценное время теряем. Давай сюда номера, я буду сама звонить.

Ваня не нашелся, что ответить, и молча протянул ей листок с распечаткой. Аня достала из сумочки телефон. Она уже набрала пару цифр, но потом внезапно сбросила их и сказала.

— Нет, лучше пусть кто-нибудь из вас. У этих Александров Петровичей наверняка есть жёны, их может насторожить женский голос в трубке.

— Какая ты предусмотрительная! — восхитился Ваня. — И опять, как всегда, права.

Официант принёс кофе и блюдо с пирожными, возникла невольная пауза.

— Анюта, безусловно, права, — сказал Саша, — но давайте всё-таки выпьем кофе спокойно и подумаем. Минут пятнадцать ничего не решат, а вдруг мы еще что-то важное упустили…

Сашина мысль тоже была признана мудрой.

Кофе, сваренный явно не экспресс-методом, а в песке, по-турецки был великолепен, да и свежайшие маленькие пирожные просто таяли во рту.

— Слушай, а ты проверял «Фаэтон»? — вдруг спросил Ваня. — Он работает?

— Крыша едет, — странно ответил Саша. — Я даже забыл рассказать вам. Только вчера вечером этот прибор впервые запищал, требуя подзарядки. Представляете, какой аккумулятор они разработали: пять дней в древней Франции и еще сутки здесь! А расход энергии, должно быть, бешеный.

— Ну, об этом я не стал бы судить так уверенно, — пожал плечами Ваня. — А вот интересно, как ты подзаряжал его?

— Пришлось некоторое время поискать устройство. В итоге обнаружил провод с обычной вилкой на двести двадцать вольт, а выпрямитель у него, значит, встроенный.

— Постой, — Ваня сделал страшные глаза, — этот аккумулятор проработал не шесть дней, а целый месяц, как минимум, пока лежал в тайнике. Как это может быть? Выходит, его подбросили уже в развалины дома!

— Специально для тебя, — съязвила Аня. — Кто-то крался за нами, пока мы искали место для запуска петард, а потом, когда они взрывались и освещали все вокруг, этот невидимка и решил подсунуть нам «Фаэтон».

— Зря ты так, — обиделся Ваня, — это надо обдумать.

— Вань, — сказал Саша, — да у современного ноутбука или у твоей трубки дней десять аккумулятор жить будет, если не давать нагрузки. А тут, я же говорю, особая разработка. Пойдёмте.

Оставив деньги на столе, они поднялись и пошли к выходу. Звонить решили с улицы. Первый номер ответил длинными гудками. По второму женский голос сообщил им, что Александр Петрович в командировке и будет только во вторник. И, наконец, третий абонент взял трубку сам и — о, чудо! — оказался тем самым человеком.

Конечно, он готов был встретиться немедленно, едва услышал, о чем идет речь. Предложил на Пушкинской, возле памятника, через двадцать минут. Ребята успели бы дойти и пешком, но опять же из соображений конспирации, поехали с пересадкой на метро.

Глава 9
ПЕРВАЯ СТОЛИЦА

На большой излучине Нила расположился огромный город Меннефер, позднее названный греками — Мемфис. Именно здесь жили Джедхор, Нефертити и многие знатные вельможи Египта. Когда-то этот город был столицей могучей Та-Кемет. Великий завоеватель Мени, властитель Верхнего Египта, в честь которого был назван город, предпринял поход в Нижний Египет и вскоре завоевал его.

Это значительное событие в истории Египта произошло больше чем за три тысячи лет до рождения Христа.

На границе Верхнего и Нижнего Египта Мени основал новую столицу, которую и назвал Меннефером. Великий завоеватель, объединивший страну, по праву победителя носил на голове двойную корону обеих земель: белую (Верхний Египет) и красную (Нижний Египет). Мени явился основателем первой династии фараонов. Правда, фараонами правители Двух Земель стали именоваться намного позже, а сначала они назывались владыками и властителями.

Вокруг новой, тогда ещё не очень большой столицы, первый владыка Двух Земель приказал построить крепость с белыми стенами и храм бога Птаха, которого жители Меннефера стали почитать и прославлять, нисколько не умаляя авторитета и других богов. Просто Птах, по их мнению, был главным богом, который дал жизнь всем остальным богам. Птах обладал особенной силой: он сначала всё задумывал, а потом только лишь озвучит собственные мысли — и это начинало существовать. Именно так он создал и богов, и людей, и, как говорилось в древних текстах, «всякие работы, и всякие искусства, и труды рук, и хождение ног…» В общем, всё сущее на земле.

А вот в других городах Египта считали главными других богов. Например, жители города О?на, который греки потом назвали Гелиополем, утверждали, что самым первым и главным был бог Атум. Имя этого бога переводилось, как «Всё и Ничего». Атум, по мнению жителей О?на, сотворил себя из первородного Океана. Потом создатель осознал, что ему негде встать, и тогда пришлось сделать землю. Так над водами Океана возвысился Первый Холм. Затем Атум принял облик чудесной птицы Вену, которая рассеяла мрак и принесла свет. Атума, впрочем, как и всех главных богов, отождествляли с богом Солнца Ра. Его так и называли Атум-Ра. (Жители Меннефера также приписывали

своему главному богу имя бога Солнца, называя Птаха не иначе как Птах-Ра). Далее Атум-Ра сотворил других богов. Сначала он выдохнул из себя Шу — бога Воздуха, затем выплюнул его сестру Тефнут — богиню Влажности. А дальше эти двое произвели на свет богиню Неба Нут и бога Земли Геба.

А жители города Уасета, который позже стал столицей и был переименован в Опет, что означало «Святилище», считали, что именно их бог — бог Солнца Амон, «Сокровенный» и «Незримый» — главный творец всего. Сначала он сам создал себя, а потом по своему подобию всех других богов, которых в Древнем Египте было великое множество. Конечно, жители Опета (или стовратных Фив, как его позднее стали называть греки) тоже отождествляли Амона с богом Ра, называя его Амон-Ра. Популярность бога Ра была настолько велика, что с ним стремились отождествить разных богов, желая таким образом повысить их значимость. Как известно, богов Солнца у египтян было несколько, но именно Ра являлся главным богом, олицетворявшим дневное светило. Правда, он не сразу приобрёл этот статус а только через пятьсот лет после основания Меннефера, с приходом к власти пятой династии фараонов. Ра сделался самым значимым, самым главным богом, и властители стали приписывать к своим и без того длинным именам новый титул — сын Ра.

А до этого у каждого города Великой Та-Кемет был свой бог, считавшийся первым и самым могущественным создателем всего на земле…

Однако вернёмся к Меннеферу, первой столице объединённого Египта. Из небольшого посада, обнесённого белой стеной, он превратился в огромный цветущий город с дворцами, храмами, прекрасными садами и парками. И с каждым годом, с каждым столетием рос и преображался, так что белая стена уже оказалась в центре. Меннефер поражал всех величием и красотой. Каждый последующий правитель строил новые, более пышные дворцы для себя и храмы во славу великого бога Птаха, не забывая при этом и других богов. Всё дальше и дальше разбегались вереницы узких улочек, всё обширнее становились возделываемые поля и огороды. Вокруг деревень, во дворцах богатых вельмож разбивались парки и аллеи с прудами. В городе не было деления на богатые и бедные кварталы, роскошные дома соседствовали с домами простых горожан — одноэтажными и двухэтажными зданиями, плотно прижатыми друг к другу. Между ними вклинивались и жалкие лачуги бедняков, соседство с которыми никого особенно не беспокоило. В итоге город приобрёл поистине огромные размеры. Чтобы пересечь его из

одного конца в другой, пешеходу требовалось четыре часа.

Вдоль западной окраины тянулась голая равнина — «Город мёртвых», где возвышались пирамиды усопших властителей и сотни малых каменных мастаб[3]. Самая величественная из всех — ступенчатая пирамида фараона Джосера, основателя третьей династии. Грандиозное сооружение было построено через триста лет после основания города.

В течение многих столетий Меннефер оставался столицей Великой Та-Кемет и утратил эту роль с распадом Древнего Царства на мелкие княжества (около 2150 г. до н. э.) Больше Меннефер никогда не был столицей. Но властители помнили древний город, строили там дворцы и храмы. Порты его принимали иностранные суда и отправляли свои корабли в далёкие путешествия. К берегам Средиземного моря, в город Библ корабли из Меннефера плыли за древесиной для строительства судов и зданий. На Крит и Кипр — за неповторимыми изделиями из слоновой кости и прекрасными золотыми колесницами. В далёкую Нубию — за золотом, медью и драгоценными камнями, а в «божественную страну» Пунт — за мирровыми деревьями для благовоний, за пряностями, шкурами редких животных и диковинными живыми зверями: бабуинами и пантерами, которых сажали в клетки. Меннефер никогда не терял лица, оставался по-прежнему великим и прекрасным, поражал своей пышностью и красотой. И было очень престижно иметь в Меннефере резиденцию. Даже завоеватели не считали Египет побеждённым, если они не захватили Меннефера…

Глава 10
ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА ПРИШЛА

По выложенной гранитом мостовой мчалась колесница, запряжённая двумя сирийскими жеребцами. Сзади бежали слуги, сопровождая своего хозяина Джедхора в резиденцию Великой и Прекрасной Нефертити. Проехав по пыльным, узким улочкам Меннефера, где вплотную друг к другу прижимались маленькие домишки небогатых горожан, колесница свернула направо и выехала на широкую улицу, по обеим сторонам которой раскинулся великолепный сад. Стройными рядами росли пальмы: финиковые, фиговые, кокосовые, а так же акации, сикоморы, ивы и тамариск. Этот городской парк был разбит ещё в древние времена и несомненно являлся украшением города. Чтобы вырастить такой прекрасный сад, нужно было затратить колоссальный труд: нанести плодородной земли с берегов Нила (ведь все города Египта строились на песках, сохраняя для пашен плодородную землю у берегов реки); высадить молодые деревья; и, наконец, подвести каналы от реки для полива деревьев. Для ухода за садом местные власти нанимали жителей города или использовали рабов и военнопленных. И всё это делалось для прославления великого города, красота которого поражала и восхищала потомков. Благодарные жители Меннефера приходили в городской парк отдохнуть и подышать великолепными ароматами цветущих деревьев. В тени парковой зелени прогуливались горожане после трудного дня, резвились их маленькие дети. За парком тянулись оливковая роща и виноградники, огороженные невысокой стеной. Это была уже земля храма Птаха.

Колесница, миновав городской парк, оливковую рощу и виноградники, свернула на большую аллею из пальм и сикомор, ведущую в резиденцию Прекрасной Нефертити.

Большой дворец находился за высокой каменной стеной. У главных ворот стояла стража.

Джедхор, спешившись, оставил колесницу слугам, а сам в сопровождении привратника быстрыми шагами направился к дому Нефертити. Широкая базальтовая дорожка, вдоль которой пестрели разнообразные благоухающие цветы, вела прямо ко дворцу. Чуть поодаль раскинулся великолепный парк со множеством деревьев. Здесь были и величественные пальмы, и душистые акации, и сикоморы, и более всего прекрасные цветущие гранаты, и персики. Молодая зелёная травка мягким

ковром застилала почти всё пространство сада, а расцветающие нарциссы и нежные фиалки наполняли воздух тонким ароматом. Повсюду стояли изящные резные деревянные беседки, обвитые виноградом, а в беседках — низенькие столики и скамеечки, искусно расписанные изображениями диковинных птиц и зверей. Вокруг беседок суетились слуги. Одни подносили в корзинах фрукты и раскладывали их в причудливые алебастровые вазы. Другие несли кувшины с водой и пивом, ставили их в тенистые уголки беседок, плотно прикрыв пальмовыми листьями, чтобы напитки в течение дня оставались прохладными.

В глубине парка виднелся большой пруд, облицованный камнями по стенкам и дну и украшенный затейливыми узорами мозаики с изображением цветов, рыб и птиц. Роспись была выполнена настолько мастерски, что цветы хотелось сорвать и сделать из них благоухающий букет или сплести яркий венок; птицы, казалось, вот-вот вспорхнут и улетят, а рыбы уплывут, если неосторожно приблизиться к ним. Среди этой божественной красоты плавно и величественно качались на воде настоящие водяные лилии и лотосы, а между ними умиротворённо и гордо плавали утки. Каменные ступеньки пруда спускались к причалу, где стояла лодка. Прекрасная Нефертити имела обыкновение кататься на лодке после обеда и ужина, отдыхая таким образом от домашней суеты и шума. Кроны деревьев, склонившись над самым прудом, давали прохладную тень. На ветвях пели птицы, услаждая слух жителей дворца.

Пройдя парковую аллею, Джедхор оказался перед самым дворцом. Фасад украшали барельефы и настенные росписи. Около входа стоял слуга, в чьи обязанности входило встречать и провожать гостей. Низко поклонившись Джедхору, он повёл его через вестибюль в приёмный зал для гостей.

Огромный зал с высокими потолками и множеством колонн был украшен разнообразными напольными каменными вазами из синего и чёрного сланца, гранита и краплёного мрамора. Ярко расписанные стены поверху обрамлял бордюр, изображающий соединённые друг с другом пучки тростника. Резные деревянные колонны, искусно разукрашенные, выглядели как связки папирусных стеблей. Пол из разноцветной мозаики напоминал настоящий пруд, в середине которого плавали рыбы и водяные лилии, по краям зеленели заросли камыша и папируса, а над ними летели водоплавающие птицы. На этом восхитительном мозаичном полу лежало множество подушек, больших и маленьких. На одной из них расположилась кошка в красивом кожаном ошейнике с драгоценными камнями — любимица Нефертити. Кормили её из золотой посуды, ежедневно

причёсывали, и сама Нефертити разрешала зверьку забираться к себе на колени.

Свернувшись калачиком, кошка будто спала. Но на самом деле сквозь полуприкрытые веки она внимательно наблюдала за происходящим и прекрасно чувствовала настроение хозяйки. Когда та была в хорошем расположении духа, милое животное, ласково мурлыкая, смело взбиралось к ней на колени. Когда же Нефертити была раздражена, умная и хитрая кошка укладывалась на подушку рядом с хозяйкой и внимательно наблюдала за ней, ожидая малейшего изменения настроения в лучшую сторону. Слуги, зная эту особенность любимицы Нефертити, всегда, прежде чем доложить о чём-то или обратиться к хозяйке с просьбой, бросали взгляд на кошку. И если та лежала на подушке, плохие новости слуги предпочитали не говорить и тем более не обращаться к хозяйке ни с какими просьбами. Ну а уж если любимица мурлыкала на коленях Нефертити, то гнева повелительницы можно было избежать, сообщив ей даже самую отвратительную новость на свете.

Впрочем, и сама Нефертити прекрасно знала особенность кошки и частенько пользовалась этим, когда нужно было отвадить навязчивых просителей или незваных гостей.

И сейчас, вошедший в зал Джедхор, незаметно посмотрел на любимицу Нефертити. «Плохие новости ожидают меня», — подумал он и перевёл взгляд на хозяйку дворца.

В центре зала в красивом кресле, отделанном золотой чеканкой, сидела Нефертити, одетая в белое гофрированное льняное платье. Поверх платья был накинут платок из тонкого полупрозрачного льна, закреплённый под грудью замысловатой золотой застёжкой. Чёрные локоны парика прикрывали плечи. В волосах сверкала золотая диадема, украшенная лазуритом и бирюзой. По спокойному взгляду царицы и строгому лицу трудно было определить, в каком она пребывает расположении духа. Но Джедхор, взглянув в её умные и немного грустные глаза, сразу понял, что Нефертити чем-то очень обеспокоена. Он уловил в её лице мимолётную тревогу. Эта, без сомнения, красивая и мудрая женщина умела держать себя в руках. За многие годы царствования, будучи Великой Женой владыки Двух Земель, она научилась управлять своими чувствами. И сейчас только самые близкие люди могли бы заметить на её прекрасном, но хладнокровном лице лёгкую тень тревоги.

В молодости Нефертити была необыкновенно хороша собой. Имя, которое ей очень подходило, означало «прекрасная женщина пришла». Мягкие черты лица, длинная шея, идеально прямой нос, слегка полные, четко очерченные губы, большие выразительные

глаза придавали её лицу волшебное очарование. Всегда гордо поднятая голова и лёгкая улыбка, играющая на губах, говорили не о надменности, а скорее о величественности Нефертити. Нет, она была не просто красива. Она была необыкновенно красива. Даже сейчас, в немолодом возрасте, она сохранила удивительную привлекательность. Скульпторы и художники с вдохновением лепили и рисовали её божественную красоту. Ещё в Ахет-Атоне, солнечном городе её мужа Эхнатона, отступив от древних канонов, придворный скульптор Тутмос вылепил превосходные портреты восхитительной Нефертити. Это были настоящие шедевры. Одна из скульптур — голова владычицы — была выполнена из известнякового камня и раскрашена красками. Другая — из тёмного песчаника. Эти скульптурные портреты были идеальной копией Нефертити. Владычица Двух Земель осталась очень довольна работой мастера и щедро вознаградила его. Но, когда её мужа Эхнатона лишили власти, мастерская, в которой работал Тутмос, да и не только мастерская, но и прекрасные храмы Атона, и дворцы, и парки были безжалостно разрушены жрецами Амона, снова взявшими власть в свои руки. Бывшая столица Та-Кемет превратилась в развалины. Нефертити не удалось вывезти даже свои портреты из Ахет-Атона. Этот город, построенный её мужем Эхнатоном, где Нефертити провела лучшие годы своей жизни, жрецы Амона разрушили до основания.

Из божественной владычицы Двух Земель Нефертити превратилась в опальную мать Великой Жены нового владыки Двух Земель Тутанхамона. Ей не разрешалось видеться со своей дочерью и тем более приезжать в столицу Та-Кемет — Фивы. Её дочь Анхесенамон была полностью под властью жрецов Амона, которыми управлял её дед Аи. Но Нефертити, любящая и заботливая мать, следила за тем, что происходит в столице. Она вела тайную переписку со своей дочерью. Когда восемнадцатилетний муж Анхесенамон ушёл в Страну вечности, Нефертити особенно переживала за судьбу юной вдовы. И на это у неё были веские причины.

— Мир тебе, Великая Нефертити! Семь раз к ногам твоим припадаю! — произнёс Джедхор, низко поклонившись. — Да будешь ты жива и здорова ежедневно!

— Ты порадовал моё сердце своим прибытием! — тихо ответила она.

— Я сразу поспешил к тебе во дворец, услышав от гонца, что ты хочешь видеть меня. Я твой слуга. Приказывай. Любое твоё повеление и желание будет исполнено в точности.

— Сядь, — тихо предложила Нефертити и указала на

невысокую скамеечку, стоящую рядом с креслом. Затем, отпустив всех слуг, она обратилась к своей доверенной служанке:

— Встань за закрытыми дверями и никого не впускай, пока мы не закончим разговор.

Джедхор и Нефертити остались одни в большом зале. Сев рядом с хозяйкой дворца, Джедхор приготовился внимательно слушать.

— Ты мой самый преданный и верный советник, — начала Нефертити. — Ты выполнял самые трудные поручения для меня, и я всегда была тобой довольна. Сейчас настали тяжёлые времена, — и она вздохнула. — Я не могу быть рядом со своей дочерью Анхесенамон, ты знаешь это. Она осталась совсем одна. После смерти своего мужа Тутанхамона ей не на кого опереться. Мой отец Аи жаждет власти и трона. Он очень изменился с тех пор, как покинул Ахет-Атон. Власть, данная ему, сделала его очень жестоким. Теперь, когда освободился трон властителя, он непременно хочет жениться на своей внучке, чтобы стать владыкой Двух Земель.

— Но Анхесенамон ждёт сына хеттского правителя, чтобы взять его в мужья, — сказал Джедхор. — Суппилулиума не упустит такой возможности. Он обязательно пришлёт своего сына к твоей дочери и тогда власть Аи кончится.

— Нет! Теперь власть Аи не кончится никогда! — вдруг неестественно громко воскликнула Нефертити.

Джедхор вздрогнул, он не ожидал такой резкой перемены настроения.

— Почему нет? — удивился он. — Разве Анхесенамон передумала? Она не хочет брать в мужья сына хеттского правителя?

— Она хочет выйти замуж за сына Суппилулиумы, вернее хотела, — взяв себя в руки, проговорила Нефертити. — Но теперь это невозможно.

— Почему? — ещё больше удивился Джедхор.

— Сегодня утром ко мне прибыл гонец. Он принёс ужасную весть.

Джедхор весь напрягся.

— Хеттский правитель, — тихо произнесла Нефертити, — послал своего сына ко двору Анхесенамон. Когда он вместе с провожатыми пересекал границу Та-Кемет, его подло убили. Я думаю, это сделали люди Аи.

Джедхор побледнел, услышав такую ужасную новость.

«Откуда Аи узнал о том, что задумала Анхесенамон? — рассуждал он про себя. — Бедная Анхесенамон. До погребения Тутанхамона осталось всего десять дней. Через десять дней она

должна объявить преемника, который займёт трон. У неё слишком мало времени, чтобы просить Суппилулиуму прислать ещё одного сына. Тот может не успеть прибыть во дворец до конца траура. Да и Великий правитель Хатти вряд ли решится ещё раз испытать судьбу. Когда он узнает о гибели сына, это будет пострашнее, чем интриги жрецов Амона… Да, теперь Анхесенамон вынуждена будет выйти замуж за Аи. Но почему Нефертити так противится этому браку?»

Размышления Джедхора прервал голос Нефертити.

— Теперь ты понимаешь, что ждёт Анхесенамон. Но брак с Аи не должен состояться. Мой отец убьёт её так же беспощадно, как убил её мужа.

Джедхор удивлённо посмотрел на Нефертити. «Почему Аи должен убить Анхесенамон? — подумал он. — Чем она ему мешает?»

— То, что именно по указке Аи убили Тутанхамона, в этом никто не сомневается, — предположил он вслух, — хотя и доказать его причастность очень трудно. Несчастный случай на охоте… Тутанхамон стал слишком самостоятельным и сам хотел управлять страной. Убрав владыку Двух Земель, Аи освободил место для себя на троне. При условии, конечно, если он женится на вдове. Но я не понимаю тебя, Великая Нефертити, почему Аи должен избавиться от Анхесенамон? Разве она станет ему помехой? Он как управлял страной, так и будет ею управлять, с той лишь разницей, что на голове у него будет сиять корона Двух Земель. Анхесенамон полностью находится под его властью, она не станет перечить ему. Почему он должен убить её?

Нефертити молчала, пристально глядя на Джедхора. В глазах её промелькнула тень сомнения — стоит ли говорить то, что она хотела сказать? Проницательный собеседник сразу уловил это незначительное изменение во взгляде.

— Ты чем-то встревожена, Великая Нефертити? — спросил Джедхор. — Твоё сердце терзается сомнениями, я это вижу. Ты не доверяешь мне, твоему верному слуге? Разве я когда-нибудь предавал тебя? Я всегда был с чистыми руками, всегда действовал и жил по велению своего сердца. А моё сердце и жизнь всецело принадлежат тебе. Если я перестал быть достойным твоего доверия, скажи мне об этом.

Взгляд Нефертити потеплел. В сущности, она никогда не сомневалась в преданности своего советника, она доверяла ему, как никому другому, и прекрасно помнила, как многие вельможи, которых она возвысила, отвернулись от неё, перейдя на сторону жрецов Амона. Но Джедхор остался верен ей, несмотря на то что Аи был страшно недоволен этим и много раз беседовал с

Джедхором, пытаясь переманить его. Однако все попытки были тщетны. Верховный жрец Амона высоко ценил способности Джедхора и, безусловно, не хотел, чтобы рядом с Нефертити был такой умный и хитрый советник. Он пытался уговорить его переехать с ним в столицу. Однако Джедхор был непоколебим. Он уехал из Ахет-Атона вместе с Нефертити и поселился в Меннефере недалеко от резиденции бывшей владычицы Двух Земель. Нефертити ценила преданность слуги и, конечно же, доверяла ему, но… То, что она хотела поведать Джедхору, было действительно большой тайной.

Немного поразмыслив и, наконец, отбросив сомнения, Нефертити произнесла:

— Ты проницателен, Джедхор. Мне иногда кажется, что ты можешь угадывать мои мысли.

Джедхор улыбнулся. Он был польщён похвалой Нефертити.

— Ты верный и преданный советник, — продолжила она. — Я ценю это.

Затем она взмахнула рукой, подзывая его поближе и, понизив голос до шёпота, произнесла:

— У Анхесенамон нет сына от Тутанхамона. Ты знаешь ведь, что она родила двух дочерей, но они сразу умерли после рождения.

— Да, все знают об этом. Мы с прискорбием вспоминаем те печальные события, — так же тихо произнёс Джедхор, пока ещё не понимая, к чему клонит Нефертити.

— Если бы у Анхесенамон был сын, она бы стала регентшей при малолетнем правителе. Тогда ей не нужно было бы выходить замуж.

— Но у неё ведь нет сына от Тутанхомона, — смутился Джедхор: Нефертити говорит очевидные вещи, о которых и так все знают.

— У неё *сейчас* нет сына, — таинственно произнесла она, сделав акцент на слове «сейчас», — но через несколько месяцев он может появиться.

— Как это? — не понял Джедхор.

— Анхесенамон ждёт ребёнка. И этот ребёнок от Тутанхамона. Никто во дворце не знает об этом. Будущая мать хотела объявить об этом важном событии, но Тутанхамона убили, и она решила пока молчать.

Джедхор на мгновение потерял дар речи. То, что сказала Нефертити, было для него великим открытием. Он даже не мог предположить, что подобное возможно.

— Значит, — тихо проговорил Джедхор, ошарашенный известием, — если у Анхесенамон родится сын от великого

владыки Двух Земель, то именно *он* станет наследником трона, а не Аи, даже если последний и женится на вдове. Аи, конечно, не знает об этом и, разумеется, рассчитывает занять место на троне. В лучшем случае, — рассуждал он, — ему после женитьбы на Анхесенамон уготовано место временного правителя до рождения ребёнка. Но если Аи об этом узнает, то… — и Джедхор покачал головой, не смея произнести больше ни слова.

— То он попытается избавиться от Анхесенамон и от её ещё не родившегося ребёнка, — продолжила за него мысль Нефертити. — Ему не нужен соперник.

— А если родится девочка? — сам себе задал вопрос Джедхор, и сам же ответил на него: — Нет, Аи не будет ждать рождения ребёнка. Это слишком рискованно. Он хочет занять трон без всяких оговорок.

— Аи убьёт мою дочь, если узнает, что она ждёт ребёнка от Тутанхамона, — твёрдо сказала Нефертити. — Для него не так важно, кто родится, а важно то, что *может*родиться сын. А это опасно… Он рискует потерять власть. А ради власти он способен устранить причину, мешающую осуществлению его мечты.

— А как же сын Суппилулиумы? Он не знал об этом? Думаю, это и для него тоже явилось бы не очень приятным подарком к свадьбе.

— Сын правителя Хатти не представляет опасности для Анхесенамон. Наоборот, он стал бы ей защитником и опорой. Она на церемонии погребения Тутанхамона объявила бы сына Суппилулиумы временным правителем до появления на свет своего ребёнка. А потом, если бы родился сын, то сделала бы нового мужа регентом. А если дочь, то тогда сын хеттского правителя по праву занял бы трон владыки Двух Земель, — ответила Нефертити. — Я думаю, эти условия были бы приемлемы для обеих сторон: и для сына Суппилулиумы, и для Анхесенамон. В любом случае две великие державы породнились бы. Ведь у Анхесенамон и её нового мужа могли бы быть общие дети. Сын Анхесенамон мог бы впоследствии жениться на дочери от общего брака, поэтому все стороны были бы удовлетворены… Но что касается Аи, — и она плотно сжала губы. Лицо её стало суровым, и она медленно проговорила: — Он не пойдёт ни на какие условия. Он просто устранит помеху.

— Предварительно женившись на Анхесенамон, — произнёс Джедхор. — Да… После женитьбы Аи может представить смерть своей жены как несчастный случай. Жизнь Анхесенамон и её ещё не родившегося ребёнка в опасности. Аи не остановится ни перед чем.

— Итак, — тихо проговорила Нефертити, — ты знаешь

великую тайну. Я доверилась тебе, потому что хочу, чтобы ты, мой верный слуга и советник, спас мою дочь.

— Но как это возможно? — растерялся Джедхор.

— Я хочу, чтобы ты, — ещё тише заговорила она, — тайно вывез Анхесенамон из дворца. Сейчас, когда убили сына хеттского правителя, у неё остался только один выход, чтобы спасти свою жизнь и жизнь будущего наследника трона, — бежать. Я написала письмо Суппилулиуме, выразив сожаление по поводу гибели его сына, и попросила принять мою дочь тайно, — Нефертити протянула письмо Джедхору.

Он прочитал письмо и одобрительно кивнул головой.

— Причину в письме я не указала, — продолжила царица. — Это слишком опасно. Письмо может быть перехвачено людьми Аи. Ты же знаешь, они вездесущи. Гонец, мой верный слуга, очень осторожный и опытный в таких делах человек, на словах передаст причину бегства Анхесенамон. Думаю, Суппилулиума выполнит мою просьбу. Он прекрасно понимает, кто приказал убить его сына. И также понимает, какая выгода его ждёт, если он примет под своё покровительство вдову с наследником. Никого другого я просить не могу.

— Я понимаю, — сказал Джедхор. — Митанни слишком слаба, да и погрязла в междоусобных распрях. Митаннийские вельможи не могут решить, какой династической ветке занять трон. Нет, Митанни сегодня не до нас. И потом, она не будет помогать Та-Кемет. В своё время, когда Суппилулиума стал отвоёвывать у них земли, мы не помогли им, не прислали войска, хотя они нас об этом просили.

Нефертити отвела глаза. Она прекрасно помнила, что это произошло во времена, когда её муж Эхнатон стоял у власти.

— Ты же знаешь, в этом не было моей вины, — тихо произнесла она. — Эхнатон тогда был полностью во власти своей матери.

Джедхор ничего не ответил. Нефертити лукавила. Это случилось гораздо раньше, до приезда матери Эхнатона в Ахет-Атон.

— Единственно сильная держава, — продолжил Джедхор, — которая способна помочь в этом деле, — это Хатти. Ты, Великая Нефертити, сделала правильный выбор. Если Анхесенамон укроется в Хатти, ей ничто не грозит. Когда же у неё родится сын, она может предъявить права на трон своего сына и поддержкой ей будет могучая Хатти… Но как вывести её из дворца? Там повсюду люди Аи… И потом, если она исчезнет до погребения Тутанхамона, то кто будет объявлять преемника, владыку Двух Земель? Если не будет Анхесенамон, кто займёт трон? Будущему

владыке нужно обязательно жениться на вдове, ведь по её линии передаётся трон, и она — потомок божественного рода.

— Это уже не наша забота. Пусть занимает трон кто угодно. Всё равно, когда родится сын у Анхесенамон, а это будет очень скоро, то самозваного правителя можно свергнуть, предъявив права на престол.

— Да, ты права, Великая Нефертити. Твои глаза видят очень далеко и, поистине, боги одарили тебя мудростью, — Джедхор всегда восхищался способностью Нефертити никогда не падать духом и не опускать руки. «И всё-таки вывести Анхесенамон из дворца — это очень трудная задача и весьма опасная», — подумал он.

Нефертити внимательно посмотрела на Джедхора и проговорила:

— Я буду молиться богам, чтобы они защитили мою дочь, дали ей силы, терпение и отвели беду. Судьбу её я вручаю тебе, мой верный Джедхор. Если ты выполнишь то, что я задумала, будешь одарён великой славой и почестями. Имя твоё будет вечно существовать на земле и будет выбито золотыми буквами на всех храмах Великой Та-Кемет. В моих словах — правда!

— Я припадаю к твоим ногам, Великая Нефертити, и благодарю тебя за доверие и почести, которыми ты собираешься одарить меня. Но вывести Анхесенамон из дворца — крайне сложная задача.

— Понимаю. Я составила для тебя грамоту с печатью владыки Двух Земель. Эта грамота делает тебя неприкосновенным. Печать с картушем Тутанхамона тайно передала мне Анхесенамон. Эту печать я тоже даю тебе. Возможно, она тебе пригодится. А с грамотой ты можешь спокойно ехать в столицу, не опасаясь нападения, и беспрепятственно попасть во дворец.., если, конечно, тебе не помешает Аи, — добавила она, тяжело вздохнув. — Ну а там ты будешь действовать, проявляя всю свою мудрость и изобретательность. Но помни: у тебя слишком мало времени. Через десять дней — церемония погребения Тутанхамона. До этого времени или сразу после погребения ты должен вывести Анхесенамон из дворца.

Нефертити вручила грамоту Джедхору и продолжила:

— Сегодня на закате солнца ты должен отправиться в столицу. Я отдала распоряжение подготовить свой корабль к отплытию. Торопись! У тебя слишком мало времени. Если что-нибудь понадобится, ты знаешь, как найти моих людей в столице. Они помогут. Я буду днем и ночью молиться за дочь и за тебя. Боги знают, что помыслы мои чисты, и помогут осуществить задуманное.

— Я сделаю всё, что ты приказываешь, Великая Нефертити.

— Да будут боги милостивы к тебе! — сказала на прощанье Нефертити. — Во славу богам я поднесу богатые дары в храме и воскурю благовония! Пусть боги благословят тебя и даруют защиту!

Джедхор низко поклонился и вышел.

Глава 11
РАЗГОВОР У ФОНТАНА

Они пришли первыми и по эффектному серебристо-серому плащу и практически такого же цвета седой шевелюре издалека узнали худощавого энергичного мужчину.

— Это вы хотели меня видеть? — подойдя к их скамейке, спросил он.

— Да, — почти хором ответили друзья и так синхронно поднялись, что Зорин невольно улыбнулся.

— Я вас слушаю.

— Может быть не здесь? — предложил Ваня.

— А вы знаете место лучше? Говорите скорее, молодой человек! В нашем с вами деле время значит гораздо больше, чем место.

— Это точно, — согласился Ваня и все-таки внимательно огляделся.

Возле знаменитого опекушинского памятника даже в этот ранний час народу было уже много. Подножие бронзового Пушкина является у москвичей, наверно, самым популярным местом встречи. Тут проходят митинги и демонстрации, устраиваются пикеты и голодовки, журналисты любят проводить опросы и съемки скрытой камерой, здесь назначаются деловые встречи, бандитские «стрелки» и, конечно, свидания влюбленных — особенно в теплое время года, когда работает красивейший старый фонтан. Но сейчас фонтан уснул, был уже конец осени. Желтые листья плавали на поверхности темно-зеленой от ила воды, и по колена в ней ходили два чудака в поисках последних в сезоне монеток. Они были мало похожи на секретных агентов, как, впрочем, и все остальные вокруг.

— Ладно, — сказал Ваня. — Просто не хотелось по телефону. А дело в том, что в наши руки совершенно случайно попали «Фаэтон» и дневник Сергея.

— Это я понял, — сказал Александр Петрович. — А дальше?

Они уже все обсудили заранее и решили, что этому человеку нужно рассказывать правду, кроме, быть может, одного: не стоило говорить, что «Фаэтон» при них, в Сашиной сумке. И Ваня начал без лишних предисловий:

— Мы тогда сразу воспользовались прибором и побывали в моем прошлом.

— Вот как, — только и сказал Зорин, вроде бы и не слишком удивившись. Потом помолчал немного и предложил:

— Давайте присядем. Вы мне расскажете все подробно, а я, с вашего позволения, покурю.

Вновь усевшись на лавочку, ребята выложили Александру Петровичу не только факты, постаравшись не упустить ни одной существенной детали, но и свои соображения по поводу навалившейся на них проблемы. Профессор Зорин все это время — а прошло не меньше полутора часов — сидел преимущественно молча, глядя вдаль или себе под ноги, и лишь иногда поворачивал голову и задавал короткие наводящие вопросы. По подсчетам Вани, он выкурил пять сигарет, причем промежутки между ними все время сокращались.

— Наша последняя надежда на вас, — несколько пафосно произнёс Саша в заключение.

Александр Петрович пристально посмотрел на него и закурил шестую сигарету прямо от пятой.

— Но вы хоть знаете, где могут храниться эти злосчастные документы? — не вытерпела Аня.

Зорин даже головы не повернул, будто и не услышал. Потом внезапно спросил:

— Если б Сергей остался жив, вы бы вернули ему «Фаэтон»?

Ребята удивлённо переглянулись.

— Конечно, — уверенно произнес Саша. — А почему вы спрашиваете?

Но задавать Александру Петровичу вопросы было абсолютно бессмысленно — он не отвечал на них. И это молчание становилось невыносимым.

— Понимаете, — не выдержал Ваня, — документы для нас — вопрос жизни и смерти. Люди, которые ищут «Фаэтон», конечно, найдут нас и отнимут прибор, но они не поверят, что мы ничего не знаем о документах.

— Вы оказались в неприятной ситуации, — признал Зорин. — Но в данный момент вы совершенно не о том думаете. Ну, допустим, документы у вас. Что это меняет по сути?

— Всё! — выпалил Ваня. — Мы им всё вернём и нас оставят в покое.

— Вас уже никогда не оставят в покое, — спокойно возразил Александр Петрович. — Где гарантия, что вы не сняли копию с документов? Вот самый первый вопрос. А сколько их будет ещё! Поймите, наконец: чрезмерное любопытство и самонадеянность — не лучшие спутники в жизни… Но, с другой стороны, ваше желание заглянуть за грань возможного — весьма похвально, а некоторую безоглядность можно списать на молодость… Проанализировав ваше путешествие в прошлое, я вижу, что побывали вы там не зря. Разумное невмешательство в историю…

Да нет, чёткое выполнение исторической миссии — вот что вам удалось! И это значит, что «Фаэтон» оказался скорее в хороших руках. Но смогут ли ваши руки удержать его? Вы хоть представляете кто они — эти охотники за «Фаэтоном», проникшие в прошлое по вашим следам?

— Сотрудники службы безопасности секретной лаборатории, — отбарабанила Аня как на экзамене.

— Ну да, — улыбнулся Зорин, — так они представлялись. А если это конкурирующая фирма? Или государственная спецслужба? Или просто бандиты?

Ребята потерянно молчали. И вновь заговорил Александр Петрович:

— Вы масштаб опасности осознаете? То, что вы невредимыми вернулись в свой мир, — это везение. Огромное везение. Но улыбнется ли вам фортуна в следующий раз?

— В следующий раз? — удивился Саша. — Вы имеете в виду следующее путешествие в прошлое? А почему вы решили, что мы собираемся…

— Ах, мой юный друг! Извините, что перебиваю. Когда-то и я был так же молод и бесхитростен. Вы и не заметили, как сами проговорились. Иван сказал: «У нас отнимут „Фаэтон“. То есть отдавать его добровольно вы не собирались и не собираетесь. И уничтожать — тоже не хотите. Если б хотели, давно бы уничтожили. Поверьте, мы с Сергеем больше вашего думали и говорили о „Фаэтоне“. Этот прибор очень похож на наркотик. Его можно либо уничтожить, либо использовать по назначению. Согласитесь, применять порошок героина в качестве белил, удобрения или детской присыпки не получится. Здесь — то же самое.

— Так вы считаете… — начал Ваня.

Зорин не дослушал его, угадав вопрос:

— Моё мнение на этот счёт однозначно — «Фаэтон» должен быть уничтожен вместе со всей документацией.

— Но Ваш ученик не сделал этого, — осторожно заметил Саша.

— Да. Хотя и собирался. Вы же читали его записи. Впрочем, похищение «Фаэтона» было полной бессмыслицей. Понимаете, если изобретение сделано, значит, джинн выпущен из бутылки. Загнать его обратно нельзя. Невозможно. Подобные попытки предпринимались в истории не однажды. Казалось бы, можно уничтожить и прибор, и всю информацию о нем, и всех людей владевших этой информацией, но… Сама идея, как некая нематериальная сущность останется жить, и очень скоро, быть может, в другой части света появится то же самое. Это не мистика

— это научный факт. Вспомните, американцы в сороковые годы страдали шпиономанией и всё искали, кто же продал русским секрет их атомной бомбы. А никто не продавал. Наша лаборатория вела свои разработки, и когда в пустыне Аламогордо был осуществлен первый взрыв, весь мир узнал, что такое возможно. Сам этот факт и ускорил исследования лаборатории Курчатова в десятки раз.

— Выходит, вы сами себе противоречите, — сказал Саша. — Уничтожить надо, но это невозможно.

— Выходит, что да, — согласился Зорин. Тема такая: без противоречий не получается. Ну, а что случилось дальше, вы тоже знаете. Сергей передумал уничтожать машину времени. Вместе с единомышленниками, тоже сбежавшими из лаборатории, он решил создать другой прибор, полностью гасящий волны «Фаэтона» и не позволяющий никому перенестись в прошлое. Затея, на мой взгляд, абсолютно фантастичная. То есть теоретически такой блокирующий прибор возможен. Не удивлюсь, что Сергей даже успел разработать его. Но для практической реализации проекта нужны огромные деньги и согласованные действия многих структур. Пока все эти структуры работают на «Фаэтон», а не против него. В секретной лаборатории разрабатывают все более совершенные модели. В общем, как говорится, если вы держите слона за заднюю ногу, а он вырывается, самое лучшее — отпустить его.

— Короче, Вы не одобряете поступок Сергея? — резюмировал Саша.

— Теперь, после его гибели, — опять Александр Петрович начал уходить от прямого ответа, — я особенно остро понимаю, что Сергей недооценил последствий. Колоссальная опасность для человечества заключена в том, что прибор может пойти по рукам. Что, собственно, и произошло.

— Но вы же сами сказали, что наши руки — добрые, — почти обиделся Ваня. — И мы действительно не собираемся использовать его во вред человечеству.

— O sancta simplicitas! — воскликнул профессор Зорин.

— Святая простота? — уточнил Ваня на всякий случай, и Зорин кивнул.

— Мой юный друг! Вы можете потерять «Фаэтон» или потерять документы. У вас могут украсть его или отнять, здесь или в одной из ваших прошлых жизней, вас могут использовать вместе с «Фаэтоном», не спросив вашего согласия… Да мало ли что еще! Сегодня «Фаэтон» у вас, завтра — у кого угодно. А это же не игрушка, это смертельно опасное изобретение, и кто-нибудь непременно и очень скоро все равно возьмет его под жесткий

контроль. Только где гарантия, что его будут использовать исключительно в научных целях? Например, первая мысль, которая придёт в голову политику — изменить прошлое в свою пользу или в пользу своего государства, в ущерб другим. А боевому генералу? А бизнесмену? А просто сумасшедшему? Какие мысли придут? Последствия будут необратимы. И заметьте, неважно, гуляет по свету сам прибор или только документы на него. И то и другое надо уничтожать.

— Если мы Вас правильно поняли, — медленно проговорил Саша, — даже если Вы знаете, где лежит диск с документацией, все равно не отдадите его нам?

— Вы слишком категоричны в суждениях, молодой человек, но мыслите в целом логично, — то ли пожурил, то ли похвалил Александр Петрович. — Я всего лишь высказал свою точку зрения. А вы теперь думайте, нужны ли вам вообще эти документы или есть другой выход из сложившейся ситуации. Заметьте, мы с вами вернулись к самому началу разговора.

— А разве есть ещё какой-нибудь выход? — спросил Саша.

— Я же сказал, думайте, — Зорин сунулся в пачку за очередной сигаретой, и обнаружил, что она пуста.

— Ну, вот, — констатировал он. — Верный знак, что пора заканчивать беседу. Никто из вас не курит?

Все трое отрицательно помотали головами.

— Правильно. Но тогда тем более мне пора. О-о, время-то как летит! — он встал, собираясь прощаться, потом задумался на мгновение и сказал, словно только что придумал это: — Я попытаюсь вам помочь. Оставьте мне номер телефона для связи.

Саша вынул записную книжку, вырвал оттуда листок и записал все номера: Анюты, свой и Ивана.

— Что будем делать? — спросил Ваня, когда Александр Петрович уже скрылся в переходе.

— Ничего, — ответила Аня. — Ждать его звонка.

— А если не позвонит? — усомнился Ваня.

— Ты так долго сидел у подножия бронзового Пушкина, и ни разу его не процитировал — невероятно! — заметил Саша.

— Я спрашиваю, что делать, если он не позвонит? — разозлился Ваня.

— И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал, — продекламировал Саша.

— Это ты к чему? — опешил Ваня.

— Да это ж там, на постаменте написано, — улыбнулся Саша,

ему просто хотелось успокоить Ваню, немного отвлечь его.

— А вообще-то Пушкин всегда кстати, — подметила Аня. — По-моему падшие — это мы, и пора уже просить о милости.

— А, по-моему, мы восславляем свободу. Свободу перемещений во времени, — сострил Саша.

— И все-таки, если он не позвонит… — уже спокойно напомнил Ваня о своем вопросе.

— У нас тоже есть его телефон, — напомнила Аня.

— Только не мобильный, — загрустил Ваня, — а помощь может понадобиться в любую минуту.

Они помолчали.

— А вообще глупо было даже предполагать, что кто-то просто так, под честное слово, отдаст нам документы, позволяющие тиражировать «Фаэтон», — проговорил Саша в раздумье.

— Но этот Зорин обещал же помочь — значит, поможет. По-моему, он порядочный человек.

— Ты как его слушала?! — вспылил вдруг Ваня. — Он нам предложил самим найти другой выход. А я вообще не представляю, какие тут могут быть варианты. Не хочет говорить про документы, так бы прямо и сказал!

— Погоди, не кипятись, — Саша чуть-чуть подумал и добавил. — А вам не показалось, что он нам устроил что-то вроде экзамена. Настоящий такой профессор. А мы ответили пока не на «отлично». Ну, ничего, есть возможность пересдать. Даже, если полностью провалишься — тоже не беда: с одним хвостом никого еще из института не отчисляли.

— Я тоже об этом подумала, только сказать не успела, — поддержала Аня. — Он нас все время проверял.

— На вшивость, — обиженно добавил Ваня.

— Можно и так сказать, — согласилась Анюта, — Только это грубо. А вы вспомните хотя бы этот его странный вопрос.

— Какой? — спросил Саша.

— Вернули бы мы «Фаэтон» Сергею, если бы тот был жив?

— Да, чудной вопрос, — согласился Саша. — Я поторопился утвердительно ответить скорее от испуга, а потом уже понял, что сказал неправду. Ну, подумайте: зачем отдавать прибор генетику, если он сам от него избавлялся?

— Запутали вы меня совсем, — проворчал Ваня. — Я вам сейчас такой выход придумаю — мало не покажется. Допустим, поехать прямо сейчас на телевидение и рассказать о «Фаэтоне» в прямом эфире. У меня знакомый есть на первом канале.

— Это сильно! — включилась в игру Аня. — А еще лучше плюнуть на все и улететь куда-нибудь далеко-далеко!

— В одну из твоих прошлых жизней, например, — пошутил

Ваня.

Шутка получилась не слишком удачной. Собственно, в их положении это была вообще не шутка, а одно из самых серьезных предложений, тем более, что и «Фаэтон» под рукою. Все сразу помрачнели.

И почему они вдруг решили идти пешком? В переходе, не сговариваясь, повернули не вниз, в метро, а наверх, к «Макдональдсу» и новому фонтану у Некрасовской библиотеки. Потом перешли улицу и двинулись по Тверскому — самому длинному из московских бульваров, в сторону МХАТа и дальше, к Никитским воротам и к Арбату. Видно, погода и настроение располагали именно к неспешной прогулке. Здесь и сейчас, на довольно пустынной боковой аллее, им совершенно не хотелось вглядываться в случайных прохожих и бежать куда-то сломя голову. Хотелось, наоборот, расслабиться, отвлечься, выкинуть из головы неподъемные проблемы, если не на час, так хотя бы на полчаса.

Глава 12
ВЛАДЫКА, «ЖИВУЩИЙ В ИСТИНЕ»?

Выйдя из дворца Нефертити, Джедхор быстрыми шагами направился в сторону главных ворот. Увидев приближающегося хозяина, слуги засуетились возле колесницы, приготовили упряжь и поправили страусовые перья на голове лошади. Возничий взял в руки хлыст и поднялся на колесницу, приготовившись ехать. Другие слуги встали сзади, взгромоздив себе на плечи небольшие корзины из пальмовых веток, в которых лежало всё необходимое на случай, если хозяин захочет остановиться и отдохнуть: циновки, опахала, вода в кувшине и фрукты.

Джедхор занял своё место в колеснице и приказал возничему ехать в главный храм Птаха.

Трудную, почти невыполнимую задачу поставила перед ним Нефертити. Эта женщина, когда-то могущественная, а теперь отверженная всеми, решила до конца бороться за спасение дочери.

«Её план вывести Анхесенамон из дворца слишком дерзок, — думал Джедхор. — Но это, пожалуй, единственный способ спасти дочь и будущего наследника трона».

Мысли Джедхора обратились в прошлое. Он вспомнил, как, будучи ещё молодым, впервые увидел великую владычицу Двух Земель, такую божественную и прекрасную. Тогда он был простым писцом. Записывал приказы и распоряжения госпожи, даже не смея взглянуть ей в глаза и произнести хоть слово. Но однажды, когда во дворце случилось сложное разбирательство и судьи находились в замешательстве, Джедхор решил высказать свою точку зрения по трудному вопросу. Это было немыслимо, чтобы какой-то писец смел высказывать мысли вслух, тем более в присутствии владычицы. Серьёзное наказание грозило ему за нарушение порядка: несколько десятков ударов палкой. Но, тем не менее, Джедхор рискнул. Реакция судей была однозначной.

— По какому праву ты вмешиваться в дела, не касающиеся тебя, как смеешь говорить с нами на равных?! — возмутился главный судья.

И они уже готовы были покарать наглеца, но тут вмешалась Нефертити. Она подняла руку, и в зале наступила тишина. Обратив взор на писца, царица медленно произнесла:

— Ты дерзок, но слова твои достойны мудрого человека.

Судьи удивлённо переглянулись. Сказанное владычицей привело их в замешательство. Они не смели перечить Великой

Нефертити, а та заступилась за молодого писца. Более того, похвалила его, а похвала владык являлась высочайшей милостью.

Это значительное событие в судьбе молодого писца произошло в самом начале царствования Эхнатона. После этого жизнь Джедхора резко изменилась. Карьера его пошла в гору. Великая Жена владыки Та-Кемет по достоинству оценила советнические способности тогда ещё молодого Джедхора. И он оправдал её доверие: был честен, справедлив и очень умён.

Когда муж Нефертити Эхнатон решил порвать со жрецами Амона и переселиться в новую столицу, а это случилось на пятый год его правления, Джедхор у был же одним из советников Великой Жены владыки.

Название новой столицы Ахет-Атон означало «место, где восходит Атон». Эхнатон избрал место для этого города на середине пути между Фивами и Меннефером на восточном берегу Нила. Строительство велось лихорадочными темпами. Эхнатон повелел возвести дворцы и дома для его фаворитов, выстроить для себя и для них погребальные покои. С севера на юг пролегли широкие улицы, идущие параллельно Нилу. В южной части города возвышался прекрасный дворец фараона, к которому вела широкая улица — Дорога царя. В павильонах дворца стены были окрашены в яркие цвета, а полы выложены великолепной мозаикой. Рядом вырыли озеро, где развели рыбу и пустили водоплавающих птиц.

Дорога царя проходила между дворцом фараона и государственным домом, который по площади был самым грандиозным. Между этими зданиями протянулся мост-арка, в центре которого находилось «окно появления». Там фараон появлялся перед своими подданными, из него раздавал подарки фаворитам. К востоку от Дороги царя и параллельно ей протянулась Дорога Верховного жреца с домами знати по бокам. К северу от дворца фараона находился Великий храм солнечного диска (храм Атона), а к востоку от дворца — малый храм Атона. Помимо основных зданий город украшали и другие великолепные постройки и дворцы.

Переехав в новую столицу Ахет-Атон, Джедхор продолжал служить своей прекрасной госпоже. В душе он не одобрял политику Эхнатона и мягко, стараясь не вызвать гнева, намекал Нефертити, чтобы она обратила внимание владыки на внешнюю политику. Но царица не желала докучать властителю своими наставлениями.

Сам же Эхнатон, полностью порвав со своим прошлым, никогда больше не называл себя сыном Аменхотепа III. Он сменил своё имя Аменхотеп IV, которое означало «Амон доволен» на

Эхнатон — «угодный Атону» и, отвергнув своё истинное происхождение, заявил, что его отцом было Солнце. Рядом со своим именем он всегда писал: «живущий в истине».

Так проходили годы. Эхнатон был полностью поглощён идеей единого бога. Он отменил человеческие жертвоприношения, запретил охоту на животных, проповедовал всеобщую любовь другу к другу, сочинял гимны во славу своего отца — единственного бога Атона и развивал новые направления в искусстве, более реалистичные, чем прежде. Эхнатон был противником насилия и войн, собственно, поэтому он не обращал никакого внимания на внешнюю политику. И в результате так увлёкся обожествлением собственной персоны, что стал претендовать на равенство со своим небесным отцом — Атоном. Подданные льстиво восхваляли его и превозносили в почестях до небес: «Ты принадлежишь вечности, как Атон, — говорили они, — ты прекрасен, как Атон, который дал жизнь тебе, ты пребываешь на небесах, где пребывает Атон…». А Нефертити соглашалась со всем, что делал муж. У неё и в мыслях не было перечить владыке. Порою она даже более ревностно поклонялась Атону.

Любовь и семейная идиллия царили во дворцах Ахет-Атона. Эхнатон боготворил свою жену. Он не жалел сил, чтобы показать ей свою любовь. Нефертити была не царского рода, она никогда не носила титула царской дочери, но Эхнатон возвысил её. Он составил для неё царское титулование и дал ей дополнительное имя «Нифернефруатон», что означало «прекрасная красота Атона». Он всегда обращался к ней ласково и нежно, называя её не иначе как «прекрасная, грациозная, та, чей голос радует владыку, счастливая звезда, возлюбленная живущего Атона, прекрасная любовь Нефертити, живущая вечно…». Нефертити родила шесть дочерей, которых Эхнатон безумно любил. На стенах храмов и гробниц он приказывал изображать себя вместе со своей семьёй. Любимая Нефертити и его дочери всегда были с ним рядом… Но скоро пришёл конец этой романтической идиллии.

Джедхор прекрасно помнил, когда наступил разрыв Нефертити с её мужем.

Этому событию предшествовала ухудшающаяся политическая ситуация в стране. Правитель Хатти завоёвывал всё новые и новые земли. Митанни пала. Письма, которые писали правители покорённых земель Эхнатону, оставались без ответа. Вассальные сирийские княжества, платившие дань Великой Та-Кемет, одно за другим переходили в руки правителя Хатти. Великая держава теряла земли, а Эхнатон как будто не замечал этого.

Видя, как Великая Та-Кемет катится в пропасть, в резиденцию

к Эхнатону приехала его мать, которая всё это время жила в Фивах. Великий владыка Двух Земель встретил её с распростёртыми объятиями. В своё время, когда он провозгласил единого бога в стране и рассорился со жрецами Амона, его мать, к великому огорчению Эхнатона, не последовала за ним в новую столицу. Теперь же, прибыв в Ахет-Атон, она, будучи очень мудрой и хитрой женщиной, попыталась уговорить сына помириться со жрецами. Но Эхнатон категорически отверг это предложение. И его можно было понять. Выстроив Ахет-Атон, он дал обет оставаться здесь до конца дней и увековечил свою волю, выгравировав клятву на пограничном обелиске новой столицы. Текст кончался словами: «Я не нарушу вовеки эту клятву, которую принёс отцу моему Атону». Как же он мог пренебречь божественными словами, тем более запечатлёнными на камне? После долгих раздумий мать предложила ему назначить соправителя, который бы занимался политическими вопросами и уладил, наконец, конфликт с фиванской знатью.

Нефертити прекрасно понимала, чем опасен соправитель для её мужа. Получив такую же власть, как у владыки, он вполне мог, договорившись со жрецами Амона, сместить Эхнатона. Она настоятельно просила мужа не делать столь опрометчивого шага. Но владыка Двух Земель решил безоговорочно следовать советам матери, которую обожал и боготворил, ведь когда-то именно она спасла его от смерти, спрятав в провинции Митанни у родственников, а затем, после смерти Аменхотепа III, возвела на престол. Эхнатон нашёл подходящую кандидатуру в соправители. Это был его сын от младшей жены — Сменхкар. Чтобы дать ему права на трон, Эхнатон женил его на своей старшей дочери Меритатон от Великой Жены Нефертити. Ведь Сменхкар, хоть и был сыном Эхнатона, не мог претендовать на престол, так как только дети от Великой Жены носили титул царских детей.

Юноша был очень красив. Среди всех его многочисленных достоинств следовало особо отметить преданность отцу. Во всяком случае, так казалось Эхнатону. Нефертити в отчаянии сделала последнюю попытку убедить мужа отказаться от соправителя. Но Эхнатон, ещё больше разозлившись на жену, презревшую советы его обожаемой матери, порвал с ней отношения. Обиженная Нефертити удалилась с остальными дочерьми, среди которых была и Анхесенамон, в отдалённый дворец на окраине солнечного города.

Эхнатон тем временем прославлял свою божественную мать, давая ей величественные титулы, которые могла носить только жена фараона. Он называл её не иначе как «владычицей Двух Земель, которая освещает Две Земли своей красотой».

Сменхкар, став соправителем Эхнатона, приказал уничтожить имя Нефертити со всех стен храмов Ахет-Атона и заменить именем своей жены Меритатон. Он прекрасно помнил, что Нефертити не одобрила поступок мужа. А Эхнатону было уже совершенно безразлично, будет находиться имя его бывшей, некогда любимой жены на стенах храма или нет. Он полностью был во власти матери и безмерно доверял Сменхкару, даже даровал своему соправителю царственное имя — «Прекрасная красота Атона», которое раньше носила Нефертити.

И вот, как и предсказывала Нефертити, роковой день настал. Сменхкар выехал в Фивы, чтобы уладить дела со знатными вельможами и жрецами… Но не вернулся. Жрецы Амона сделали ему выгодное предложение: они признают его единоличным владыкой Двух Земель при условии отказа от Эхнатона. Сменхкар, очень амбициозный и властолюбивый юноша, естественно, принял предложение жрецов. Он предал Эхнатона и остался в Фивах, заняв место полноправного владыки Двух Земель. Эхнатона отлучили от власти и оставили узником в его солнечном городе, который тут же потерял статус столицы. Даже мать Эхнатона не ожидала такого предательства от Сменхкара. Она хотела восстановить отношения сына со жрецами, а на деле вышло совсем по-другому.

Однако молодой Сменхкар царствовал совсем недолго. Уже на второй год он пожелал самостоятельно править Великой Та-Кемет, а жрецы продолжали навязывать ему своё мнение. Обстановка во дворце стала невыносимой. Жрецы, надеясь обрести в лице Сменхкара послушного правителя, столкнулись на деле с крайне властолюбивым фараоном, не желающим делить власть ни с кем. В итоге они составили дерзкий план, как убрать непокорного Сменхкара.

Как раз в это время на границе Египта было очень неспокойно. Хетты вели себя всё более нагло, подговаривая приграничные княжества поднимать восстания, и натравливали независимые города друг на друга. Зная, что Сменхкар амбициозен, жрецы начали активно восхвалять его как великого воина, похожего на своего могущественного предка Тутмоса III. Они постоянно говорили, что только он способен вновь завоевать потерянные земли. Жаждая славы и могущества, молодой и горячий Сменхкар клюнул на искусную приманку. Он стал готовиться к походу против «подлых хеттов», чтобы отвоевать вассальные земли.

Что случилось во время похода Сменхкара, никто не знал. Он со своим отрядом исчез… Поговаривали, что правитель попал в плен к «подлым хеттам» и там был убит. Но так ли это? Короче

говоря, трон Великой Та-Кемет оказался свободным.

Следующим к власти пришёл девятилетний Тутанхамон, женившийся на другой дочери Эхнатона — Анхесенамон. Имя его первоначально звучало Тутанхатон (Тут-Анх-Атон), что означало «живой образ Атона». Впоследствии, когда вновь Великий Амон-Ра стал главным богом, он сменил своё имя на Тут-Анх-Амон. Тутанхамон тоже был сыном Эхнатона от младшей жены. Малолетний властитель вместе со своей такой же юной женой Анхесенамон проживал в Ахет-Атоне во дворце Нефертити. Визирь Аи, находившийся там, давно вёл переписку со жрецами Амона, налаживая с ними отношения. После восшествия Тутанхамона на трон он стал наставником молодого правителя, но сразу переезжать в столицу не собирался — планировал сначала укрепить своё влияние и въехать в столицу уверенно, с непоколебимым статусом правой руки повелителя.

И вот, когда Аи уже твёрдо стоял на ногах, владыка и его жена Анхесенамон переехали в Фивы. Аи сразу назначил себя Верховным жрецом Амона, чтобы пресечь всякие посягательства на власть со стороны фиванских жрецов. Утвердившись таким образом, он стал безраздельно властвовать над Великой Та-Кемет.

Джедхор хорошо помнил, как по прибытии в столицу, двенадцатилетний Тутанхамон отдал распоряжение, естественно, под диктовку Аи, о восстановлении храмов Амона. Весть об этом быстро разлетелась по всей Та-Кемет и, конечно же, достигла Меннефера, куда уехала Нефертити и её немногочисленные приближённые вместе с Джедхором. Тутанхамон повелел выбить надпись на стеле, чтобы будущие поколения помнили о его заслугах перед Великим Амоном-Ра:

«Храмы богов и богинь развалились. Земля опрокинута вверх дном, и боги повернулись спиной к этой земле. Сердца их болят, поэтому они разрушают то, что было сделано. Но я замыслил планы в сердце своём, стремясь послужить отцу моему Амону. Я удвоил, утроил, учетверил собственность храмов Амона. Я отдал обширные поместья. И всё это оплачено дворцом владыки Двух Земель».

Триумф Амона-Ра был полным.

Фиванские жрецы во главе с Аи начали восстановление прежней столицы, так безжалостно разрушенной Эхнатоном. Возводились новые, ещё более пышные храмы во славу Амона, возвращались былые порядки и улаживались возникающие внутренние конфликты. Затем Египет обратил свой взор на пограничные территории, где непрерывно возникали восстания. Но отвоевать у могущественных хеттов свои бывшие вассальные владения пока не было возможности. Следовало вначале

прекратить междоусобицы в стране, наладить хозяйство и укрепить границы.

Наслаждаясь властью, Аи совсем не думал о том, что Тутанхамон когда-нибудь выйдет из-под его опеки и захочет сам принимать решения и управлять страной. Ему казалось, что этот послушный ребёнок будет вечно находиться в его власти. За девять лет безграничного владычества он настолько вошёл во вкус, что отказаться от этого было просто немыслимо. Все во дворце повиновались его жёсткой руке. Пожалуй, только военачальник Хоремхеб, когда-то тоже возвысившийся благодаря Эхнатону, не проявлял рабской почтительности к Аи. В его подчинении находились войска Великой Та-Кемет. Обучая молодого Тутанхамона военному искусству, он занимал привилегированное место при дворе. Тутанхамон любил своего учителя и доверял ему не меньше, чем Аи. Хоремхеб был осторожен и почтителен с Аи, но никогда не был его человеком до конца.

Джедхор никак не мог прийти к однозначному выводу, участвовал ли Хоремхеб в заговоре против Тутанхамона. В том, что это убийство, Джедхор не сомневался. Но какую роль сыграл здесь Хоремхеб? Вопрос мучил его с тех пор, как пришла весть о смерти владыки.

«Вряд ли Хоремхеб участвовал в преступлении, — размышлял Джедхор. — Он прекрасно понимал, что трон после смерти молодого правителя попытается занять Аи. А такое Хоремхебу вряд ли будет по вкусу. Он недолюбливает этого выскочку. При Тутанхамоне ему было спокойнее, молодой владыка любил и уважал военачальника. И Хоремхеб был очень привязан к юноше… Но кто знает… кто знает… Может быть, не всё так гладко?»

Вспоминая прошлое и рассуждая про себя, Джедхор пытался найти в окружении Анхесенамон хоть одного человека, на которого можно положиться в крайнем случае. Но ему определённо ничего не приходило в голову. Никому он не мог довериться, а в одиночку выполнить поручение Нефертити весьма затруднительно.

«Следует посоветоваться с Апуи, моим верным слугой, и вдвоём обдумать план действий, — думал Джедхор. — До захода солнца ещё есть время. А пока надо выяснить у жреца-оракула, что же всё-таки означает мой сон».

Глава 13
ГОЛОВА ИУДЫ

Осенние листья, кружась в своем печальном танце, опускались на землю точно так же, как они делали это и восемьсот, и даже восемь тысяч лет назад. Ребята в задумчивости брели по аллее, устланной пёстрым, разноцветным ковром. Листья шуршали под ногами, словно нашёптывали: «Смотрите, как мы шикарно умираем, без шума, с еле слышным шорохом…»

Аня подняла красно-жёлтый кленовый лист и повертела его в руках:

— Надо же, как удивительно все в природе. Создавать такую красоту и каждый год без всякого сожаления смешивать её с землей! А художники пишут всё новые картины, даже не приближающиеся по совершенству к этому листу, но бережно хранят их, и кто-то умничает, изобретая названия для новых направлений: примитивизм, кубизм, абстракционизм…

— Анют, ты интересно философствуешь, — сказал Саша, — только почему-то всегда очень грустно.

— И вовсе это не грустно. Просто я не люблю авангардную живопись двадцатого века, а современной, если честно, вообще не знаю. Я классику люблю. И никогда не понимала, зачем искажать формы, подменяя их своей странной фантазией? Бери мольберт и рисуй, что видишь. Лучше, чем природа, всё равно не сотворишь. Знаете, как отличить гениальную картину от обычной?

— Как? — спросил Саша.

— «Та картина гениальна, которую не нужно объяснять». Так один великий живописец сказал.

— Ну, это немножко о другом, — заметил Ваня. — Есть фраза короче: «Все гениальное просто». И, между прочим, абстракционизм — тоже простая штука. За что я и люблю его. Вот помню на одной выставке большое полотно. Очень точное, приятное глазу сочетание красок, плавные формы, какие-то знаки, а в углу — человеческий глаз. И название соответствующее — «Фантазия №21». Отличное украшение для стены где-нибудь в офисе! Глядя на неё, каждый будет думать о своем.

— Да никто не против, — согласился Саша, — только не надо сравнивать этих художников с Шишкиным или Леонардо. Твой абстракционист, может быть, и талант, но он сколько на свою композицию потратил? День? Два? А великие мастера над одной картиной иногда годами работали. «Явление Христа народу» Александра Иванова — сорок лет упорного труда! Вот это шедевр!

А Микеланджело! Свод Сикстинской капеллы сколько расписывал?

— Точно не скажу, но помню, что несколько лет, — ответила Аня. — Мы с мамой недавно в Риме были. Потрясающая фреска, и конечно, её надо видеть там, в храме. Репродукции такого впечатления не производят.

— Какие из них считаются самыми знаменитыми? «Страшный суд» и «Сотворение Адама»? — проявил эрудицию Ваня.

— «Сотворение Адама» — это вообще восторг! — сказала Аня, поднимая глаза к небу и вспоминая свою встречу с шедевром. — Бог-отец с ангелами в полете, и тело Адама на земле, совсем как живое, кажется, он сейчас проснется, поднимется и тоже полетит…. А ещё помню фреску «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. Это мы уже в Милане видели, в церкви Санта Мария. Он её тоже не один год писал. И нам экскурсовод любопытную историю рассказал. Я её почему-то очень хорошо запомнила. Вам интересно, ребята?

— Конечно, расскажи, Ань, — попросил Саша, украдкой взглянув на часы.

Так уж получалось, когда они переставали спешить, нервничать, ломать голову над безвыходной ситуацией, все проблемы отступали сами собой, никто не следил за ними, ничто не угрожало, и возникала иллюзия, что можно и дальше жить, как прежде, как всегда. Саша лучше других понимал, насколько хрупка эта иллюзия, Аня, наоборот, как девушка, сильнее была подвержена эмоциям, и представлялось просто жестоким напоминать ей о всяких неприятностях в такую минуту.

— Леонардо писал свою фреску не в самой церкви, а в трапезной, по соседству. Работа была уже почти закончена. Но вдруг художник практически остановился, и заказчик — приор церкви потерял терпение. Он пошёл жаловаться на Леонардо к правителю Милана, герцогу Моро. Тот вызвал живописца и спрашивает, в чем дело. Леонардо отвечает, мол, дописать осталось только две головы — самого Христа и предателя Иуды. «Воображения не хватает, — посетовал он, — одинаково сложно создать и божественно прекрасный образ и омерзительный, в котором запечатлелась бы вся низость рода человеческого». Леонардо просил ещё немного времени, чтобы поискать эти образы среди людей. «А если приору невтерпёж, — добавил он, — готов писать голову Иуды с него». После этого приор оставил Леонардо в покое. А надо сказать, что Христа он уже почти написал. Как-то слушая хор в церкви, глянул на одного из певчих и прямо ахнул: «Христос! Правда, слишком молод и безмятежен». Но пригласил певчего в мастерскую и сделал эскизы. С тех пор

прошло много времени. И вот после разговора с герцогом Леонардо вспомнил про певчего и решил найти его. «Наверное, тот возмужал, — думал художник, — и лицо уже не такое безмятежное. Будет именно тот образ, который я ищу». Но певчий пропал куда-то. И Леонардо решил заняться Иудой. Он долго бродил по бедным кварталам, и, наконец нашёл. Человек валялся в канаве, пьяный, грязный, оборванный, он был ещё молод, но выглядел ужасно. «Настоящий Иуда», — решил великий художник и велел доставить несчастного к себе. И написал с него тот образ, который известен сегодня всему миру. А, уже прощаясь и благодаря за деньги, натурщик вдруг остановился перед незаконченной фреской и сказал: «А ведь я уже видел это». «Когда?» — удивился Леонардо. «Не помню. Года три назад или больше. Я пел тогда в хоре, и какой-то художник писал с меня Христа».

— Любопытная история, — сказал Саша.

— А вот и эпилог к ней, — сказала Аня, — Иуда на фреске получился просто великолепно. Настоящее воплощение предательства. А голова Христа так и считается незаконченной.

— Да… — протянул Ваня, — настоящую картину написать — не стакан воды выпить.

— Об этом я и говорю! — с жаром подхватила Аня. — Новые художники разучились работать, они уже не в состоянии «обскакать» великих мастеров, таких как Рембрандт или Айвазовский, вот и стали выдумывать новые формы.

— А Сальвадор Дали? — вспомнил Ваня. — Его картины меня просто завораживают. И вообще я люблю сюрреализм. Макса Эрнста, например, с его немыслимой лесной чащей. Или эти потрясающие губы над горизонтом у Мана Рея… Нет, Ань, нельзя восхищаешься одними только работами старинных мастеров.

— А я этого и не говорила. Мне нравятся многие настоящие художники и двадцатого века, и среди современников, возможно, есть очень талантливые личности. Только, по-моему, с каждым десятилетием их становится всё меньше и меньше. А халтурщиков — всё больше.

— Думаю, это не совсем так, — усмехнулся Ваня. — Просто у халтурщиков есть хорошие спонсоры, которые их раскручивают, а талантливым живописцам не везёт. — Потом добавил: — А Саша сейчас скажет, что ты опять мрачно философствуешь.

— Нет, я другое скажу, — откликнулся Саша. — Мне кажется, они не халтурщики, сегодняшние художники. Они как раз профессионалы, возможно, покруче тех, что были сто лет назад. И работать они умеют. Просто эпоха сменилась. Я тут читал одну статью об общем кризисе культуры, там не только о живописи —

с музыкой, литературой, кино — все то же самое. Так вот, в наше время яркие индивидуальности не востребованы. Всем нужна узнаваемость, повторяемость, и по-настоящему популярны лишь сериалы, сиквелы, приквелы, ремейки, ремиксы и так далее. Это очень похоже на правду.

— К сожалению, да, — кивнула Аня. — А Сальвадор Дали мне как раз нравится. Говорят, его картины — это не видение мира, а ощущение его, погружение в бездну подсознания. Может, я не всё понимаю. Но какая техника, какая мощная фантазия! Великий мастер! Все эти животные, вылезающие друг из друга, слоны на тонких ножках, растекающиеся часы… Вот Дали как раз имел право достраивать природу.

Ваня наморщил лоб, вспоминая что-то, и, наконец, изрёк:

— *Тень не созданных созданий колыхается во тьме,*

Словно лопасти латаний на эмалевой стене…

— Очень похоже, — сказала Аня. — Кто это написал?

— Валерий Брюсов, они почти современники.

— И всё равно реализм мне ближе, — упрямо повторила Аня, как обычно, норовя оставить последнее слово за собой.

Они уже вышли из перехода на Арбатскую площадь, и теперь тут было по-настоящему шумно, а в метро и вовсе не поговоришь.

— Вот что, реалисты, — изрёк Саша. — Пора вернуться с небес на землю.

— Мне надо в институт, — сказала Аня. — У нас опять важные лекции.

— Ну, что, Вань, и мы погрызём гранит науки? — сказал Саша.

— Ты, главное, «Фаэтон» случайно не сгрызи. И давайте так: сразу после учёбы — созвонимся, — попросил Ваня.

— А если с кем-то из нас что-нибудь случится? — спросила Аня удивительно по-деловому. В её голосе не то что страха, даже тревоги не было слышно.

— Мы все на связи, — сказал Саша. — Аккумуляторы проверьте и чтобы деньги у всех были на счету.

— Конечно, — согласился Ваня. — Но если честно, мне кажется, что мы им не нужны по одиночке. И потом, этот Александр Петрович, по-моему, очень крепко завязан во всей истории. Думаю, пока он не позвонит, ничего больше не произойдёт.

— Это ещё почему? — удивилась Аня.

— Объяснить не смогу, — пожал плечами Ваня. — Так, интуиция.

Глава 14
ЧТО СКАЗАЛ ОРАКУЛ

— Мы едем в столицу, — произнёс Джедхор, когда его слуга Апуи вошёл в комнату.

— Когда?

— Сегодня, на закате солнца.

И Джедхор поведал своему слуге всё, о чём они говорили с Великой Нефертити. Апуи, внимательно выслушав господина, тихо сказал:

— Это путешествие будет очень опасным.

— Я знаю, — согласился Джедхор. — Но воля божественной Нефертити — да будет она жива, невредима и здорова! — закон для меня.

Апуи машинально потянулся к амулету и в задумчивости стал вертеть его в руках.

— Ты чем-то встревожен? Или ты не желаешь ехать со мной? — спросил Джедхор.

Апуи внимательно посмотрел на господина.

— Я твой слуга, мой долг служить тебе, — медленно произнёс он. — Ты знаешь, что я всецело принадлежу тебе.

— Ты свободный человек, — произнёс Джедхор.

— Да, свободный, но оставить тебя в такой трудный момент я не могу, — ответил Апуи.

Джедхор улыбнулся. Он всегда был уверен в преданности слуги. Сейчас как никогда Апуи был нужен ему.

— Так что ты скажешь, Апуи?

— Путешествие с самого начала будет опасным. Во дворце Нефертити много тайных шпионов Аи. Я думаю, они следят за царицей так же бдительно, как и за Анхесенамон… Особенно, после того, как убили сына хеттского правителя.

— Ты прав. Аи наверняка велел присматривать за Нефертити, — подтвердил Джедхор. — И о корабле, который по её приказу готовят к отплытию, наверно, уже пронюхали его люди. Единственно, в чём я уверен, — это в том, что они пока не знают о дерзновенном плане Нефертити.

— *Пока* не знают, — сказал Апуи, подчеркнув это «пока».

Джедхор походил по комнате, затем сел в своё любимое кресло и подозвал Апуи поближе.

— Прибыв в столицу, — тихо сказал он, — мы направимся к одному знатному вельможе, который часто бывает во дворце. Его надо подробно расспросить обо всём. Пока мы можем только

догадываться о тамошней расстановке сил.

— Самое главное: твоё появление в столице не должно вызвать никаких тревожных подозрений у Аи, — сказал Апуи. — А встреча с Анхесенамон должна выглядеть как обычный визит для выражения соболезнований вдове.

— А если Аи не допустит меня к Анхесенамон? Сошлётся, например, на её нездоровье? — встревожился Джедхор.

— Если бы была возможность переговорить с Анхесенамон так, чтобы не знал Аи…

— Это почти неосуществимо, — отмахнулся Джедхор. — Разве ты не помнишь, чтобы попасть к владыке, непременно нужно переговорить с Аи. Это он решал, допускать к правителю или нет. А сейчас, думаю, стало ещё сложнее. Просто так попасть к Анхесенамон без ведома Аи — всё равно что идти босиком на остров, омывающие воды которого кишат крокодилами.

— Но может быть есть во дворце люди или хоть один человек, преданный вдове, с которым можно поговорить? Конечно, не посвящая его в наши планы. Он передаст Анхесенамон, что ты непременно хочешь увидеть её, и она, уже зная, что ты прибыл в столицу по поручению её матери, примет тебя без ведома Аи. Даже если визирь Аи пронюхает о планирующейся встрече, он не сможет помешать владычице принять тебя. Надо только, чтобы её известили о твоём приезде… Но кто это сделает? Кому можно довериться?

Джедхор в задумчивости помолчал. Наконец, произнёс:

— Я долго думал, кому из служащих во дворце можно доверять, и пришёл к выводу, что никто не может быть нам полезен. Только двое из свиты Тутанхамона достойны доверия, но сейчас они не станут плести интриги против Аи.

— Ты имеешь в виду Маи, хранителя царских сокровищ? — спросил Апуи. — Да, он действительно был предан семейству Эхнатона и является в высшей степени честным вельможей. К Тутанхамону он относился с большим уважением, это бесспорно.

— И второй вельможа, который был другом Тутанхамона и Анхесенамон, — это военачальник Нахтмин, — продолжил Джедхор. — Только эти двое достойны доверия. Но полагаться на них сейчас я всё-таки опасаюсь. Аи наверняка бдительно следит за ними.

— А Хоремхеб, главный военачальник? Он недолюбливает Аи, и его сила — армия. Вспомни, какими титулами его наградил Тутанхамон, — «Два глаза владыки Двух Земель», «избранник правителя», «управляющий Двух Земель», «помощник владыки во всех странах». Такими титулами можно наградить только преданного человека.

— Нет, — махнул рукой Джедхор. — Хоремхеб сам спит и видит себя в короне повелителя, хотя и не предпринимает пока никаких действий. Он не станет плести интриг против Аи. И не потому, что боится его. Пожалуй, он как раз единственный человек, который не боится Аи. Просто Хоремхебу это не нужно. Он ничего не будет делать, если это не сулит выгоды.

— Тогда надо поискать не среди вельмож, которые всегда на стороне силы (а сила сейчас, как ты понимаешь, на стороне Верховного жреца Аи), — сказал Апуи. — Надо обратить свой взор на мелких служащих: писцов, носильщиков зонта, носильщиков опахала, цирюльников, танцовщиц и особенно на личных слуг и служанок Анхесенамон. Они вхожи в покои вдовы и смогут передать весточку от тебя.

— В твоих словах истина, — сказал Джедхор. — Мы выясним это через одного вхожего во дворец вельможу, которого навестим по прибытии. Может, он сможет шепнуть слуге Анхесенамон нашу просьбу?

— Не знаю, — засомневался Апуи, — станет ли он рисковать. Он может навлечь на себя подозрения и гнев Аи, если кто-нибудь из людей Верховного жреца заметит, что он во дворце разговаривает со слугой Анхесенамон. Я думаю, нам не нужно особенно рассчитывать на этого человека. Вероятнее всего, мы сможем от него получить только сведения.

— Да-а, — протянул Джедхор. — Трудную задачу нам предстоит решить… Но боги не отвратят свой лик от нас, они протянут нам руку, они помогут нам, — с надеждой закончил Джедхор.

— О чём ты говоришь? — не понял Апуи. — Ты так уверен в помощи богов… Как можешь знать ты о их помыслах, которые не могут быть открыты смертным? Своими словами ты прогневишь их. Великих богов можно только просить о защите и покровительстве.

— Я молюсь и славлю богов, создавших землю и небо по своему разумению. Я никогда не забываю жертвовать им богатые дары в храмах. Я воскуриваю чудесные благовония для них. Ты прав — я не могу знать их помыслов. И всё же великие боги дали мне знак. Они великодушны, они протянули мне руку, — воодушевлённо говорил Джедхор.

— Какой знак тебе дали боги? — спросил Апуи.

— А ты забыл? Короткая же у тебя память, — усмехнулся Джедхор.

Апуи растерянно посмотрел на господина. Его лицо выразило удивление, потом смущение, а через мгновение он расплылся в улыбке и торжественно произнёс:

— Твой сон? Ты был у оракула, и он растолковал тебе твой сон?

— Да. Я был в храме Птаха и спрашивал жреца-оракула.

— И что он сказал? — нетерпеливо спросил Апуи. — Твой сон плохой или хороший? Какой смысл он таит в себе?

Апуи, как и все жители Та-Кемет, с благоговением относились к предсказаниям жрецов-оракулов. Слова, сказанные великим мудрецом, владеющим тайными знаниями и способным предсказывать будущее и предотвращать своими магическими заклинаниями беды, несли в себе истину и откровение. Оракулов слушали с замиранием сердца, ведь только через них боги говорили с людьми. Жрецы-оракулы одни могли слышать божественные откровения. Даже владыки советовались с ними по государственным вопросом или вопросам о преемнике…

Джедхор не торопился отвечать. Он хотел, чтобы любопытство Апуи накалилось до предела. «Он забыл, что я ему поведал утром, — усмехаясь, думал про себя Джедхор. — Он даже не спросил, был ли я в храме Птаха, пока я сам не заговорил об этом. Так пусть помучается».

Апуи с нетерпением ждал рассказа господина.

— Налей мне пива, — невозмутимо произнёс Джедхор. — И подай немного хлеба. Жаль, что сейчас траур и нельзя пить вино. Я бы с удовольствием выпил хорошего виноградного вина.

Апуи в мгновение ока очутился перед столиком с напитками и едой. Быстро наполнив кубок пивом и взяв хлеб, он подал всё это у. «Почему же он медлит с рассказом?» — недоумевал слуга. А Джедхор не спеша поднёс кубок к губам и медленно, маленькими глотками стал пить. Только, когда кубок опустел, он взглянул на Апуи и с удовлетворением отметил уже крайнее нетерпение на лице слуги. Апуи смотрел на господина пристально, не моргая, слегка наклонившись вперёд. Весь его вид выражал ожидание и безмерное любопытство.

— Ты сейчас похож на испуганного страуса, который, завидев хищного зверя, замер и боится пошевелиться, — рассмеялся Джедхор.

Апуи смутился и опустил голову. Джедхор улыбнулся, удовлетворённый своей маленькой местью, но через мгновение от его улыбки уже не осталось и следа. Он серьёзно смотрел на слугу. Поправив свою аккуратно подстриженную бородку, Джедхор многозначительно произнёс:

— Так вот. То, что сказал оракул, — очень важно для меня и для тебя тоже. Ведь ты отправишься со мной в столицу. Не так ли?

— Я твой слуга. Я буду следовать за тобой всюду — только

прикажи.

— Хорошо, — продолжил Джедхор. — Оракул сказал, что мой сон поистине чудесен, что боги следят за моими поступками и покровительствуют мне… Моё сердце дрогнуло от таких слов, и я возрадовался. Я спросил толкователя: «Поведай мне о смысле сна. Какое грядущее таит он в себе?» И тот ответил: «Мужайся сердцем! Тебе предстоит опасное путешествие, враги настигнут тебя и занесут свой меч над твоей головой. Но боги защитят тебя от великой беды».

Джедхор замолчал и откинулся на спинку кресла.

— А что ещё сказал оракул? — стал выпытывать у господина Апуи.

— Он сказал странные слова: «Облако спустится, и глазам твоим явятся хранители твои»… И ещё: «Ты должен следовать за своими хранителями и тогда беда не коснётся тебя».

— Какое облако? И как ты узнаешь хранителей твоих? — продолжал настойчиво расспрашивать Апуи. — Оракул не сказал тебе об этом? В твоём сне спасителями явились три газели. Боги послали тебе их образы, но кем окажутся твои хранители на самом деле?.. Их появлению будет предшествовать какое-то знамение?

— Оракул сказал только, что облако спустится и глазам моим явятся хранители мои, — повторил Джедхор.

Апуи нервными шагами стал прохаживаться по комнате.

— А дикий лев в твоём сне? Кто он? Враг? — остановившись, спросил он.

— И очень сильный враг, — с тревогой в голосе произнёс Джедхор. — Толкователь сказал: «У тебя скоро появится очень сильный враг, и ты не сможешь с ним справиться в одиночку. Он намного сильнее и хитрее тебя. Его мощь велика! Он захочет сокрушить тебя. Но боги протянут тебе руку. Ты должен молить их о милосердии и защите!».

— Да-а, — протянул Апуи. — Можно догадаться, что за могущественный враг появится у тебя в скорости… Этот сон, воистину, послали тебе боги. Ты должен следовать их совету.

Джедхор молчал. Он, конечно, понимал, что врагом его станет визирь Аи, который действительно могуч и силён. Утешало лишь то, что боги покровительствуют ему и защитят от беды. «А вдруг боги отступятся от меня? — с тревогой думал он. — Но помыслы мои чисты, — отогнал он от себя эту навязчивую мысль, — сердце моё открыто, оно слышит крики о помощи. И я следую желаниям сердца…»

Долго сидел Джедхор, не произнося ни слова и не шелохнувшись. Он размышлял о предстоящей поездке и

мысленно молился богам, чтобы они отвели несчастья и беду. Апуи молча стоял возле хозяина и ждал.

— Прикажи подать обед, — через некоторое время произнёс Джедхор. — И приготовь всё необходимое к отъезду.

Слуга поклонился и вышел. А Джедхор остался в одиночестве, продолжая обдумывать предстоящую поездку. Его мучило много вопросов. Как попасть во дворец, чтобы не вызвать подозрения Аи? Каким образом устроить побег из дворца? Кто из столичных людей сможет помочь им в этом?..

Глава 15
ЗАГАДОЧНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Только Аня вошла в квартиру, как у неё сразу запел мобильник. В первый момент даже показалось, что сработала охранная сигнализация. Был однажды такой дурацкий случай — родители что-то забыли отключить. Но нет, сейчас это телефон, и к входной двери он никак не подцеплен.

— Да… Хорошо… Знаю… Да, — застигнутая врасплох Аня отвечала быстро и односложно.

А разрывая связь, она уже чуть ли ни одновременно жала на кнопку Сашиного номера.

— Мне только что позвонил человек, — Анюта нервничала и сбивалась с дыхания. — От Александра Петровича… Ну, якобы от Александра Петровича. Сказал, хочет поговорить. Срочно. Назначил встречу в пять в одном кафе. Я знаю, в каком. Почти там же, где мы были… Позвони Ваньке. И давай в полпятого у метро. Понимаешь, у какого?

— А сказать нельзя?

— Я боюсь, — честно призналась Аня. — Вдруг нас прослушивают?

— Но этот тип говорил открытым текстом?

— Ну да…

— Тогда прослушка всё уже записала, Ань. Не хватало нам ещё разминуться.

Аня помолчала, обиженно шмыгнула носом и сообщила:

— В половине пятого у выхода из маленькой Арбатской.

— Хорошо, — сказал Саша, — успеваем, — и дал отбой.

Было без двадцати четыре. «Переодеться, перекусить, накраситься, собрать вещи, — повторяла про себя Аня. — Стоп! Какие вещи?» Почему-то ей очень хотелось уложить с собою всё, что берут обычно в дальнюю дорогу, но для этого пришлось бы взять чемодан. Они так не договаривались. Да и бегать с чемоданом неудобно. Может, взять рюкзачок? Но Аня заставила себя не думать о плохом и остановила свой выбор все-таки на привычной дамской сумочке, в которую, впрочем, вмещалось довольной много полезных вещей. К тому же оделась она по-спортивному, а в куртке были еще карманы.

Ровно в половине пятого вся компания собралась в назначенном месте.

— Что за тип тебе звонил? — спросил Ваня.

— Он не представился, — сказала Аня. — Голос довольно

молодой. Зорина назвал полностью, даже профессорскую должность не забыл. Вряд ли совпадение…

— И больше ничего не сказал, кроме того, что хочет встретиться? — допытывался Ваня.

— Да нет же! Сколько можно повторять!

— Саш, а ты чего молчишь? — переключился Ваня на друга. — Что думаешь по этому поводу?

Саша пристально смотрел куда-то в сторону и никак не реагировал.

— Эй! Ты что, не слышишь? — Ваня дёрнул его за рукав.

— Тихо, — шепнул Саша. — Вон, видите двух типов около киоска? Один в коричневой кожаной куртке и кепке, а другой, невысокий, в костюме. Только поворачивайтесь в их сторону не сразу и не вместе. Поняли?

И всё-таки ребята повернулись в сторону киоска почти одновременно и увидели двух мужчин. Те, по счастью, что-то рассматривали в витрине.

— И что? — спросил Ваня.

— Я их давно приметил. Они вышли вслед за Аней, остановились у киоска и с тех пор так и маячат здесь.

— Ну и что? — Аня по-прежнему не хотела верить в шпионские страсти. — Может, они ждут кого-нибудь.

— Может, и ждут, — ответил Саша. — А мы кого ждём? Пошли. Заодно и проверим.

— Только сразу не оглядывайся, Ань, — поспешил дать совет Иван, вроде он до сих пор был главный по шпионской части, а теперь так неожиданно Сашка перехватил инициативу.

— Помните, когда мы вчера вечером встретили Мишку с Самсунгом, он описал человека, который интересовался нами? Так вот, тип в кепке очень похож на Мишкиного собеседника. Во всяком случае, Мишка упомянул такую же куртку и кепку…

— Как минимум с одного склада брали, — мрачновато пошутил Ваня, потом пригладил свои взъерошенные белокурые волосы и заговорщицким тоном произнёс:

— Ань, ты, похоже, «хвост» привела. И неизвестный звонил именно тебе. Что бы это значило?

— Возможно, и ничего. У нас с тобой «МТС», а у неё «Билайн». Кто-то просто деньги экономит. Не торопись, с выводами, — посоветовал Саша.

Потом он сделал шаг вправо, налетел на встречного пешехода, развернулся на сто восемьдесят градусов, едва не упал, потеряв равновесие, но даже не забыл извиниться.

— Идут за нами, — констатировал Саша в результате всей этой сложной операции. — Хорошо бы оторваться. В

Староконюшенном я знаю один дом с двумя выходами. На обоих, естественно, домофоны, но у меня там однокурсник живет, и сейчас он почти наверняка дома. Это наш главный шанс.

— Давай попробуем, — согласилась Аня. — Не приводить же их в кафе, где назначена встреча.

Старый Арбат встретил друзей субботним весёлым шумом и фонарями, уже затеплившимися мягким розовым светом. Толпы гуляющих обтекали бесконечные торговые точки. Чего только не было на здешних развалах! Матрёшки, шкатулки, вазочки, чашечки, статуэтки, солдатские ремни и шапки, знамена, вымпелы, значки и ещё много всякой всячины. Тут же расположились музыканты с гитарами, скрипками и дудочками, и конечно, художники с мольбертами. Гордое племя арбатских живописцев вот уж лет двадцать честно зарабатывало свой хлеб, предлагая народу нетленные творения и попутно зазывая потенциальных натурщиков: «Не желаете увековечить себя на холсте или бумаге? У вас очень выразительная внешность! Я нарисую вас таким, каким вы мечтаете себя видеть. А не хотите ли шарж?». Прохожий садился на стул перед художником и через десять минут, через полчаса или через час получал готовое произведение искусства — уникальный, действительно уникальный портрет — весь припудренный, приукрашенный или до безобразия карикатурный — какой заказывал. А попадались там и настоящие художники, они рисовали человека таким, какой он есть. Только за это мало кто готов был платить деньги…

— Вот они, таланты, которых выбросил на обочину жизни всеобщий кризис культуры, — красиво сформулировал Ваня.

— Смотри, как бы нас на обочину жизни не выбросило, — шикнул на него Саша. — Сейчас уже некогда о живописи болтать. Не тормози, Ванька.

— А я так люблю гулять по Арбату! — мечтательно проговорила Аня.

— Ребята, вы вообще понимаете, что происходит? Мы тут не гуляем — мы ноги уносим, кстати, сами не знаем от кого, да ещё и хотим успеть на важную встречу.

— А вроде их и нет уже за нами, — высказался Ваня примерно напротив стены Цоя, откровенно развернувшись и внимательно изучая тылы.

— Не расслабляйся, — посоветовал Саша. — В любом случае, останавливаться нельзя, времени нет совсем!

— А знаете, — сказала вдруг Аня, — я чувствую, они за нами следят. Как они это делают, что мы их не видим?

— Ань, ну они же профессионалы, — начал объяснять Ваня, — отпустили на необходимое расстояние, затерялись в

толпе… Их же этому учили не один год.

— Вообще-то, Вань, — решил поспорить Саша, — думаю, как раз эти двое — те ещё профессионалы. Настоящих спецов мы бы с вами никогда в жизни не заметили… Всё! Сворачиваем налево, не оглядываясь, и прибавляем ходу. Я впереди, вы — за мной.

Два раза повторять не пришлось: настрой был уже серьезный. Даже Ваня не вертел головой.

Саша боковым зрением увидел две фигуры, метнувшиеся из толпы в их сторону. Оказавшись в переулке, ребята побежали со всех ног. Хорошо, что спасительный подъезд был недалеко, к тому же им повезло — не пришлось терять время на переговоры по домофону: навстречу выходила женщина с собакой. Чтобы не оставлять о себе плохую память Саша успел ей крикнуть на бегу:

— Мы к Кириллу Ромашову из двадцать пятой!

Внутри подъезда времени тоже не теряли: взбежали по ступенькам вверх, потом ссыпались вниз и оказались у второй выходной двери. Коротко пропищал магнитный замок и через пару секунд они уже были во дворе.

— Следов на лестнице не оставили, — порадовался Ваня. — Хорошо, что сухая погода. Знаете, что ещё надо было сделать? — с сожалением произнёс он, когда они уже выскочили в параллельный переулок. — Надо было лифт с первого этажа отправить наверх.

— Остроумно. Но, как говорится, задним умом мы все крепки.

— Отчего же, — не согласился Ваня, — я это ещё там придумал. Но вы летели, как ошпаренные. А командир у нас — Ветров, я уж боюсь слово вставить.

— Ребята, не ссорьтесь, просто Сашка лучше всех эти места знает. Правда?

— Да, моя бабушка здесь рядом жила. Когда я был маленький, родители иногда привозили меня к ней на каникулы, и мы с местными ребятами играли в этих дворах в прятки. Тут ещё много таких «хитрых» домов. Правда, тогда не было домофонов, даже кодовые замки — не везде, и мы скакали по чужим подъездам, как у себя дома.

По Калошину переулку они благополучно вернулись на Старый Арбат. Место встречи с таинственным незнакомцем было так близко, что вероятность столкнуться с преследователями казалась уже просто нулевой.

И у самого входа в кафе Ваня сказал, как выдохнул:

— Оторвались.

— Похоже, что да, — согласился Саша, широко улыбаясь, ведь главная заслуга была его.

Расположившись за свободным столиком у стенки, ребята еще раз огляделись. Никто пока не ждал и не искал их.

— Кофе что ли себе заказать, или чего посущественнее? — вслух размышлял Саша. — Я с утра толком ничего не ел.

Как будто услышав Сашины слова, из полумрака материализовался официант и протянул им три экземпляра меню.

— Хватит одного и не уходите, пожалуйста, — попросил Саша, — мы очень быстро сделаем заказ. — Потом повернулся к ребятам: — Есть будете?

— То же, что и ты, — коротко сказал Ваня.

— А я не хочу, — отрицательно покачала головой Аня. — Я дома перекусила. Но кофе выпью с удовольствием.

Саша кивнул и, пролистав меню быстрее, чем вахтер просматривает паспорт, объявил официанту:

— Два салата из морепродуктов, два лангета, апельсиновый сок на всех и три кофе. Двойных.

— Зачем двойных? — удивилась Аня.

— Для бодрости. Может, нам и спать-то сегодня не придётся.

— Ты оптимист, однако, Александр. Но почему никто к нам не подходит? — Ваня почувствовал ритм в двух случайно оказавшихся рядом фразах, и автоматически продолжил: — А за окном цветущий олеандр, и в синем море белый пароходик…

— Оболенский, ты бредишь? — удивлённо посмотрел на друга Саша.

— Нет, просто от скуки сочиняю стихи.

Аня невольно улыбнулась, но в целом она не одобряла столь легкомысленного настроя.

— Ну, а действительно, скоро уже половина шестого. Где твой незнакомец? — спросил Саша.

— Уж полночь близится, а Германа всё нет, — сказал Ваня, но его не удостоили ответом.

— Возможно, он уже здесь, — тихо проговорила Аня, — просто не торопится подойти. Присматривается.

— Зачем? — Ваня внимательно обвёл глазами небольшой зал. Посетителей было всего человек десять, от силы двенадцать. — Интересно, который из них Герман? — бормотал он, вглядываясь теперь в каждого по отдельности.

— Что ты крутишь головой, как сова, — возмутилась Аня. — Сиди и жди. Он же сказал, что сам подойдёт к нам.

— Так прямо и сказал? — Ваня обиженно фыркнул, — Что-то я первый раз об этом слышу…

Анина реакция расстроила его, и, чтобы как-то отвлечься,

Иван взял в руки солонку и стал с преувеличенным вниманием её рассматривать. А солонка-то была самая обычная, белая, с дырочками наверху.

— Что ты её так рассматриваешь? — усмехнулась Аня. — На ней узоров нет, и цветы не растут. Или ты ищешь в ней подслушивающее устройство?

Вот тут уже Аня одержала победу на его поле, и Ване стало совсем обидно, но ситуацию разрядил официант с подносом, вновь как-то очень внезапно нарисовавшийся из ниоткуда.

— Простите, — поинтересовался Ваня. — Вас не Германом зовут?

— Нет, — растерялся официант, — Герман уволился ещё в том месяце.

— Ах, извините, ради бога! Какая досада!

Анюта прыснула, и Ваня, торжествуя свою маленькую победу, с аппетитом принялся за любимый салат. Друзья давно и хорошо знали вкусы друг друга и, по счастью, они во многом совпадали. Пирожные, например, были общей страстью, но на этот раз решено было от них отказаться. Анюта чисто по-женски заботилась о фигуре, а мальчишки играли якобы в аскетизм. Короче, ограничились легкими крекерами.

Всё было действительно очень вкусно, а крепкий кофе распространял вокруг пленительный аромат.

Аня даже сама на себя удивилась: «К чему было так раздражаться из-за ерунды? В конце концов, чувства юмора нельзя терять ни в какой ситуации — это истина абсолютная. А Ванька действительно остроумный и вообще симпатичный парень. Да и вёл он себя в принципе нормально. Ну, пытался найти этого персонажа в зале. Так я ведь и сама полагаю, что он уже здесь…»

Аня сидела более удачно, ей не надо было вертеть головой, и пока ребята увлечённо поглощали свой ужин, она потихоньку наблюдала за посетителями. Один из них практически сразу привлёк её внимание. Молодой мужчина, лет тридцати двух — тридцати пяти. Он сидел в противоположном углу зала и читал очень серьезную газету — «Ведомости». Перед ним грустила нетронутая чашка кофе и маленькая тарелочка с таким же позабытым пирожным. Газету он читал уже не менее пятнадцати минут, ни разу не перевернув страницу. Текста на этой большой, полноформатной полосе, конечно, много, но Аня знала по своему отцу-бизнесмену: «Ведомости» так не читают — их просматривают.

— Неплохой обед получился, — удовлетворённо произнёс Ваня, отодвигая от себя пустые тарелки.

— Вполне приличный, — Саша посмотрел на часы и процитировал: — «В Берлине так поздно обедают, что никогда нельзя понять: что это — поздний обед или ранний ужин».

Придвинув к себе чашку кофе, Ваня добродушно протянул:

— Да… не пришёл наш собеседник. Или не дождался нас. Ну, ладно, хоть какая-то польза от посещения этого заведения есть, — и он похлопал себя по животу.

Аня хитро улыбнулась и спросила Ваню:

— Ну что, ты подобрел?

— Вполне, — кивнул он. — Можешь ругать меня сколько хочешь. Но только до тех пор, пока я снова не проголодаюсь.

Ваня сделал глоток горячего кофе и, глядя на Аню, задушевно произнёс:

— Что можно наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу:
«Ты всех милей».
Подумав, я скажу всё то же.

— Это ты мне стихи прочитал? — Аня удивлённо смотрела на друга.

— Конечно, — расплывшись в улыбке, ответил он. — Пушкин Александр Сергеевич.

— Это я поняла. Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент, это правда, — Ваня уже без улыбки посмотрел девушке в глаза и вдруг отвёл их, смутившись.

Аня тоже смутилась, но решила спрятать свои чувства за очередной шуткой:

— Я что-то не пойму, это еда на тебя так влияет?

— Не еда, — скорчил рожицу Ваня, — а твоё присутствие.

Саша медленно потягивал кофе и, глядя на друзей с любопытством, думал, чем же всё это кончится.

Финал оказался, как всегда, неожиданным.

Мужчина, запримеченный Анютой, поднялся, свернул свои «Ведомости» в грозную трубочку (Саше вдруг вспомнилось некстати, что английские футбольные фанаты таким образом маскируют перед дракой бейсбольные биты) и медленно, но абсолютно однозначно направился к столику ребят. Ваня сидел почти спиной к залу и, единственный, не видел происходящего, поэтому девушка резко и даже больно ткнула его локтем в бок.

— Ты чего? Это в благодарность за стихи?

Потом он оглянулся и ахнул:

— А вот и Герман!

«Герман» был невысокого роста с короткими тёмно-русыми волосами и довольно приятной в целом внешностью. Черты лица его были правильными, и оттого плохо запоминались. Особо выделялись только глаза. Они словно улыбались сами по себе, независимо от губ, в них всё время сверкали странные шалые искорки. Опрятная, но невзрачная одежда тоже мало о чем говорила: водолазка, брюки, куртка — всё каких-то черно-серых тонов. Подойдя к столику вплотную, мужчина улыбнулся и спросил запросто:

— Присесть разрешите?

— Не вопрос, — от волнения Саша выбрал какой-то полублатной вариант ответа.

Незнакомец сел и сообщил:

— Это я вам звонил.

— А мы уж думали… — начал Ваня. — В общем, мы давно здесь сидим.

— Я знаю, я пришёл еще раньше. Просто не хотел вам мешать, пока вы кушаете. Я же видел, как вы проголодались.

«Бред какой-то! — мелькнуло в голове у Саши. — Сколько времени потеряно! И мы продолжаем его терять. О чём он говорит?!»

А Ване наоборот понравился ход мыслей таинственного незнакомца. Тремя короткими фразами он сумел расположить его к себе. И возникшее, было, напряжение сразу отступило.

— Да, действительно, — подтвердил Ваня, — мы с шести утра ничего толком не ели.

«Какая солидарность, когда дело касается еды, — удивилась Аня. — Я-то думала у мужиков дело превыше всего. А у них, оказывается, еда — главное…»

Эти мысли прервал сам незнакомец:

— А вы весьма наблюдательны, Аня. Я заметил, что вы следили, как я слежу за вами.

— «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю» — был такой фильм, — пробормотал Саша хмуро.

«Правильно Сашка насторожился, — думала Аня. — Оболенский, романтик, уже готов довериться этим странным смешливым глазам. Он и меня пытается обаять, по имени называет. Знакомая тактика, тут надо быть на чеку. И главное понять, что ему от нас надо. А он резину тянет… Специально? Может, ждёт кого-то ещё?»

— Вы хотели с нами поговорить, — жёстко напомнила она.

Незнакомец улыбнулся ещё обворожительнее, хотя явно понял, что на девушку его чары не действуют.

Саша мысленно поаплодировал Ане и добавил ещё жестче:

— Мы Вас слушаем.

На лице мужчины отразилась озабоченность. Улыбка исчезла, и только странные искорки в глазах так и не погасли. Он помолчал ещё немного, как бы собираясь с мыслями, а затем медленно произнёс:

— Вы, поняли: я хочу поговорить о «Фаэтоне».

Саша машинально сжал в руках сумку с прибором.

Мужчина опять замолчал, вероятно, ожидая ответной реплики, но говорить было пока не о чем. И так ясно, что о «Фаэтоне». Дальше что?

— Я хочу обратиться к вашему благоразумию, — выдавил он из себя.

И тут не выдержал Ваня:

— Не надо о высоких материях. Давайте по делу!

Незнакомец болезненно сморщился от такой бестактности, и ребята вдруг поняли, что он не время тянет и не кривляется, а ему действительно тяжело говорить, у него беда какая-то… Ване сделалось неловко.

— «Фаэтон» может принести вам много неприятностей, — незнакомец подбирался всё ближе и ближе к тому главному, что хотел сообщить.

— Мы это уже поняли, — спокойно ответила Аня.

— Отдайте его мне, и все ваши проблемы исчезнут, — выпалил он, наконец.

— Как это — отдать его вам? — заморгал глазами Ваня.

— Да Вы, собственно, кто такой? — в свою очередь налетела Аня, с вызовом глядя в глаза мужчине.

— И с какой стати мы должны отдавать прибор вам? — спокойно, но твердо задал свой вопрос Саша.

— Вы хотите знать, кто я? — незнакомец спрашивал удивленно: то ли его все должны были узнавать сразу, как телезвезду, то ли — наоборот, он был глубоко засекречен и права не имел раскрывать свою личность кому попало. — Да я же…

Но фраза так и повисла в воздухе. Таинственный человек вдруг как-то весь напрягся и замолчал, словно его выключили. Глаза внезапно потухли, и это было страшно. Он смотрел мимо ребят, в сторону выхода.

И тогда Аня, Саша и Ваня, не сговариваясь, посмотрели туда же.

В дверях стояли те двое, от которых они совсем недавно с таким блеском улизнули.

— Мы попали, — тихо сказал Ваня.

— Быстро отвернитесь! — зашептал Саша. — Они ещё не видят нас. Тут мало света… Пусть у нас будет хоть пять секунд

лишних на раздумья.

Незнакомец сидел всё так же неподвижно, скованный ужасом, и Саша вдруг понял, отчего потухли искорки в его глазах. Как-то он заходил к маме, в её отделение урологии, там лежал больной с почечной коликой — у него были такие же нереально черные глаза со зрачками во всю радужку. Но Саша только слышал раньше, что от страха бывает так же, как и от боли.

Потом незнакомец медленно встал и, будто сомнамбула, двинулся в сторону, противоположную входу. Конечно же, там была другая дверь. И не привлекая ничьего внимания, мужчина скрылся, растворился, исчез — как привидение, просочившееся сквозь стену.

Ребята заворожёно следили за этой сценой, и все трое думали об одном и том же: не повторить ли им самим подобный трюк? Переглянувшись, они поняли друг друга без слов: нет, слишком опасно, там может быть ловушка. Они ведь даже не успели узнать, кем он был, этот чудаковатый незнакомец…

Тем временем двое «знакомцев» уже шли по залу в их сторону…

— Заметили? Похоже, заметили, — то ли подумала, то ли вслух прошептала Аня. — Что делать?

И тут Ваня поднялся, покачиваясь, как пьяный, и громко крикнул заплетающимся языком:

— Офисант! Быстр сюда, офсант!

Все сидящие за столиками обернулись на этот неожиданно громкий призыв и затихли, сгорая от любопытства.

И монолог, произнесенный Иваном, не оставил публику равнодушной. Но пощадим нравственность наших читателей и не станем приводить его здесь. Поверьте, запас весьма специфических слов и идиоматических конструкций оказался у Оболенского намного богаче, чем могли предположить его друзья, привыкшие в последнее время общаться между собой исключительно на «великом и могучем». Досталось и обслуге, и повару, и хозяевам этого… совсем некудышного заведения.

Официант, мирно беседовавший с барменом, сначала вздрогнул, напрягся, потом присмотрелся, оценил масштаб бедствия, и начал готовиться к достаточно привычной операции.

Поддержал друга и Саша. Он был не так артистичен, но шума и некоторой оригинальности в выражениях добавил. Аня поняла, что пора и ей включаться в игру, правда с лексиконом было у нее тяжеловато, зато с криками и визгами вышло совсем неплохо.

Еще бы чуть-чуть, и участниками скандала стали практически все посетители, но тут официант, наконец, посчитав деньги, оставленные ребятами на столике, и получив сигнал готовности

от помощников, громко скомандовал:

— Борька, Вадим! Вперед!

Два здоровенных бугая с угрюмыми лицами проследовали пружинистой походкой к столику разбушевавшихся клиентов. Такие в разговоры не вступают. Доступна ли им вообще человеческая речь? На работе — уж точно нет.

Оставались последние секунды, и небывалое вдохновение накатило на Ваню. Он влез на стул, подбоченился, гордо поднял голову и стал похож на императора Нерона, который во время страшного пожара в Риме стоял вот так на высокой горе недалеко от города и просто наблюдал. Поговаривали, что Нерон сам поджёг Рим лишь для того, чтобы испытать чувства троянского царя Приама в момент гибели Трои и правдоподобнее сыграть его роль на сцене. Нерон был не только тираном, но и прекрасным актёром. Перед смертью, закалывая себя мечом, он воскликнул: «О боги! Какого великого артиста теряет в моем лице человечество!»

«Как похож!» — думала Аня.

Ассоциация была не случайной: однажды еще в школьном театре они делали попурри из классических сцен от античности до наших дней, и Ваня изображал как раз Нерона.

Когда вышибалы уже сняли дебошира со стола и быстро понесли к выходу, он кричал:

— О, жалкие, ничтожные свиньи! Какого артиста вы хотите выбросить на помойку!

Публика аплодировала.

— Никогда еще не слышала более восхитительной отсебятины! — успела шепнуть Аня Саше, и тут вернувшиеся добры молодцы, подхватили под белы руки их обоих и вышвырнули на улицу следом за Ваней.

К счастью никто не пострадал, падая на тротуар — успели сгруппироваться, а потом, обернувшись к вышибалам, дружно сказали:

— Спасибо!

Здоровяки ничего не поняли, но объясняться было решительно некогда, ребята только еще успели услышать, как подошедший официант говорил охранникам:

— Я сразу понял, что это психи. Еще и Германа зачем-то спрашивали…

А позади в дверях толпились поклонники Ивана Оболенского, и прорваться сквозь их заслон тем двоим было совершенно невозможно. Скорей всего, преследователи уже выбрали обходной путь — через служебный вход.

Счет опять пошел на секунды.

Глава 16
ОТПЛЫТИЕ

Солнце клонилось к закату. Возле причала на Ниле стоял большой корабль-ладья. С высоко поднятыми носом и кормой он был похож на полумесяц. Всю его обшивку украшал разноцветный орнамент, а в передней части таращились два глаза удлинённой формы — по одному с каждого борта — главный оберег судна от возможных опасностей. Этот величественный корабль принадлежал лично Нефертити. И сейчас люди на нём готовились к отплытию. Вокруг шла обычная суета: рабы тащили на плечах запасы продовольствия, кормчий проверял, всё ли в порядке с рулевым управлением и вёслами, расторопные слуги заводили лошадей в денник. За работой зорко следил капитан. Он периодически покрикивал на тех работников, которые вдруг начинали медлить, и давал ценные указания слугам.

Но вот приготовления закончены. Гребцы заняли свои места у боковых вёсел, кормчий — у рулевого весла, а капитан взобрался на верхнюю рею, чтобы осмотреть перед отплытием водный простор и прикинуть правильтный маршрут. Разлив реки начался совсем недавно, и кое-где ещё оставалось мелководье. В любое время года, а в это особенно, капитану часто приходилось взбираться на мачту и оттуда наблюдать за рекой. Также во время путешествия он постоянно должен был следить за глубиной, чтобы не сесть на мель. Пока судно двигалось по Нилу, капитан то и дело стоял на носу и длинным шестом промерял глубину.

Великую реку Нил, текущую с юга на север и впадающую в Средиземное море, египтяне называли Итеру, что означало просто «река». Судам, двигающимся по течению, не нужно было поднимать паруса: течение само несло судно в нужном направлении, а для скорости использовались ещё и гребцы. Корабли, шедшие в обратном направлении, обязательно поднимали паруса, а ветер здесь почти всё время дул с севера на юг.

Судно, на которое поднялись Джедхор, Апуи и еще несколько слуг, подняло огромный прямоугольный парус, чтобы направиться в сторону столицы. Слуги разместились в маленьких каютах в кормовой части корабля, а Джедхор и Апуи направились в большую центральную кабину-каюту, специально предназначенную для знатных пассажиров. Просторное помещение состояло из нескольких комнат. Одну из них занял Апуи, другую, наиболее богатую, — Джедхор. Третья комната

служила столовой. Там, на красивом резном столике уже стояли напитки и еда.

Капитан отдал команду об отплытии, и корабль тронулся в своё долгое путешествие по Нилу. Джедхору и его слуге предстояло провести на этом судне не один день, ведь от Меннефера до столицы было очень-очень далеко.

Глава 17
ПОГОНЯ

Двух красавцев-жеребцов сирийских кровей вывели с корабля и запрягли в богато украшенную колесницу. Кони стучали копытами и встряхивали гривами. Им не терпелось размять затёкшие мышцы. Долгое путешествие на корабле в тесном деннике было весьма тяжёлым для них испытанием. Джедхор и Апуи взошли на колесницу. Хозяин взял в руки поводья и, взмахнув золотой плетью, направил лошадей к большому городу, что стоял на возвышенности.

Город располагался на правом берегу Нила и был окружён высокими стенами, с множеством каменных входов. Он носил название Опет, что означало «святилище». Позднее Гомер назовёт его стовратными Фивами. А в более древние времена, когда он ещё не был столицей и назывался Уасет, как IV Ном Верхнего Египта, на территории которого располагался. Затем, в эпоху Нового царства сделался столицей Египта и получил громкое и достойное имя — Опет. Здесь возвышались два огромных храмовых комплекса в честь главного бога Та-Кемет — Амона-Ра.

Опет был поделён на две части: Опет Амона и Южный Опет. В Южном Опете Аменхотеп III, отец Эхнатона, приказал возвести огромный храмовый комплекс, посвящённый Амону-Ра на месте маленького полуразрушенного храма Амона. А в Опете Амона стоял древний храмовый комплекс Амона, построенный ещё Тутмосом III. Оба комплекса, старый и новый, были соединены между собой аллеей сфинксов, по обеим сторонам которой стояли официальные здания и дворцы, окружённые пышными садами.

Вообще, отец Эхнатона очень активно занимался строительством, особенно здесь, в Фивах. Он превратил столицу в цветущий сад с множеством деревьев и цветов, среди которых возвышались дворцы, храмы и золотые обелиски.

На противоположной стороне Нила, на левом его берегу, расположилась Долина царей и Долина цариц, где нашли успокоение бывшие властители Великой Та-Кемет. Там же, на левом берегу, раскинулся ещё один город, окружённый огромной кирпичной стеной, высота которой составляла около двадцати метров, а ширина у основания — около пятнадцати. Стена почти полностью скрывала всё, что было за ней. Этот город выглядел как неприступная крепость. За мощными воротами находились

три царских дворца, построенные Аменхотепом III. Свою резиденцию он приказал возвести к югу от своего же огромного заупокойного храма. Один из дворцов принадлежал его царственной супруге Ти, матери Эхнатона. И у других членов семьи были свои дворцы и дома. Роскошные виллы визиря, царского казначея и главного управляющего стояли чуть поодаль. Резиденцию Аменхотепа III обрамлял пышный сад, где росли пальмы, платаны, ивы, акации, гранаты, многие другие деревья. Тут же раскинулось живописное озеро, поражающее размерами: ведь это был пруд, вырытый по приказу владыки для его супруги Ти. Всего за пятнадцать дней строители сотворили настоящее чудо: три тысячи семьсот локтей в длину и семьсот в ширину. Работы велись во время разлива Нила, и глубокий канал соединял озеро с рекой, а высокие плотины удерживали в нём воду. Аменхотеп III, чтобы доставить удовольствие великой царственной жене Ти, объявил праздник по окончании работ. Большая процессия двинулась к озеру, и после официальной церемонии открытия Аменхотеп III и Ти взошли на великолепную барку под названием «Отблеск Атона», построенную специально для царицы, и торжественно поплыли. По берегу за баркой следовали музыканты и танцоры с весёлыми песнями и танцами. Событие это Аменхотеп III решил сделать ежегодным, объявив, что отныне все жители Великой Та-Кемет 4 октября будут отмечать праздник Озера, непременным атрибутом которого станут пир и развлечения.

Аменхотеп III почитал солнечного бога Атона. Вот почему барка, подаренная Ти, носила его имя. Да и царица около своего дворца поставила небольшой храм в честь Атона, который тогда ещё не мог сравниться с Амоном. Скромные храмы, посвящённые ему, разительно отличались по красоте, убранству и величию от огромных храмовых комплексов Амона. Однако царская чета явно благоволила Атону, и не случайно именно его Эхнатон, сын Ти выбрал в итоге для поклонения.

Недалеко от новой резиденции Аменхотепа III высился величественный заупокойный храм, выстроенный по приказу владыки, где поклонялись бы властителю и после его смерти. Сам Аменхотеп III называл храм «вечной крепостью, владением вечности». Это сооружение было также великолепно, как и новый дворец. К главным воротам вела аллея из каменных изваяний бога Анубиса в виде шакалов. Перед самим заупокойным храмом гордо восседали две гигантские статуи правителя, высеченные из цельных глыб песчаника. Позже греки назвали их колоссами Мемнона — так они величали Аменхотепа III. Высокие двери храма на бронзовых петлях были изготовлены из дорогого

ливанского кедра, отделаны листовой бронзой, по которой выбили огромную фигуру Амона, украшенную золотом и серебром. Внутри храма также возвышались статуи Амона, стелы и обелиски из драгоценных металлов, инкрустированные сверкающими камнями. На одной из стел Аменхотеп III повелел сделать надпись: «Владыка Двух Земель возвёл этот храм, чтобы он существовал миллионы лет, и я знаю, он переживёт всё, что бы ни случилось».

Итак, левый берег Нила со времён Аменхотепа III стал не только местом, где хоронили владык и знатных вельмож, но и главной резиденцией правителей. Эхнатон, вступив на трон, тоже жил на левом берегу в роскошном отцовском дворце до того момента, как переехал в новую столицу Ахет-Атон. Многие вельможи, в том числе и молодой Джедхор, вынуждены были покинуть родные дома на правом берегу и перебраться на левый поближе к резиденции Эхнатона. Но всё же большинство жителей Фив предпочитали оставаться на правом. Только особо приближённые к царской чете жили на одном берегу с ними.

По-настоящему многолюдным левый берег Нила становился. во время проходивших по несколько недель празднеств, посвящённых мёртвым. Наиболее радостным был сам День мёртвых. К некрополям съезжались не только фараоны и вельможи, но и обычные жители, которые несли умершим пищу, цветы и записки с просьбами. Они верили, что мёртвые помогут их бедам и несчастьям, если как следует попросить их. Вечером, когда солнце садилось и наступали сумерки, люди спешили к своим домам, чтобы успеть зажечь масляные лампы. Они прикрепляли их у входных дверей, и весь город сверкал огнями. Лампы горели всю ночь, потому что в это время люди ждали встреч с душами мёртвых, которым разрешалось именно в эту ночь навестить родных и провести остаток праздника вместе. Фонари должны были освещать душам дорогу назад, в Царство мёртвых.

Нефертити и Эхнатон в самом начале царствования, когда ещё жили в своём дворце на левом берегу, тоже принимали в этом участие. Собственно, они всегда были главными действующими лицами на всех религиозных праздниках. Царствующую чету жрецы несли на тронах во главе шествия, высоко подняв над головами людей. Гордо восседая над суетящейся впереди толпой, Эхнатон и Нефертити являли собой живые воплощения богов.

Владыка и его жена направлялись в семейный погребальный храм, отдавали почести умершим, приносили жертвы и воскуривали благовония. Потом вся процессия двигалась обратно.

Так проходили праздники в столице.

Джедхор, являясь членом свиты Нефертити, конечно же, принимал участие в каждом из них. И помнил все подробности, даже самые незначительные. Но одно событие он до сих пор не мог объяснить. Как-то во время шествия Нефертити спускалась с царских носилок и вдруг обронила кольцо, которое, соскользнув с её тонких пальцев, покатилось к ногам Джедхора. Джедхор поднял украшение и хотел, было, передать служанке, чтобы та надела его на палец госпожи, но Нефертити, указав на Джедхора, позволила ему самому надеть кольцо на царственный палец. Это было проявлением высочайшей милости. Ведь никому не дозволено было прикасаться к божественному телу владык, конечно, кроме их личных слуг. Весь двор долго обсуждал это событие. «Зачем она так поступила? А что, если уронила кольцо нарочно?.. Какой-то младший советник посмел дотронуться до руки божественной владычицы!» — перешёптывались вельможи. И действительно, в то время Джедхор был ещё не настолько приближен к Нефертити. Разумеется, он уже не был простым писцом, (Нефертити иногда выслушивала его советы), но он и не являлся тогда её главным приближённым. Почему именно ему царица оказала столь высокую милость? Джедхор не раз задавал себе этот вопрос. Возможно, уже в то время Нефертити разглядела в нём верного и честного человека, который не предаст её в трудную минуту и впоследствии сможет стать её советником… Скорее всего, это был знак: «Я оказываю тебе величайшую милость в присутствии своего народа, и ты должен отплатить мне преданностью». Кто даст ответ, так ли это?..

Когда Тутанхамон и Анхесенамон переехали в Фивы, они, конечно, поселились во дворце на левом берегу Нила. Но после смерти Тутанхамона Анхесенамон перебралась на правый берег в не менее роскошный дворец. Это было необходимо, так как ей ежедневно приходилось возносить молитвы в храмах Амона об упокоении души её супруга. Она должна была присутствовать на всех храмовых церемониях, связанных с ритуалом погребения. И только за два дня до похорон молодая вдова обратно переедет в свой дворец на левом берегу. Туда привезут уже забальзамированную мумию Тутанхамона. В первый день Анхесенамон, сидя в ногах мумии, как бы исполняя роль Исиды у тела Осириса, будет оплакивать усопшего фараона, читая молитвы, посвящённые воскрешению. А на второй день похоронная процессия двинется в усыпальницу Тутанхамона, расположенную в центре царского некрополя в Долине царей.

Колесница с двумя ездоками неспешно ехала по направлению

к главным воротам столицы Та-Кемет.

Справа и слева от дороги простирались непаханые поля, разделённые на участки, — большие квадраты, между которыми были прорыты оросительные каналы. Они задерживали часть воды паводка, чтобы подавать её на поля по мере необходимости. Каждому земледельцу принадлежал участок земли. Границы полей были отмечены камнями, и считалось преступлением, если кто-то передвигал межевые камни. Поля, расположенные ближе к Нилу, были самыми урожайными — при разливе на них попадало больше плодородного ила и воды. Поля, находившиеся на высоких местах, были менее урожайными, так как разлив реки доходил до них не каждый год. Город и близлежащие деревни были построены на самых высоких местах, чтобы их не смыло разлившимися водами.

Сейчас половодье только началось, и все жители Та-Кемет ждали полного разлива, когда река принесёт на их поля плодородный ил. Тогда после спада вод, можно будет обрабатывать и засевать землю.

Дорога, по которой ехали Джедхор и Апуи, была достаточно ровной, так как совсем недавно земледельцы рыли и укрепляли каналы по обеим её сторонам и выкопанную землю клали на дорогу. В результате образовалась приподнятая дамба, которую не размывало в период паводка. Так делали всегда. Таким способом одновременно содержались в порядке и дороги, и каналы.

Слуги, следовавшие за колесницей, несли на себе корзины и сундуки, поэтому вскоре отстали. За сирийскими жеребцами не угнаться, а с тяжёлой ношей — тем более. Джедхор и Апуи уже проехали поля. Дорога постепенно уводила их наверх к высокому холму, на котором расположился город. По обеим сторонам дороги уже росли финиковые пальмы да густые заросли тамариска и акаций. Недалеко от стен города виднелись маленькие деревушки, где жили бедняки, занимающиеся обработкой полей. Через эти поселения проходили более мелкие дороги, они вливались в главную, ведущую к центральным воротам столицы.

Джедхор, придерживая ретивых лошадей, с удовольствием созерцал местный пейзаж. Он не был в этих местах с тех пор, как покинул Фивы вместе с Нефертити и Эхнатоном.

— А здесь всё по-прежнему, — улыбнувшись, сказал он Апуи. — Ничего не изменилось. Кажется, что я и не уезжал отсюда…

Джедхор очень любил город, в котором родился и вырос. В столице у него было небольшое поместье. Когда-то он не захотел

обменять его на более роскошное в другом городе, ближе к Меннеферу. Управлял этим поместьем его родственник, и Джедхор был вполне доволен положением дел. Имение не приносило большого дохода, но расставаться с ним не хотелось. И сейчас он ехал именно туда, в свой родной дом, который оставался единственной нитью, соединяющей его с безмятежным детством и прекрасной юностью. В столице жили его родственники, он не видел их уже много лет, и друзья — с ними он играл в детстве. Здесь он встретил свою первую и единственную любовь… От нахлынувших воспоминаний сердце Джедхора сжалось так сильно, что стало трудно дышать, голос дрогнул, и на глаза навернулись слёзы.

— «От взгляда её я хмелею,

В речах её — черпаю силу,

Такую прекрасную, милую,

Как нежная, белая лилия…», — вспоминал Джедхор стихи, сочинённые им для своей юной возлюбленной.

Апуи молчал, искоса поглядывая на своего господина.

— «Подобной тебе я не видел.

Твоею красой очарован.

Твой стан, словно гибкая ива,

А волосы чёрны, как ночи…», — продолжал Джедхор увлечённо.

Юная красавица, покорившая сердце молодого Джедхора, из-за которой он не спал ночами, вглядываясь в звёздное небо и пытаясь увидеть божий знак, указывающий путь к сердцу девушки, впоследствии стала его женой. Будучи неженатыми, они прогуливались здесь, среди благодатной тени финиковых пальм и тамарисков, держась за руки и болтая о всяких пустяках, казавшихся им тогда очень важными. Джедхор по ночам сочинял стихи для своей возлюбленной, а затем во время прогулки вдохновенно читал их ей…

Вдруг с боковой дороги послышался шум. Джедхор отвлёкся от воспоминаний и прислушался. Ехали колесницы. Он попытался разглядеть приближающихся людей, но густые заросли тамариска мешали рассмотреть всадников. Чтобы избежать столкновения на перекрёстке, Джедхор щёлкнул кнутом, подгоняя лошадей, и те, тряхнув головой, ускорили бег, благополучно миновав опасный участок.

Апуи, обернувшись, увидел, как две колесницы выехали с боковой дороги и, свернув на главную, последовали за ними.

— Почему они так гонят? — удивился Апуи. — Надо прижаться ближе к краю: как бы они не сбили нас.

— Дорога широкая, — успокоил его Джедхор. — Тут впору

ехать трём колесницам вряд.

Апуи настороженно следил за всадниками. Недоброе предчувствие завладело им.

— Подгони лошадей, господин, — сказал он Джедхору, — что-то не нравится мне всё это.

— Да успокойся, Апуи, — улыбнулся Джедхор, — они, скорее всего, торопятся куда-то. Может, у них…

— Гони!!! — вдруг крикнул Апуи, прервав хозяина на полуслове.

— Да что с тобой? — занервничал Джедхор и тоже обернулся назад.

В колесницах, ехавших сзади, рядом с возничими стояли воины… с поднятыми луками. Их стрелы были направлены на Джедхора и Апуи.

— Что они делают? — в ужасе произнёс Джедхор и, с силой дёрнув поводья, погнал лошадей вперёд.

Колесница Джедхора неслась по главной дороге. Тучи пыли, поднятые колёсами и копытами лошадей, скрывали Джедхора и его слугу от взора преследователей. Но лучники не отставали, их возничие нещадно хлестали своих коней плетьми, пытаясь догнать первую колесницу, однако расстояние между ними не сокращалось. Скакуны Джедхора не уступали в силе и мощи лошадям противника. Воины уже выпустили по несколько стрел, но всё было тщетно. Каждый раз, натягивая свои тугие луки и пытаясь разглядеть в клубах пыли Джедхора и его слугу, они стреляли почти наугад. Ни одна стрела не попала в цель. Вернее всего — догнать колесницу и, поравнявшись с ней, уничтожить преследуемых.

Но и до города оставалось совсем немного. Джедхор с надеждой смотрел вперёд и гнал лошадей, что было сил. «Если бы нам удалось домчаться до главных ворот! — с надеждой думал он. — Тогда мы спасены. Главные ворота охраняют стражи, мы будем уже под их защитой…»

Апуи нервно дёргал амулет, висевший на шее. Лицо его покрылось красными пятнами, на лбу выступил пот. Про себя он молился всем богам и просил о великой милости — спасти их жизни.

Джедхор гнал лошадей, пытаясь оторваться от преследователей. Густая пыль туманила глаза и, забивая нос, не давала дышать, но Джедхор как будто не замечал этого. Он крепко держал поводья и, то и дело, взмахивая плетью, подгонял резвых сирийских жеребцов. Однако через некоторое время кони Джедхора стали уставать. Долгий путь по реке в тесном деннике, без разминки, не пошёл им на пользу. Внезапный быстрый бег

очень утомил их, дыхание стало тяжёлым, бока взмокли, изо рта капала пена. «Ещё немного, — подумал Джедхор, — кони, не выдержав, падут, и тогда…», — он на мгновение закрыл глаза, в ужасе представив себе этот трагический исход. «О, Великие, могущественные боги, владыки неба, земли и вод! Услышьте мои молитвы! Будьте щитом моим! Дайте силу моим коням!» — молился Джедхор, думая только о том, как бы дотянуть до стен города.

Расстояние между колесницей Джедхора и преследователями неумолимо сокращалось. Лучники, вновь натянув тетиву, выпустили стрелы, одна из которых со свистом пронеслась над ухом Джедхора, но тот лишь крепче сжал поводья и, стиснув зубы, продолжал гнать лошадей к спасительным воротам. Страх за свою жизнь куда-то исчез, в ушах — лишь топот копыт, в глазах — только город, только ворота…

Апуи, бросив взгляд на Джедхора, не узнал его: каменное лицо, плотно сжатые губы и широко раскрытые глаза, смотрящие в одну точку. Слуга никогда прежде не видел своего господина таким. Казалось, Джедхор впал в оцепенение. В его глазах не было ни страха, ни надежды — в них не было *ничего* . Одной рукой Джедхор крепко сжимал поводья, да с такой силой, что костяшки пальцев побелели от напряжения, в другой он держал плеть, которая с ужасающей монотонной яростью опускалась на спины лошадей. Запылённое лицо было скорее похоже на маску…

Ещё одна стрела пронеслась совсем рядом, задев плечо Апуи. Слуга схватился за раненое место, из которого потекла кровь, но не издал ни звука, чтобы не отвлекать Джедхора, а только зажмурился и прикусил губу. Сквозь полуприкрытые веки и серую пелену пыли Апуи уже различал лица воинов, приблизившихся настолько, что стрелы могли почти беспрепятственно настичь его и Джедхора. Воины вновь невозмутимо натянули тетиву своих луков и, прицелившись, готовы были выпустить смертоносные стрелы…

Глава 18
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД — ПРОШЛОЕ

Ребята успели пробежать по Арбату метров сто, когда, обернувшись, увидели позади преследователей. Конечно, сказалась неопытность: надо было идти спокойно и юркнуть в первый же попавшийся магазин, ресторан, да куда угодно — чтобы там затаиться и выждать. Теперь оставалось одно — сворачивать в любой переулок и прятаться в доме, выбранном наудачу. Только где там спрячешься? Да и подъезды все закрытые… Надежда была лишь на Сашу, лучше всех знающего эти места. И Саша старался, как мог, оправдать доверие.

— За мной! — крикнул он на бегу. — И быстрей! Вон в тот дом! Там есть потайная дверь в соседнее строение.

Дом был старый, облупленный, нежилой, явно приготовленный под снос. И то, что дверь в него не забили, казалось настоящим чудом. Очевидно, здесь работали накануне, да так и бросили всё до понедельника.

— Эта потайная дверь… раньше… была завалена… мусором, — Саша говорил отрывисто, потому что останавливаться было нельзя, а все трое уже запыхались.

— Ладно, — откликнулся Ваня, — другого… выхода… похоже… нет.

Ребята буквально влетели в обветшалый дом. Здесь царили полумрак, запустение и унылый запах брошенного жилья. Угнетающая тоска охватывала любого человека в таком месте, а если ещё за тобой гонятся…

А ведь когда-то это было шикарное здание, претендующее даже на некоторую помпезность. Широкая каменная лестница с красивыми перилами, замысловатая лепнина по стенам и потолкам, тяжелые старинные двери, большие окна — всё это напоминало о благородном прошлом ныне заброшенного дома. При взгляде на эти жалкие остатки былой роскоши, молодым людям невольно захотелось остановиться, помолчать, задуматься о жизни и смерти, однако надо было бежать, бежать и бежать.

Миновав два пролёта, ребята остановились на широкой площадке. Саша шмыгнул в маленький закуток, где, по его прошлым воспоминаниям, находилась та самая потайная дверь, соединяющая два дома. Ваня и Аня последовали за ним. Собственно это был не закуток, а коридор, достаточно длинный и

совсем тёмный, так как уличный свет практически не проникал сюда. Где-то на середине пути они наткнулись на завал из пустых картонных коробок и прочего мусора. Саша вслепую с не слишком уместным в данной ситуации шумом разгрёб проход, и друзья кинулись дальше, в глубину коридора. Наконец, добежав до заветной двери, они застыли в растерянности… Дверь была заколочена. Глаза уже привыкали к темноте и различали толстые дюймовые доски. Саша в отчаянии попытался оторвать одну из них. Потом попробовал Ваня. Бесполезно. От досады Саша пнул доску ногой и хотел что-то сказать, но тут внизу хлопнула дверь и послышались торопливые шаги. Никто не сказал ни слова, каждый догадывался сам: «Это — они».

— Быстро на чердак! — шёпотом скомандовал Саша.

Спотыкаясь о коробки, доски и куски штукатурки, они бросились прочь из коридора, на площадку и дальше — по лестнице вверх. Звук их шагов был нисколько не тише, чем у тех двоих, и предательски разносился эхом по всем этажам.

Услышав удаляющийся топот, преследователи тоже прибавили шагу. От убегающих ребят их отделяли каких-нибудь два-три пролета.

Открытая дверь на чердак была настоящим везеньем. Но что за ней? А за ней оказалось временное жилье местных бомжей. Тут было и некое подобие лежанки, застеленной всяким тряпьем, и что-то, напоминающее стол с остатками пищи и мутными стаканами (Аня от всего увиденного даже передёрнулась). Но главное, возле входа перпендикулярно к стене лежала большая доска вроде той, какими заколачивали дверь внизу. Саша мигом смекнул, для чего использовалась эта доска. Когда вопрос касается жизни и смерти, человек становится на удивление сообразительным. Доска была отпилена таким образом, что если один её конец подпирал собою ручку закрытой двери снизу, то другой утыкался аккурат в основание несущего столба посреди чердачного помещения. Видно было, что этот импровизированный запор использовался регулярно: следы, оставленные доской ясно читались с обеих сторон.

Саше хватило пяти секунд, чтобы поставить доску в распор и убедиться в надежности этой конструкции.

— Класс! — восхитился Ваня.

Анюта же только шумно выдохнула и ничего не сказала.

— Но если они начнут ломать дверь всерьез… — стал рассуждать Саша.

— Они просто сорвут её с петель, — закончил мысль Ваня.

— Вот именно. Мы должны срочно что-то придумать, — Саша ещё не договорил, как уже раздался настойчивый стук и резкий

окрик:

— Открывайте!

Ребята испуганно притихли, но тут же сообразили, что глупо прикидываться, будто их тут нет.

— Чо надо? — начал импровизировать Ваня нетрезвым и грубым голосом

— Сами знаете чего! — ответили из-за двери, но уже не так уверенно.

— Да пошли вы… — Ваня опять входил во вкус. — Спать не мешайте людям!

За дверью повисла тишина. Ребят это порадовало. Значит, удалось посеять сомнение в стане врага. Могли преследователи решить, что бежали по ложному следу? Могли? Так, может, вообще уйдут на улицу? Или всё равно для очистки совести предпочтут сломать дверь? Так или иначе, ещё несколько минут ребята выиграли. Вопрос — для чего?

— Надо найти другой выход, — совсем тихо прошептал Ваня.

Подойдя к маленькому чердачному окошку, он посмотрел вниз. Там была крыша одноэтажной пристройки. Саша заглянул через плечо Вани и констатировал:

— Слишком высоко. В лучшем случае, переломаем ноги.

— Согласен. Вот если б водосточная труба, пожарная лестница, провод какой-нибудь… Нет, — сказал Ваня, высунувшись по пояс, — голая стена.

— Нужна веревочная лестница, — сообразила Аня. — Или хотя бы просто веревка. Может, найдём здесь?

— Точно! — обрадовался Ваня, — из тряпок нарвем лоскутов и свяжем.

Саша скептически оглядел бомжачий гардероб. Прогнивший матрас, старое драповое пальто, болоньевая куртка…

— Ничего не получится, — заключил он.

Из-за двери послышался неясный шум. То ли ребята забылись и стали говорить громче, то ли тем двоим просто надоело стоять и ждать.

— Откроете вы или нет? — спросили оттуда резко.

— В переговоры не вступаем, — шепнул Саша.

— Но они же выломают дверь, — тихо произнёс Ваня — и тогда… Лучше не ждать этого момента.

— Ты на что намекаешь? — спросила Аня строго.

Сильнейший удар сотряс стену и прервал их диалог. От нового удара дверь буквально заходила ходуном. Ребята инстинктивно присели и прижались друг к другу, словно в следующую секунду на них могла упасть крыша. Потом Саша вскочил, подбежал к спасительной доске, проверяя, не

перекосилась ли она от очередной атаки извне и, наконец, выпалил, снимая с плеча сумку:

— Всё! Пора уматывать отсюда.

Аня и Ваня уставились на него, ещё не веря своим догадкам.

Ветров быстро расстегнул сумку и вытащил «Фаэтон».

— Что ты задумал? — всполошилась Аня.

— Вы жить хотите? — спросил Саша спокойно и слегка рисуясь.

— Конечно!

— Тогда — вперед, в прошлое! — прошептал он. — Мы отправимся теперь в одну из моих жизней, достанем там, как минимум, верёвочную лестницу и благополучно вернёмся. Сколько мы там пробудем, конечно, не известно, но здесь-то и минуты не пройдёт.

— Ты что, совсем спятил? — Аня чуть не плакала. — Я ещё от того путешествия никак в себя не приду, а ты меня хочешь опять затащить в средневековье? А если нас убьют? А если «Фаэтон» сломается? Если мы вообще попадем в каменный век? Где ты там верёвочную лестницу будешь искать?

— У тебя есть другое предложение? — вспылил Саша.

— Нет, — потупилась она.

От очередного яростного удара по двери пробежала трещина. Это было уже серьезно. Потом грохот неожиданно прекратился, и ребята услышали голоса.

— Во, какие двери раньше делали! Не то что сегодня… Пойди лом поищи. Какой, какой! Ну, хоть кусок арматуры. Подденем снизу.

И затем явственно донеслись удаляющиеся вниз по лестнице шаги. Из-под двери потянуло табачным дымом. Понятно. Второй остался и перекуривает.

— Пока он один, — азартно зашептал Ваня, — давайте резко откроем дверь и жахнем его чем-нибудь по башке.

— Оболенский, давно ты последний раз бил человека по голове? — ядовито поинтересовался Саша. — А у этого, за дверью, практика наверняка богатая.

— И вообще, он может быть вооружен, — добавила Аня.

— Ну и что? — упорствовал Ваня, — Они же не хотят нас убивать, мы им живые нужны…

— Правильно, — поддержал Саша, — мертвых пытать не интересно.

— Но погодите, они же не садисты какие-нибудь, не инквизиторы, они современники наши! — жалобно пропищала Аня. — Может, мы договоримся?

— Всё, — сказал Ваня, — дальнейшее обсуждение считаю

бессмысленным. Сейчас вернётся второй с ломом — и всё. Сашка, врубай «Фаэтон». Уж лучше где-нибудь там погибнуть, всё интереснее…

— Нет! — почти закричала Аня. — Я не хочу. Давайте вызовем милицию, спасателей, кого угодно, только в нашем мире…

— Анюта! У тебя истерика, — жёстко сказал Ваня, — твое мнение не учитывается. Сашка, забери у неё телефон, а то и правда в милицию звонить начнёт. Или давай оставим её здесь, с этими убийцами из секретной лаборатории, пусть с ними целуется!

— А что, — включился в жёстокую игру Саша, — если хочешь, Анют, можешь оставаться.

— Нет, нет, я с вами! — испуганно пролепетала Аня, приняв всё за чистую монету.

И тут раздался такой жуткий треск, что всех троих бросило сначала в жар, а потом в холод. Такого страха никто из них не испытывал ещё никогда в жизни.

Ветров решительно распахнул крышку «Фаэтона», а Анюта порывисто бросилась к Ивану и обхватила его за шею, словно и впрямь боялась остаться одна на этом страшном чердаке. Ваня обнял её, унимая дрожь:

— Ну, ты что, Анютик, я же пошутил, успокойся… Мы тебя никому не отдадим, даже если это нам будет стоить жизни.

Аня тихонько всхлипывала у него на плече.

Тем временем Саша, уже вложив в специальную выемку прибора большой палец, ощутил легкий быстрый укол и прибор заработал.

«АНАЛИЗ ДНК ВЗЯТ», — сообщила машина. — «ИДЁТ ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ».

Замелькали цифры, непонятные слова и значки. Затем на дисплее высветилась новая надпись:

«ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ПОСЕТИТЬ СВОЮ ПРОШЛУЮ ЖИЗНЬ?».

И два окошечка рядом: «ДА» и «НЕТ».

Саша уверенно поставил курсор на слово «ДА»…

Белый туман. Невесомость. Головокружение… Потом полная темнота. И вдруг яркое, очень яркое солнце…

Глава 19
СОШЕДШИЕ С НЕБЕС

Апуи в последний раз взглянул на Джедхора, который с неистовой силой хлестал лошадей, а потом перевёл взгляд на лучников, готовившихся выпустить смертоносные стрелы. Он уже отчётливо понял, что гибель неизбежна…

И вдруг густой белый туман, возникший словно из ниоткуда, закрыл беглецов от преследователей. Воины, увидев столь неожиданную преграду, в панике побросали свои луки, а возничие с силой натянули поводья, пытаясь остановить вставших на дыбы коней.

Апуи, увидев расползающийся белый туман и услышав дикое ржание лошадей, замер в изумлении. Потом, пристально вглядываясь в странную завесу, заметил внутри неё искрящийся свет. Не в силах оторвать взгляда от этого чуда, он дотронулся до плеча Джедхора и проговорил:

— Смотри, господин…

Джедхор быстро обернулся и, увидав невероятную картину, резко натянул поводья.

Преследователи отстали, шума их колесниц больше не было слышно, и только чьи-то зыбкие силуэты тихо мерцали в белом тающем облаке.

— Что это? — прошептал Джедхор.

— О господи! — вскрикнула Аня и отскочила в сторону, потянув за руки Ваню и Сашку. — Мы чуть не попали под копыта лошадей.

Ребята в испуге тоже отскочили в сторону.

— Осторожней, — воскликнул Ваня, обращаясь к Саше, — не вырони «Фаэтон».

Саша поспешно захлопнул крышку прибора и убрал его в сумку.

Друзья с любопытством и волнением смотрели на богато украшенные колесницы, остановившиеся чуть поодаль. Люди в белых льняных одеждах еле сдерживали взволнованных лошадей.

— Где это мы? — шёпотом произнесла Аня, поближе прижавшись к ребятам. — Кто это?

Воины, побросавшие луки и сошедшие с колесниц, во все глаза смотрели на возникших прямо из воздуха незнакомых людей. Людей ли? Незнакомцы ошеломили их не только своим появлением, но и внешним видом. Необычные причёски, лица,

светлый цвет кожи, наконец, чудна?я одежда — всё говорило о том, что перед воинами не просто люди… Что если это боги, сошедшие с небес? Воины находились в полном смятении. Они даже забыли о колеснице, которую преследовали.

— Что это? — едва слышно переговаривались они. — Сошедшие с небес… они встали на нашем пути… Быть может, это посланцы богов? Или сами боги? Почему они преградили нам путь?

Неожиданное явление повергло воинов в трепет, они топтались на месте, не понимая, что делать дальше. Бежать? А если это боги? Они же всемогущи, в любом месте настигнут и покарают их за позорное бегство. Или это не боги, а всесильные маги, способные появляться и исчезать, когда им вздумается?.. Но зачем они здесь? С какой целью? Ясно одно — *они* не хотят, чтобы воины и дальше преследовали первую колесницу. *Они* преградили путь. А ведь цель была так близка! Воины даже ранили одного из наездников. Ещё немного и…

— Может, мы прогневали богов и они явились наказать нас? — испуганно предположил один из воинов.

— Воистину, боги наблюдали за нами с высоты небес, а затем спустились на белом облаке, — дрогнувшим голосом сказал другой. — Всемогущие гневаются. Разве это хорошо, что мы убиваем своих? Они не хотят, чтобы мы совершали убийство, — он мотнул головой в сторону Джедхора и Апуи, — и встали на их защиту. Смотрите: сам бог Сет, владыка пустынь, засух и песчаных бурь явился защитить их, — и он указал на Ваню, внешний вид которого действительно напоминал о грозном боге Сете.

— Боги отступятся от нас и сделаются врагами нашими, — в смятении зароптали воины. — Они покарают нас, если мы совершим убийство. Они узнали о наших намерениях и вмешались.

— Мы должны молить богов о пощаде. Сет страшен в гневе своём. Лик его свиреп, и нет у него милосердия к тем, кто идёт против его воли, — сказал один из воинов и быстро опустился на колени.

Другие последовали его примеру.

— Лучше не гневить богов, — тихо переговаривались лучники. — Они остановили нас. Идти против их желания — значит наслать на себя проклятие всемогущих властителей небес…

Ваня, Саша и Аня внимательно следили за действиями людей в белых одеждах. Друзья не слышали, о чём те перешёптывались,

а если бы даже и слышали, вряд ли поняли. Мог понять только Саша, ведь это была его прошлая жизнь. Но Ветров казался отрешённым и задумчивым. Его мозг напряжённо работал, собирая из подсознания кусочки той жизни и складывая их в единую картинку, как мозаику. Он должен был вспомнить всё или хотя бы самое важное. И оценить степень опасности, угрожающей им. Саша понимал, как это необходимо, ведь он прекрасно помнил их первое путешествие — в прошлую жизнь Вани. В средневековой Франции они пробыли пять дней, но всё это время им постоянно угрожала опасность. Тогда им повезло: они появились в пустынном месте, никем не замеченные, у них было время осмотреться, разведать обстановку, выяснить, в каком периоде той Ваниной жизни они очутились, в какую местность попали, какие там происходят события и какие люди живут.

Сейчас всё получилось по-другому. Перед ними стояли люди с оружием, придерживая резвых коней, запряжённых в боевые колесницы.

«Понятно, это воины, — рассуждал про себя Саша. — Они держали луки, потом в панике бросили их… Почему? Ну да, мы возникли перед ними неожиданно!.. А ведь они кого-то преследовали… Кони возбуждены от быстрой езды, их с трудом сдерживают… За кем они гнались?»

Саша повернул голову назад, надеясь разобраться в обстановке.

Впереди стояла ещё одна колесница. Двое пристально наблюдали за происходящим. Приглядевшись, Саша увидел, что один из них зажимает ладонью плечо, а на его белой одежде отчётливо проступают пятна крови.

«Так… — продолжил размышлять Саша. — Похоже, он ранен… Значит, мы попали в самый напряжённый момент погони и, кажется, нарушили чьи-то планы. Но почему та, первая колесница остановилась? На месте убегавших. я бы воспользовался ситуацией и сразу умчался. Конечно, наше появление поразило всех. Но жизнь дороже…»

Осматриваясь, Саша продумывал тактику поведения и лихорадочно приводил свои воспоминания в порядок. Мало того, что во всей компании он был самым здравомыслящим, серьёзным и авторитетным человеком, так теперь ещё они попали именно в его жизнь, и только его воспоминания могли здесь помочь. Изо всех сил он старался вспомнить самые важные вещи, но в памяти всплывали какие-то никчемные мелочи: названия небольших городишек, деревьев, драгоценных камней, меры веса, имена воинов и мелких служащих… Ну, просто не за что зацепиться! У него даже голова закружилась от беспорядочно нахлынувших

мыслей.

Воины вдруг встали на колени, и ребята в недоумении переглянулись.

— Что они делают? — не понял Ваня.

— Похоже, они не собираются нападать на нас, — тихо произнёс Саша. — Они испугались.

— Я бы тоже испугался, — заметил Ваня, — если бы перед моим носом вдруг из ниоткуда возникли люди.

— Но почему они встали на колени? — удивилась Аня. — Наверно, они приняли нас за каких-нибудь волшебников или инопланетян.

— Аня, ты что? За каких ещё инопланетян? Раньше двадцатого века и слова-то такого не было, а мы явно даже не в восемнадцатом, — Ваня огляделся вокруг. — Интересно, где мы? В Средней Азии, в Африке, в Мексике?..

— А может, в Китае или в Австралии, — передразнила его Аня. — Что гадать на кофейной гуще, — и она обратилась к Ветрову: — Саш, где мы? Ведь это твоя прошлая жизнь.

Саша отрешённо смотрел в сторону. Брови его были сдвинуты, и между ними образовалась небольшая морщинка, а это являлось верным признаком напряжённых раздумий.

— Сейчас, — медленно произнёс он. — У меня пока какая-то каша в голове. Всплывают в памяти труднопроизносимые имена и названия местностей. Я всё никак не соображу, куда мы попали и какая эта эпоха.

— Судя по климату, — авторитетно заявил Ваня, вытирая пот со лба, — это сильно южнее Москвы. И знаете, что меня радует? Эти люди не нападают на нас. Пожалуй, даже относятся с почтением.

— То, что они встали на колени, ещё не доказывает их почтение к нам, — возразила Аня. — А если это каннибалы? — она даже испугалась собственных мыслей. — Постоят немного, поблагодарят богов за ниспосланную им еду, да и приступят к трапезе…

— Мрачновато шутишь, — осудил Саша. — Вообще-то, я в своей прошлой жизни людей не ел… мне кажется.

— Так кажется или не ел? — настойчиво спросила Аня.

— Да вроде не ел, — смутился Сашка.

— Так, давайте быстрее думать, что делать, — поторопила Аня. — Нельзя вот так просто стоять и рассуждать. Они могут наброситься на нас и…

— Вы не видите, что ли? — возмутился Ваня. — Они не собираются нас есть. Они стоят на коленях, значит, приняли нас за сверхчеловеков или богов. И потом, каннибалы, насколько я

знаю, выглядят совсем по-другому.

— А ты с ними встречался? — съехидничала Аня.

— Бог миловал, но кое-какие сведения имею. Каннибалы и по сей день водятся где-то на островах Полинезии. Одеваются они совсем не так. Носят простую набедренную повязку из пальмовых листьев, а на шее и руках — бусы из зубов крокодила или… человечьих. А у этих, смотрите, украшения вроде не «аборигенские», изысканные такие, похоже, ювелиры делали, и одежда нарядная, белая…

— Ну, правильно, — продолжала Аня гнуть свою линию. — Эти украшения они сняли с тех, кем лакомились на завтрак.

— А эти повозки? — настаивал Ваня. — Откуда у каннибалов повозки? Они и лошадей запрягать не умели.

— А что они с ними делали? Ели, что ли? Тогда это уже не людоеды, а конееды.

— Вообще-то, не только в Полинезии водятся каннибалы, — встрял Саша. — Например, еще в Центральной Африке встречаются. Не говоря уж о том, что некоторые людоеды имеют цивилизованный и даже респектабельный вид, о чем мы хорошо знаем из весьма знаменитых фильмов.

Обсуждение затянулось, и надо было срочно что-то предпринять.

— Так что будем делать? — быстро спросила Аня, бросив взгляд на воинов. — Может, убежим от них?

— Шутишь? — возмутился Ваня. — Нельзя ронять авторитет. Саш, не молчи. Решай быстрее! Если простоим в бездействии ещё минут пять, воины действительно нападут на нас. Они почувствуют наш страх.

— Скажи хоть, в каком мы веке и в какой стране, — попросила Аня.

Саша вытер пот со лба и растерянно произнёс:

— В каком веке, сказать точно не могу, потому что сам не знаю.

— Как это? — удивилась Аня.

— Да тут года исчисляются по-особенному: такой-то год такого-то правителя.

— Ну и кто сейчас правит? — спросила Аня.

— Сейчас?.. — растерялся Саша. — Не знаю. Всё ещё каша в голове. Лезет в голову, что родился я на девятнадцатом году правления Аменхотепа III. Или не я, а мой отец… Нет, вроде, я…

— Кого-кого? — переспросил Ваня.

— Аменхотепа. Третьего, — повторил Сашка.

— А кто это? — допытывался Ваня.

Аня, как всегда игриво, подняла руку:

— Двойка вам обоим по древней истории. Аменхотеп — это египетский фараон.

— То-то я думаю: имена знакомые, — Сашка чуть не хлопнул себя по лбу, но вовремя сдержался. Для бога, тем более, древнеегипетского — жест недостойный.

— Так, самое главное, мы теперь знаем, что попали в Древний Египет, — торопливо произнесла Аня. — Со страной, слава богу, разобрались. Теперь я спокойна.

— Почему спокойна? — не понял Ваня.

— Почему? Почему? — возмутилась Аня непониманием друга. — Да потому, что из нас не будут делать жаркое. Понятно?

— Да отчего же не понятно, — хихикнул Ваня, — конечно, понятно. Древние египтяне не ели людей. Это каждый школьник знает.

Саша поднял руку, давая понять ребятам, что прения окончены, и твёрдо произнёс:

— Ну, всё. Больше медлить нельзя, надо действовать. Теперь я, кажется, знаю, как надо себя вести. Идите за мной и ничего не бойтесь.

Уверенным шагом Саша направился к колесницам. Ребята последовали за ним. Воины, увидев приближающихся богов (или всё-таки людей?), подняли головы и замерли в ожидании.

Саша наскоро сформулировал для себя несколько основных принципов общения с древними людьми: «Быть немногословными — иначе заподозрят неладное. В споры не вступать — боги выше этого. На вопросы отвечать коротко и загадочно… Эх, если б все это еще и получилось!..»

Подойдя к стоящим на коленях воинам, Саша остановился и оглядел каждого из них внимательным и суровым взглядом.

— Мы пришли, чтобы спросить у вас, — начал он торжественным тоном. — Вы совершаете задуманное по велению вашего сердца?

Воины в испуге переглянулись.

— Нет, великий владыка Неба, — запинаясь, ответил самый старший. — Это приказ визиря. Мы исполняем его волю.

— Подумайте о дне, когда вас поведут в страну, откуда нет возврата. Вас спросят там: «Пришли ли вы с чистыми руками?»

Сказав последние слова, Саша с достоинством повернулся и медленно направился в обратную сторону. Ребята последовали за ним.

Воины, смутившись, следили за удаляющимися фигурами троих незнакомцев.

— Воистину, это боги, — слышался взволнованный шёпот. — Они предупредили нас. Мы не должны убивать своих…

— Визирь будет в гневе, если мы не выполним приказа, — робко произнёс один из лучников. — Но идти против воли богов…

— Мы расскажем визирю об этом чуде, он должен знать предостережения властителей небес, — успокоил его старший воин.

Саша шёл так медленно, как только мог, чтобы ещё некоторое время слышать приглушённый шёпот воинов.

— Владыка Неба не сказал, кто он. Но тот, кто с ним — это грозный бог Сет… Да, да, — в смятении шептали они, — это Сет…

Саша взглянул на Ваню, гордо шагающего чуть позади, и с удивлением отметил: «А ведь и вправду похож». Потом он перевёл взгляд на Аню. Она шла рядом, совсем близко, почти прижавшись к нему, такая тихая и испуганная. Эта хрупкая девушка, будто искала защиты. Именно у него! Сашу охватило странное волнующее чувство. Ему захотелось обнять Анюту крепко-крепко, ощутить её голову у себя на груди, погладить по волосам, как маленькую девочку Он так явственно представил себе это, что строгое лицо «Владыки Неба» вмиг преобразилось: на щеках заиграл румянец, а губы расплылись в блаженной улыбке… Однако всё это было несколько не ко времени. Саша вдруг очнулся от сладкого забвения и внутренне одёрнул себя двумя короткими фразами: «Возьми себя в руки! Ты отвечаешь за всех!»

И тут совсем рядом раздался еле слышный голос девушки:

— Может, не стоило поворачиваться к ним спиной? — она буквально вцепилась в Сашину руку. — Вдруг они нападут сзади?

— Не бойся, они не нападут, — Саша был уверен в своих словах. — Идите спокойно и не оборачивайтесь.

Воины тем временем развернули коней и очень скоро скрылись в облаке дорожной пыли.

Услышав звук удаляющихся колесниц, ребята наконец обернулись.

— Они уехали, — облегчённо вздохнула Аня и отпустила Сашину руку. — Что ты им сказал?

Саша тоже вздохнул, но это был не вздох облегчения, а скорее вздох сожаления. Сожаления о том, что маленькая, бархатная ручка девушки уже не будет сжимать его руку, ища защиты… А может, будет? Саша отогнал эти мысли и постарался ответить на вопрос:

— Ничего особенного я им не сказал. Я был немногословен, и в то же время красноречив, как бог.

— Как бог? Ты представил нас богами? — пришёл в восторг Ваня.

— Нет. Они сами сделали этот вывод, я только подыграл, — и он пересказал ребятам диалог между ним и воинами. — Между прочим, — продолжил он, — тебя, Ваня, они приняли за грозного бога Сета.

— Это радует. Сет всё-таки существеннее гейма, — плоско пошутил Ваня.

— В теннис будешь в Москве играть. А здесь Сет — бог пустынь и песчаных бурь.

— О как! — Ваня обалдел от восторга. — Ну-ка, расскажи мне про него. Я должен войти в образ.

— Расскажу, — ответил Саша, — но позже. Сейчас нам надо разобраться вон с той колесницей. И ещё. Знаете, почему я никак не мог понять, куда мы попали? Меня смутило название страны, где я жил раньше. Оно и близко не напоминает слово «Египет». Страну здесь и сейчас называют Та-Кемет, что означает «Чёрная Земля», а иногда просто Та-Мери — «Любимая Земля». И тоже самое с городами, их же потом греки переименовали. А в истории я, сами знаете, не силён. Вот и растерялся, вот и молчал, чтоб вас не путать… Честно говоря, воспоминания у меня до сих пор отрывочные.

— Всё понятно, — сказала Аня. — Ты, Сашуня, особо не напрягайся, а то ещё сойдёшь с дистанции раньше времени. Лечить тебя, сам понимаешь, тут особо некому. А куда мы без тебя? С Ваней во Франции, ты вспомни, точно такая же была история. Давай лучше, и впрямь, займёмся этими… потерпевшими. Они уже совсем близко.

Глава 20
ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

— Ты ранен? — обратился Джедхор к своему слуге.

— Это не страшно, — ответил Апуи, сжимая повреждённое плечо. — Ты лучше взгляни на воинов, преследовавших нас. Они бросили луки и встали на колени перед теми, кто появился из белого облака.

Джедхор задумался и молча наблюдал за происходящим.

«Это чудесное появление трёх странных незнакомцев, — анализировал он, — случилось как раз в тот момент, когда нам угрожала смертельная опасность. Воины почти настигли нас. Ещё бы чуть-чуть — и наши жизни оборвались бы…» Он взглянул на Апуи, который неотрывно следил за происходящим, а потом медленно, каким-то таинственным голосом произнёс:

— Облако спустится, и глазам твоим явятся хранители твои.

Апуи перевёл взгляд на Джедхора и нахмурил брови, пытаясь вспомнить откуда это. Но через мгновение брови его поползли вверх, в глазах блеснул странный огонёк, а большой с горбинкой нос, казалось, ещё больше удлинился. Лицо его выразило сначала озабоченность, а потом удивление. Даже скорее, не удивление, а чрезмерное возбуждение… Ну да, это слова оракула, сказанные им накануне отъезда из Меннефера.

— Твой сон сбывается, — взволнованно проговорил Апуи.

— Воистину так, — подтвердил Джедхор. — Всё, что предсказал оракул, мы видим воочию. Хранители явились, чтобы защитить нас.

— Ты думаешь, воины больше не будут нас преследовать? — с сомнением спросил Апуи.

— Не знаю, — ответил Джедхор. — Но если верить моему сну, воины должны уйти, не причинив нам вреда.

— А что нам делать сейчас? Ехать или ждать?

— Ждать, — твёрдо произнёс Джедхор. — Мы должны встретиться с нашими спасителями, услышать совет или предупреждение. Ты помнишь, что сказал оракул? Он сказал: «Ты должен следовать за твоими хранителями, и тогда беда не коснётся тебя».

— А если они вдруг исчезнут так же внезапно, как появились? Или не захотят видеть нас и говорить с нами?

— Такого произойти не должно. В моём сне газели сопровождали меня до самых стен города, указывая путь. А это значит, что хранители должны помочь нам совершить то, зачем

мы едем в столицу. Ведь так решили боги, ибо они великодушны и милосердны к нам.

— Ты прав, — согласился Апуи. — Если это те самые спасители, которые привиделись тебе во сне, — они не должны так просто уйти. Они обязательно заметят нас и подойдут.

Джедхор и Апуи стали ждать. Они твёрдо решили действовать согласно словам оракула.

После того как воины развернули коней и направились в противоположную сторону, обрадованный слуга воскликнул:

— Они уезжают. Мы спасены! Это поистине чудо! Эти незнакомцы действительно явились, чтобы спасти нас! Слава богам, великим и могущественным! Они защитили нас!

Апуи от радости даже забыл про свою рану. Боль куда-то ушла, сменившись переполнявшим его чувством радости и облегчения. Жизнь — это лучше, чем смерть. Какой смешной ни казалась фраза, но это было первое, что пришло в голову Джедхору и его слуге. Смерть представлялась всем жителям Великой Та-Кемет, как переход в иной, лучший, мир, где нет ни врагов, ни соперников, ни болезней, ни горестей, а только великое спокойствие и наслаждение.

Всю свою сознательную жизнь египтяне готовились к загробной жизни: строили гробницы, обустраивали их, собирали ритуальные принадлежности, с помощью которых рассчитывали избежать опасностей в ином мире. Они собирали утварь, одежду, украшения, с тем чтобы пользоваться всем этим в Стране мёртвых. Люди побогаче заказывали мастерам по дереву статуэтки рабов, которые должны были работать вместо них в загробном мире, а бедные лепили эти статуэтки из глины, потому что там, в Стране молчания, они тоже не хотели работать, а надеялись в полной мере насладиться радостями загробной жизни. В общем, вся их жизнь протекала в подготовке к «вечному существованию». Они усердно готовились к тому, что однажды, когда придёт их час, они войдут в Царство мёртвых, счастливую страну где-то на далёком западе, и уже там будут существовать *вечно*.

Однаконикто не торопился туда. Почему? Так ведь ещё никто не возвращался оттуда, чтобы рассказать, действительно ли хорошо там умершим.

Апуи наблюдал, как две колесницы с воинами медленно удалялись в противоположную сторону, а таинственные незнакомцы уверенно шли прямо к ним.

— Ты видишь, Джедхор, трое спасителей идут к нам, — произнёс слуга.

— Оракул — великий мудрец. Мой сон он истолковал

точно, — взволнованно произнёс Джедхор. — Я пойду им навстречу.

Он отдал поводья слуге и решительно направился в сторону незнакомцев.

Аня, увидев идущего к ним человека, замедлила шаг и обратилась к Саше:

— Он идёт к нам. Чего он хочет?

— Думаю, поблагодарить, — сказал Саша. — Как я понял, уехавшие воины преследовали его колесницу, и даже ранили его напарника.

— Интересно, а почему они хотели их убить? — Ваню разбирало любопытство.

— Один из воинов сказал, что это приказ визиря, — ответил Саша.

— Визирь — правая рука правителя. Так? — тихо произнесла Аня. — А мы, получается, нарушили его планы. Может нам не стоит во всё это вмешиваться?

— Мы уже вмешались, — объяснил Саша. — Другого выхода не было. Но ты не волнуйся, Ань, человек, который идёт нам навстречу, — не воин, сразу видно. И поговорить с ним определённо стоит. Мы хоть выясним, что здесь произошло, и заодно разведаем общую обстановку.

Джедхор подошёл к ребятам и остановился, с удивлением рассматривая своих спасителей. Внешность, да и одежда, настолько поразили его, что какое-то время он молча стоял, не в силах вымолвить ни слова. Ребята тоже молча рассматривали подошедшего к ним человека.

Наконец, придя в себя, Джедхор поклонился и взволнованно произнёс:

— О, могущественные спасители, вы явились по велению богов, чтобы защитить нас?

Саша немного растерялся. Этот прямой вопрос требовал такого же прямого ответа. Он никак не мог сообразить, как лучше ответить, а выдумать что-то несуразное на ходу было не в его стиле. Неподходящий ответ мог повлечь за собой массу ненужных вопросов, что было крайне нежелательно, ведь он ещё так слабо ориентировался в своей прошлой жизни. Короче, требовался предельно хитрый ответ, провоцирующий местных на откровение, и не обязывающий их самих рассказывать о себе ничего определённого.

«Раз они думают, что мы посланцы богов, пусть будет так, — решил Саша. — Сказать правду, что мы прибыли из далёкого будущего за верёвочной лестницей, — просто идиотизм. И потом,

что для них будущее? Для них будущее — это настоящее, — ответил он сам на свой вопрос. — Никакого прогресса на протяжении столетий, никаких глобальных перемен: те же боги, те же храмы, те же молитвы и церемонии, те же обожествлённые правители, меняются лишь имена. Вряд ли они поймут, что в будущем человек станет жить совершенно иначе, что каждые десять лет, а то и чаще в мир будут врываться новые изобретения, совершаться удивительные открытия. Как они смогут представить себе самолёт или компьютер, мобильный телефон или телевизор… Хотя, откровенно говоря, неизвестно, что лучше: жить в комфорте, имея всё под рукой, и одновременно дышать загрязнённым воздухом; смотреть в экран телевизора и видеть, как то тут, то там гибнут животные в экологических катастрофах; содрогаться при мысли о войне, после которой может не остаться ни одного человека на планете… Стоп, Ветров! В тебе проснулся древний египтянин, мечтающий о спокойной жизни, и, конечно, тебя пугает образ далёкого и непонятного мира. Но сейчас не время для философии. Соберись, Ветров! Итак, мы — посланцы богов. Это самый лучший выход. Всё происходит по воле властителей неба — ничего лучше и нельзя придумать».

Обдумывая свой ответ, Саша не заметил, как пауза затянулась, молчание становилось неловким для всех. Ребята в недоумении поглядывали на своего товарища, не понимая, почему он медлит. Джедхор тоже пребывал в растерянности. Не услышав ответа, он заволновался.

«Быть может, это сами боги явились спасти нас, и гневаются на непочтительное отношение к ним?» — подумал он и склонился ещё ниже. Ещё мгновение — и он упал бы на колени перед таинственными незнакомцами, но тут раздался спасительный голос одного из них:

— Боги — вершители судеб, — наконец начал вещать Саша, плавно растягивая слова. — Они направили нас сюда, не сказав зачем. Но раз боги сделали так во имя вашего спасения, значит, это было важно для них, ибо замыслы их безупречны. Всё свершается по их воле, потому что они всемогущи.

Монолог получился длинноватый и далекий от ораторского совершенства, но Джедхор облегчённо вздохнул, а Саша перевёл дух и замолчал. Он понял, что пока не ошибся: не ударил лицом в грязь, и в то же время не сказал ничего лишнего, а это было действительно нелегко. «О, Боги, благодарю вас! И жду вашей помощи, о, боги!» — Саша поймал себя на этой непроизвольно возникшей мысли, удивился, но тут же и порадовался: он входит в образ!

Саша, конечно, мог бы представить себя и своих друзей

богами, что в данной ситуации сработало бы, как с теми воинами, но решил не делать этого. Быть посланцами богов выгоднее на перспективу: проще вести беседу и соответствовать своей роли в новых ситуациях. Прежде всего нужно выяснить обстановку и политическую ситуацию в стране. Тогда он хотя бы вычислит в какой период своей прошлой жизни попал. А, назвавшись всесильным властителем неба, кроме бессмысленных восхвалений ничего не услышишь. Кто станет рассказывать богу о делах — бог и сам всё знает. И потом, играть роль божества — значит, творить чудеса, например, совершать исцеления. А если разоблачат, как шарлатана — могут и камнями побить. «Нет, — думал Сашка, — лучше быть людьми, конечно, не простыми смертными, а вот именно посланцами богов. Незнание языка, странная внешность, одежда — всё можно списать на предначертания высших сил. И, наконец, главное: мы явились спасителями, и это даёт нам шанс обрести друзей в лице спасённых».

Джедхор, услышав ответ на свой вопрос, немного успокоился. То, что сказал незнакомец, казалось, совсем не удивило его. Он привык, что деяния богов не оспариваются. Никто не смеет вмешиваться в божественные замыслы. Если богам было угодно послать именно этих хранителей, значит, так оно и должно быть. Всё совершается по их воле, они — вершители человеческих судеб, они знают, что делают.

Джедхор поднял голову, внимательно посмотрел в глаза незнакомцам и спокойно произнёс:

— Боги выбрали вас нашими хранителями, значит, вы достойны этого. Вы чисты сердцем, раз, не зная своего предназначения, выполнили их волю в точности.

— Вы говорите так уверенно о нашем предназначении, — удивился Саша, — как будто знали, что мы явились спасти именно вас.

— Мы были предупреждены о вашем появлении, — нисколько не смутившись, ответил Джедхор.

Саша потерял дар речи. «Кто мог предупредить их о нашем появлении?» — пронеслось у него в голове.

Заметив замешательство собеседника, Джедхор решил объяснить:

— Мне было видение, вещий сон. Оракул, растолковавший его смысл, сказал: «Тебя подстерегает смертельная опасность. Твои враги настигнут тебя и занесут свой меч над твоей головой. Но облако спустится, и глазам твоим явятся хранители, чтобы защитить тебя».

— Так значит, наше появление предсказал оракул? —

переспросил Саша.

— Именно так, — ответил Джедхор.

Сашка чуть не присвистнул. Он совершенно не верил в чудеса, особенно в какие-то предсказания. Он был серьёзным человеком, даже слишком. Все эти рассказы о колдунах, экстрасенсах, приведениях и другой нечисти казались ему просто смешными. Но тут действительно было что-то странное и таинственное. Какой-то оракул, живший в далёкой древности, предсказал их появление, даже описал, каким образом они появятся. Чудеса, да и только!

— Ну что ж, — сказал Саша. — Мы рады, что сами, не ведая того, помогли вам избежать опасности.

— Вы развернули колесницы воинов, преследовавших нас, хотя могли этого не делать, и тем самым спасли наши жизни. Вы говорите, что не знали о вашем предназначении, но *боги* знали об этом. Они выбрали вас исполнителями их воли, потому что были убеждены, что вы поступите именно так, как поступили.

«На самом деле, — думал Саша, — мы поступили так, потому что у нас не было другого выхода. Воины могли нас просто убить как помеху, срывающую их планы… Хотя, если задуматься, вряд ли они решились бы на это. Наше появление было настолько неожиданным и необычным, что невооружённым глазом было видно, в какое смятение они пришли. Ко всему прочему, моё туманное выступление перед ними подлило масла в огонь… Но всё это не стоит знать нашему собеседнику. Пусть думает, что это божественное провидение».

Джедхор внимательно рассматривал незнакомцев и, конечно, не смог удержаться от мучившего его вопроса:

— Скажите, откуда вы, спасители, на какой земле вы живёте? На вас странные одежды, и внешность ваша говорит о том, что вы не нашего рода.

Саша ожидал этого вопроса.

— Мы из далёкой страны… из очень далёкой, — помедлив, ответил он.

— Но где находится ваша земля?

— На самом краю света, — соврал Сашка. — Туда не дойти и не доплыть. Дорогу туда знают только боги. Боги покровительствуют нам. Они открывают нам тайные знания, не доступные другим народам. На нашей земле живут люди, которые знают и умеют очень многое.

— Очень многое? — удивился Джедхор. — Неужели на вашей Земле любому смертному доступны знания богов?

— Да, — сказал Саша.

— Ваша Земля называется Землёй Магов или Оракулов?

— Нет, — ответил Саша. — Просто знания открыты для всех. Во всяком случае, для тех, кто желает их получить, — поспешил уточнить он.

— У нас великие знания богов доступны лишь избранным, — Джедхор в недоумении смотрел на своего собеседника, он не мог поверить в то, что сказал незнакомец.

«Великие знания доступны всем. Что это за Земля, — думал он, — где боги вверяют простым смертным тайные знания? И что это за знания, не доступные другим народам? Наши маги поистине великие мудрецы и разве кто-то может с ними сравниться? Но раз этот странный незнакомец говорит так, значит, так оно и есть. Ведь появились же они таким чудесным образом… И воистину это было величайшее чудо из чудес».

— Что же умеют ваши люди? — не удержался от вопроса Джедхор. — Вам покоряются стихии земли, воды и неба?

— Нам подвластно многое, но только на нашей Земле. Вдали от дома наши силы не так велики.

Джедхора, казалось, разочаровал ответ незнакомца. Он даже подумал: «А может, они не настолько всесильны, как говорят».

Саша уловил сомнение собеседника. Статус «посланцев богов» нельзя было терять ни в коем случае. И он поспешил добавить:

— Но есть знания, которыми мы владеем неизменно, где бы ни находились.

Саша понимал, что сейчас необходимо чем-то удивить собеседника, доказать, что они являются избранными, находящимися под покровительством богов, а не простыми чужестранцами. К чужестранцам египтяне относились достаточно предвзято, если не сказать высокомерно. Свой народ они почитали великим, и это, безусловно, было оправдано, ведь Египет являлся очень могущественной державой. Властители соседних земель, принося с собой богатые дары, приходили на поклон к фараону, прося у него «дыхания жизни». Даже к великим завоевателям — хеттам — египтяне относились с лёгким пренебрежением. Внешний вид хеттов не просто пугал их, он отталкивал. А как иначе? Стройные египтяне, с выбритыми лицами, одетые в тонкие льняные одежды считали хеттов «с лицами, похожими на попугаев», просто чудовищами, чьи длинные волосы локонами спадали на заросшие щёки, а густая борода как бы завершала этот зловещий вид. Хетты, в отличие от изысканно одетых египтян, носили высокие заострённые войлочные шапки, из-под которых торчали их огромные носы. Ноги хеттов «украшали» войлочные башмаки с загнутыми носами, которые не шли ни в какое сравнение с элегантными сандалиями

египтян. А одежда из плотной тёмной шерсти просто отпугивала благочестивых жителей Та-Кемет, считавших шерсть грубой и нечистой. Короче говоря, зная это высокомерие египтян, соседние страны, стремились, в некотором смысле, перенять образ жизни великого народа.

Итак, учитывая все обстоятельства (а в Сашиной памяти это всплыло очень чётко), нужно было во что бы то ни стало закрепить за собой право называться «посланцами богов», а не чужестранцами, и завоевать почтение и уважение со стороны собеседника, особенно такого. По всему было видно, что перед ними стоял не простой египтянин, а знатный вельможа, значит, его поддержка ребятам совсем не помешает.

«Нам не на кого опереться в случае непредвиденных обстоятельств, — думал Саша. — В конце концов, надо добыть соответствующую одежду и еду, чтобы продержаться здесь несколько дней. Кто поможет, как не этот спасённый? А чтобы завоевать почтение и уважение, надо доказать свою исключительность».

Джедхор ждал продолжения. Он непременно хотел убедиться в чудодейственной силе своих спасителей.

Многозначительно взглянув на собеседника, Саша сделал серьёзное лицо и торжественно произнёс:

— Где бы мы ни находились, нам подвластна стихия огня. Мы можем высекать огонь лёгким движением пальцев.

Джедхор в изумлении уставился на незнакомца. Его лицо при этом выразило крайнее любопытство и удивление.

Саша незаметно достал из кармана маленькую зажигалку, завалявшуюся у него с тех пор, как они запускали петарды, и ловко замаскировал её в ладонях. Затем, наклонившись к рукам, тихо прошептал «магические слова» и лёгким движением пальца «высек» огонь.

Маленькое пламя вырвалось из рук таинственного незнакомца и чуть не обожгло ему лицо.

Джедхор от удивления открыл рот. В руках незнакомца горел огонь! Джедхор подошёл поближе и поднёс руку к пламени, чтобы проверить, не наваждение ли это, но тут же отдёрнул её. Огонь обжёг его. Он, конечно, видел чудеса, которые проделывают их маги: брошенная о землю трость превращалась в змею и уползала; или маги специальными заклинаниями вызывали ду? хов умерших правителей и оракулов, которые были способны отвечать на вопросы и давать советы. А один раз было явлено великое чудо из чудес: жрецы погасили солнце и сделали ночь среди бела дня. Ещё Джедхор слышал от мудрецов, что во времена Великого правителя Хуфу (по-гречески Хеопса) жил

могущественный маг по имени Тета. Рассказывали, что он мог прирастить отрезанную голову или, к примеру, заставить льва следовать за человеком без привязи. А самое главное, говорили, будто он знал магические слова — «слова власти». Эти слова являлись заклинанием, открывающим «дверь» в «тайник знаний». Произнеся их, маг мог обратиться с просьбой или вопросом к высшим силам…

«Вероятно, эти слова известны таинственным незнакомцам, — подумал Джедхор. — Почему огонь не обжигает руки посланника? Он усмирил с помощью магических заклинаний стихию огня? Как можно держать огонь в руках? На это способны только боги или великие чародеи».

Саша поднял вверх большой палец, и пламя исчезло. Затем он проделал этот «фокус» ещё раз, а потом ещё и ещё. Джедхор как заворожённый смотрел на маленькое пламя, которое по желанию незнакомца то появлялось прямо из его рук, то исчезало.

Саша внимательно наблюдал за своим знатным собеседником, испытывая при этом чувство в чём-то справедливого превосходства. Он понял, что смог удивить вельможу. Для начала этого было вполне достаточно. Его друзья, внимательно следившие за развитием событий, конечно же всё поняли без лишних объяснений.

— Вы и вправду великие маги, — тихо произнёс Джедхор. — И неспроста именно вас послали могущественные боги для нашей защиты. Только вы способны помочь в нашем трудном деле и защитить от врагов.

Теперь пришла очередь удивиться Саше.

— В каком деле? И почему именно мы должны быть вашими защитниками? Разве вам теперь угрожает какая-то опасность? Воины, преследовавшие вас, уехали. Вы можете спокойно продолжить свой путь.

— Продолжить свой путь без вас? Это невозможно. Об этом не может быть и речи! — ужаснулся Джедхор. — Оракул сказал: «Ты должен следовать за своими хранителями, и тогда беда не коснётся тебя».

Саша немного растерялся. «Ну вот, — подумал он, — переборщил я что ли?» Настойчивость собеседника очень удивила его. «Что за ерунда такая, — думал он. — О какой беде говорил оракул? И куда за нами можно следовать? Мы сами-то здесь, как слепые котята… Ничего не понимаю! Понятно только одно — они чего-то или кого-то боятся, ведь неспроста за ними гнались воины».

Саша решил напрямую задать вопрос:

— Кого вы боитесь?

— Визиря Аи, — честно ответил Джедхор. — Это он послал воинов убить нас.

— Почему? — допытывался Саша.

Джедхор замялся. Он никак не мог решить, говорить ли этим *людям* , зачем он едет в город? Ведь это великая тайна. То, что эти трое не просто люди, а необыкновенные люди, Джедхор понял. Но как открыть им тайну?

«Нет, — подумал он, — такую великую тайну я не могу открыть так сразу, я должен к ним присмотреться. Но и отпускать их нельзя. А вдруг они исчезнут? Они должны помочь нам. Без них нам вдвоём с Апуи не справиться».

Саша сразу понял замешательство собеседника. «Он не хочет говорить, в чём дело, а может, не имеет права, — подумал он. — Он хочет, чтобы мы были его защитниками в каком-то трудном деле, но сам не говорит, в каком. Возможно, это какая-то политическая интрига, ведь в ней замешан визирь. Лучше бы не лезть в это дело! Но всё-таки надо выведать у него, что происходит в городе. И потом, нам надо где-то остановиться. Не можем же мы бродить тут, постоянно привлекая всеобщее внимание своей одеждой и внешностью».

— Так почему вас преследуют воины визиря? — настойчиво переспросил Саша.

Джедхор наконец собрался с мыслями и ответил, тщательно подбирая слова:

— Мы едем в столицу по одному важному делу. Об этом, вероятно, узнал визирь. Он боится, как бы мы не причинили ему вреда, поэтому он и послал воинов убить нас.

— Визирь опасается, что вы причините ему вред, — повторил слова собеседника Саша. — Значит, не вы боитесь визиря, а он вас.

— Но у могущественного Аи сила. У него воины, власть. А у нас ничего этого нет, — как бы оправдывался Джедхор.

— Так зачем же вы едете в пасть ко льву? — не унимался Саша, вынуждая своего собеседника объясниться.

— У нас очень, очень важное дело в столице, — повторил Джедхор.

Саша понял, что проявлять настойчивость бесполезно. Этот человек ему больше ничего не скажет, по крайней мере, сейчас. «Ну и хорошо, — подумал Ветров. — Меньше знаешь — лучше спишь. Расспрошу-ка его о том, что творится в городе».

— Мы хотим отправиться в город, — начал Саша, — и намерены провести там несколько дней, пока боги не призовут нас назад.

Джедхор сразу повеселел, услышав такие слова, и предложил ехать вместе:

— Скоро подойдут мои слуги. Они следуют за нами. И дом мой открыт для вас, если пожелаете, — он низко поклонился. — Прошу вас быть моими гостями. Слуги проводят вас. А мы с Апуи, — и он махнул рукой в сторону колесницы, — поедем вперёд и прикажем приготовить для вас лучшие комнаты, чтобы вы смогли отдохнуть с дороги.

Саша с удовольствием принял предложение Джедхора.

Пока они ждали появления слуг с поклажей, Саша представил Джедхору своих друзей, объяснив, что они не понимают местного языка, и поэтому он будет переводить все их разговоры. В свою очередь, Джедхор рассказал о себе и о том, что он вместе со своим доверенным слугой прибыл из Меннефера в столицу не только по важному делу, но и с тем, чтобы выразить почтение и соболезнование Великой Жене, а ныне несчастной вдове Анхесенамон.

— Великий владыка Двух Земель Тутанхамон ушёл в Царство мёртвых, — объяснил Джедхор, — и сейчас в стране семидесятидневный траур. Бедная молодая вдова безутешна. Скоро состоятся похороны владыки, и мы будем присутствовать на траурной церемонии, будем утешать и поддерживать молодую вдову.

— А кто преемник? — спросил Саша. — Кто теперь будет владыкой Двух Земель, ведь у Анхесенамон нет детей?

— Это пока неизвестно, — ответил Джедхор, изумлённо посмотрев на собеседника.

«Откуда он знает, что у Анхесенамон нет детей? — подумал Джедхор. — Ведь я ничего не говорил об этом… Конечно, они посланцы богов и, наверное, всё знают. Но тогда почему он спросил: кто преемник?» Джедхор уже приготовился задать вопрос, но тут вдали послышалось приглушённое пение. Вереница слуг медленно приближалась, неся на своих плечах корзины и сундуки. Немного подумав, Джедхор решил отложить расспросы до дома. Повернувшись к спасителям, он улыбнулся и с мягкой настойчивостью повторил свою просьбу:

— Я прошу вас быть гостями в моём доме. Сейчас я отдам распоряжения слугам. Они проводят вас.

Ребята согласно кивнули, и довольный Джедхор быстрыми шагами направился навстречу своему каравану. Увидев приближающегося хозяина, главный слуга, отвечающий за имущество, устремился к господину. Подбежав, низко поклонился, выслушал распоряжения хозяина и закивал головой.

Джедхор предложил ребятам сменить их замысловатые

наряды на обычные одежды горожан.

— Так вы не будете привлекать внимания стражи, которая охраняет центральные ворота, — объяснил он. — Да и в городе лучше не появляться в таком виде. Люди визиря хватают всякого подозрительного человека и ведут на разбирательство. Аи всюду мерещатся заговорщики, — усмехнулся Джедхор.

Он подвёл их к большому сундуку и, открыв его, предложил выбирать одежду. Саша взял инициативу в свои руки. Через несколько минут все трое предстали перед Джедхором в белых льняных одеждах и даже не забыли изысканные украшения.

Джедхор одобрительно кивнул, но заметил:

— Ваши причёски и необычные сандалии выдают вас.

«Ну ладно, — подумали ребята. — Обувь можно поменять или снять вовсе, а вот с причёской… Не будут же они бриться наголо».

Увидев замешательство своих спасителей, Джедхор попросил немного подождать, подозвал главного слугу, и вскоре перед ребятами стояли два небольших сундучка, в одном из которых лежали всевозможные парики, а в другом — сандалии.

От сандалий — жёстких и неудобных — отказались сразу.

— Лучше будем ходить босиком, — сказал Саша.

Потом стали водружать себе на головы тяжёлые парики с чёрными завитыми локонами, доходящими до плеч, чуть не расхохотались, потому что выглядели ужасно несуразно. Голова казалась такой огромной, будто её специально надули.

Ваня оглядел Аню и произнёс:

— Это гофрированное белое платье с платком на плечах тебе очень идёт, особенно хорошо смотрятся украшения на шее и запястьях, только вот… — он сделал паузу, — причёска совсем не красит, — и Ваня лукаво улыбнулся.

— Ты лучше на себя посмотри, — ответила ему девушка. — Что это за платье на бретельках, да ещё с поясом в виде передника. Ты в этом одеянии очень похож на официанта из ресторана «Голубая устрица». Лучше бы надел простую набедренную повязку.

— Вообще-то, я бы ещё и платок накинул на плечи, жаль, что это предмет женского туалета, — стал оправдываться Ваня и неожиданно спросил: — Ань, у тебя случайно нет крема от загара? Я очень боюсь обгореть.

Аня покрутила пальцем у виска.

— А что? — пожал плечами Ваня. — В дамской сумочке, насколько мне известно, можно найти всё что угодно.

— Откуда тебе это известно? — прищурилась Аня.

— Жизненный опыт, — пространно заметил Ваня.

— О, я и не знала, что ты специализируешься по женским сумочкам, — развела руками девушка. — И часто ты в них заглядывал?

— Раза три, — сказал Ваня, не думая.

— Солидный результат, — процедила Аня.

Это препирательство могло затянуться надолго, и Саша решительно произнёс:

— Ну, хватит вам уже. Как хорошо, что наши новые знакомые не понимают по-русски!

Аня и Ваня перевели сердитые взгляды на Сашу и мигом перестали ссориться. Гляда на Сашин наряд, они чуть не рассмеялись в голос. Большой чёрный парик, белая туника и нагрудное украшение полностью разрушали Сашин имидж. Всегда такой строгий и обстоятельный, не любивший броско одеваться, не признававший перстней, цепочек и браслетов, он выглядел сейчас просто карикатурно. Вот тебе и посланец богов!

— Александр Валентинович, по-моему, Вам не к лицу это платье, — только и вымолвила Аня, усилием воли сдерживая смех.

— Особенно на бретельках, — подхватил Ваня.

Саша смутился, но сразу взял себя в руки.

— Идут или не идут — это второй вопрос. — Сейчас мы должны быть одеты, как египтяне. Понятно?

— Понятно, — дружно ответили ребята, давясь от смеха. Сашина серьёзная физиономия и строгий голос совершенно не гармонировали с его новым нарядом.

Он бы и сам предпочел не устраивать подобного маскарада. Ему казалось, что в этом идиотском наряде он сильно теряет привлекательность в глазах Ани, и это было главное, от чего он страдал. Но… он прекрасно понимал, что есть вещи и поважнее. Поэтому повернулся к Джедхору и поблагодарил его за одежду.

Свою московскую одежду ребята аккуратно сложили в корзину и не стали не отдавать слугам. А парики решили пока не надевать.

— Перед самыми воротами и напялим, — сказал Саша, — иначе на таком солнцепёке, да ещё в этих шапках просто получим тепловой удар.

— А куртку свою я, пожалуй, всё-таки наброшу, — заявил Ваня и полез в корзину. — Боюсь плечи обгорят на солнце.

Аня, взглянув на него в тунике на бретельках и в спортивной куртке, только вяло хихикнула — смеяться уже не было сил.

— Думаю, можно двигаться, — сказал Саша.

А Джедхор низко поклонился таинственным посланцам и сказал, что с нетерпением будет ожидать их прибытия.

И колесница уехала, оставив после себя лишь облако пыли.

Глава 21
ХОЧУ БЫТЬ ФАРАОНОМ

Трое друзей, изнывая от жары, медленно шли по пыльной дороге, в сопровождении слуг Джедхора. Раскалённое солнце светило так ярко, что глазам было трудно смотреть, его обжигающие лучи накалили не только землю, но и воздух, который тихо дрожал, не давая вздохнуть всей грудью. Стены города, маячившие вдалеке, в этом горячем мареве казались видением, миражом, а беспощадно яркое небо было вовсе не голубым, а выжженным практически до белизны.

Главный слуга, которому Джедхор отдал распоряжение сопровождать гостей и исполнять любое их желание, видя, как незнакомцев утомил путь, поспешно подошёл к ним и предложил немного передохнуть, выпить воды и поесть фруктов.

— Попить было бы неплохо, — сказал Ваня, после того как Саша перевёл слова слуги, — а останавливаться, пожалуй, не стоит, лучше быстрее дойти до города, тем более, он уже совсем близко. Но, знаете, ребята, — жалобно добавил он, — если мы в течение пятнадцати минут не доберёмся до какой-нибудь тени, то я просто сварюсь, как рак.

— И на твоей могиле напишут эпитафию, — сказала Аня. — «Здесь лежит Иван Оболенский, сваренный заживо в прошлой жизни своего друга».

— Вообще-то, я слышал, что люди опасных профессий — испытатели, альпинисты, спасатели — никогда не говорят о смерти, — заметил Саша. — Пора бы и нам взять на вооружение этот принцип.

Аня перестала улыбаться. Она хотела что-то возразить, но тут как раз слуга принёс кувшин с водою, и это событие полностью поглотило внимание всех троих. А, утолив жажду, они сразу переменили тему.

— Ты прочитал на экране «Фаэтона»? Сколько времени мы проведём здесь? — тихо спросила Аня у Саши.

— Всё произошло так быстро, я почти сразу крышку захлопнул и убрал прибор в сумку. По-моему, там было…

Саша не успел договорить, потому что из толпы носильщиков донесся странный звук, похожий на стон. Аня и Саша повернули головы и увидели изумленные лица слуг с расширившимися от удивления глазами. Все смотрели на Ваню. А тот с сияющей улыбкой на лице и стоном безмерного наслаждения лил себе на голову холодную воду из кувшина. Египтяне, как заворожённые

наблюдали за происходящим. Саша быстро подошёл к Ване и выхватил у него кувшин, но, к сожалению, сосуд был уже совершенно пуст.

— Ты чего? — не понял Ваня.

— Это же вода для питья, балбес!

— Ну и что?

— Ничего! — возмущённо объяснил Саша. — Её пьют, а не купаются в ней. Чистая вода среди пустыни — это же ценность величайшая. А ты куда её льёшь? В песок.

— Называть мою голову песком — в высшей степени беспардонно с твоей стороны, — Ваня уже понял, что был неправ, но решил спрятать неловкость за очередной шуткой. — В моей голове, как правило, рождаются гениальные мысли, а если мозги сварятся на этой жаре, то… — видно было, что Ваня еще не придумал финала своей шутки.

— То что? — поторопила Аня.

— Гениальные мысли, тоже будут вареными, а это, конечно, диетично, но не так вкусно, и главное, в них резко падает содержание витаминов…

— Витамины в мыслях? — Аня сдержанно улыбнулась. — Бред какой-то! Я думаю все как раз наоборот: если твоя голова как следует прожарится, все лишние мысли испарятся и останутся одни гениальные

— Шутки шутками, уважаемый автор гениальных мыслей, — вмешался Саша, — но слуги осудили твое поведение и смотрят сейчас, как на дикаря.

Ваня пригладил мокрые волосы и, повернувшись к публике, все еще не пришедшей в себя, произнёс:

— Ах, простите, уважаемые коллеги, я не нарочно!

— Скажи спасибо, что они не понимают тебя, — сказал Саша. — И запомни на будущее: купаться только в реке.

— Там, наверно, крокодилы, — предположил Ваня. — А что во всем городе нет ни одной бани? Все ходят мыться на реку?

— В богатых домах есть купальни, — успокоил его Саша. — И даже пруды с утками и лилиями.

— А нас пригласили в богатый дом? — не унимался Ваня.

— Сам-то как думаешь?

— Ну, не бедный, наверно. Столько слуг, колесница красивая…

— Тогда чего спрашиваешь?

— Так, на всякий случай. В конце концов, если человек богатый, нечего жалеть на меня воду. Мог бы и на вас полить, тем более, что мы спасители. Может, попросим еще пару кувшинчиков?

— Иди, балбес, — улыбнулась Аня и хотела дать Ваньке подзатыльник, но решила отложить на потом, ведь за ними наблюдало множество удивлённо-испуганных глаз.

— До города совсем недалеко, — сказал Саша. — Думаю, никто уже не успеет свариться, Вань.

Солнце нещадно слепило глаза, и Ваня прищурился, чтобы разглядеть стены города. Потом, вспомнив что-то, порылся в карманах, достал тёмные очки и с гордостью водрузил их на нос.

— Так-то оно лучше, — удовлетворённо произнёс он. — А ты, Ань, смеялась надо мной в Москве, помнишь?

— Тогда они смотрелись странно: осень, пасмурно… — откликнулась Аня.

— Там была маскировка, — объяснил Ваня. — А здесь… здесь они просто очень кстати.

— Слушай, Иван, — вмешался в их разговор Саша. — Мне кажется, что наши сопровождающие скоро попадают в обморок.

— Почему? — удивился Ваня.

— Ты им расслабиться не даешь. Посмотри на лица этих несчастных.

А слуги и впрямь уже вывернули шеи, косясь на Ваню, они периодически спотыкались и непрерывно перешёптывались.

— Ничего, пусть привыкают, — нагло заявил Ваня, — посланцы богов имеют право на некоторые странности.

— Да уж, — вздохнула Аня. — Когда-нибудь подведёшь ты нас под монастырь со своими фокусами.

— А разве в Египте есть монастыри? — невинно улыбнулся Ваня.

— Вот что, хохмач, — Саша взял предельно серьезный тон, — прежде чем сделать что-то, или даже сказать на людях, советуйся со мной. Обязательно. Мы находимся в Древнем Египте. Тебе тут ничего не известно. И попадать из-за этого в неприятную историю совершенно не хочется.

— Ладно, ты прав, конечно, — Ваня сбавил обороты. — Тогда давай не терять времени. Рассказывай нам по дороге всё, что знаешь об этом Египте.

И Саша стал рассказывать. Теперь он уже очень многое помнил из своей прошлой жизни. Ребята внимательно слушали.

— Выходит, ты жил при трёх правителях: Аменхотепе третьем, Эхнатоне и Тутанхамоне? — решила уточнить Аня.

— При четырёх, — поправил её Саша. — Ты забыла про Сменхкара.

— Но он же совсем недолго правил: сначала с Эхнатоном, потом один, да и то под бдительным оком жрецов. Его можно не считать.

— Знаешь, — с сомнением произнёс Саша. — Сменхкар не умер, как многие думают. Он попал в плен к нубийцам, поднял восстание и пошёл отвоёвывать трон у своего брата Тутанхамона. Это скрывали во дворце, но я-то знаю. Не забывай, кем я там был. Все дворцовые интриги мне известны… Ну, почти все… Когда Тутанхамон собрал войска и выступил против нубийцев, все думали, что он идёт подавлять восстание в вассальных землях, а на самом деле он шёл защищать свой трон. И вообще народ удивился.

— Почему? — Ане стало любопытно, ведь она в целом неплохо помнила историю Древнего Египта.

— Так ведь у совсем молодого Тутанхамона со здоровьем были проблемы — врождённый дефект: он не мог повернуть голову, не повернув всего тела. У него были сросшиеся шейные позвонки. Это делает человека крайне уязвимым. Сами понимаете, любое нападение сзади, толчок или что-то ещё может привести к трагическим последствиям. Недостаток этот был известен всем во дворце, скрыть-то его было практически невозможно, хотя Тутанхамон и старался изо всех сил. Короче, такому инвалиду идти на войну — самоубийство. Вот все и удивились: самому возглавить поход, ехать в боевой колеснице, увёртываться от стрел — как это, возможно с такой болезнью позвоночника?! К тому же у фараона был великолепный, опытный полководец Хоремхеб — умнейший стратег. Как правило, он возглавлял военные походы. В общем, слухи поползли разные… Но это отдельная история. Давайте я лучше расскажу вам про тот период, в котором мы находимся сейчас. Тутанхамон уже умер, но еще не похоронен. А у его жены Анхесенамон нет сыновей.

— И кто же будет править теперь? — спросил Ваня. — Нам-то это должно быть известно из учебников истории.

— Боюсь, что как раз учебники нам тут и не помогут. Выбор следующего правителя Египта сегодня зависит от нас, — заявил Саша на полном серьезе.

— Опаньки! — воскликнул Ваня. — Объясни-ка подробнее.

— Объясняю, только вы не перебивайте. Анхесенамон должна выбрать себе нового мужа, который станет владыкой Двух Земель. У неё всего семьдесят дней. Сколько-то из них уже прошло. Имя владыки она объявит во время траурной церемонии.

— Я понял, — сказал Ваня, — значит, у меня тоже есть шанс стать фараоном.

Аня покрутила пальцем у виска.

— Перегрелся на солнце, — поставила диагноз девушка. — Понимаю, если б ты был царем соседней державы. Царице Клеопатре, например, был интересен Юлий Цезарь, а потом Марк

Антоний — чтобы удержать трон. А зачем ты нужен принцессе Анхесенамон? Кто ты такой?.. Впрочем, у тебя действительно есть шанс…

— Ты на что намекаешь? — напрягся Ваня.

Она хитро улыбнулась и сказала:

— А вот возьму и не скажу! И не быть тебе никогда фараоном! Такая маленькая месть за большие обиды.

— Я больше не буду, — кривляясь, заскулил Ваня, а потом добавил нормальным голосом: — Хотя, если честно, не понимаю, о каких обидах идет речь.

— Вот видишь, какой он, — повернулась Аня к Саше.

— Вижу, но переделывать его поздно, во всяком случае, сейчас не время этим заниматься. Так что, говори уж.

— Ладно, — начала Аня, — ты можешь произвести впечатление на вдовствующую царицу, если представишься… — она многозначительно подняла глаза к небу, продолжая тянуть время, поправила свои красивые длинные русые волосы, отряхнула невидимую пыль с белого льняного платья и сделала совсем серьёзное лицо. — Вельможей? Нет, на вельможу ты не тянешь, и на полководца тоже, разве что… на грозного бога Сета!

— Точно, а я и забыл совсем! — воскликнул Ваня.

— Ну а бог — это всё же лучше, чем просто Ваня с Пресни, — рассмеялась Анюта.

Ваня гордо поднял голову, пригладил свои пышные, уже почти высохшие кудрявые волосы и произнёс как скороговорку или заклинание:

— Я бог Сет! Я бог Сет! Я бог Сет!

Было очень весело, но Аня продолжила сквозь смех:

— Погоди радоваться. Конечно, Сет — могущественный бог, но репутация у него так себе.

— Но ведь я сам лучше, и значит, всех приятно удивлю, в том числе, и Анхесенамон. Вот увидите, если мне удастся встретиться с ней, — а ведь она молода и очень недурна собою, — держу пари — я завоюю её сердце!

— Не удастся, — сурово ответил Саша. — Во-первых, кто ты такой, чтобы тебя вообще пустили во дворец, а тем более к принцессе?

— Кто я такой? Я — бог Сет. Я — бог Сет… Они не посмеют отказать грозному богу пустынь и песчаных…

— Во-вторых, — перебил его Саша, — ты обещал вести себя хорошо и не лезть во всякие авантюры. А в-третьих, ты вряд ли будешь в её вкусе.

— Это почему же?

— Сам посмотри: бледнолицый, светловолосый, да ещё

кудрявый — полный урод с египетской точки зрения.

— Это у плебеев такие вкусы, — не сдавался Ваня, — а царице я обязательно понравлюсь. Бог не может не понравиться! — он помолчал немного и спросил. — А что, правда, я на Сета похож?

— Ага, особенно на те картинки, — вставила Аня, — где его рисовали с головой шакала.

— Спасибо! — произнес Ваня с чувством.

— Пусть это тебя не расстраивает, — утешил Саша, — Сета, конечно, рисовали с головой животного, похожего на шакала или осла, но этот образ уже потом придумали, а родился он нормальным ребёнком, только белокожим и светловолосым — такова легенда. Так что сходство налицо. Да и рост у тебя вполне «божественный». Ты заметил, что мы с тобой выше большинства из них? В древности люди были гораздо ниже ростом — это известный факт.

— Ну, хорошо, — кивнул Ваня. — А что за дурная репутация у бога Сета?

— Вместе с другими богами Великой Девятки, — начал Саша издалека, — Сет плавал в небесной ладье своего прадеда Ра и даже защищал его от врагов.

— Что за Великая Девятка? — переспросил Ваня. — А то ещё спросят, как поживает моя Девятка, а я и сказать ничего не смогу.

— Великая Девятка — это главные боги, особо почитаемые египтянами. Вообще, их тут великое множество — тысяча или больше. У каждого города — свои боги, хотя и общим они поклоняются. Например, в Меннефере, откуда прибыл наш друг Джедхор, своя Девятка. Во главе её бог Птах. Жители утверждают, что именно Птах дал жизнь всем великим богам. А в Опете, куда мы направляемся, самым могущественным считается Амон. В городе Шедит — крокодилоголовый бог Себек и так далее. Иногда говорят не о Великой Девятке, а о Великой Тройке богов. Главным из них приписывают имя Ра, их отождествляют с богом солнца. Например, Птах-Ра, Амон-Ра, Себек-Ра. Что касается Сета, он входил в Девятку богов города О?на, во главе которой стоял Атум-Ра. Атум-Ра выдохнул из себя Шу — бога Воздуха, потом выплюнул его сестру Тефнут — богиню Влажности. Дальше, Шу и Тефнут родили двух близнецов: Нут — богиню Неба и Геба — бога Земли. Эти двое, Нут и Геб вступили в тайный союз, чем очень разозлили своего деда Атума-Ра. От этого союза родились четверо детей: Усире, по-гречески Осирис, Сет, по-гречески тоже Сет, Исет — Исида и Небхет — Нефтида. По-гречески привычнее, правда?

— Знаешь, Ветров, ты хоть по-китайски называй, я всё равно

запутался, — проворчал Ваня. — Столько имен сразу запомнить невозможно.

— Но Осириса даже в школе проходят, — сказала Аня. — Я, например, помню легенду про него, Исиду и коварного Сета.

— Ну а я не помню, — развел руками Ваня.

— Тогда слушай и не скандаль, — посоветовал Саша. — У богини неба Нут и бога земли Геба родились четверо детей: Осирис, Сет, Исида и Нефтида. Сет был младшим братом Осириса. Исида стала супругой Осириса, а Нефтида — супругой Сета.

— Слушайте, полное безобразие! — возмутился Ваня. — Братья и сестры женятся друг на друге, да ещё рожают детей!

— Кровосмешение — нормальная практика в Египте, — сказал Саша. — Но вернёмся к Сету. Когда родился Осирис, бог Атум-Ра, его дед, поразился красоте ребёнка. Младенец был крупным, с тёмной золотисто-коричневой кожей и большими карими глазами. Ра обрадовался ему, великодушно простил внуков и провозгласил Осириса наследником Египта, после своего сына Геба. В те давние времена Египтом правили не люди, а боги. Сет родился на два дня позже и уже при рождении поразил всех странным видом и диким нравом. Потом дети выросли, Осирис унаследовал трон от своего отца Геба, а Сету досталось править пустынями. Осирис вместе со своей женой Исидой, самой таинственной богиней — владычицей заклинаний, был выдающимся правителем. Он отучил людей от дикого образа жизни, и они стали возделывать землю, печь хлеб, сажать виноградники, делать из винограда вино, а из ячменя варить пиво. Осирис показал людям, как добывать и обрабатывать руды, строить города, изгонять болезни. Он научил их читать и писать, придумал для них свод законов. Осирис был исключительным правителем. Люди полюбили его и восхваляли в гимнах и песнях. И жена его Исида тоже полюбилась египтянам. Она умела останавливать кровь, излечивать от укусов змей и скорпионов, прогонять злых ду?хов.

Двадцать восемь лет правил Осирис вместе с Исидой. А его младший брат Сет, злой и жестокий, очень завидовал Осирису. Он считал несправедливым, что Осирису принадлежал весь Египет, а ему лишь песчаные пустыни. И вот задумал Сет одну коварную хитрость. Однажды, когда Исида отлучилась из дома, а Осирис спал, в дом прокрался один из слуг Сета и снял с Осириса мерку. По этой мерке был сделан красиво украшенный ящик. Через некоторое время созвал Сет гостей, поставив на видное место этот ящик. Гости сразу обратили внимание на великолепно сделанный предмет. Они стали восхвалять мастерство столяра и

спрашивать Сета, для кого сделан столь красивый ящик. Тут хозяин дома, как бы в шутку, сказал, что он подарит этот ящик тому, кому он придётся по росту. Один за другим ложились гости в инкрустированный ящик Сета, но он был всем велик. Когда же в него лёг Осирис, то сразу же упёрся подошвами в край. Тут Сет, подал знак своим сообщникам. Они выскочили из укрытия, захлопнули крышку ящика, заколотили её гвоздями и залили горячим свинцом. Так ящик Сета стал для Осириса гробом. Затем Сет и его сообщники бросили ящик в Нил.

— Да… — протянул Ваня. — Что-то мне этот образ не очень глянулся. Может, и вправду, не стоит обольщать Анхесенамон в роли светлокожего злодея?

— Это ещё цветочки, — сказала Аня. — Ты слушай, что дальше было.

— А ты? И так знаешь? — удивился Ваня.

— Книжки надо читать, — усмехнулась она.

— Так вот, — продолжил Саша. — Исида вернулась в дом и не нашла Осириса. И сразу заподозрила козни Сета, она знала, что супруг её отправился на ужин к брату. От слуг злодея она узнала, как был погублен Осирис. Она пошла на берег Нила и стала горько плакать. Нефтида, жена Сета, услышав плач сестры, прибежала на берег. Они вместе стали звать Осириса. А потом приняли облик птиц: Исида — птицы Хат, Нефтида — соколицы. Взмахнув крыльями, они полетели на поиски Осириса. К поискам подключились и другие боги, — Саша прервался и шумно выдохнул. — Фу, на экзаменах и то так много говорить не приходится!

А Ваня уже увлекся:

— Ну и что? Нашли они Осириса?

— Через много дней река вынесла ящик с телом в море, и волны выбросили его на берег возле Финикийского города Библ. Ящик застрял в кусте тамариска, а куст разросся и превратился в огромное дерево, так что ящик с телом Осириса оказался внутри ствола. Однажды царь Библа решил укрепить дворцовую крышу и приказал спилить тамариск, чтобы сделать из него подпорку. И вот, когда принесли дерево во дворец, от ствола распространилось дивное благоухание. Слух об этом чудесном явлении дошёл до Исиды, и она сразу поняла, в чём дело. Отправившись в далёкий Библ, Исида выкупила подпорку у правителя и, разрезав её, извлекла тело Осириса. Она долго плакала над мёртвым телом, а затем спрятала его в болотах Нила. Там же она родила сына — Хора. Но Сет, захвативший престол, нашёл тело Осириса. В гневе разрубил он его на двенадцать частей и разбросал по всему Египту.

— Вот гнидушка! — не выдержал Ваня.

— Ты слишком самокритичен, — хихикнула Аня.

— Но я уже не хочу быть Сетом.

— Слушайте дальше, — продолжал Саша, — Исида и Нефтида опять бросились на поиски. Они объездили весь Нил на папирусной лодке, собрали все кусочки Осириса, кроме одного, съеденного рыбами. Затем соединили собранные части, скрепили смолами, завернули в льняные ткани, и оживили бога с помощью заклинаний. Но Осирис больше не стал царём живущих на земле. Он стал владыкой Страны мёртвых. Ему теперь поклоняются как царю подземного царства и изображают в виде спелёнатого тела с зелёным лицом.

— А вроде там еще сын родился, — напомнил Ваня.

— Да, Хор. Он вырос и решил восстановить свои права на престол. Между ним и Сетом была долгая война с переменным успехом. Некоторые боги встали на сторону Сета: «Разве можно отдать место Осириса юнцу, если есть брат Осириса, Сет?». Другие придерживались противоположного мнения, признавая право первенства за Хором. Спор длился долго. Боги уже устали и просто не знали, что делать. Тогда решили спросить у самого Осириса. И тот ответил им из подземного царства: «Почему мой сын Хор обманут?», а потом пригрозил богам: «Страна, где я нахожусь, полна свирепых чудовищ. Им неведом страх. Я заставлю их принести ко мне сердце каждого, кто творит зло!» Вот когда боги сделали свой окончательный выбор: отдали Хору место отца, а Сета отправили в пустыню. Хор был последним богом, который правил Египтом. После него царями становились люди. Причём каждый из правящих царей носил титул «бог Хор, сын Ра».

— А почему сын Ра, а не Осириса? — не понял Ваня. — У него же Ра получается какой-то там пра-пра-дедушка.

— Тут другая логика, — развел руками Саша. — Ра был первым богом, который создал всё, в том числе и богов, и он автоматически становился отцом их всех. А что касается фараонов, то у них вообще было по пять имён. Первое — Хор — правитель получал, потому что являлся земным воплощением божества, дальше шли еще имена и титулы, а последнее имя звучало как Сын Солнца, то есть сын бога Ра. Получалось примерно так: «Бог Хор, владыка Верхнего и Нижнего Египта, бог Хор Золотой, Осоково-Пчелиный, Тутанхамон, сын Ра».

— Осоково-Пчелиный — вообще класс! — сказал Ваня.

— Так это знаки или гербы Верхнего и Нижнего Египта. Их же на всех картинках рисуют в учебниках: фараон, на голове две короны: красная и белая. Белая похожа на бутылку, принадлежит

Верхнему Египту, символ или герб — Осока. Красная, низенькая корона — Нижний Египет, герб его — Пчела. Отсюда и титул Осоково-Пчелиный.

Но Ваня слушал уже вполуха и задумчиво смотрел вдаль.

— Ты чего погрустнел? — спросила Аня.

— Не хочу быть Сетом, — решительно произнёс Иван.

— Ну, если женишься на Анхесенамон, будешь уже не Сетом, а Хором, — съехидничала Аня.

Ваня не удостоил ее ответом, возможно, ему просто надоело шутить, и он думал теперь о куда более серьезных вещах, например о том, как им всем дожить до возвращения домой.

— Я скоро заканчиваю, — сказал Саша. — Итак, Сет у египтян был воплощением зла, а Хор — сыном-мстителем. Но вообще и у Сета были положительные качества. Он не являлся дьяволом, если судить по аналогии с христианством. Он был одновременно и хорошим и плохим. Когда Сета победил Хор, его же не во тьму низвергли, а просто вернули ему пустыни во владение. Даже Исида простила его. Все-таки вместе с другими богами великой Девятки Сет плавал на небесной ладье и защищал великого Ра от злого змея Апопа.

— А это когда было? — поинтересовался Ваня.

— Давно, очень давно. Двенадцать дневных часов Ра плыл по небесному Нилу — так египтяне называли небо — с востока на запад в своей божественной ладье, а на закате пересаживался в ночную ладью и плыл двенадцать ночных часов с запада на восток по подземному Нилу. И всегда в ладье вместе с Ра путешествовало девять богов, и каждый час команда богов сменялась. Врагами Ра были, конечно же, те, кто ненавидел Солнце и хотел его уничтожить: кровожадные крокодилы Маг и Ник, огромные гиппопотамы, злые змеи. Но самый страшный враг обитал в подземном Царстве мёртвых — гигантский водяной змей Апоп. Из ночи в ночь он подстерегал солнечную ладью и пытался проглотить её. Однако на носу ладьи всегда были отважные боги Сет или Джхути. Они пронзали страшное чудовище длинным копьём с медным трезубцем и тем самым спасали Ра и всю команду богов от смерти. А если вдруг случались солнечные затмения над Египтом, то люди верили, что это злобный Апоп все-таки проглотил солнечную ладью. Но, в конце концов, Ра всегда выходил победителем, ведь солнце изо дня в день сияло на небе. Вот так, — заключил Саша, — не считали они Сета совсем пропащим.

— И всё равно он мне теперь не помощник, — грустно сказал Ваня.

— А ты что, всерьёз хотел свататься к Анхесенамон? —

удивился Саша.

— Не знаю, — Ваня пожал плечами. — Но если б шанс представился, подкатил бы, конечно. Представляешь: меня, простого парня, полюбила бы дочь фараона, вдовствующая царица.

Аня метнула в него сердитый взгляд, но от слов удержалась, пытаясь угадать, насколько серьезен Иван в своем заявлении.

— А что? — завелся Ваня, перехватив этот взгляд. — Вот тогда бы уж точно некоторые перестали хихикать и издеваться надо мной.

Аня решила не оставаться в долгу:

— Ах, Ванечка! Ты и не представляешь себе, как умеют хихикать и издеваться вдовствующие царицы.

— Но до тебя ей все равно далеко, — Ваня тоже не собирался останавливаться.

Саша просто вынужден был вмешаться.

— Эй, дорогие мои современники! — окликнул он увлекшуюся парочку. — Давайте закроем тему. Мы все-таки не одни…

— Вот именно, — быстро согласилась Аня, норовя, как всегда, под шумок последнее слово в споре оставить за собою. — По-моему мы слишком увлеклись сугубо интимными проблемами Ивана Владимировича. А между тем, вот уж и стены города перед нами, а мы так и не обсудили ситуацию всерьез. Что будем делать-то? Правда, что ли, свататься пойдем?

Ваня решил не пикироваться больше и наскоро сочинил серьёзный вопрос:

— Саш, сколько у нас времени в этом мире? Что было написано на «Фаэтоне»?

— Мы уже говорили об этом, — рассердился Саша. — Я не успел рассмотреть! Ты что, не помнишь, как мчались колесницы? Прямо в лоб! Скажи спасибо, что я вообще не выронил прибор под копыта.

— Да помню я, помню… А может, сейчас посмотрим? — предложил Ваня.

— Самое время, — буркнул Саша. — Пожалей ты, наконец, этих ни в чем не повинных людей. Вот когда будем одни…

Ваня с недоумением пожал плечами:

— А, по-моему, у них сегодня праздник. Когда еще древнеегипетским рабам такое кино покажут?

— Это не рабы, — поправил Саша.

— Какая разница? И, между прочим, я так думаю, «Фаэтон» не произвел бы на них никакого впечатления.

— А если ты ошибаешься, Вань? Нужны нам такие

эксперименты? Мы что, куда-то опаздываем? — Аня все еще не остыла после их перепалки. — Вот будем в доме у Джедхора, тогда и посмотрим, сколько нам здесь «куковать».

Иван стал какой-то совсем грустный, задумчивый, Аня посмотрела на него сочувственно и добавила:

— Потерпи, Вань, совсем немного осталось. А нам ведь так важно сохранить «Фаэтон», чтобы вернуться домой вместе!

И у Вани сразу потеплело на душе. Ведь иногда он сам не понимал, отчего они всё время ругаются. Вроде бы он готов был по-мужски, по-рыцарски уступать ей, готов был все прощать, — да что там! — он готов был умереть за нее, на самом деле! И, однако же, на каждое ее обидное слово он находил своих два. В душе обвинял себя за несдержанность, но вновь и вновь ввязывался в перепалку с девушкой. Давал себе слово говорить только комплименты, быть настоящим джентльменом, но ничего не мог с собой поделать, и всякий раз повторялось одно и то же. Почему? Может, потому, что на самом деле Анюте нравились эти их словесные поединки?..

— Давайте быстренько подведем итог, — предложила Аня. — Мы попали в трагический для Египта момент. Скоро похороны Тутанхамона. Кто будет править после него?

— Визирь Аи, я точно помню, я же был его верным слугой. Но вот его вступления на трон — не помню! Возможно, не присутствовал при этом. Тут вообще какие-то пробелы. Мне надо побыть в одиночестве, чтобы привести мысли в порядок… Вы знаете, что я понял? Когда попадаешь в свою прошлую жизнь, отлично помнишь всё, что было с тобой прежним до настоящего момента, а то, что произойдёт в будущем, вспоминаешь медленно, постепенно, да и то расплывчато, кусками… Вань, с тобой во Франции так же было?

— Ну да, примерно… Слушай! — всполошился Ваня. — А где сейчас твой предшественник? Вам же нельзя встречаться! Что если он тут, в столице, и тогда… Как там было написано? — он закатил глаза и прикусил нижнюю губу. — Петля времени замкнётся, и мы останемся здесь навсегда.

— Вообще-то он живёт во дворце, — успокоил Саша. — А мы туда пока не собираемся.

И он строго посмотрел на Ваню.

— Конечно, — согласился Иван. — Уже закрыли тему.

— Передумал, что ли, жениться? — не удержалась от смешка Анюта.

— Жизнь дороже короны, — отшутился Ваня с достоинством и добавил через некоторое время. — А как вам этот Джедхор? Мне понравился.

— Да, классный дядька, — Аня, законодатель их языковой моды неожиданно соскочила на жаргон, и ребята удивленно покосились на девушку. — Нет, правда, рульный чел. Успокойтесь. Шучу! Скажи мне лучше, Саш, за Джедхором гоняются люди Аи, а ты в прошлой жизни был одним из них. И что теперь?

— Ничего, — сказал Саша. — Просто ирония судьбы. Но мы попытаемся использовать это совпадение в своих интересах.

— Как тебя тут звали? — спросил Ваня. — И какая должность была во дворце?

— Звали меня Тамит, что означает «кошка». А должностей две: хранитель покоев и начальник стражи визиря.

— Начальник стражи — это серьёзно, — прокомментировал Ваня, — да и хранитель покоев — тоже. Наверно, Тамит был в курсе, что послали воинов «встретить» нашего друга Джедхора.

— Скорей всего, — согласился Саша. — Но я же говорю, еще не все склеилось в голове… Первым делом, мы постараемся разузнать, что вообще делается в Опете.

— В Фивах, — сказала Аня. — Давайте говорить «Фивы», так привычнее. Когда мы с мамой были в Египте, оказалось, что тех знаменитых стовратных Фив, описанных Гомером, уже даже на карте нет. Одни руины дворцов и храмов. А вместо великолепного города — две деревушки с названиями Карнак и Луксор.

— Вот видишь, — оживился Ваня, — а теперь мало того, что на курорт попали, так еще и Фивы посмотрим во всей красе.

— На курорт? Это ты хорошо сказал! — хмыкнул Саша. — Сейчас поселят в клубный отель и предложат экскурсии за дополнительные деньги… А с названием Фивы — аккуратнее, пожалуйста. Здесь о греках еще ничего не слыхали. Впрочем, кто вас будет слушать, если вы все равно языка не знаете…

— Зато я историю лучше тебя знаю. Рассказать, что я вспомнила? — предложила Аня. — Мы сейчас примерно в 1340 году до нашей эры, вот!

— Это что, тоже из учебника за пятый класс? — не поверил Ваня. — Даже Сашка не знает, какой сейчас год. Летоисчисление у них там какое-то неправильное…

— В учебнике таких подробностей нет, конечно, — начала объяснять девушка. — Нам в Египте много рассказывали, а потом, когда вернулись в Москву, мне так интересно стало про их историю читать! В общем, попалась статья в журнале, как в начале двадцатого века вскрывали гробницу Тутанхамона. Ну, мне и запомнились годы его правления. Учёные, кстати, давно искали эту гробницу, чтобы подтвердить сам факт существования

Тутанхамона. Лет за тридцать до этого раскопали знаменитый Ахет-Атон — город Эхнатона — тогда и узнали, что были такие фараоны: Эхнатон, Тутанхамон, прекрасная Нефертити. В их списках XVIII династии значился Аменхотеп III, отец Эхнатона, а затем сразу шёл Хоремхеб, который постарался стереть все имена правителей после Аменхотепа III. Он же «присвоил» себе и все годы правления фараонов-еретиков, как он их назвал.

— Весело у них тут, — заметил Ваня. — Совсем как в Советском Союзе — там тоже многих из истории вычеркивали. Иначе власть не удержать. Правильно? А эти чего шизуют? Трон у них по наследству передают. Ну ладно, Эхнатон — еретик. Я уже запомнил, А остальных зачем вычеркивать?

— Так ведь следующие после Эхнатона — Сменхкар и Тутанхамон — были детьми этого «преступника из Ахет-Атона», — объяснил Саша.

— Ну, хорошо, — не унимался Ваня. — А визирь Аи, который правил после Тутанхамона? Он же не был сыном Эхнатона?

— Совершенно верно. Но он был дедом Анхесенамон и отцом Нефертити, которая, как ты должен помнить, являлась женой Эхнатона.

— Очуметь! Значит, он стёр память обо всех родственниках еретика, чтобы у будущих поколений не возникало никаких вопросов. Сильно!

— И ему это удалось, — сказала Аня. — Если бы археологи не нашли Ахет-Атон и не раскопали бы захоронение Тутанхамона, так бы все и думали, что после Аменхотепа III правил Хоремхеб.

— Не так, — подправил Ваня. — Если б археологи не раскопали тогда, первооткрывателями стали бы мы с вами сегодня. Разве нет?

— Да, — улыбнулась Аня. — Но кто бы тебе поверил на слово?

— Почему «на слово»? — возмутился Ваня. — Я бы из Сашиной прошлой жизни захватил с собой вещественное доказательство для учёного совета.

— Во, блеск! — рассмеялась Аня. — Мы сюда прибыли за верёвочной лестницей, а ты бы ещё трёхметровую статую Эхнатона с собой прихватил! И как бы мы с ней, интересно, спускались на соседнюю крышу?

Сцена, которую живо представили себе все трое, могла бы могла бы украсить лучшие образцы комедийного кино.

И как бы подхватив весёлый смех загадочных посланцев неба, слуги, навьюченные тяжёлой поклажей, запели вдруг весёлую песню — вместо грустной и монотонной, звучавшей на протяжении всего пути. На самом-то деле они просто радовались

концу утомительного пути под палящими лучами солнца. До города оставалось всего ничего. Скоро можно будет утолить жажду, поесть сладких фиников и отдохнуть в тени раскидистых деревьев, вдыхая нежные запахи зелени и цветов.

Караван подошел к Главным воротам города. Огромная кирпичная стена со множеством входов окружала столицу великой державы, надёжно защищая горожан от любого вторжения. Недаром Гомер, посетив этот великолепный город во времена правления Рамсесов или чуть позже, то есть между 1200-м и 800-м годами до нашей эры, назвал его стовратными Фивами. К сожалению, история не располагает точными датами жизни великого автора «Илиады» и «Одиссеи». Но можно сказать наверняка: поэт застал Египет ещё независимой и процветающей державой, великим государством Та-Кемет, не завоеванным ни персами, ни Александром Македонским…

Итак, кирпичная стена со множеством входов окружала город. Около каждого стояла стража, бдительно следившая за теми, кто въезжал в столицу. Любой подозрительный человек мог быть схвачен и отведён на дознание к начальнику охранного гарнизона. В дополнение к этому над каждым входом возвышалась сторожевая башня, где тоже находился человек, обозревающий территорию вокруг. А сами главные ворота стовратных Фив, выглядели очень внушительно и нарядно. Сделаны они были из ливанской пихты, окованы бронзой и украшены позолоченными листами с выбитыми на них барельефами, прославляющими подвиги могущественных фараонов и унижающими врагов Великой Та-Кемет. С трепетом в душе каждый подходящий к Главным воротам лицезрел сцены великих сражений могущественных владык, безжалостно сминавших врагов своими золотыми колесницами. Униженные пленные, стоя на коленях, прося о пощаде, снизу вверх смотрели на победителей, а те, гордо подняв вверх боевые луки, топтали ногами теперь уже не воинов, а своих рабов, «увенчанных» тяжёлыми колодками на руках и верёвками на шеях. Пройдя через эти ворота, каждый уносил с собой мысль о непобедимости, силе и могуществе Великой Та-Кемет…

Глава 22
ВПЕРЁД В ПРОШЛОЕ!

По длинному узкому коридору быстро, почти бегом шёл заметно взволнованный человек. Четкая отмашка при каждом шаге выдавала в нём военного, хотя одет он был в обыкновенный штатский чёрный костюм и светлую рубашку. Лицо выражало крайнее нетерпение, а правая рука крепко сжимала папку, на которой в самом уголке мелким шрифтом значилось: «Проект Фаэтон-2».

Зловещий безлюдный коридор состоял, казалось, из одних железных дверей, похожих одна на другую как братья-близнецы и оснащённых кодовыми замками со встроенными глазками камер наблюдения. Только номера и не давали возможности их перепутать. Больше всего коридор напоминал какой-то огромный сейф со множеством ячеек, вход в которые был открыт только человеку, знающему шифр своей ячейки. Безжизненная и давящая тишина, царящая вокруг, нарушалась лишь гулкими шагами спешащего человека. Однако безжизненность была здесь весьма иллюзорной. За каждой из этих дверей кипела активная работа.

Пройдя почти через весь коридор, человек резко остановился у двери под номером 21. Пригладив волосы и немного успокоившись, он коснулся замка магнитной карточкой, и через несколько секунд дверь, щёлкнув, медленно отворилась.

За столом в кабинете сидел мужчина лет сорока или чуть больше, крепкого телосложения с тёмными, коротко стрижеными волосами, в которых только начинала пробиваться седина. В целом он выглядел достаточно сурово, но его проницательные, умные, чуть насмешливые зелёные глаза выдавали не только деятельного, решительного, но и склонного к компромиссам человека. Это он возглавлял секретную лабораторию, просто Секретную Лабораторию, не имевшую из соображений конспирации не только названия, но даже номера. Это он руководил проектом «Фаэтон» а теперь уже и «Фаэтон-2». Звали его Роман Рафаэлевич Каюмов. Среди сотрудников — просто Рафаэлич. Формально Каюмов являлся научным руководителем лаборатории, то есть за безопасность, финансирование и прочее отвечали другие люди. Но реально именно он стоял у истоков создания Лаборатории ещё лет пятнадцать назад, только он был допущен в определенные властные структуры, курировавшие проект, и, соответственно, без согласования с ним не решался ни один вопрос.

После того как совершенно уникальный и безумно дорогостоящий проект «Фаэтон» «торжественно» завершился бегством неуравновешенного генетика Сергея Борисова, прихватившего с собой экспериментальный образец прибора и полный комплект документации на него, многие боялись, что будут немедленно уволены, а некоторые поговаривали и о том, что снимут самого Рафаэлича. Но так могли говорить только относительно новые люди, плохо знакомые с ситуацией в целом. Увольнение Рафаэлича означало бы закрытие Лаборатории, а закрыть её теперь уже не представлялось возможным по очень многим причинам. Бегство и внезапная гибель генетика Борисова стало лишь дополнительным подтверждением тому.

Круг лиц, допущенных к секретной информации, был очень узок, никто не собирался сильно расширять его, а потому именно этим избранным людям и вменялось в обязанность, во-первых, найти утраченный прибор и документы, а во-вторых, придумать на перспективу, как исключить повторение подобной ситуации, как обезопасить «Фаэтон» в случае очередного возможного выхода из-под контроля. С этой точки и стартовал новый проект — «Фаэтон-2», которым руководил всё тот же Каюмов.

Вообще Рафаэлич был блестящим специалистом в области теоретической физики, и сама идея путешествия во времени через перемещения в прошлые жизни принадлежала ему. К тому же он обладал в полной мере теми качествами, которые необходимы именно научному руководителю — умел обобщать, выделять главное и направлять исследования в нужное русло. И, наконец, Каюмов оказался наделён поистине фантастическими полномочиями. Никто не знал точно, как именно это произошло. Рассказывали, что он взлетел на самый верх ещё в конце восьмидесятых совсем мальчишкой, едва закончившим физфак. Время было смутное, власть в стране менялась, а науку ещё не задвинули за Можай и по инерции щедро финансировали. По слухам ворожил молодому учёному кто-то из ведущих политиков, и в 91-м они организовали Секретную Лабораторию на правах спецслужбы с подчинением, как тогда было модно, напрямую Президенту. С тех пор много воды утекло, много всяких структур возникло и развалилось, но положение всесильного завлаба лишь укрепилось с годами, ведь изобретения Лаборатории реально начали работать и значимость их трудно было переоценить.

Правой рукой Рафаэлича с самого начала был его однокашник Андрей Звонков, тот самый выдающийся физик-экспериментатор, который первым испытал машину времени на себе и который, к великому сожалению шефа, тоже ушёл из лаборатории вслед за генетиком Борисовым. Это была огромная

потеря для научной группы, и, конечно, для Каюмова лично. Но группа продолжала работать, она не могла не работать, особенно теперь, когда исследования вышли на новый, ещё более сложный этап.

Уход Андрея Рафаэлич воспринял уже почти спокойно. Он вообще был сдержанным, лояльным и терпеть не мог кого-то наказывать. Он считал, что «великие умы» имеют право на свою точку зрения, даже если она противоречит общепринятым нормам.

На прощание он только и сказал Андрею: «Не поступай в монахи, если не надеешься выполнить обязанности свои добросовестно». Рафаэлич любил иногда процитировать Козьму Пруткова. Проверенные годами афоризмы били точно в цель. И Андрей, конечно, понял, что имеет в виду руководитель. Уйти из науки он мог — в смысле просто перестать ею заниматься. Но уйти из Лаборатории — это было невозможно. Сотрудники Рафаэлича не только давали подписку о неразглашении (это само собой), они ещё брали на себя самые высшие — моральные — обязательства. Звучало несовременно, несерьёзно, почти по-детски, но здесь было заведено именно так. Именно таких людей брали на работу в Лабораторию. И это было куда серьезнее любого монастыря. Потому что во всех религиях мира верят в придуманные тайны и на этом строят свои отношения с Богом и с церковными иерархами. Здесь ничего не придумывали, здесь люди прикасались к реальной тайне, допускались к секретной информации высшей категории значимости. Сотрудники осознавали себя избранными, посвящёнными и уже не могли просто вернуться в мир и жить, как все остальные люди.

Уйти из Секретной Лаборатории удавалось только на тот свет. Или в свою прошлую жизнь — навсегда. А не одно ли это и то же? Для друзей и родственников ушедшего — определенно.

Андрей решил просто расстаться с наукой. Конечно, Каюмова это поразило.

«Как он сможет жить? — размышлял Рафаэлич. — Ведь для него физика — всё! О реализации проекта „Фаэтон“ он мечтал столько лет! Многим тогда казалось, что идея абсолютно безумна, но Андрей загорелся ею. Быть может, их и было лишь двое, кто с самого начала верил: всё получится. Они просиживали в Лаборатории днями и ночами, могли сутками ничего не есть, они просто забывали обо всём на свете. И результат превзошёл ожидания. Машина сделана, она работает, путешествия во времени возможны!.. Конечно, теперь начинаются совсем другие проблемы: политические, экономические, морально-этические, проблемы достаточно тяжёлые и даже порою мерзкие. Понятно,

что физику совершенно не хочется их решать. И генетику не хочется. Но решать всё равно придётся. Пожалуй, только привлёченные профессионалы: политологи, социологи, психологи — могут уйти в сторону. А нам — родителям „Фаэтона“ — никуда не деться от заботы о собственном ребёнке. Как это наивно — бросить науку! Какая разница, сидишь ты дома или ходишь на службу — всё равно не получится „не думать о белой обезьяне“. Работать — даже легче, потому что отвлекаешься на конкретные задачи…»

— Садись, Николай, — предложил Рафаэлич вошедшему. — Разговор, я так понимаю, не на три минуты?

— Да уж, — согласился Николай, присаживаясь к столу.

Николай Круглов уже седьмой год возглавлял службу безопасности Секретной Лаборатории. Рафаэлич пригласил его, когда стало ясно, что охранять надо уже слишком многое, источники опасности слишком непредсказуемы, а бравые парни из ФСБ, не посвящённые в истинное назначение объекта, слишком ненадёжны. Круглов был из милиции, командовал СОБРом, прошёл Чечню, уходя из органов, звание имел скромное — майор, но опыт — колоссальный. А главное, они с Каюмовым дружили со студенческих лет, и Рафаэлич доверял другу, как самому себе.

Собственно, это и был главный принцип отбора сотрудников в лабораторию. «Чужих» здесь не держали, а для «своих» главными критериями служили те принципы, которые формулировал ещё один друг, знавший Рафаэлича с детства — гениальный психолог Миша Боркин. В любой нормальной спецслужбе его систему тестов, например, на честность, на совестливость, на чувство собственного достоинства, на гуманность, на умение мыслить глобально и так далее — сочли бы бредом сумасшедшего. Но здесь было принято именно так. И, конечно, майор Николай Круглов, ставший у Рафаэлича за семь лет генерал-майором, полностью разделял и научную и нравственную концепцию шефа. Однако после бегства генетика Борисова он всё чаще задумывался: «А что, если корень зла именно в кадровой политике Рафаэлича и психолога Боркина!»

Вообще история с генетиком поставила в тупик всех, включая самого Каюмова. Начальник в этом, конечно, не признавался, как правило просто отмалчивался, однако Круглов чувствовал: он тоже не в силах объяснить происходящее. И это очень не нравилось суровому опытному вояке.

«Вынести „Фаэтон“ и документы за пределы лаборатории! — думал Николай. — Что это — легкомыслие или вредительство? Фи, слово-то какое! Конечно, тут и не то, и не другое. Тут надо

переходить на высокопарный слог и говорить о больной совести, об ответственности за всех людей, о мессианстве… Короче, мозги у генетика явно не выдержали перегрузок. Понятно, что „Фаэтон“ в руках морально-нечистоплотных заказчиков из верхних эшелонов власти может стать опасной игрушкой. С этим трудно не согласиться. Но с другой стороны пресловутая вертикаль обеспечивает и контроль достаточно вертикальный. Обещали не менять историю — и пока не меняют. Обещали не тащить из прошлого „золото-брильянты“ в промышленных масштабах — и пока не тащат; обещали не убивать людей… Ну, с этим немного сложнее. И всё же установленные правила достаточно строго соблюдались. Пока. Да, гарантий на будущее никто дать не мог, но… Какие гарантии, какой контроль, какие вообще правила могут быть за стенами Лаборатории?! Унести „Фаэтон“ неведомо куда — чудовищная ошибка! Это слишком опасно! Как говорится, молотком можно и гвоздь забить, а можно и человека убить. В данном случае не человека — человечество. Как же мы проморгали? Как же не разглядели в генетике бунтовщика? Как же не учли такой возможности?! Но сколь тщательно ни отбирай людей, всё равно ты обязан предусмотреть любую ситуацию, включая внезапное помешательство. Да, Сергей хотел уничтожить прибор, но в итоге?.. А если бы он захотел продать „Фаэтон“?»

Николай ни на секунду не допускал такой мысли — слишком хорошо он знал генетика Борисова. Но как начальник службы безопасности предусмотреть обязан был и это! Однако не подумал…

И вот сегодня они имеют то, что имеют: прибор у случайных людей, документы — неизвестно где.

Вина за всю нелепую и страшную историю формально была возложена на Николая Круглова, но шеф сразу заявил, что считает это в первую очередь своим проколом и никого не собирается наказывать. До поры. То есть у всех есть шанс исправиться, и чем быстрее, тем лучше. А уж если «Фаэтон» окажется упущен совсем… Об этом предпочитали не думать.

— Докладывай, — сказал Рафаэлич.

— Мы зафиксировали новый сигнал активизации «Фаэтона», — Николай вынул из папки распечатку и положил её на стол перед шефом. — Вот расшифровка.

Рафаэлич нахмурил брови, быстро пробежал глазами по строчкам и отложил бумагу.

— Значит, Древний Египет, — произнёс он. — Готовьте команду. По этой эпохе специалисты, слава богу, есть.

— Вопрос: кого там искать? — обозначил Круглов ещё одну проблему. — Если тех же юнцов, всё понятно. А если это другой

прибор, который уже успели сделать? Ведь документы гуляют на свободе.

— Вряд ли, — покачал головой Рафаэлич, — Ищите для начала юнцов.

— За юнцами у нас идёт непрерывная слежка. И, тем не менее, мы не можем с полной уверенностью сказать — они включили «Фаэтон» или не они.

— Что значит не можете? — не понял Рафаэлич. — Так свяжитесь с агентами и выясните у них, где эта троица.

— Пытались, — начал объяснять Круглов, точно оправдывался. — С нашими оперативниками нет связи.

— Как это — нет связи? — удивился Рафаэлич. Пока он выглядел спокойным, но в глазах уже поселился недобрый огонёк.

— Последний раз они докладывали обстановку около часа назад, — поспешил добавить Николай. — Связь была. А сейчас они, возможно, вне зоны досягаемости.

Каюмов не стал усугублять разговор.

— Постарайтесь связаться с ними как можно быстрее, — закончил он эту тему. — Итак, кто бы ни был этот несанкционированный путешественник во времени, его надо поймать. Возможно, это не один человек…, — он сделал паузу. — Но вероятнее всего, прибор включила эта троица.

— Мне тоже так кажется, — согласился Круглов.

— Ладно. Отправляйте команду в прошлое. Прибор и документация по-прежнему за пределами Лаборатории. Это — недопустимая ситуация. Ты меня понял, Николай?

— Собственно, команда готова, — сообщил Круглов с гордостью, — они просто ждут конкретных распоряжений.

— Хорошо. Значит, Египет, говоришь. С одной стороны, чем древнее история, тем проще вживаться в примитивный уклад, а с другой, слишком много неясностей и пробелов. И, стало быть, вероятность напортачить очень высока… Кого отправляете туда?

— Двоих. Максима Соколова…

— Достойный кандидат! — ухмыльнулся шеф, перебивая. — Ведь это он в качестве старшего группы фактически провалил порученную ему миссию в средневековой Франции?

— Ну… — растерялся Круглов. — Он ведь вынужден был отпустить юнцов, иначе документы… Если бы Соколов оставил ребят в средневековой Франции и вернулся домой с одним прибором, мы потеряли бы след документов навсегда! Какие у Макса были варианты, шеф? Я чего-то не понял…

— Остынь. Я пошутил. Лучшего кандидата действительно нет. В интеллектуальном плане. А в качестве горы мышц кого ему

в помощь даёте?

— Булаев Сергей. Капитан спецназа ФСБ. Тридцать пять лет.

Поскольку в руководстве и научном коллективе Лаборатории были сплошь совестливые интеллигенты, на определенном этапе пришло осознание: кто-то ведь должен выполнять и чёрную работу, если не сказать грязную. Особенно это стало необходимо, когда начались регулярные путешествия в прошлое, именуемые на местном жаргоне боевыми вылетами. Многочисленные вылеты понадобились для составления «шкалы времени». Экспедиции были безумно интересны и, конечно, учёные рвались в прошлое лично, но даже блестяще подготовленные «диверсанты» не возвращались, как правило, после пятого-седьмого раза. Светлыми головами разработчиков так рисковать было просто недопустимо. Вот тут и понадобился постоянный штат «летчиков-испытателей».

Их набирали из «бывших», дабы не вступать в постоянные отношения с действующими спецслужбами. То есть это были сотрудники, уволенные из органов за те или иные порою очень серьёзные нарушения. В некоторых случаях Рафаэлич лично или генерал Круглов, пользуясь своими связями, вытаскивали их даже из тюрем. Овчинка стоила выделки. Эти люди шли на опасную работу не просто добровольцами, они были по-настоящему счастливы, когда получали ещё один шанс вновь заняться настоящим мужским делом. Всё другое в жизни казалось им пресным и скучным. А смерти они не боялись по определению. Сергей Булаев был особо выдающимся представителем этой странной профессии — «летчик в прошлое».

— Итак, Булаев, — задумчиво проговорил Каюмов, то ли пытаясь вспомнить, то ли уже вспомнив что-то. — За что его уволили из органов? За пьянку, как обычно?

— Нет, он «чехов» убивал без приказа.

Рафаэлич удивленно вскинул брови:

— Да разве ж за это?..

— Так ведь не двух-трех, шеф, а очень много.

— Понял. Ещё один достойный персонаж. То есть он будет рваться вынуть из ребят душу вместе с информацией, а потом запросто закатает их в пирамиду Хеопса.

— Примерно так, шеф. Но он настоящий профи. А к тому же в одной из своих прошлых жизней уже побывал как раз там — в Древнем Египте. Правда, на сто с лишним лет раньше, но это, и к лучшему — мы исключаем опасную встречу с его предшественником по прошлой жизни. А что касается обычаев и языка, так в этом Египте за сто лет ничего не менялось…

— А сколько у этого парня всего «боевых вылетов» в

прошлое?

— Тридцать восемь.

— Солидно, — присвистнул Рафаэлич. — Впечатляет. Средняя цифра у нас какая? Напомни.

— Шесть и три десятых.

Оба помолчали, проникаясь уважением к настоящему профи Булаеву.

— А у Соколова как с общей подготовкой? — спросил шеф.

— Язык древних египтян он уже освоил методом погружения, о бытовых нюансах ему рассказали наши историки, ну и, конечно, Булаев просветит. Кстати, — заметил Круглов, — Боркин подтвердил, что эта парочка составляет идеальный альянс «ум плюс сила». И лично я надеюсь, что разумный и очень спокойный Макс сумеет, если надо, сдержать необузданные порывы оперативника.

— Старшим будет Соколов?

— Нет, Булаев. Так лучше.

Начальник ненадолго задумался.

— Вы решили в отношении несанкционированных путешественников делать ставку на жёсткие меры?

— Да, шеф. Сказать честно? Я считаю, что надо было взять этих юнцов за шкирку ещё во Франции, и тащить сюда вместе с «Фаэтоном». А теперь, по милости Соколова, мы гоняемся за ними по всей Москве.

— Ты, наверно, не понял, Николай, мы просто не смогли взять этих молодых людей там, в средневековье. Они невероятно умелые и сообразительные. Наша команда оказалась к этому не готова.

— Не верю, — резко ответил Круглов. — Соколов, когда писал отчет, элементарно пытался оправдать свой непрофессионализм. Я его очень уважаю, Макса, я полностью за его кандидатуру сегодня. Но ты же знаешь, Роман, как относятся настоящие офицеры к этому умнику и чистюле. Дескать, пороха не нюхал, в спецоперациях не участвовал и так далее. Я думаю, ему элементарно не хватило опыта и физподготовки. Но ясно же, куда почётнее списать всё на суперменство ребятишек!

— Суров ты, — то ли похвалил, то ли пожурил шеф. — Так может и не брать его на этот боевой вылет.

— Вопрос уже решённый. У него, как минимум, три козыря: он знает ребят в лицо, а то, что в Древнем Египте именно юнцы, все почти уверены; он неплохой психолог, способный просчитывать поведение фигурантов; наконец, у него двенадцать боевых вылетов. Не каждому профи такое удаётся. Ну, и плюс ко всему, он уравновешивает свирепость Булаева. Но об этом я уже

говорил….

— Ладно. Главное, со свирепостью не перестарайтесь. Насилие — не лучший выход. А жертвы — это вообще безобразный брак в работе. Помните об этом. А так… конечно, есть главная задача. И пусть Булаев действует по обстановке. Но пусть он всякий раз советуется с Соколовым. Вопросы есть?

— Никак нет! — ответил Круглов по-военному чётко и поднялся. Но шеф неожиданно спросил.

— А как думаешь, могли эти ребята натворить бед в средневековой Франции, перевернуть всю мировую историю вверх ногами?

— Конечно, могли. И сейчас могут. А ради чего мы, собственно, стараемся, шеф?

— Так ведь не натворили же, Коля! — с преувеличенной радостью воскликнул Рафаэлич. — Можешь себе представить, насколько разумными они оказались?

— Роман, опомнись, о какой разумности ты говоришь! Разве можно так легкомысленно подвергать свою жизнь опасности, путешествуя по прошлому? Это просто безрассудство молодости. Так я понимаю.

— Может быть, — задумчиво проговорил Рафаэлич.

Разговор был окончен.

«Дались ему эти ребятишки! То и дело сворачивает разговор в их сторону, как будто они дороже ему, чем весь проект в целом…» — думал Круглов, шагая по коридору в другую комнату, где его ожидали исполнители — Соколов и Булаев, прибывшие на последний инструктаж.

Когда приготовления были закончены, всё снаряжение укомплектовано и все инструкции получены, начальник Службы безопасности Круглов подошёл к Булаеву и протянул ему два флакончика из-под духо?в — традиционных, древнеегипетских. Духи? являлись удобной разменной монетой в той эпохе, ведь египтяне ценили благовония выше, чем многие другие предметы, а к тому же флакончики были компактны.

— Еще духи?? — спросил Сергей. — Куда столько? Будем подкупать саму фараониху?

— Это уже не духи?, — сказал генерал Круглов, — это — бактериологическое оружие.

— Что?! — в один голос выпалили Булаев и Соколов.

— В одном из этих флаконов находится вирус-аллерген, который, проникая в организм через кожу, стремительно разрушает его. Достаточно пару капель нанести на тело, и через час-полтора появляются симптомы: недомогание, слабость, сыпь, даже нарывы. Всё зависит от индивидуального восприятия.

— Этот вирус смертелен? — спросил Соколов.

— Время течения болезни может быть различным, — начал Круглов издалека, а потом рубанул: — Но в девяноста процентах случаев — летальный исход.

В глазах Соколова поселилось недоумение, переходящее в отчетливое желание отказаться от очередного боевого вылета.

— Второй флакончик содержит вакцину-антидот — стопроцентного и быстрого действия, — Круглов не сводил глаз с Максима.

Булаев протянул руку и взял оба флакона.

— Суть задания? — деловито спросил он.

— Это для наших дорогих путешественников во времени. Если не сможете завладеть прибором и документами обычным способом, используете вирус в качестве средства давления. Грубовато, но действенно. Каждый хочет жить, — и он несколько фальшиво усмехнулся.

— Вопросов нет, — сказал Булаев.

Соколов поморщился, но промолчал.

И тогда генерал принялся очень подробно рассказывать о вирусе, специально разработанном для операций особого назначения. Собственно он прочел целую лекцию оперативникам. Булаев не очень понял, зачем ему знать всё это, и вежливо резюмировал:

— Надо же, до чего наука дошла!

А Соколов слушал с предельным вниманием и постепенно, кажется, смирялся с необходимостью применения новейшего спецсредства.

— Нет, ну раз так, — пробормотал он, — что-то есть всё-таки в этой идее насчёт отравления вирусом. Я даже не исключаю, что он может нам пригодиться. Если, конечно, другие способы не сработают.

— А я бы предпочел нормальное огнестрельное оружие, — вздохнул Булаев.

— Серёга, мы едем не на сафари.

Булаев покосился на товарища и коротко хохотнул — оценил шутку.

— Итак, — генерал решил повторить главное на всякий случай, — вот это — флакон с вирусом. Он почти ничем не отличается от других флаконов с духа?ми, которыми вас снабдили. Тот же прозрачный алебастр, та же форма. Но обратите внимание на крышку в виде распустившегося цветка лотоса. У антидота она обычная, круглая, как у других флаконов, только сверху как бы срезанная. Запомнили?

— Так точно, — ответил Сергей.

— А теперь, капитан, следуйте за мной.

И генерал скрылся вместе с Булаевым в соседнем помещении. Такова была традиция: старшему группы выдавались особые инструкции, о которых никто не должен был знать, даже его напарник.

— Повторите, как поняли задачу, капитан.

— Докладываю, — тихо, но четко начал отвечать Булаев. — Доставить назад похищенный «Фаэтон» и документы, а сверхлюбопытных путешественников нейтрализовать с помощью вируса. В случае необходимости — ликвидировать.

— В случае *крайней* необходимости, — поправил генерал. — И только при согласии старшего лейтенанта Соколова.

— Так я же старший группы! — не понял Булаев.

— Сергей, вы сегодня служите не в спецназе, а в Секретной Лаборатории. Пора бы уж запомнить это. Ни одного решения, связанного с риском для чьей-либо жизни вы не будете принимать без согласования с Максимом. Ни одного. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — хмуро отозвался Булаев.

Они вышли в общую комнату, где все уже было готово к старту. Максим искоса посмотрел на напарника. Но тот уже совладал с собою и выглядел вполне довольным.

Сергея Булаева ценили в лаборатории за его отчаянную храбрость и фантастическое умение выживать в любых условиях. Максим и близко не видел таких мясорубок, из каких Сергею не раз и не два удавалось выходить без единой царапины. Максима тоже очень ценили в Лаборатории, потому что в то время, пока Сергей отстреливался бы, теряя последние патроны, Соколов мог, опередив врага на три хода, зайти к нему в тыл и вовсе избежать потерь.

«Сумеют ли они гармонично дополнить друг друга? Теперь покажет только *время* », — подумал Круглов и улыбнулся: подобные привычные всем обороты речи в устах путешественников во времени звучали крайне забавно.

— Готовность к старту номер один! — скомандовал генерал.

— Есть готовность номер один, — рапортовал Сергей.

— Есть готовность номер один, — словно эхо отозвался Максим.

Генерал похлопал по плечу одного, потом другого, пожелал им удачи, и отдал последнюю команду, ставшую у них традиционной:

— Вперёд, в прошлое!

Глава 23
СВЯЩЕННАЯ УСЫПАЛЬНИЦА ВЛАДЫКИ

Столица Великой Та-Кемет — Опет, которую ребята решили называть привычным названием Фивы, пребывала в атмосфере траура. Уже подойдя к воротам, друзья сразу заметили это. По рассказам Саши, Фивы был шумным, весёлым и многолюдным городом. Обычно музыканты, певцы и танцоры развлекали публику на площадях, зарабатывая этим на хлеб, торговцы весело зазывали покупателей в свои лавки, а дети шумно резвились рядом со своими домами. Повсюду слышались оживлённые крики и смех. Сейчас же город встретил друзей тягостным унынием и скорбью.

Люди неустанно оплакивали фараона, безвозвратно ушедшего в Царство мёртвых. Ночью и днём погребальный плач раздавался на улицах. На время семидесятидневного траура были отменены все праздники, какими бы священными они ни были. В храмах жрецы Амона возносили молитвы богам Царства мёртвых, прося их о защите и покровительстве любимому фараону. Пока тело усопшего владыки бальзамировали и готовили к погребению, все жители Фив дважды в день собирались на площадях перед храмами и дворцами, разрывали на себе одежду, посыпали голову пеплом и громко причитали, выражая таким образом скорбь по ушедшему правителю.

Тем не менее, богатые и бедные не забывали и о своей повседневной жизни. Крестьяне работали на полях — очищали и укрепляли каналы, готовясь к засеву полей. Ювелиры, резчики по камню, мастера по дереву и коже, скульпторы и художники неустанно трудились в своих мастерских. Цирюльники, чинно усевшись на обочинах улиц, спокойно поджидали клиентов. Рыночные торговцы, разложив товар, мирно ожидали покупателей. А уличные продавцы всё так же сновали по городу, предлагая вещи и вещицы, правда, призывные голоса их были не так звонки и радостны, как обычно.

В общем, жизнь в городе продолжалась, однако атмосфера траура чувствовалась повсюду. Даже дома люди старались говорить тише, не развлекали себя песнями, танцами, не устраивали пышных и шумных застолий.

В Долине царей, на противоположном берегу Нила, где покоились все предыдущие владыки Великой Та-Кемет, шла

подготовка к погребению. Мастера торопились завершить работы в гробнице Тутанхамона, неожиданная и ранняя смерть которого не дала возможности закончить её при жизни правителя. Самое главное вершилось сейчас в погребальной камере владыки.

Прежде чем приступить к росписям, нужно было поместить обереги во всех четырёх стенах. Каменщики аккуратно выдолбили небольшие ниши для фигурок-оберегов. Колонну Джед, считавшуюся символом стабильности, замуровали в южной стене; перебинтованную фигурку Анубиса — в западной; дух с головой человека — в северной; а четвёртая статуэтка, представлявшая собой бога Осириса, была замурована в восточной стене. Затем ниши покрыли слоем штукатурки и уж только после этого дали возможность художникам расписывать стены камеры, куда в день похорон торжественно внесут саркофаг с мумией Тутанхамона. А вот времени, чтобы расписать другие комнаты: сокровищницу и боковую камеру, у них не было.

Художники спешно приступили к делу. Работа кипела и днём и ночью.

Мастера почти закончили, им осталось дописать лишь южную стену погребальной камеры, где боги запада вместе с Анубисом провожают Тутанхамона в загробный мир.

На северной стене великого владыку Двух Земель запечатлели в трёх различных сценах. На центральной Тутанхамон держал в руках символ вечной жизни «анх» и стоял рядом с богиней неба Нут. На сцене слева владыка и его Ка (душа) представлялись Осирису, богу Царства мёртвых. А на крайней справа визирь Аи совершал церемонию «отверзания уст и очей», смысл которой состоял в том, чтобы наделить усопшего жизнью и дыханием для путешествия по загробному миру. Тутанхамона в этой сцене изобразили, как и подобает обычаям, в виде мумифицированного бога Осириса, с головы до ног закутанного в белые одежды, с царским посохом и цепом в руках. Визирь на росписи был в белом килте, сандалиях и наброшенном на плечи плаще из леопардовой шкуры, что являлось отличием верховного жреца. Аи вложил в руки умершего царя каменную вилку, которая якобы должна оживить мумифицированное тело, вдохнуть в него жизнь и дать возможность есть и пить. Однако поражало не это! А то, что на голове Аи красовалась высокая чёрная шапка с царской эмблемой! С царской эмблемой! А ведь он ещё не вступил на трон. Да и вступит ли? Это должна была решить Анхесенамон, вдова бывшего владыки…

За работой художников следил сам Аи. Именно он и приказал запечатлеть себя таким образом. Это обстоятельство вызвало немало разговоров со стороны придворных и слуг. Но Аи не

волновали толки и пересуды придворных. «Все должны знать, что место владыки уже занято!» — рассуждал он.

Около северной стены, где Аи повелел запечатлеть себя в короне фараона, уже стоял каменный ящик, вырезанный из цельного куска жёлтого кварца, напоминавший массивный саркофаг, а чуть поодаль лежала крышка из розового гранита. Ящик был пока ещё пуст. Его вырубили заранее и, установив на положенное место, украсили барельефами и росписями. На него нанесли имена и титулы царя, а по углам вырезали изображения богинь, распростёрших свои руки-крылья, словно оберегая тело усопшего. Во время похорон, после совершения обряда «отверзания уст и очей» в этот богато украшенный каменный ящик жрецы торжественно опустят мумию фараона в саркофаге, который, в свою очередь, будет состоять из трёх саркофагов — один в другом, и закроют гранитной крышкой. Сверху каменный саркофаг накроют ещё четырьмя позолоченными деревянными ящиками — один поверх другого. Таким образом, восемь саркофагов будут защищать тело фараона. Такая конструкция займёт почти всё свободное место в погребальной камере.

На западной стене погребальной камеры художники изобразили сцены похорон Тутанхамона. В нижней части были нарисованы ду?хи подземного царства, с которыми будет встречаться покойный правитель. А на самом верху фрески — погребальная процессия: длинная вереница людей двигалась по направлению к Городу мёртвых. Великолепно исполненный саркофаг из покрытого золотом дерева, повторяющий форму человеческого тела, с мумией усопшего фараона величественно покоился на похоронных санях, которые тянули двенадцать скорбящих придворных. По всем правилам, здесь и должен быть изображён Аи в числе придворных. Но он запечатлел себя на северной стене в короне владыки Двух Земель…

Итак, усыпальница была почти полностью готова к «приёму» почившего фараона, даже по обеим сторонам входной двери уже стояли, охраняя проход, две золочёные деревянные фигуры Тутанхамона в полный рост. Одна из них олицетворяла самого фараона, а другая — его душу Ка.

Согласно религии египтян, даже мёртвое тело было вместилищем бессмертного духа покойного. Этот дух имел две ипостаси: дух Ба и дух Ка. Когда человек был жив, в нём пребывали два духа, но когда он умирал, дух Ба в виде маленькой птички с головой человека покидал тело и отправлялся к звёздам, которые, как считали египтяне, являлись душами умерших людей. Что касается духа Ка, то он был бессмертным и всегда присутствовал в человеческом теле, даже в мёртвом. Возникал Ка

в момент рождения, а после смерти исчезал, но не надолго. Дух ждал, когда тело усопшего подготовят должным образом, чтобы снова вернуться туда. Без тела дух Ка не слышал молитв и не принимал жертвоприношений. Лишь после погребальной церемонии «отверзания уст и очей», дух Ка снова возвращался в тело, как бы оживляя покойного и давая ему вечную жизнь в Царстве мёртвых. Без Ка покойный не мог воскреснуть и наслаждаться жизнью в загробном мире.

Египтяне очень чтили именно дух Ка. Даже при жизни они никогда не забывали о нём. Поднимая кубок во время празднеств, они желали хозяину дома здоровья, могущества и обязательно добавляли фразу: «За твоё Ка!». Иногда случалось так, что дух Ка не находил тела умершего, потому что оно не было мумифицировано по каким-нибудь причинам, или могилу, где лежала мумия, варварски ограбили разбойники. Тогда разгневанный дух Ка, потерявший своё тело, приносил массу неприятностей окружающим, особенно родным и близким. Вот почему египтяне всячески старались сохранить тело умершего, совершая обряд мумифицирования, и постоянно следили за могилами своих предков.

В погребальную камеру Тутанхамона решено было в день похорон внести ещё два маленьких саркофага, где лежали тела его детей, двух девочек, родившихся мёртвыми. Отец должен был покровительствовать им в Царстве мёртвых и всячески оберегать от опасностей, ведь он как был, так и остался фараоном, только переселился в другую страну — Страну вечности!

Маленькая дверь в северо-восточном углу погребальной камеры вела в сокровищницу. Она была пока совершенно пуста, но скоро там будет храниться главная драгоценность гробницы — алебастровый саркофаг с четырьмя сосудами — канопами, а в них тщательно забальзамированные внутренности умершего фараона — печень, лёгкие, желудок и кишки. Сердце же останется в самой мумии почившего владыки. Без сердца он не сможет жить в загробном мире. Алебастровый саркофаг с канопами привезут в сокровищницу в день похорон Тутанхамона на специальных погребальных санях. Охранять главные сокровища будет большая статуя бога Анубиса, сделанная из эбенового дерева и покрытая золотом. Сокровищницу также наполнят другими предметами, которые при жизни радовали молодого фараона. Заботливая вдова, прекрасная Анхесенамон, уже уложила драгоценности и вещи любимого мужа в многочисленные сундучки, ларцы и шкатулки из дерева и слоновой кости, инкрустированные золотом и голубым фаянсом. Даже модели лодок с парусами и любимая колесница Тутанхамона в разобранном виде ожидали

своего часа, чтобы занять место в сокровищнице великого владыки Двух Земель.

Ещё одно помещение рядом с погребальной камерой предназначалось для предметов, которые могли понадобиться умершему в загробной жизни. Аи распорядился сделать её большой. Здесь предполагалось разместить дополнительные модели лодок, ещё несколько колесниц, веера, щиты, мечи, кинжалы, статуэтки рабов и прислужников — для всяких работ в загробном мире и, конечно же, продукты. Были уже заготовлены корзины и мешки с пшеницей и ячменём, двадцать шесть видов красного и белого вина в запечатанных кувшинах, различные виды масел — для употребления в пищу, притираний и воскуриваний, несколько кувшинов с мёдом, сорок семь ящиков с сухой говядиной, один ящик с сухим гусиным мясом, сто шестнадцать корзин с сушёными фруктами, орехами, зёрнами и многое-многое другое.

И ещё один важный предмет ждал своего часа, чтобы занять почётное место в гробнице почившего владыки. Это — золотой трон Тутанхамона, на котором он величественно восседал при жизни. Трон был сделан из дерева, покрыт сверху листами золота и серебра, инкрустирован разноцветным стеклом, фаянсом и полудрагоценными камнями. Ножки — в форме львиных лап, а каждый подлокотник украшали вырезаные головы богини-львицы Сехмет, отождествляемой с «Оком Ра». Это означало: восседающий на престоле является «глазами бога». На спинке трона был изображён сам Тутанхамон со своей женой Анхесенамон. Их окружали пучки растущего камыша и божественные цветы лотоса. Верхнюю часть спинки украшал живописный орнамент, в центре которого сиял золотой солнечный диск с исходящими солнечными лучами, и на конце каждого луча — человеческая ладонь.

Этот трон сделали, когда Тутанхамон только занял место великого владыки Двух Земель и жил в Ахет-Атоне, городе, построенном его отцом Эхнатоном. И солнечный диск с лучами был символом ныне отверженного бога Атона. Тутанхамон не захотел ничего менять в облике своего трона, хотя он и являлся для всех напоминанием о тех злосчастных днях, когда правил Эхнатон. Конечно, у Тутанхамона было ещё несколько тронов, но этот золотой являлся самым значимым, и потому, несомненно, почивший правитель хотел бы восседать в Царстве мёртвых именно на нём.

Итак, близился день похорон, и приготовления к этому торжественному дню шли полным ходом. За всем лично следил Аи — визирь и верховный жрец Амона. Он решил устроить

небывало пышные похороны Тутанхамона, чтобы все запомнили, как искренне и глубоко любил он и почитал великого владыку.

Глава 24
ЕГИПТЯНЕ СО СВЕТЛЫМИ ГЛАЗАМИ

Двое мужчин медленно шли по улицам Фив, внимательно наблюдая за всем вокруг. Выглядели они как состоятельные вельможи. Длинные белые гофрированные платья-туники из льна, широкие тоже гофрированные пояса и свободные тонкие плащи, накинутые на плечи — все добротно и богато. А великолепные украшения и большие завитые парики добавляли им изысканной респектабельности. Два знатных горожанина вышли немного прогуляться. Но стоило посмотреть на них чуть внимательнее, и сразу было видно: это не египтяне. Да, смуглые, да, одеты нормально, а вот глаза… Они были подведены чёрной краской для придания миндалевидной формы, согласно здешней моде, но цвет! Они же были светлые: у одного — зелёные, у другого — голубые. А у всех египтян — исключительно карие и, как правило, очень темные. И ещё, пожалуй, рост этих двоих обращал на себя внимание. Они почти на голову возвышались над толпой.

— Эх, надо было все-таки контактные линзы надеть, — сказал Максим. — На нас обращают внимание.

— У меня и так глаза чешутся и слезятся от этой краски, а если ещё и темные линзы… Считай, я буду слепым, — ответил Сергей.

Они находились в древнем городе уже порядка получаса и за это время, конечно, успели заметить, что их внешний вид не совсем соответствует облику местных жителей, хотя все что можно было подготовить заранее, специалисты сделали безукоризненно: одежду, обувь, украшения, головы побрили, водрузили пышные парики, даже про цвет кожи и глаз не забыли. Но рост… Что тут поделаешь? Подбирать для работы коротышек? И ведь есть еще походка, мимика, жесты — этому надо годами учиться. А тут, простите, все срочно!

— Нет, — проворчал Максим, — линзы нужны. Я тебя послушал, потому что ты здесь второй раз, а сейчас жалею. Мало мне, что я чувствую себя дядей Степой! Знаешь, будто в детский сад пришел, где все такое маленькое, даже столы и стульчики. А теперь еще должен щуриться. Чтобы не сверкать на них своими белыми глазками.

— Насчет дяди Степы. Это же акселерация, — проявил эрудицию Сергей. — Может, к двадцать второму веку все вообще будут двухметрового роста.

— Не будут, — заверил его Максим. — Я как-то с Борисовым

говорил на эту тему…

— Вот про Борисова не надо! — сурово перебил Булаев. — Давай-ка лучше к делу

— Давай, — согласился Максим. — Только инструкции надо выполнять — это я про линзы. Глупо из-за такой ерунды сорвать нашу миссию.

— Ладно, — сквозь зубы ответил Сергей.

Они остановились в укромном месте, открыли корзину, в которой лежали всякие нужные вещи, в том числе и «Фаэтон», и достали миниатюрные коробочки. В общем-то, линзы, сделанные по последнему слову техники, не так уж и мешали, во всяком случае, человек быстро привыкал к ним.

— Ну вот, — с удовлетворением произнёс Максим, — теперь я чувствую себя гораздо спокойнее.

— А я себя — отвратительно, — ответил Сергей

Но потом широко улыбнулся, сводя все на шутку. Не стоило им ссориться с самого начала.

Глава 25
ПРЕДУПРЕЖДЁН — ЗНАЧИТ, НЕ ОПАСЕН

Привратник, встретив необычных гостей — Аню, Сашу и Ваню у ворот дома, сразу проводил их в главный зал. В доме Джедхора троих друзей уже ждал богато накрытый стол. Правда, мяса, вина и белого хлеба среди угощений не было, потому что во время семидесятидневного траура никому из жителей не позволялось употреблять в пищу эти продукты. Но и без них невысокий длинный стол, вокруг которого стояли табуреты и стулья с мягкими подушками, изобиловал разнообразными, вкусно пахнущими яствами, которые выглядели очень аппетитно.

В низких вазах, сделанных из фаянса и украшенных узорами с изображением птиц, зверей и цветов, лежали фрукты: гранаты, яблоки, инжир, финики. Еще большее разнообразие овощей — салат-латук, редис, чеснок, огурцы, лук, оливки — громоздилось в стеклянных блюдах, тоже изящно расписанных, а по рельефной кромке обрамленных золотом и серебром. В середине стола царило большое серебряное блюдо изящной чеканки, а в нём — огромная жареная рыба-лобан, приправленная овощами и пряностями. Рядом, в блюде поменьше, повар красиво разложил дымящихся жареных окуней, тоже сервированных овощами. Масло — оливковое и ореховое — было разлито в изящные золотые чашечки с носиками. Тут же стояла и фаянсовая тарелочка с солью. Вместо пшеничного хлеба были поданы ячменные лепёшки. И обязательно к рыбе полагались варёные бобы и овощи в большом, расписанном яркими рисунками глиняном горшке. Вкусно пахнущие соусы и разнообразные овощные пюре-приправы в маленьких стеклянных мисочках причудливой формы служили непременным дополнением ко всем блюдам. Компоты из фруктов и сладкие медовые напитки ждали своей очереди в высоких глиняных кувшинах, а ячменное пиво было уже налито в золотые кубки для гостей.

Джедхор, поприветствовав своих спасителей, жестом пригласил их к столу.

— Я очень рад, что вы благополучно добрались до города, — с улыбкой произнёс он. — И весьма польщён тем, что вы изъявили желание провести в моём доме несколько дней в качестве почётных гостей.

Друзья в свою очередь поблагодарили Джедхора за

гостеприимство и, предвкушая удовольствие от предстоящей трапезы, направились к столу. Они с трудом скрывали нетерпение, так как все трое ощутили аппетит просто зверский.

— Я не прочь подкрепиться, — тихо сказал Ваня, потирая руки. — Как это будет по-египетски, Саша?

Саша сказал, но тут же и прокомментировал:

— Все равно не запомнишь, и фраза эта совсем не нужная, лучше выучи «спасибо». Пошли, я тоже голодный.

— Слушайте, больше всех есть хочу я, — заявила Аня, — вы же совсем недавно в кафе налопались.

— Недавно?! — переспросил Ваня, потом понял, что девушка права и замолчал пораженный этой мыслью.

Джедхор позвал слугу и приказал отнести вещи гостей в специально приготовленные для них комнаты.

Саша, услышав распоряжение вельможи, бросился к корзине и быстро вынул из неё сумку с «Фаэтоном». Лишь крепко прижав ее к себе, он успокоился и сел за стол.

Джедхор сделал удивлённое лицо и спокойно произнёс:

— Я вижу, вы волнуетесь за сохранность вашего имущества? Это излишняя предосторожность. Всё, что принадлежит вам, в моем доме никогда не перейдёт в чужие руки. Мои слуги — преданные люди, они не допустят ничего такого, что могло бы опорочить их хозяина.

Саша поспешил успокоить Джедхора:

— В этом… — он запнулся, пытаясь подобрать правильный синоним, — … в этом мешке находится предмет, который должен быть с нами всегда, иначе мы потеряем связь со своим миром и не сможем вернуться обратно.

Саша сам удивился, осознав, что сказал Джедхору абсолютную правду.

— А могу я взглянуть на этот предмет? — спросил Джедхор, немного засомневавшись в словах нового знакомого.

Саша, повернувшись к ребятам, стал советоваться с ними. Джедхор терпеливо ждал.

Заручившись согласием друзей, Саша расстегнул сумку и вытащил оттуда «Фаэтон». Хозяин дома с интересом уставился на необычный предмет. Разумеется, ничего подобного он никогда не видел. Саша приподнял крышку «Фаэтона», и на нем сразу замелькали неизвестные Джедхору светящиеся знаки. Египтянин даже вздрогнул от неожиданности.

— О боги, что это?! — невольно воскликнул он. — Что означают эти знаки?

— С помощью этих знаков с нами разговаривают боги, — спокойно соврал Саша — итак уже слишком много было сказано

правды.

Аня и Ваня придвинулись ближе и прочли на экране «Фаэтона»:

«ВОЗВРАТ В СВОЁ ВРЕМЯ — ЧЕРЕЗ 96 ЧАСОВ»

— Через четыре дня, — машинально пояснил Саша.

— У-у-у! — протянул Ваня. — Ты сам догадался?

Саша хотел ответить, но в этот момент Джедхор так приблизил лицо к прибору, словно хотел понюхать или даже укусить его, и, конечно, рука египтянина, хоть и робко, но уже потянулась к экрану. Саша был вынужден, рискуя обидеть гостеприимного хозяина, сказать ему предельно мягким голосом, но в категоричной форме:

— До этого предмета никто не должен дотрагиваться, кроме нас троих. Только посвящённый может касаться его и разговаривать с богами. Иначе властители небес разгневаются и накажут посмевшего прочесть письмена без их согласия.

Джедхор отдернул руку и даже отошёл немного в сторону, продолжая опасливо коситься на диковинку. Он не хотел, чтобы боги прогневались на него, тем более сейчас, когда они явно ему благоволили — послали вещий сон, отвели смертельную опасность и даровали хранителей.

Саша, уловив настроение Джедхора, решил подлить масла в огонь. Так, на всякий случай. Мало ли, вдруг ему или кому-нибудь еще все-таки захочется завладеть прибором.

— Того, кто дотронется до этого божественного ящика, ждёт великая кара богов, — медленно и с чувством произнёс он. — Жизнь его превратится в мучения, а после смерти он не сможет попасть в Царство мёртвых. Боги страшны в своём гневе! Они сделают так, что прах непокорного будет развеян по ветру и его Ка, не найдя пристанища, обрушит свой гнев и на близких провинившегося.

Джедхор побледнел и отошёл ещё дальше от опасного ящичка.

— Что ты ему сказал? — встревожилась Аня. — На нём лица нет!

— Ничего такого, что могло бы его обидеть, — спокойно объяснил Саша и пересказал своё краткое выступление.

— Ну, ты артист! — одобрила Аня и обернулась к Ивану. — Видишь, Ваня, не все тебе изображать Нерона или бога Сета! Саша тоже в образ вошел неплохо. И теперь наш новый друг предупреждён, а значит, не опасен.

— Посмотрим, — скептически заметил Ваня. — Время

покажет.

Саша убрал «Фаэтон» в сумку и добродушно посмотрел на Джедхора:

— Я надеюсь, Вы нас правильно поняли. Нам очень не хочется, чтобы этот предмет принёс Вам неприятности и изменил Вашу жизнь в худшую сторону.

Джедхор понимающе кивнул и предложил, наконец, приступить к трапезе.

А за столом началась оживлённая беседа. Друзья расспрашивали Джедхора о его жизни и о том, что происходит сейчас в Великой Та-Кемет. Хозяин с удовольствием рассказывал обо всём и лишь дипломатично обходил щекотливые вопросы, связанные с интригами царского двора. О своей миссии он пока ничего не сказал спасителям, желая сперва разведать обстановку в городе и повнимательнее присмотреться к таинственным посланцам. Он ожидал какого-нибудь божьего знака, предзнаменования, надеялся, что боги подскажут ему, как действовать и какую помощь просить у новых знакомых. А самое главное, у него не было пока чёткого плана спасения Анхесенамон. Но ведь уже через три дня состоятся похороны Тутанхамона…

«Прежде всего, я должен попасть во дворец и повидаться со вдовой», — думал Джедхор.

Под конец обеда слуги принесли десерт — засахаренные фрукты, приготовленные на меду. Мёд был единственным средством сделать блюдо по-настоящему сладким, ведь о сахарном тростнике древние египтяне не знали ничего.

— Спасибо, все было очень вкусно, — сказал Ваня совершенно искренне, поднимаясь из-за стола с некоторым трудом. — Пожалуй, я съел чуточку слишком много.

Саша, как умел, перевел эти слова и в итоге все трое, к удовольствию Джедхора, научились говорить слова благодарности на местном наречии.

— В комнатах, специально приготовленных для вас, — учтиво произнёс хозяин дома, — вы можете отдыхать столько, сколько пожелаете. Если вам что-нибудь понадобится, слуги всегда в вашем распоряжении, — потом он сделал паузу и добавил. — А я, с вашего позволения, навещу пока своих знакомых в городе.

Ребята согласно кивнули и в сопровождении слуги направились в свои комнаты.

Глава 26
ТЕРПЕНИЕ, УСЕРДИЕ И БДИТЕЛЬНОСТЬ

Сергей Булаев был раздражён.

— Мы бродим по городу в бессмысленных поисках уже несколько часов! Кого мы ищем? Иголку в стоге сена? Мы даже не знаем, как они выглядят? Или я не прав? Скажи, Голова. Ты знаешь, что наши ребята зовут тебя Голова?

— Знаю, — Максим резко остановился и, повернувшись лицом к Сергею, сказал спокойно, но строго: — Раздражительность и злоба — плохие спутники в нашем деле. Терпение, усердие, бдительность — вот и все, что необходимо нам с тобой.

— Слушай, Голова, кто из нас старший, а? Только не рассказывай мне, что это не армия, а Секретная Лаборатория. Ладно? Я все это знаю, но у меня есть право отдавать приказы.

Максим смягчил тон и тихо проговорил:

— Я просто хочу, чтобы ты выслушал меня. Да, мы не знаем наверняка, как они выглядят. Но девять из десяти за то, что это те самые ребята, которые побывали в средневековой Франции. И я узнаю их в любой маскировке. Ну, а если это другие… Все равно мы вычислим их. Не могут они ничем не отличаться от местных. Надо просто внимательнее смотреть.

— Где смотреть-то? Мы даже не знаем, с какой целью они прибыли сюда?

— С какой бы целью ни прибыли, им нужно время на адаптацию. Далеко уйти они не могли, слишком мало времени прошло, — объяснял Максим. — Фивы хоть и большой город, но, в основном здесь живут египтяне, смуглые и с определённым типом лица. Узнать загримированного европейца, подготовленного хуже, чем мы, — не такая уж великая задача. Скорей всего, они вообще не знали, в какую эпоху попадут. Чтобы замаскироваться под египтянина, им нужна одежда и грим, все это еще надо раздобыть…

— Верно, — оживился Сергей. — Не станут они разгуливать по городу в современной одежде… Ну, а если спрячутся где-нибудь до ночи?

— Вполне возможно, — согласился Максим, — но учти, они пробудут здесь несколько дней. Потому что в режиме свободного поиска прибор по умолчанию программируется на срок от ста до

ста сорока часов. Несколько дней где-то прятаться без еды и питья — это нереально. И потом, какой тогда смысл путешествовать во времени?.. Появятся где-нибудь как миленькие, — он помолчал немного. — И ещё. Если их хотя бы двое, между собой они будут общаться на русском. Поэтому не только смотри, но и слушай.

— А если они вообще не в городе, а в окрестностях?

— И такой вариант допустим, — признал Максим. — Место их приземления мы способны определить с точностью плюс-минус тридцать километров. Круг с таким радиусом полностью накрывает Фивы, ну, и еще окрестные поля, кусок Нила и кусок пустыни. Вероятность их появления в городе несоизмеримо выше, чем во всех других точках. Поэтому пока мы и работаем *здесь* . Сам посуди: что им делать в пыльной пустыне без еды и питья?

Сергей неуверенно пожал плечами. Он прекрасно понимал, что случай непростой и план действий разрабатывается по мере поступления информации, а информации пока — ноль. Значит, надо действовать по наитию. И здесь он готов был уступить первенство Максиму. Но тот, видя сомнения напарника, все-таки хотел прийти к согласованному решению:

— Попытайся представить себя на их месте, — предложил он Булаеву. — Что бы ты сделал, оказавшись в Древнем Египте?

— А что тут представлять, — хмыкнул Сергей. — Я уже был в такой ситуации. Правда, меня в занесло Меннефер, он же Мемфис.

— Ну, и с чего ты начал? — допытывался Максим.

— Перво-наперво я попытался врубиться, где нахожусь: страна, эпоха, точка локализации. Воспоминания были мутными, отрывочными. Потребовалось часа два, как минимум, чтобы понять, куда я попал.

— И что ты делал в это время?

— Скрывался от посторонних глаз, но далеко от места не уходил, — рассказывал Сергей. — Но я — другое дело. У меня была единственная задача — идентифицировать местность и эпоху, оценить затраты времени на это, просчитать возможные риски и наконец, живым вернуться назад. Ни в каких событиях я не должен был участвовать — только наблюдать и запоминать. Для этой их «шкалы времени», которую физики составляют… Да ты же лучше меня все это знаешь.

— Конечно, знаю, — сказал Максим. — Значит, ты «летал» уже по программе «Фаэтон-2». И, говоришь, далеко от места «посадки» не уходил, пока не понял, где ты. Вот видишь, так должен вести себя любой, тем более новичок. Ты согласен?

— В общем, да, — ответил Сергей.

— Ну и все, — резюмировал Максим. — Сосредоточимся на поисках в городе. Здесь легче затеряться, и с одеждой меньше проблем. Хотя, если ты не хочешь выдавать себя за знатного вельможу, как мы, например, хватит и набедренной повязки.

— И ещё обриться наголо, — напомнил Сергей.

— Ну да, если путешественник мужчина, — уточнил Максим и добавил, немного подумав: — Если через два часа не обнаружим никаких следов наших фигурантов, придется нанять в помощь местных бродяг. Уж они-то сразу отличат чужих от своих.

— Еще вариант, — придумал Сергей. — Что, если их в тюрьму посадили?

— Запросто! — подхватил Максим. — Тогда тем более нужны местные жители: слухами земля полнится. Это же не каждый день происходит, и нам обязательно расскажут. А уж если никто ничего не знает… Впрочем, давай не будем опережать события.

— Давай, — согласился Сергей. — А то и так уже голова пухнет.

Максим дружелюбно улыбнулся и похлопал напарника по плечу.

— Терпение, мой друг, и ещё раз — терпение. Мы с тобой вместе горы свернём.

— Только куда мы их будем складывать? — спросил Сергей с очень серьезным видом.

— Кого? — не понял Максим.

— Горы, которые свернём, — засмеялся Сергей.

Максим тоже рассмеялся. Шутка окончательно сняла напряжение, возникшее между ними еще в Москве.

— А пойдем вот здесь налево, — предложил Максим на очередном перекрестке.

— Вот и я подумал, что направо неинтересно, — поддержал его Сергей.

Глава 27
ВПЕРЁД, ЗА ВЕРЁВОЧНОЙ ЛЕСТНИЦЕЙ

— Предлагаю сразу заняться поиском верёвочной лестницы, —сказал Ваня. — Мы сюда именно за этим прибыли, так что давайте не откладывать в долгий ящик.

Ребята собрались в комнате у Саши, подсознательно следуя некой московской традиции. Ваня, как всегда, брал быка за рога, а Саша в задумчивости молчал — то ли не знал, что сказать, то ли выдерживал паузу для солидности.

— Вообще, у нас в запасе четыре дня, так что не знаю, стоит ли торопиться, — засомневалась Аня. — Что-то я побаиваюсь выходить в город. Может, лучше попросить Джедхора?

— А как мы ему объясним, зачем нам верёвочная лестница? И потом, это же просто глупо сидеть здесь безвылазно четыре дня! — возмутился Ваня.

Аня пожала плечами.

— Тебе-то хорошо, Птицына, — захныкал, кривляясь, Ваня, — ты уже была в Египте. А нам бы с Сашкой хоть на экскурсию сходить в древнюю столицу.

— Шут гороховый, — улыбнулась Аня, а потом посмотрела на Сашу. — Эй, Ветров, ты не уснул? Что скажешь?

— Наверное, Иван прав, — медленно проговорил Саша. — Вот только одним выходить в город не стоит, а то непременно попадём в какую-нибудь дурацкую историю. Давайте возьмём кого-нибудь из слуг, так будет спокойнее.

Ваня торжествующе улыбнулся. Аня пожала плечами:

— Подчиняюсь мнению большинства.

Гостей вызвался сопровождать сам Апуи, верный слуга и доверенное лицо хозяина дома. Вопрос, где можно раздобыть длинную и прочную верёвочную лестницу, очень удивил его. Но расспрашивать молодых людей он побоялся. Слуга чётко помнил распоряжение Джедхора — исполнять любое желание гостей, поэтому предложил им заказать нужный предмет у мастера по изготовлению рыболовных сетей и силков для птиц. Ребята согласились. Мастерская находилась достаточно далеко от дома Джедхора, и выходить решили тут же, не откладывая. Собственно, долгая прогулка по городу не только не огорчила, но даже обрадовала друзей. Они ведь хотели побольше увидеть здесь.

Гигантские храмовые комплексы, расположившиеся в Опете

Амона и Южном Опете, соединялись между собой аллеей сфинксов. Эти сфинксы представляли собой высеченные из камня фигуры с телом льва и головой барана. По обе стороны аллеи возвышались дворцы, официальные здания и жилые дома горожан, среди которых и находился дом Джедхора, не самый маленький в округе и очень красивый. Он был обнесён высокой стеною и имел несколько входов. Через центральный в дом входили только сами хозяева и знатные вельможи, он был украшен высокими колоннами с красивой лепкой и разноцветным орнаментом по всей их поверхности. Около входа стоял привратник. А дополнительные двери, предназначавшиеся для работников и слуг, вели к хозяйственным службам. На заднем дворе располагались хранилища для зерна, хлев, загоны и стойла для скота, давильня, где делали вино из винограда, и свой собственный колодец. Перед домом раскинулся великолепный сад с беседками и цветочными клумбами, а в глубине двора — маленький прудик, окружённый пальмами и сикоморами. Надо сказать, что сад и пруд были непременным атрибутом всех богатых домов, как бы визитной карточкой любого знатного горожанина и различались только размерами да той роскошью, какую мог себе позволить хозяин.

Друзья, одевшись по моде, вышли из дома вместе с Апуи. «Фаэтон» они, естественно, взяли с собой, аккуратно уложив его в подходящую корзину-сундучок с крышкой.

— Какой у вас красивый сад! — воскликнула Аня, оглядываясь по сторонам. — Вначале я как-то не обратила на него внимания.

А сад, и вправду, был просто великолепен. Шагая по базальтовой дорожке, трудно было не восхищаться всей этой красотой. Виноградные лозы обвивали изящные резные беседки, роскошные клумбы с благоухающими цветами, как яркие пятна, были разбросаны повсюду, величественные пальмы стояли ровными рядами вдоль дорожек, а раскидистые акации, пышные сикоморы, тамариск и персея различными оттенками зелёного необычайно оживляли пейзаж и дарили благодатную тень и прохладу. В глубине виднелись цветущие фруктовые деревья, которые, вероятно, приносили богатый урожай владельцу поместья.

— А на улице пыль, жара, духота и ни одного деревца — какой контраст! — сказал Саша, когда они уже подходили к воротам.

Выйдя на улицу, они сразу окунулись в шум и суету большого города. Дышать было и впрямь тяжеловато, хотелось идти не торопясь, тем более что, безусловно, стоило рассматривать

повнимательнее и здания, и прилепившиеся к ним лавчонки. Ваня останавливался почти у каждой торговой точки, с интересом разглядывал товары, и оживлённо делился своими впечатлениями. Конечно, он непрерывно расспрашивал Сашу обо всём, что его заинтересовало. Сновавшие туда-сюда прохожие привлекали его внимание не меньше, и уж если Ваня комментировал чью-то внешность, то от улыбки трудно было удержаться.

— Смотрите, смотрите! Это полупрозрачное платьице точно от Версаче. А вон тот толстячок определенно одевается у Готье. Но самые потрясающие, по-моему, вот те двое. На такой авангард не хватило бы фантазии ни у Тома Форда, ни у Славы Зайцева! — Ваня тараторил со скоростью хоккейного комментатора, и ребята невольно вертели головами. — Вам не кажется, что мы попали на неделю высокой моды в Париж? Помнится, когда я в последний раз возглавлял там жюри…

— Слушай, балаболка, — перебила его Аня, — ты, оказывается, такой любознательный и так много знаешь о моде! Вот уж не подумала бы. А еще говорят, что это женщины излишне любопытны, безмерно болтливы и смотрят только на одежду.

— Пошутить нельзя? На самом деле я просто изучаю здешнюю жизнь, — стал оправдываться Ваня. — И она поражает меня. Запомните: «Ничему не удивляться есть, разумеется, признак глупости, а не ума». Фёдор Михайлович Достоевский.

— Ну и удивляйся ты себе на здоровье, — улыбнулась Аня, — только не так шумно, а то на нас уже обращают внимание. Видишь, вот эти двое остановились и смотрят в упор.

— Где? — насторожился Ваня.

— Да вон там, около лавки горшёчника, на противоположной стороне.

Ваня долго озирался, ища глазами, где же тут продают горшки.

— Опять он крутит головой, как сова, — проворчала Аня.

А Саша дёрнул Ваню за руку и строго произнёс:

— Пошли дальше. Нам ещё надо полгорода пропилить. Если везде останавливаться, к ночи не дойдём.

И они двинулись дальше, заметно ускорив шаг. Ваня демонстративно заторопился и вовсе перестал останавливаться. Апуи спокойно шёл рядом, в разговоры не вмешивался и только, если надо, указывал дорогу.

Пройдя несколько кварталов, где вперемежку располагались дома богатых и бедных горожан, ребята свернули в узкий переулок и через некоторое время оказались на площади перед большим зданием с колоннами.

— Это Дом правосудия, — пояснил Апуи. — Здесь заседают судьи, которых выбирают из числа влиятельных горожан. Они разрешают спорные вопросы между жителями, допрашивают преступников и выносят приговоры. Видите, около здания собралось много народу. Значит, там идёт разбор сложного дела. И все хотят знать, чем закончится.

— А если судьи не знают, как поступить? — проявил Ваня любопытство теперь в юридической сфере.

— Тогда они обращаются за советом к оракулу, — ответил Саша и лишь потом перевел слуге вопрос вместе с ответом.

Апуи согласно кивнул и, оценив осведомленность пришельца, безропотно вышел из беседы.

— На оракулов здесь большой спрос, — констатировал Ваня.

— Вообще-то, в данном случае, — стал разъяснять Саша, — оракул, к которому обращаются судьи, — это не человек, а культовая статуя, посредством которой бог разговаривает с людьми.

— Вот жулики! — сказал Ваня, еще не дослушав.

— Например, статую бога Амона жрецы выносят из храма в священной ладье. Несут на больших жердях. К ней можно приблизиться и попросить совета или задать интересующий вопрос.

Ваня развёл руками и усмехнулся:

— Ну и как статуя может дать совет? Она же ста-ту-я!

— Очень просто, — сказал Саша. — Ответ «да» или «нет» определяется по тому, в какую сторону двинется священная ладья — вперёд или назад.

— А-а-а, — иронично протянул Ваня, — понятно. «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики!» А здесь, стало быть, жрецы.

Саша внимательно посмотрел на друга, а затем тихо произнёс:

— Хорошо, что ты не знаешь языка, а то за подобные рассуждения вслух тебя побили бы камнями… А вообще, знаешь, что я тебе скажу? Жрецы говорят, что статуя сама движется вместе с ладьей.

— Конечно, сама, — истово закивав, согласился Ваня. — Ох, хотелось бы посмотреть на всё это лично. Скажи, вот я могу спросить что-нибудь у статуи-оракула?

— Любой горожанин может, — ответил Саша. — Насчет чужестранцев — не знаю. Можно уточнить у Апуи. А вот фараоны пользуются услугами священного оракула не принародно, а в святилище храма, куда простому люду вход строго воспрещён.

— Уговорил. Будем общаться со статуями на правах фараонов — так интереснее, — вконец расхулиганился Ваня. — Ты только

скажи: там она тоже стоит на ладье, которую держат жрецы?

— Нет, — Саша упорно сохранял серьезность. — Ладья находится в другом помещении. Статуя стоит в святилище на постаменте, в специальном богато украшенном ящике-доме. Дверь его на замке, её открывают лишь три раза в день — на рассвете, в полдень и на закате. Жрецы совершают жертвоприношение, облачают статую в богатые одежды, подносят ей пищу.

— Это понятно. А как она отвечает на вопросы фараонов? Чем двигает? — настаивал Ваня.

— Знаешь, — смутился Саша, — точно сказать не могу, сам не видел. Входить в святилище имеют право только жрецы и фараон. Говорят, изваяние может наклоняться. А ещё говорят, вызывает духов умерших правителей, и они разговаривают.

— Ну, если этакая махина наклонится, то она и рухнуть может, и тогда уж точно кроме духов там никого не останется. А ты веришь, что ли, будто можно вызывать души умерших?

Саша пожал плечами:

— Если честно, не верю.

Аня слушала, слушала и решила, что ей тоже пора высказаться:

— Зря вы такие скептики. Есть мнение, что в древности науки были слабо развиты, зато магия существовала на самом деле. И как раз египетские жрецы могли проделывать настоящие чудеса.

— Вот заодно и проверим эту гипотезу, — бодро сказал Ваня.

— На самом деле, все эти чудеса, наверняка, всего-навсего элементарные трюки. Надо же как-то держать народ в повиновении, — произнёс Саша. — Сами знаете, что могут фокусники! Вспомните хотя бы Дэвида Коперфильда.

— Не знаю, — девушка осталась при своём, — у Коперфильда все на высоких технологиях построено. А здесь? Люди ещё сталь варить не научились. Какая уж там левитация с помощью магнитных полей и воздушных подушек! Нет, жрецы и вправду великие маги, а не фокусники.

Ребята даже растерялись от такого напора.

— Посмотрим, — проговорил Ваня.

— Увидим какое-нибудь магическое действо, тогда и разберёмся, — вторил ему Саша.

Пройдя площадь, где располагался Дом правосудия, они вышли на длинную аллею, по обеим сторонам которой раскинулся цветущий сад. И очень скоро увидели справа красивейшее озеро, а за ним — высокую кирпичную стену.

— Интересно, что там, за стеной? — спросил Ваня и Саша перевел слуге его вопрос.

— Храм богини правосудия Маат, — ответил Апуи. — Сейчас мы пройдём парковую аллею и выйдем к аллее сфинксов, которая соединяет два храмовых комплекса Амона — Опет Амона и Южный Опет.

— А почему эти два комплекса посвящены одному и тому же богу? — поинтересовался Ваня.

Апуи ждал, когда Саша переведёт ему вопрос, но Ветров понял, что сумеет ответить сам, и решил не осложнять беседу двойным переводом.

— Ну, во-первых, Амон — главный бог столицы, — начал рассказывать Саша. — А во-вторых, их строили разные правители. Большой храмовый комплекс Амона на севере Фив воздвиг Тутмос III, великий завоеватель, прапрадед Эхнатона. На огромной территории — множество отдельных храмов, дворцов, залов, часовен, обелисков. Самый выдающийся — храм Амона, где находится его золотая статуя-оракул, ее и выносят на священной ладье во время празднеств. Ещё там имеется довольно любопытная комната под открытым небом — вроде ботанического сада. Это настоящее украшение храма. Тутмос III из своих походов привёз массу экзотических растений в дар Амону, вот и повелел построить оранжерею.

— А представляете, — сказал Ваня. — В коллекции этого фараона-ботаника обнаружится наша елка или береза. Успеем мы туда слазить?

— Не уверен, — ответил Саша, — А, между прочим, Тутмос III привозил еще и животных, например, таких диковинных, как козы и куры. Их до этого в Египте не знали.

— А яйца кушали крокодильи, — предположил Ваня. — Но сейчас-то они на куриные перешли?

— Да, только у них это деликатес.

— Ладно, — смирился Ваня, — яичницу будем в Москве жарить. А здесь я, знаете, чего бы хотел?

Саша уже боялся продолжения, потому что друг его совсем отпустил тормоза.

— Все-таки, раз мы здесь, надо попасть в этот главный храм Амона, конкретно в святилище. Разобраться хочу с чудесами.

— Но я же говорил уже, — тяжко вздохнул Саша, — простых смертных туда не допускают. Народ приносит дары и молится богам, приблизившись лишь к вратам священного места.

— Это я-то — простой смертный?! — возмутился Ваня. — Это мы-то, посланцы богов — простой народ?!! Нетушки! Я буду не я, если не попаду внутрь, — твёрдо заявил он.

— С ума сошёл?! — всполошилась Аня.

— Нарываешься, Оболенский! Это очень серьёзное

преступление, — пояснил Саша. — И потом, как ты собираешься лезть туда? Ворота запираются, охраняются…

— Дело техники, — небрежно сказал Ваня.

— Знаешь, что, Иван, — девушка резко остановилась и посмотрела ему в глаза. — Не вздумай этого делать! Понял? Мы же все друг за друга отвечаем. Ты понял?!

— Понял, — подозрительно спокойно сказал Ваня и, как ни в чем не бывало, опять повернулся к Саше. — Валяй, рассказывай дальше. Что там про второй комплекс?

— Если от Большого храмового комплекса Амона идти по аллее сфинксов на юг, попадёшь в другое святилище Амона, которое называется Южный Опет. При Тутмосе III здесь находился маленький полуразвалившийся храм, посвящённый Амону, а уже во времена Аменхотепа III, отца Эхнатона, это священное здание превратилось в руины. Действовал только большой храм — в Опете Амона. И вот Аменхотеп III решил, что он ничем не хуже своего великого прадеда, что он может и должен возвести комплекс, не уступающий по красоте и величию священному строению в Опете Амона. И вообще, для такого большого города, как Фивы, одного богослужебного дома явно недостаточно. Короче, он приказал построить на развалинах старого храма грандиозный комплекс, что и было сделано. А еще недалеко от Большого храмового комплекса Амона, возведённого Тутмосом III, Аменхотеп III повелел воздвигнуть храм в честь богини правосудия Маат.

— Это мимо которого мы сейчас прошли? — уточнил Ваня.

— Ну да. И аллея, и сад, и озеро — все здесь творение Аменхотепа III. А к Большому храму Амона он ещё пристроил большой зал. Крышу поддерживают больше ста колонн высотой двадцать с лишним метров. Роспись на потолке — это карта звёздного неба. В общем, египтяне называют Аменхотепа III великим строителем…

— Мы почти пришли, — сообщил Апуи.

Они уже пересекли аллею сфинксов, направляясь в сторону жилых кварталов, и вскоре остановились около небольшого двухэтажного дома, где как раз и жил специалист по изготовлению всякой снасти для охоты.

На первом этаже располагалась непосредственно мастерская. Саша долго объяснял мастеру, что именно нужно сделать. Наконец, тот кивнул и сказал:

— Приходите через три дня. Будет готово.

Все сходилось довольно удачно. Оставалось лишь благополучно вернуться назад, в дом Джедхора.

Глава 28
ЕГИПЕТСКИЙ ВОР

На обратном пути Саша вдруг сделался молчалив, а Ваня говорил, как и прежде, много:

— Всё-таки правильно мы поступили, что отправились в город. Столько интересного увидели, да ещё верёвочную лестницу заказали, да еще сделают ее через три дня, значит в самый раз. А не послушали бы меня, встретились с мастером позже, и пришлось бы как-то давить, уговаривать, в общем, проблемы сплошные, а так мы все успеваем, и можно пойти сегодня на Нил искупаться.

Аня и Саша уже хотели похвалить приятеля за проявленную настойчивость, но финал его выступления несколько обескуражил их.

— Знаешь, с купанием мы пока повременим, — осторожно заметил Саша. — А вот за идею совершить экскурсию — тебе спасибо. Все-таки есть большая разница между воспоминаниями моего предшественника здесь и тем, что я увидел собственными глазами.

— Это ты мне рассказываешь? — сказал Ваня. — Я уже проходил такое в нашем первом путешествии. Но самая большая разница у Анюты. Что она видела, когда ездила в Египет в наше время? Две с половиной пирамиды, изъеденные временем. А тут такая красота!

Все трое помолчали, осознавая, как им повезло. А потом Ваня неожиданно хлопнул себя по лбу:

— Ветров! А деньги? Чем мы будем расплачиваться за лестницу? Рублями или баксами?

— К твоему сведению, деньги как таковые пока ещё не изобрели. Здесь происходит товарообмен. Всё пересчитывается на меры зерна. Апуи как раз и договаривался об этом.

— О как! — обрадовался Ваня. — А когда ж у них денежки появятся? И кто их вообще придумал?

Саша растерялся. Ответила Аня:

— Вообще-то, первые деньги придумали финикийцы, но немного позже.

— Они оказались самыми умными?

— Скорее самыми прогрессивными, — стала объяснять Аня. — Финикийцы много чего придумали. Например, первыми из средиземноморских народов отправились в путешествие на своих кораблях за Геркулесовы Столбы, то есть через

Гибралтарский пролив в Атлантический океан. А название Геркулесовы Столбы, знаете, откуда?

— Греческое, наверно, — рискнул угадать Ваня.

— Правильно. Финикийцы называли его Столбы Мелькарта. Мелькарт — это у них бог-путешественник. Согласно легенде, он обошёл весь мир и остановил стопы свои возле пролива, водрузив по обеим сторонам две остроконечные скалы. Позднее арабы дали этому проливу своё имя, искажённое арабское название и превратилось в итоге в Гибралтар. Так вот, финикийцы вышли в Атлантику или в Море Тьмы. По тем временам это было очень рискованным предприятием. «Там, на западе, опирается на воды свод небес и зарождается Мрак и Ужас, — говорили древние. — Нет возврата тому, кто рискнёт заплыть в эти воды, как нет возврата мёртвым из Царства теней». По их представлениям, Запад был естественным «концом света», куда могли отправиться лишь самые отчаянные герои. Говорили ещё, что Море Тьмы — это «застывшее» море, которое засасывает корабли, и по нему невозможно плыть; а за Геркулесовыми Столбами обитают страшные чудовища, они заглатывают проплывающие мимо корабли. Но финикийцы не побоялись и отправились в путешествие. Возвратились они с грузом драгоценного олова. Именно с этого «открытия» начался бронзовый век. А без олова — какая бронза?

— Ура финикийцам! Ай, молодца! — дурашливо восхитился Ваня. — Но ты про деньги не рассказала. Для чего они им понадобились?

— Рассказываю. Финикия была маленькой страной. Узкая полоска земли у Средиземного моря. Бо?льшую ее часть занимали горы. Росли там великолепные кедры, дубы и кипарисы. Финикийские города Тир, Сидон, Библ активно занимались продажей леса. Египтяне, кстати, закупали в Библе древесину для постройки дворцов и кораблей. Еще финикийцы были отменными садоводами. Главной культурой служили, разумеется, финики, а также оливки и виноград. Их вино считалось одним из самых лучших. И, наконец, они занимались рыбной ловлей, ведь море-то рядом. Подводим итог: торговля лесом, финиками, маслом, вином, рыбой, оловом приносила Финикии огромный доход. На что не обменивай все это добро, складывать будет некуда.

— Вот тут они и придумали деньги, — догадался Ваня.

— Нет, погоди. Последней каплей стало другое. Был у них еще один товар, пожалуй, самый доходный — пурпур. Такая стойкая красная краска, рецепт изготовления которой держался в строжайшей тайне. На протяжении долгих лет только финикийцы и владели секретом. Производство пурпура было чрезвычайно

сложным. Специально обученные люди вылавливали редкие виды моллюсков. Особую тёмную жидкость из их раковин капля за каплей собирали и выпаривали. В итоге получали порошок, который ценился невероятно дорого. Несколько горстей драгоценного почти невесомого порошка обменивались на целые стада скота и сотни мешков зерна. Но крохотной Финикии не нужно было столько! И тогда они придумали деньги. Их отливали из серебра и называли талантами. Правда, одна серебряная денежка финикийцев — один талант весил несколько сот килограммов, так что украсть такую «монету» было весьма затруднительно. Отливалась она с шестью рукоятками по бокам, чтоб нести можно было вшестером. Для этого использовали рабов, которые и грузили деньги на корабль. Таланты очень долго были в ходу. Финикийцы стали и первыми банкирами, потому что давали деньги под проценты и в залог.

Ваня развёл руками и усмехнулся:

— Да, конечно, продвинутые ребята, — оценил Ваня, — только что ж у них мозгов не хватило сделать монетки карманного размера?

— А им не надо было мелочь по кошелькам рассовывать, — рассудил Саша. — Так я понимаю? Да, Анют? Это их серебряное полено было как чек на большую сумму для оптовых закупок, а розница вся шла по старинке, по бартеру.

— И, между прочим, — сообразил Ваня, — мы потихонечку возвращаемся к финикийской денежной системе. Наличных скоро вообще не будет. А счет в банке — это и есть та самая серебряная глыба.

— Не совсем, — поправил Саша, — мы же снимаем с карточки любую маленькую сумму. Вот и они, я думаю, сообразили потом, что от большого куска серебра можно в случае надобности отпиливать маленькие.

Ваня начал смеяться.

— Ты чего? — спросил Саша.

— Да я представил себе: приезжаешь в супермаркет, лезешь в багажник со шлицовкой, отпилил кусок, опилочки в тряпочку собрал, чтоб не пропали, кусок в карман и пошел — удобно!

— Да уж не хуже, чем наши бумажки, — заметила Аня, — то порвутся, то промокнут… Хотите еще про финикийцев расскажу? — предложила она.

— Давай, — согласился Саша. — Дорога долгая.

— Они первыми изобрели алфавит, — поведала Аня торжественно. — Это им пришло в голову обозначать не слова, а звуки, которых гораздо меньше. Вместо тысяч знаков — всего двадцать две буквы. Финикийский алфавит быстро

распространился далеко за пределы страны. И, кстати, благополучно дошёл до нашего времени, не очень-то изменившись. А главная книга всех времён и народов — Библия! Откуда название? От финикийского города Библ, где алфавит и придумали.

— Все! Следующее путешествие — в Финикию! — резюмировал Ваня. — Наверняка у меня там была хоть какая-нибудь завалящая прошлая жизнишка. Кстати, Саш, не слабо нам придумать, как бы прыгать в прошлое не наугад, а по заказу?

— Слушай, авантюрист, давай для начала из этой истории выкрутимся.

— Согласен. Тогда расскажи мне, каково международное положение Финикийской народной республики в этом мире? Может, мы к ним прямо отсюда сплаваем?

— Ага, вот только ботинки зашнуруем, и поплывем, — задумчиво произнёс Саша. — Вообще-то, финикийские города Сидон, Тир и особенно Библ сейчас очень обижены на Египет. Во времена Тутмоса III эти весьма богатые города находились под покровительством Египта, но когда великий хеттский царь Суппилулиума начал свою завоевательную кампанию, конечно, он захотел прибрать их к рукам. Однако ссориться с Египтом Суппилулиума не собирался. И так как он был очень хитёр, то решил овладеть Библом, Сидоном и Тиром не своими руками. Кстати, финикийские города не были объединены в одно государство. У каждого свой правитель — князь, и сам город — как отдельное государство. И было там еще одно маленькое государство — Амор. Так вот, Суппилулиума подговорил его правителя, чтобы тот со своими войсками напал на финикийские города. Государство Амор было вассальным княжеством Египта, так что нападение это правитель Амора смог вполне убедительно обосновать. Он сказал фараону, что Библ, Сидон и Тир решили перейти на сторону хеттов, а он якобы предотвратил это, вступив со своими войсками на их территорию. Князь Амора клялся в верности Египту, а сам заключил тайное соглашение с Суппилулиумой. Обманутые подлым соседом князья Сидона, Тира и Библа писали письма Эхнатону, умоляя его о военной помощи, сообщали, что аморейский князь — предатель, но всё было тщетно. Эхнатон будто не слыша их, игнорировал слёзные послания и войск не присылал. В результате все средиземноморские города пали. Библ сдался последним. Там долго сопротивлялись, надеясь на помощь Египта. Однако в итоге все богатейшие земли Финикии отошли к хеттам.

— Самым хитрым оказался князь Амора, — сделал свой вывод Ваня. — Его бы так и так завоевал этот Суппалилума…

— Суппилулиума, — поправил Саша. — Непростое имечко.

— Ну да, Суллипупилума. Хетты ведь намного сильнее мелких княжеств, а на Эхнатона, как я понял, надежды было мало, вот правитель Амора и перешёл на сторону более сильного. Только наивные финикийские князья продолжали надеяться на поддержку Египта.

— Погодите, а разве Тутанхамон не пытался отвоёвывать утраченное? — спросила Аня.

— Куда там! — махнул рукой Саша. — В оставшихся вассальных землях повсюду вспыхивали восстания, особенно часто — в Нубии. Он едва успевал туда посылать войска. Какие уж там завоевания… А вот и Дом правосудия.

Они и сами не заметили, как миновали полпути. На площади перед Домом правосудия народу было много, и ребята решили остановиться — посмотреть, послушать, что происходит. Другие, такие же любопытные, разговаривая между собой, ждали, когда выйдут судьи и объявят приговор, а торговцы, пользуясь скоплением публики, сновали в толпе со своим товаром.

— Столько народу собралось! — сказал Ваня. — Интересно, что за преступление разбирают?

Апуи пошёл выяснить, в чем дело, и очень скоро вернулся.

— Ничего особенного, — сказал он. — Обычный житейский вопрос. Сын богатой женщины решил жениться на девушке более низкого происхождения. Мать уже подобрала ему невесту своего круга. Но сын и слышать ничего не хочет о другой, мол, только та, которую любит. Мать пригрозила лишить наследства, а он нашёл поддержку у отца, который обещает выделить сыну средства для покупки нового дома. И вот жена подала в суд на собственного мужа. Мол, без её согласия муж не имеет права распоряжаться общим имуществом.

— Вот это да! — присвистнул Ваня. — А я-то думал, что женщины Востока вообще бесправны.

— Восток — дело тонкое, — согласился Саша, — но мы с вами в Египте. Здесь женщины пользуются большой личной свободой и имеют те же права, что и мужчины: могут заниматься торговлей, заключать договоры, самостоятельно представлять свои интересы в суде… Имуществом супруги могут владеть и совместно, и порознь. В случае общего имущества, жене принадлежит треть, а мужу — две трети. Если брак распадается, каждый забирает свою долю. Единственно, когда женщина может лишиться своей части, это если она уличается в супружеской неверности.

— Надо же, как весело они здесь живут! — усмехнулась Анюта. — Почти как мы в XXI веке.

— Ну, некоторые различия имеются… — заметил Ваня.

Стоя в толпе зевак, они по-настоящему увлеклись сравнением древнеегипетской и современной российской жизни. И даже не заметили подошедшего к ним вплотную египтянина… А тот вдруг вырвал из рук Саши корзину с «Фаэтоном» и быстро скрылся в толпе.

Саша и Ваня кинулись за вором. Аня так и осталась стоять. Её как будто парализовало от ужаса — ни шагнуть, ни повернуться, даже крикнула она всего лишь раз, а теперь только тихие жалобные стоны вырывались из её горла. Апуи стоял в растерянности. Он не понял, что именно произошло, потому что вёл с кем-то беседу в тот момент, когда вор выдернул корзину из Сашиных рук. Обернувшись на крик девушки, Апуи увидел, как молодые люди рванулись в толпу, расталкивая всех на своём пути. И не знал, что ему делать сейчас: бежать за ребятами, или оставаться с девушкой.

Наконец, Аня взяла себя в руки и бросилась вслед за друзьями, увлекая слугу за собой.

Саша и Ваня, продираясь через толпу, заметили, как вор пересёк площадь, пробежал по улице и исчез, юркнув в узкий проход. Стоит ли объяснять, сколь важно было догнать наглого похитителя? Переулок, куда свернул вор, оказался настолько узким, что двое могли здесь разминуться, только прижавшись к стенам. Ваня нырнул туда первым, но, пробежав совсем немного, остановился в нерешительности. В обе стороны отходили боковые проходы, такие же узкие.

— Куда бежать?! — выкрикнул Ваня. — Эти узкие улицы, как щупальца осьминога. Лабиринт какой-то!

Саша подбежал к товарищу и осмотрелся.

— Давай ты в одну сторону, а я в другую, — быстро проговорил он, — вдруг угадаем.

— А если он побежал прямо?! — в отчаянии закричал Ваня. — Смотри, впереди тоже развилка.

Сзади раздались торопливые шаги. К ним спешили Апуи и Аня.

— Что случилось? — спросил, наконец, слуга Джедхора.

Саша сбивчиво объяснил, что какой-то местный вор вырвал из его рук корзину с очень ценным предметом и скрылся примерно здесь. Апуи тяжело вздохнул:

— Сейчас искать вора бесполезно. В этих переулках можно заблудиться. А похитителю одно раздолье в них. Лучше отправимся домой и там спокойно все обсудим. Мы обязательно найдем этого дерзкого воришку.

Аня уткнулась лицом в Сашино плечо и горько расплакалась.

— Что же нам теперь делать? — сквозь слёзы спрашивала она.

Саша гладил её по голове и ласково шептал:

— Ещё не всё потеряно. Джедхор поможет нам. У него много влиятельных знакомых, организуют поиски…

— А если вор уже покинул город? — девушка подняла лицо и вытерла слёзы.

— Нет, — уверенно возразил Саша. — Во-первых, так быстро не успеть. А во-вторых, зачем? Он ведь даже не знает, *что* украл. Что ему делать с «Фаэтоном»?

— Он может захотеть избавиться от ненужной и пугающей вещи, — резонно предположил Ваня.

— Красть, чтобы потом выбросить? — усомнился Саша. — Не станет он бояться. Вор привык рисковать. А уж если попало что-то в руки, надо извлечь выгоду. Хоть за бесценок, а продать. Но вначале, я думаю, он попробует разобраться, что это…

— И сломает наш «Фаэтон», — испугано закончила Аня.

Ребята развели руками: что тут было сказать?

— Давайте всё-таки продолжим поиски, — предложил Ваня в отчаянии. — Далеко уйти он не мог. А уж если ничего не выйдет, обратимся к Джедхору.

Ребята разделились на две группы. Саша отправился с Аней, так как хорошо знал город по прошлой жизни, Апуи сопровождал Ваню. Они ходили несколько часов и окончательно выбились из сил. Ну, никаких следов похитителя!

Наконец, встретившись в назначенном месте, они уныло побрели в сторону дома, решив, что теперь только Джедхор сможет помочь им.

Глава 29
УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

Джедхор в ожидании Апуи сидел неподвижно в своём кресле и размышлял над тем, что услышал давеча от вельможи Хену, служившего при дворе Анхесенамон.

«Однако, — думал Джедхор, — трудно будет попасть во дворец… Анхесенамон нездорова, и этим пользуется Аи… Он никого не пускает к ней. Хену сказал, что с тех пор, как умер Тутанхамон, вдова почти не спит. Он говорит, что ей снятся страшные пророческие сны, и поэтому Анхесенамон боится засыпать. Правда это? Или просто дворцовые слухи? Но дыма без огня не бывает… Хену рассказывал, что видел Анхесенамон, когда сопровождал её со свитой в Храм Амона и что якобы выглядит она неважно… Да, боги не милосердны к ней… В храме вдова молилась и просила совета у оракула. Хену не знает, о чём она вопрошала, да и никто не знает. Но он видел, что после этого Анхесенамон вышла из святилища бледная, как полотно. Что происходит с владычицей? Ясно одно: Аи не позволит мне увидеться с ней. Неспроста же он послал воинов убить меня… Вот если б мои спасители помогли… Но как? И согласятся ли они? Но без их помощи точно не справиться… Да, посланцы богов должны мне помочь, ведь оракул велел, чтобы я следовал за ними. Но тогда… придётся им всё рассказать. Не опасно ли это?»

Мысли Джедхора прервал шум за дверью. Он уже хотел встать и посмотреть, что там происходит, когда дверь распахнулась, и в зал буквально влетел очень встревоженный Апуи.

— Я принёс плохие вести, господин, — быстро проговорил слуга.

— Плохие вести? — встревожился Джедхор. — Что может быть хуже услышанного мною от Хену? — вздохнул он. — Ну, говори. Чем ещё ты пришёл расстроить меня?

Апуи рассказал, что случилось на площади правосудия. Хозяин внимательно выслушал его, невольно поднялся с кресла и нервно заходил по комнате.

— Ты говоришь ужасные вещи! Предмет, который украли у моих спасителей, бесценен! Это — волшебная шкатулка! С её помощью они разговаривали с богами. Я сам видел странные мерцающие знаки. Да… поистине, это очень плохая новость.

Джедхор задумчиво посмотрел куда-то в сторону. Затем, переведя взгляд на Апуи, спросил:

— А зачем им понадобилась верёвочная лестница?

Апуи опустил голову и тихо произнёс:

— Я не осмелился спросить об этом.

— Так ты говоришь, что корзину у них украл местный воришка?

— Именно так, господин. Они описали вора, но лица, к сожалению, никто из них не разглядел. Скорее всего, это какой-то жалкий бродяга.

— Да… — опять задумался Джедхор. — Как же они будут без своей шкатулки? Да и нам это не сулит ничего хорошего. Из-за нелепой кражи может сорваться весь наш план!

— Почему наш план может сорваться из-за пропажи волшебной шкатулки? — удивился Апуи.

— Я же тебе говорил. Пока у них была шкатулка, они могли общаться с богами. А теперь их связь с богами прервётся, боги не станут помогать им. А нам именно сейчас как никогда нужна помощь. Хену поведал мне, что происходит во дворце, и это очень огорчило меня. Даже и не знаю, что нам делать. Хотел просить совета у наших спасителей. Вернее, даже не у них, а с их помощью у богов. Но без шкатулки… — И он с тяжёлым вздохом сел в кресло.

— А что тебе поведал Хену? — спросил Апуи.

Джедхор рассказал. И, слушая хозяина, Апуи всё время крутил в руках амулет. Он размышлял. Его тоже обеспокоило состояние Анхесенамон.

— Похоже, молодая вдова очень напугана, — предположил Апуи. — Ведь неспроста она ходила к оракулу. Что это за страшные сны её преследуют? Не их ли она пыталась растолковать?.. Да, попасть во дворец будет крайне сложно. Аи никого не пускает к ней, а тебя он даже близко к дворцу не подпустит, ведь ты посланник Нефертити… Надо срочно выяснить, как и с кем Анхесенамон проводит свой день. Возможно, кто-то из её слуг поможет нам.

— Я тоже думал об этом, — сказал Джедхор, — поэтому подробно расспросил Хену о владычице и о слугах, которые её окружают.

— И что он сказал?

— Анхесенамон, как и подобает вдове великого владыки, непрерывно оплакивает своего почившего мужа. Она окружена служанками и плакальщицами, которые сопровождают её повсюду. Правда, никуда особенно она не выходит, разве что в храм, принести жертвы богам и прочитать молитвы по усопшему. Она не принимает гостей, хотя, возможно, это просто Аи не пускает к ней никого. Хену говорил, что и днём и ночью вокруг

неё множество слуг.

— И ночью? — удивился Апуи.

— Да, и ночью. Она не отпускает никого от себя, ей страшно оставаться одной. Она боится заснуть и требует, чтобы ей всю ночь рассказывали интересные истории.

— И что же, она совсем не спит? — спросил поражённый Апуи. — Человек не может не спать так долго.

— Раньше она, конечно, спала, правда, всё равно приказывала слугам находиться рядом, в её опочивальне, так как могла проснуться среди ночи от страшного сна. Но последние несколько дней Анхесенамон вообще не спит. Как только начинает засыпать, тут же вздрагивает и вскакивает с криком… Хену сказал, что во дворце все только об этом и говорят.

— Значит, чтобы не заснуть, она слушает удивительные истории?

— Да, — ответил Джедхор. — Но слуги начинают потихоньку жаловаться. Запас увлекательных сказок почти иссяк, а придумывать их всё тяжелее. Меж тем Анхесенамон очень гневается, если история скучна и не нова. Под такую она сразу начинает засыпать и…

— Понятно, — сказал Апуи и надолго задумался.

— Как же нам попасть во дворец? А ведь мы должны посвятить Анхесенамон в наши планы, — напомнил слуге Джедхор. — Была бы волшебная шкатулка, спросили б совета у богов.

Апуи пристально посмотрел на господина и тихо произнёс:

— У меня есть одна мысль.

— Говори же, — нетерпеливо приказал Джедхор.

— Спасители наши в отчаянии. Они надеются только на то, что ты, Джедхор, поможешь разыскать украденную шкатулку.

— Да, я, конечно, попытаюсь это сделать. Отправлю слуг переговорить со всеми нищими и бродягами, предложу хорошее вознаграждение за поимку вора…

— А в обмен на это, мы попросим наших спасителей оказать одну услугу, — таинственно произнёс Апуи.

— Какую услугу? Как они смогут помочь нам без своей волшебной шкатулки?

— Они вместо тебя пойдут во дворец и передадут наше послание Анхесенамон. Заручившись её согласием, они выведут владычицу из дворца, а дальше уж мы сами переправим её за пределы Та-Кемет.

Джедхор удивлённо поднял брови.

— Они пойдут во дворец вместо меня? — переспросил Джедхор. — Но как они попадут туда? Ведь у них нет волшебной

шкатулки, которая способна перемещать их из одного места в другое. А просто так их не пустят… Я не понимаю тебя, Апуи.

Слуга хитро улыбнулся:

— Ты говорил, что Анхесенамон почти не спит?

— Истинно так, — подтвердил Джедхор. — Но причём тут это? Я бы сказал, что её нездоровье лишь осложняет дело.

— А я думаю, что как раз этим мы и можем воспользоваться.

— Каким образом? — не понял Джедхор.

— Хену рассказывал тебе, что слуги жалуются, мол, у них почти иссяк запас удивительных историй, и Анхесенамон очень недовольна этим. Так вот, наши спасители придут во дворец в качестве великих рассказчиков. Я уверен, что они знают много поразительных историй…

— Постой-постой, — прервал его Джедхор, начиная понимать, к чему клонит слуга. — Потрясающая мысль! И как проста!.. — он был восхищен. — Я сегодня же пойду к Хену! Пусть шепнет служанке Анхесенамон, что у него на примете есть рассказчики увлекательных историй, да таких интересных, каких владычица еще никогда не слышала. Служанка будет рада передать это госпоже, да и остальные слуги обрадуются… И никакой Аи не сможет помешать приглашению во дворец великих рассказчиков.

Джедхор пригладил свою маленькую бородку и расплылся в довольной улыбке.

— И как мне самому не пришла в голову такая простая, но великолепная мысль, — задумчиво произнёс он. — Ведь в этом случае наши спасители смогут очень часто видеть Анхесенамон, если, конечно, их истории понравятся ей, а я уверен, что понравятся. Еще бы, ее будут развлекать не простые люди, а посланцы самих богов!.. Итак, спасители передадут владычице наше письмо. Через них мы будем всё время держать с ней связь… Да, — покачал головой Джедхор, — это поистине прекрасная мысль. И как я сам не додумался…

Он снова встал и заходил по комнате.

— Теперь надо обдумать разговор с нашими могущественными гостями. Что, если они не согласятся идти во дворец? — и он посмотрел на Апуи. — Не можем же мы их заставить.

— У них нет выбора, — спокойно сказал Апуи. — Ты пообещаешь им найти украденную шкатулку, но только в обмен на услугу.

Джедхор с сомнением пожал плечами:

— С ними надо вести себя осторожно, надо пытаться уговорить их. Наши гости — посланцы всемогущих богов, а боги

не терпят корысти и могут разгневаться, если мы будем требовать помощи. Нет, — покачал он головой, — требовать нельзя! Надо только просить. Помыслы наши должны быть чисты… И я буду вести разговор очень осторожно.

— Тогда придётся рассказать им всё о наших планах, — сказал Апуи.

— Да, — согласился Джедхор, — этого не избежать.

Глава 30
ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Большой зал был освещён огнями ламп, двери плотно заперты, а окна занавешены. Никто из посторонних не смел войти в помещение. Таково было распоряжение Джедхора.

Трое друзей сидели в больших креслах, а напротив расположился сам хозяин дома и его слуга Апуи. Ребята молчали. Слышен был лишь тихий голос Джедхора, доверительный и осторожный.

Когда вельможа закончил говорить, настал черёд Саши. Он перевёл друзьям рассказ гостеприимного хозяина дома, стараясь не упустить ни одной детали. Аня и Ваня в замешательстве переглянулись. То, о чём просил Джедхор, было настолько неожиданно, странно и тревожно, что сразу они затруднились ответить. Только смотрели друг на друга, пытаясь оценить возможные последствия. Все трое без слов понимали, что их втягивают в опаснейшую интригу, да ещё и предлагают стать её главными участниками.

Молчание прервал Саша:

— Мы должны обсудить вашу просьбу. Насколько я понимаю, дело это небезопасное.

— Конечно, — согласился Джедхор и благородно удалился в соседнюю комнату вместе со слугой.

Но даже оставшись без свидетелей, ребята не сразу смогли начать разговор: два таких стресса подряд выбили их из колеи. Аня вжалась в высокую спинку кресла и прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Ваня в задумчивости чертил пальцем по подлокотнику и одновременно постукивал по полу ногой. Саша, сдвинувшись на самый краешек кресла, замер в позе роденовского мыслителя, и его невидящие глаза смотрели в одну точку. Сейчас ему было крайне важно вспомнить подробности жизни своего предшественника Тамита, ведь тот служил во дворце и по идее должен был знать, что происходило с Анхесенамон перед самыми похоронами.

«Ванька же вспомнил свою прошлую жизнь, даже то, как видел меня в Монсегюре во время осады, то есть самое главное… Значит, это возможно — напрячь мозги и восстановить в памяти суть, квинт-эссенцию проблемы… — уговаривал себя Саша. — И в итоге там, в средневековой Франции, мы всё сделали правильно, не изменяя хода истории. Почему же сейчас я ничего не могу

вспомнить? — И вдруг его осенило: — Я не помню этого, потому что меня, то есть Тамита, в этот период времени не было во дворце!.. А где же я был?»

И Саша вновь погрузился в раздумье, пока его ни прервал голос Вани:

— Ну что, какие будут мнения, господа?

— Меня вообще не интересует ничего, кроме «Фаэтона», — уныло произнесла Аня. — Его надо вернуть во что бы то ни стало! Любыми способами! — она говорила все громче и громче. — Я не хочу здесь остаться навсегда! — и, наконец, заплакала.

— Анюта, успокойся, — сказал Саша. — Мы тоже хотим вернуться домой. И будем делать для этого всё.

— Но надо трезво подходить к ситуации, — добавил Ваня. — Слезами горю не поможешь. Давайте всё тщательно взвесим и решим.

Аня перестала плакать, однако взвешивать и решать, тем более тщательно была еще явно не готова.

«Мы найдём „Фаэтон“, мы найдём „Фаэтон“, — твердила она про себя как молитву, — и вернёмся домой, и вернёмся домой… Обязательно вернёмся. Ведь если чего-то очень захотеть, то это обязательно исполнится, — убеждала она себя. — Только надо очень-очень захотеть. А я очень-очень-очень хочу вернуться домой, — она опять закрыла глаза и сжала кулачки. — Очень-очень. И это обязательно сбудется».

Саша и Ваня сочувственно и даже с испугом смотрели, как девушка вздрагивает и, зажмурившись, что-то шепчет еле слышно. Ваня уже хотел подойти и потормошить её. Но Саша поднял руку:

— Не надо. Пусть сама успокоится.

В этих вопросах он считался авторитетом — все-таки из медицинской семьи. И, как обычно, оказался прав. Аня на несколько секунд закрыла лицо руками, потом резко опустила их, потрясла головой как собака, пришедшая с дождя, и даже улыбнулась.

— Все, — сказала она, — я готова и слушать, и думать, и говорить.

— Хорошо, — начал Саша, — как вы полагаете, если мы не согласимся на предложение Джедхора…

— Он не будет искать «Фаэтон», — быстро сказал Ваня.

— Не думаю, — покачал головой Саша. — «Фаэтон» он, конечно, искать будет, но без особого усердия. Он тоже оказался в безвыходной ситуации, когда только мы и можем помочь.

— И тут, ему на счастье, у нас украли «Фаэтон», — съязвил Ваня.

— Ну да, — согласился Саша. — Правда, Джедхор в любом случае просил бы нас о помощи. Поручение Нефертити с самого начала было сложным и опасным, а после этого нападения по дороге в город, оно стало почти невыполнимым. Судите сами: Аи узнаёт через осведомителей, что Нефертити отправила в столицу одного из своих ближайших советников. Зачем отправила? Думаю, Аи пока не знает. Как и то, что Анхесенамон ждёт ребёнка, но он, безусловно, чувствует подвох и, от греха подальше, посылает лучников убить Джедхора на подступах к городу. Вероятнее всего, Аи боится, что Джедхор нарушит его планы относительно Анхесенамон. Мало ли что ещё могла придумать Нефертити! Присоветовала же она дочери интригу с хеттским принцем. Из той затеи ничего не вышло, потому что Аи вовремя раскусил планы вдовы, да и Суппилулиума в данной ситуации повёл себя чересчур осторожно. Но теперь до объявления будущего владыки Двух Земель осталось всего несколько дней. И рисковать визирь не будет. Не пустит он к Анхесенамон посланца Нефертити, вот и причина есть — нездоровье. Где уж там передавать послания и выводить вдову из дворца! Тут войти во дворец — задача невыполнимая!

— Миссия невыполнима, — проворчал Ваня. — Поэтому ее возложили на нас. Ловко придумано!

— Да план-то, откровенно говоря, неплохой, — рассудил Саша. — И Джедхора можно понять — ему необходимо спасти Анхесенамон. Это — благородная цель. Какие претензии? А мы для него — люди непростые, посланники богов, и, значит, способны на многое… Да! — вспомнил вдруг Саша. — Вещий сон, который ему приснился накануне отъезда из Меннефера, говорил о том, что мы явимся как его спасители и покровители… И все же поначалу Джедхор таился, не говорил нам о деле, надеялся справиться сам, но теперь осознал, что без нас ему никуда.

— Ладно, — сказала Аня, — это всё понятно. Ты очень длинно говоришь, Саш. А нам-то что делать? Соглашаться или нет? Ведь твой предшественник служил при дворе у самого визиря, ты должен знать, насколько все это опасно. Не хотелось бы лезть в самое пекло. Вдруг Аи догадается о наших намерениях, и тогда… — она тяжело вздохнула. — Я даже думать об этом не хочу. И потом, нельзя же вмешиваться в историю. Вы что, забыли?

— Если б только знать еще, где вмешательство, а где точное следование событиям, — философски проговорил Ваня. — У меня во Франции не так все просто оказалось… Ветров, вспоминай! Без тебя ничего не получится.

— Да знаю я, — отмахнулся расстроенный Саша.

— Слушай, а может, ты видел кого-нибудь из нас во

дворце? — с надеждой спросила Аня.

— Я уже думал об этом, — ответил Саша. — Но пришел к выводу, что меня, ну, то есть Тамита, в этот период во дворце не было. А где был — не помню.

— Ты должен вспомнить, — настаивал Ваня. — От этого зависит…

— Сашка! — вдруг выкрикнула Аня. — У нас ведь есть подсказка!

— Какая подсказка? — не понял Саша.

— Человек попадает в свою прошлую жизнь в момент, который является поворотным или критическим в судьбе его предшественника. Тебе угрожает опасность, ты стоишь на пороге смерти, или, наоборот, жизнь резко меняется к лучшему. Там же особое поле возникает — помните? — оно и притягивает путешественника во времени. Короче, вспоминай поворотное событие в своей, то есть его судьбе.

На Сашином лице отразилась такая мука — казалось еще чуть-чуть, и уже с ним случится настоящая истерика. Но правильно говорят: именно в минуту отчаяния и начинает дуть попутный ветер. Воспоминания в его голове стали выстраиваться в более или менее внятной последовательности…

Вот он стоит перед визирем Аи, и тот отдаёт ему распоряжения относительно хеттских послов, поручает следить за каждым шагом посланников Суппилулиумы… Осторожный правитель Хатти прислал вместо сына своих послов. Аи сразу понял, что дело нечисто, приставил к Анхесенамон соглядатаев, и те донесли, что вдова написала письмо — уже второе по счёту. О, в каком гневе был Аи! Он ведь ничего не знал о первом письме. Ему не доложили! У него под носом плетутся интриги!.. А дальше? Что дальше?..

Вот он едет на западный берег Нила, чтобы проверить работу каменщиков в усыпальнице Тутанхамона…

Вот он в сопровождении охраны везёт письмо в отдалённый гарнизон, что расположен в пустыне на границе Та-Кемет. А в этом письме приказ — встретить хеттского принца «как положено». Аи узнал, какой дорогой поедет сын Суппилулиумы и решил перехватить его на границе. Обратный путь прошел без происшествий.

Дальше, дальше… Ничего необычного, мелкие поручения Аи, повседневные обязанности. В том числе и приказ визиря отобрать самых опытных лучников и направить их «встретить» Джедхора на подступах к городу. Тамит не знал его имени. Просто Аи сказал, что вельможа, который следует в столицу, очень опасен и от него надо избавиться. Тамит сам отобрал лучников и послал их

выполнять задание. Правда, они вернулись в страшном возбуждении и с невыполненным приказом…

«Теперь-то я понимаю, о чём они говорили, — думал Саша. — А тогда трудно было поверить, что это правда. Аи сам, лично вызвал их на разбирательство… Что было дальше?.. Стоп!.. Вот событие, которое произошло как раз накануне похорон и на следующий день после той истории с лучниками…»

— Ребята! — Саша даже вскочил с кресла. — Я вспомнил!

— Рассказывай, — обрадовался Ваня.

— Да, это событие изменило мою жизнь… — Саша перевёл дух и продолжил. — Я, как обычно, в сопровождении вельмож, направлялся в храм для жертвоприношений и совершения молитв по усопшему фараону. Меня догнал человек и вручил письмо с царской печатью. Там было сказано, что Аи приказывает мне срочно отправиться в сопровождении его верных людей в некое местечко недалеко от Фив для выполнения важного поручения. Дальнейшие указания — на месте.

— И что потом? — торопила Аня.

— Гонец, передавший письмо, сказал, чтобы я, не мешкая, отправлялся в путь. Такая поспешность удивила, конечно, но приказ есть приказ. Гонец проводил меня к своей колеснице, и мы тронулись за пределы города, в сторону пустыни. Потом, проехав порядочное расстояние, остановились. Вокруг ни души не было, одни пески, и только кое-где скалы — скучный пейзаж. Провожатый повёл меня к специальному входу в одной из скал. Собственно, в ней был выдолблен узкий коридор, ведущий, в просторную пещеру. Там меня ждал человек, который представился тайным советником визиря и велел никуда не отлучаться вплоть до следующих высочайших указаний.

— И какие же указания ты получил от Аи? — Аня просто сгорала от любопытства, но ее ожидало разочарование.

— В том-то и дело, что никаких. Меня продержали в пещере несколько дней, а потом так же, на колеснице, проводили обратно в город.

— Странно, — не поняла Аня.

— Мне это показалось более чем странным. Сначала я подумал, что Аи решил просто избавиться от меня. Но так, чтобы никто не знал. Я перебрал в голове всех вельмож и слуг дворца, которые тайно завидовали мне или ненавидели и могли опорочить моё имя в глазах Аи. Я не чувствовал за собой никакой вины. Я всегда исполнял поручения визиря и не строил козней за его спиной… Неужели Аи решил избавиться от меня, потому что я слишком много знаю?.. Скажу откровенно, я был в отчаянии. Представьте себе: один в пещере, несколько дней и охрана у

входа. Чего я только ни передумал тогда.

— И тебя даже не кормили?

— Отчего же? Кормили, да ещё как! Доставляли самые изысканные блюда.

— Вот чудеса! — проговорила Аня. — А когда ты вернулся в город, что сказал визирь? Как он объяснил своё поведение?

— Тогда он был уже не визирем, а полноправным владыкой. Я же вернулся после похорон Тутанхамона. Аи был разгневан и не поверил ни одному моему слову; мало того, он запретил мне появляться во дворце. По его приказу меня сослали в далёкую провинцию, как говорится, с глаз долой! Но, честно говоря, я был рад этому. Служба у Аи очень подорвала моё здоровье. Я находился в постоянном напряжении: все эти дворцовые интриги, сплетни, заговоры… А в провинции моя жизнь наладилась. Я вспоминаю ее с большим удовольствием. Покой и размеренность во всем…

— А, может, Аи специально сказал, что не поверил тебе, — стала размышлять Аня, — чтобы возник повод для ссылки. Но зачем было держать тебя в той пещере? Сослал бы сразу — и делу конец. Не понимаю.

— Получается вот что, — задумчиво произнёс Саша. — Это не Аи держал меня в пещере, а какой-то недоброжелатель, решивший занять моё место. Конечно, в этом случае, Аи должен был назначить разбирательство и выяснить, кто похитил меня. Но ничего подобного Аи не сделал. Даже не стал выяснять подробностей — отослал меня, и всё. Значит… Что? Все-таки по его приказу? Но зачем?! Парадокс какой-то…

— А если наоборот, — предложила Аня. — Аи решил, что ты сам сбежал от него, а потом выдумал эту неправдоподобную историю, чтобы себя реабилитировать?

— Чепуха! — резко сказал Саша. — Тогда бы он сразу казнил меня. Мыслимое ли дело — сбежать от визиря! Да он бы меня в порошок стёр! А уж если б я сбежал, точно не стал бы возвращаться. Я же говорю: парадокс!.. Конечно, эти события изменили мою жизнь, причем в лучшую сторону. Я стал свободным. Понимаете, свободным! — Саша улыбнулся. — От унизительного подслушивания и подглядывания, от интриг, от постоянного страха и ожидания чьей-нибудь подлости. Я мог делать, что хочу и не думать больше, что за мной наблюдают сотни глаз, слушают меня сотни ушей, а их обладатели ждут — не дождутся, когда я оступлюсь или впаду в немилость к господину! Вы не представляете, как тяжело служить при дворе. Особенно, если это, как говорится, не твоё. Лишь оказавшись далеко от дворца, я осознал это, а там, у Аи, конечно, гордился,

что занимаю такую ответственную и важную должность.

— Да, — улыбнулся Ваня, — характер у тебя с тех пор совсем не изменился… Ну, ладно, а что стало с Анхесенамон? Вопрос предельно важный. Нам удастся вывести её из дворца? Уж это ты должен помнить.

— С Анхесенамон вообще много странного. Её судьба осталась тайной за семью печатями.

— Как это? — растерялся Ваня.

— Могу рассказать только то, что слышал. Меня уже не пускали во дворец после возвращения из «плена». Короче, Аи стал фараоном, вдова объявила об этом на похоронах Тутанхамона. Но — что удивительно! — после её уже никто не видел. Аи сказал, что она приняла яд и умерла — не вынесла горя. Но бальзамировщики, которые мумифицировали её тело, говорили, что это вообще не Анхесенамон. Рассказывали, что и сама церемония погребения владычицы была очень скромной… Но это, конечно, только слухи. Меня уже не было в столице в то время.

— Значит так, — попробовал подытожить Ваня, — получается полная ерунда. Вариант номер один. Всё по плану Джедхора: она сбежала, Аи решил скрыть это, объявил, что она отравилась, а вместо неё похоронили другую. Но зачем тогда объявлять Аи своим мужем и, стало быть, фараоном? Как-то нелогично. Вариант номер два: она сама отравилась, а придворные распустили слух насчёт бальзамировщиков. Между прочим, те могли просто не узнать царицу: от некоторых ядов, у человека вместо лица получается одна сплошная язва. Вариант три: сам Аи её и отравил, узнав, что может родиться наследник.

— Действительно полная ерунда, — Саша почесал в затылке и вздохнул. — Однако Аи реально мог отравить Анхесенамон. Здесь ядами пользуются вовсю. Той же синильной кислотой, получаемой из косточек персика. А мог поступить ещё проще — подсунуть в апартаменты царицы скорпиона или змею, чьи укусы смертельны.

— Но мы же просто фантазируем, — вставила Аня. — Спасётся Анхесенамон или нет — так и не понятно. Значит, по-прежнему всё зависит от нас.

— И такая же неразбериха с твоим Тамитом, — проворчал Ваня, — то ли прятали, то ли похитили…

— В общем, зря мы столько времени потратили, — печально заключила Аня. — Ничего определённого ты нам сказать не смог. Во всяком случае, по поводу плана Джедхора. Опять проклятая неизвестность. Саш, ну, может, ты хоть что-нибудь важное припомнишь? Я, кажется, повторяюсь, но мы же не имеем права ломать ход исторических событий. Вдруг наше вмешательство

будет опасно для всей планеты в целом? Из этого надо исходить в первую очередь. А во вторую… Вдруг Аи раскусит наш план и прикажет убить нас?..

Саша снова вошел в полный ступор. Видно было, что второе для него явно важнее первого. История — вещь абстрактная, а жить каждому хочется вполне конкретно. И он перебирал в памяти мельчайшие подробности своего «похищения»: фразы, отдельные слова, лица, звуки… Ведь не просто же так его держали в пещере! Должно быть этому хоть какое-то объяснение! Мысли его то и дело цеплялись за что-то, но потом соскальзывали, срывались и падали, исчезая в пустоте, а он снова нашаривал их вслепую, удерживал и пытался сцепить друг с другом…

Ваня и Аня тем временем тихо перешептывались, стараясь не мешать другу:

— Знаешь, Вань, мне кажется, это Апуи надоумил Джедхора послать нас во дворец. Когда мы пришли, он сразу пошёл к хозяину и они там долго беседовали. И потом, когда Джедхор нас вызвал, он почему-то всё время поглядывал на слугу.

— Да, — согласился Ваня, — мне этот Апуи тоже показался не таким уж простачком.

И тут Саша подскочил, как ужаленный и выбросил вверх руку со сжатым кулаком. Ребята даже испугались в первый момент.

— Апуи! — выпалил он, словно это был боевой клич. — Апуи! — повторил он громко.

И ни слова больше! И глаза в точку, как у безумного.

— Что Апуи? — не понял Ваня.

— Вы говорили про Апуи, — Саша сказал это строго, почти осуждающе и каким-то не своим голосом.

— Ну, — растерялся Ваня.

Анюта же напряглась вся и приложила палец к губам, показывая Ване, чтобы молчал пока: вдруг Саша ещё не все вспомнил и они собьют его с мысли.

— Голос! — выкрикнул Саша, словно отдавал команду собаке, и потом отвернулся почему-то к стене.

— Какой го… — начал Ваня, но Анюта зажала ему рот рукой.

В эту последнюю и самую ответственную минуту никто не должен был мешать Ветрову.

— Совсем крыша съехала, — зашептал Ваня, вырвавшись из-под Анютиной руки и кивая на Сашу.

— Тихо! Пожалуйста, тихо! — в последний раз взмолилась Аня, и тут Саша торжественно повернулся к друзьям, улыбаясь от уха до уха.

— Все! — объявил он. — Победа. Я вспомнил главное. Там, в

пещере, я слышал, как снаружи двое переговаривались. Скажу больше: один отдавал распоряжения другому. Скажу еще больше: главный говорил голосом Апуи.

— Что?! — синхронно выдохнули Ваня и Аня. — Ты в этом уверен?

— Абсолютно, — ответил Саша. — Уже сейчас вспомнилось: когда мы пошли за верёвочной лестницей и Апуи вызвался нас сопровождать, его голос сразу показался мне знакомым. Я просто не придал этому значения. А теперь… Слушайте, вы хоть поняли, что это даёт нам?

— Кажется, да, — неуверенно начала Аня.

Ваня опередил её:

— Если среди похитителей был Апуи, значит, украли тебя не по приказу Аи, а по приказу… Страшно сказать, да? По приказу Джедхора. Я даже готов объяснить, зачем.

И Ваня торжественно поднял вверх указательный палец.

Глава 31
УДАЧНОЕ НАЧАЛО

В небольшой, но светлой и чистой комнате за богато накрытым столом сидели двое вполне респектабельных вельмож. И кто бы мог усомниться, что это действительно вельможи? Язык, на котором они разговаривали с жителями Фив, был безупречен, одежда изыскана и добротна, украшения и амулеты — тончайшей работы. Поселившись у некого торговца по имени Мериб, они к тому же хорошо заплатили за постой. Хозяин дома был весьма рад заполучить таких щедрых постояльцев. Вознаграждение ему выдали поистине роскошное — пять алебастровых бутылочек с чудесными благовониями. Понюхав все ароматические масла, Мериб пришел в необыкновенный восторг. Какой изысканный аромат! Никогда еще не попадалось ему ничего подобного. «Да на этих благовониях можно сделать целое состояние, — думал торговец. — Считанные капли таких ароматных масел равноценны нескольким мешкам зерна или двум коровам и двум баранам! А то и больше. Ведь столь утончённых ароматов еще ни у кого не было в Великой Та-Кемет, уж я-то знаю, — не зря же столько лет занимаюсь торговлей благовониями! И где они раздобыли их?.. Говорят, приехали издалека. Откуда именно — не говорят. Обещают пробыть несколько дней и двинуться дальше… О, они несказанно щедры!»

Мериб спрятал бесценные бутылочки в ларец, где хранились самые дорогие вещи, и запер его на замок.

И вельможи остались довольны сделкой. Ведь торговец на радостях выделил им лучшую комнату в доме, распорядился подать вкусный обед и не тревожить гостей.

А при плотно закрытых дверях можно было поговорить и на родном языке.

— Итак, «Фаэтон» уже у нас в руках! — весело подытожил Максим, с аппетитом уплетая вкусно поджаренную рыбу. — Жаль, что сейчас из-за траура у них не подают вина, нормально бы выпили за такое удачное начало. А пивом вроде не чокаются…

— Честно говоря, — признался Сергей, — я уже потерял всякую надежду найти хоть какие-то следы этих… путешественников во времени, — он сказал, как выругался. — И вообще, нам крупно повезло, что ты узнал их в лицо.

— Видишь ли, — ответил довольный Максим, — их было непросто узнать: одежда, парики, украшения, макияж — всё как у настоящих египтян. Но я обратил внимание на цвет кожи —

слишком светлый. Тут они схалтурили. А вообще, ловко замаскировались. Интересно, где они все это раздобыли?

— А ты заметил, что вместе с ними был какой-то египтянин? — спросил Сергей.

— Ещё бы. И где-то же они познакомились с ним! Да-а, — протянул Максим, — очень ловкие и очень хитрые! Всего несколько часов прошло, как появились, а уже нашли приятеля из местных. Учись, студент! И скажу откровенно: чисто по-человечески они мне понравились ещё там, в средневековой Франции. Очень неглупые ребята, я бы даже сказал, слишком умные для своих лет. А еще, что особенно важно в нашем деле, смелые до безрассудства и — редкое сочетание! — поразительно быстро обучаемые. Что называется, на ходу подметки рвут.

— В каком это нашем деле? — Сергей выцепил из слов Максима то, что его задело сильнее всего и хмыкнул. — Ты их вербовать, что ли собрался?

— Вербовать, конечно, рановато, — улыбнулся Максим. — Но мы же с ними попадаем в одинаково сложные ситуации — вот и приходится сравнивать. Во Франции они успели за несколько дней подружиться с самыми знатными вельможами и совершить отчаянную вылазку в осаждённый замок! Я же тебе рассказывал.

Сергей кивнул.

— И теперь нам с ними проще не будет, — продолжил Максим, — У них уже опыт появился… Лично я предпочел бы ловить кого-нибудь другого.

— Да ладно, не нагнетай, — Сергей махнул рукой. — Зато этих мы уже вычислили и сразу сумели отобрать прибор. А за другими еще болтались бы по пыльным улицам неизвестно сколько, может, вовсе вернулись бы с пустыми руками.

— Это вряд ли, — возразил Максим, — вычислить нашего современника среди жителей Древнего Египта — не такая уж сложная задача. У любого человека довольно долго проходит адаптация. Ты себя-то вспомни, когда первый раз в прошлое провалился. Небось, сидел где-нибудь тихо и не высовывался. А эти, вон, уже спокойно разгуливают по городу. Им хоть бы хны! Я вот о чем говорю. Это очень непростые ребята.

— Короче говоря, — заключил Сергей, — с ними надо держать ухо востро.

— Именно! — подтвердил Максим. — Но сегодня мы просто блестяще сработали. Эти сосунки ничего не заподозрили. Скорее всего, они до сих пор уверены, что корзину украл местный воришка, не понимающий, что в ней было.

— А к тому же, — радостно добавил Сергей. — Этот воришка обошёлся нам очень дёшево. Украшение, которым мы

расплатились, почти ничего не стоит.

— Спасибо нашим историкам, это они нам правильного барахла надавали. Ну и, конечно, гримерам, — сказал Максим. — Вообще группа подготовки с каждым разом работает всё лучше. Например, без крема «автозагар» мы бы тут выглядели, как идиоты. Собственно, наших юнцов я и приметил благодаря цвету кожи. А эти духи? фабрики «Новая заря», которыми мы тут расплачиваемся… Подумать только — какая ценность! Я сейчас, знаешь, что понял? Переплатили мы этому торговцу.

— Согласен. У него такая довольная рожа была, когда он пузырьки получил! Ну да ладно, зато комнату выделил превосходную, и еда отменная, — Сергей в очередной раз потянулся к большой глиняной миске, из которой шёл ароматный запах варёных овощей, рыбы и пряностей.

— Жаль, что мяса не подают, — расстраивался Максим, — Во, попали! Вина нельзя, мяса нельзя, белого хлеба — тоже.

— Зато рыба у них замечательная, — не унывал Булаев, отправляя в рот очередной кусок.

Максим одобрительно кивнул и с удовольствием присоединился к поеданию рыбы, не забыв при этом хорошенько полить её пряным соусом.

— Ладно, — сказал через некоторое время Максим, — вернёмся к нашим баранам.

— Сказал бы уж прямо — к козлам, — усмехнулся Сергей.

— Да нет, — стал объяснять Максим, — это старинное французское выражение, означает вернуться к прежней, основной теме.

— А-а-а, — протянул Сергей, так и не поняв толком, причем здесь бараны, — тогда уж лучше вернемся к нашим ягнятам.

— Неважно, — отмахнулся Максим. — Давай наметим план действий. «Фаэтон» у нас — это хорошо. Остаётся захватить троицу. Это сложнее. Но нам приказано вернуться не только с «Фаэтоном», но и с ними. Надо же выбить из них документы, в конце концов.

— Надо выбить из них не только документы, но и дурь, — скаламбурил Сергей. — Чего церемониться!

— Конкретно что предлагаешь? — спросил Максим.

— Схватить их на улице, когда они будут гулять по городу в поисках «Фаэтона» — и делу конец, — сказал Сергей. — Или, в крайнем случае, заманить их к нам «Фаэтоном». Есть и еще варианты.

— Погоди с вариантами. Послушай меня, — мягко попросил Максим. — Во-первых, надо узнать, что за человек этот Джедхор, у которого они поселились, способен ли он помочь им в случае

опасности. Если у них доверительные отношения — плохо дело. Из того, что удалось выяснить: он почтенный вельможа, прибыл из Меннефера со множеством слуг, которые исполняют любое его желание. Он может приставить к юнцам охрану, вообще не выпускать их из дома. Но пока мы не знаем, в каких они отношениях. Если как простые постояльцы…

— Да не могут они быть простыми постояльцами, — перебил Сергей. — Чтобы такой вельможа, как Джедхор, впустил к себе кого попало, да ещё дал им одежду, украшения, всё такое… Чего тут умничать? У них серьезная дружба, ясен перец.

— Но как они завели дружбу с таким знатным господином и всего за несколько часов?

— А что, если Джедхором был один из юнцов в своей прошлой жизни? — предположил Сергей.

— С ума сошел? Забыл постулаты базового курса? Находиться рядом со своим «двойником» — недопустимо! По-моему, это правило записано в стандартной инструкции для «летчика».

— Извини, — застыдился Сергей. — Все. Зачем гадать на кофейной гуще. Нужно просто собрать побольше информации об этих троих и о Джедхоре. Например, выяснить для начала, что они делали в мастерской по изготовлению охотничьих принадлежностей?

Максим картинно похлопал в ладоши.

— Вот теперь молодец, Серега! — восхитился он. — Абсолютно логично. С этого и начнем. А вообще будем следить за каждым их шагом. Время работает на нас. Без прибора они никуда не денутся — будут искать. А мы пока разработаем стратегию.

— И тактику, — добавил гордый собою Сергей. — Например, отправим письмо, типа, приходите в условленное место за прибором. Они, конечно, придут, тут мы их и схватим.

Максим рассмеялся и, продолжая смеяться, объяснил:

— Да ты что?! Думаешь, они совсем дурачки? С ними этот номер не пройдёт. Они обязательно придут, но не одни. Подстроят тебе такую ловушку!.. Уж поверь мне. Я с этой троицей нахлебался. Нет, брат, тут надо что-нибудь похитрее придумать. И лучше, если они вообще не узнают, что мы тут есть. Понимаешь?

После этого они оба надолго замолчали.

Вдруг Сергей, хлопнув себя по колену, произнёс свистящим шепотом:

— Я знаю, что надо делать.

Глава 32
УДИВИТЕЛЬНО, НЕВЕРОЯТНО, НЕОБЪЯСНИМО!

Джедхор расхаживал по комнате, то и дело поглаживая свою аккуратно подстриженную квадратную бородку. После разговора со спасителями он пребывал в полнейшем недоумении.

— Ну, зачем, зачем им понадобилось похищать одного из слуг визиря Аи?! — обращался он к Апуи. — Не понимаю… И вообще, откуда спасители знают этого придворного?

— Таинственные посланцы богов ничего не стали объяснять, — развёл руками Апуи. — Но сказали, что пока этот Тамит находится во дворце, они и шагу туда не сделают.

— И что самое любопытное, — продолжил Джедхор, — посланцы предупредили нас, что Тамит — неприкосновенная личность, что с ним нужно обращаться почтительно, что он не должен знать ни в чём отказа. И вернуть его нужно во дворец тогда, когда они скажут.

— Удивительно ещё вот что, — сказал Апуи. — Спасители рассказали нам, как и когда нужно похитить этого Тамита и куда его отвезти. Откуда они узнали о месте, где мы должны спрятать придворного? Ведь, как я понял, в нашей стране таинственные гости впервые.

— А откуда спасители узнали, что Тамит завтра пойдёт в храм для совершения молитв? — пожал плечами Джедхор. — И откуда у них сведения, что я имею печать владыки Двух Земель? Ведь её мне тайно передала Нефертити. Таинственные посланцы сказали, чтобы мы составили грамоту от имени Аи и скрепили её царской печатью, которая находится в моём распоряжении… Да-а, наши гости весьма удивительные и могущественные люди. Все знания, которыми они обладают, наверняка подсказаны богами.

— Но каким образом? — удивился Апуи — Ведь волшебная шкатулка похищена? А только посредством неё они общались с богами.

— Выходит, не только, — развёл руками Джедхор. — И это еще более удивительно.

Посовещавшись, Джедхор и Апуи решили выполнить все требования спасителей. Ведь у них не было другого выхода. Трое посланцев наотрез отказались идти во дворец, если там будет находиться Тамит.

— Ну, хорошо, — заключил Джедхор. — Мы всё сделаем так,

как хотят наши гости. Они же согласились нам помочь. А это главное… Апуи, прикажи запрягать колесницу. Я сейчас же отправлюсь к Хену. Пусть передаст служанкам Анхесенамон, что у него на примете есть чудесные рассказчики удивительных историй.

— И не забудь добавить, господин, что рассказчики — чужестранцы, ведь двое из них не говорят на нашем языке.

— Чужестранцы даже лучше, — рассудил Джедхор. — Здешние истории уже порядком надоели Анхесенамон. Наверняка ей захочется послушать что-нибудь новое и необычное.

Апуи кивнул и пошёл к дверям, чтобы распорядиться насчёт колесницы.

— Постой! — остановил его Джедхор. — Перед тем как выехать, я хочу поговорить с главным управляющим поместья, моим родственником. Позови его. Нужно незамедлительно начать поиски волшебной шкатулки. И ещё, — понизив голос, добавил Джедхор. — Похищением Тамита займёшься ты, а мой родственник поможет. У него есть надёжные и неболтливые люди. Я с ним переговорю. А ты, Апуи, должен проследить, чтобы всё было сделано в точности так, как сказали наши спасители.

Апуи вышел, а Джедхор сел в своё кресло в ожидании управляющего.

Глава 33
ЭЛИКСИР ЛЮБВИ

Торговец Мериб вошёл в комнату к своим новым постояльцам, и остановился возле самой двери.

— Жизнь, здоровье, могущество! — поклонившись, произнёс он. — Вы хотели меня видеть?

— Да, — сказал Сергей. — Мы решили попросить тебя, Мериб, об одной услуге. Конечно, за нее ты получишь хорошее вознаграждение, — поспешил добавить он.

— Я с радостью исполню любую просьбу столь благородных и щедрых вельмож, — ответил торговец.

— Ты знаешь дом богатого вельможи Джедхора? — спросил Сергей.

— Я слышал, что он прибыл в город. Такие вести распространяются очень быстро.

— Так все-таки ты знаешь, где находится его дом? — допытывался Сергей.

— Конечно, — ответил Мериб.

— Очень хорошо. Сегодня к Джедхору прибыли гости: молодая дама и двое юношей. Эту даму я хорошо знаю. Более того, хочу жениться на ней. Я специально приехал, чтобы просить её руки.

Хозяин дома понимающе улыбнулся и многозначительно произнёс:

— Вероятно, знатная особа очень хороша собой, раз такой вельможа обратил свой взор на неё.

— Да, — коротко ответил Сергей. — И я хочу тебя просить вот о чём.

— Я внимательно слушаю и всё исполню в точности, — поклонился торговец.

— Ты пойдёшь в дом Джедхора и передашь лично в руки молодой даме вот этот флакон с духа?ми, — и Сергей протянул торговцу красивый алебастровый флакончик с крышечкой в виде цветка лотоса. — Скажешь, что это подарок от человека, который любит её. Но не говори от кого. Я хочу, чтобы она сама догадалась.

— Хорошо, — сказал Мериб. — Эта страсть к тайнам у влюблённых очень мне знакома. Сам когда-то был таким.

— И вот ещё что, — добавил Сергей. — Запомни самое главное. Ты должен уговорить её, чтобы она подушилась духами в твоём присутствии.

Мериб поднял брови, а Сергей поспешил объяснить:

— Я хочу знать, понравился ей аромат или нет.

— А если она не захочет душиться при мне? — спросил торговец.

— Мериб, ты должен, понимаешь, должен уговорить её, — настойчиво произнёс Сергей и многозначительно посмотрел на торговца — Уговоришь — получишь хорошее вознаграждение.

— Понимаю, — без особой уверенности в успехе сказал торговец. — Наверно, в этом сосуде любовный эликсир?

Теперь настала очередь удивляться Сергею. «Ну и логика у него! — думал Булаев. — Всюду этим египтянам мерещатся магия и волшебство». Он быстро оценил ситуацию, решив, что так оно, может, и лучше. Пусть думает, что это эликсир любви… Сергей принял игру и, улыбнувшись, загадочно произнёс:

— Возможно.

Мериб повертел в руках «волшебный» флакончик и сказал:

— Ваша просьба будет исполнена. Я сейчас же отправлюсь в дом к Джедхору и передам молодой даме подарок от Вас, — он поклонился и направился к выходу.

— Смотри, не душись сам, — крикнул ему вслед Сергей.

Когда торговец ушёл, Сергей посмотрел на Максима и торжественно произнёс:

— Ну, как? Ловко сработано?

— Зря ты затеял эту возню с вирусом, — с сомнением произнёс напарник. — Всё-таки это очень опасно.

— Зато надёжно. Как говорится, мы их возьмём без шума и пыли, — хохотнул Сергей.

Максим недоверчиво покачал головой.

— Надо было сначала попробовать обычными методами захватить эту троицу и только в крайнем случае применять вирус.

— Какими еще обычными методами? — вспылил Булаев. — У тебя что, был план захвата? Сам же говорил, что перед нами — весьма сложная задача, что эти юнцы вряд ли будут шататься по городу без сопровождающих. А в дом Джедхора вообще не попасть: там везде слуги и охрана. Зачем усложнять, когда можно всё решить очень просто. Да и времени, брат, у нас немного…

— И всё-таки это очень опасно, — упрямо повторил Максим.

— Ничего опасного! Смотри сам, — и Булаев начал с удовольствием и в подробностях излагать, как оно все будет. — Девчонка нанесёт на кожу духи? и на следующее утро проснётся вся в жуткой экземе. А мы — тут как тут. Подкинем записочку, что, мол, если хотите получить противоядие, — приходите в условленное место, но обязательно одни. Не выполните условие — противоядия не видать. А умирать-то никому не охота —

быстрёхонько прибегут! И мы берем их голыми руками. Чего тут опасного? Да, вот ещё что: с вечера приставим к дому Джедхора какого-нибудь человека, чтобы следил за входами и доносил о каждом шаге этой троицы. Пусть вотрётся в доверие к кому-нибудь из слуг. Он должен быть постоянно в курсе, что происходит с нашими фигурантами.

Максим походил по комнате, обдумывая что-то, потом сказал:

— Может быть, ты и прав.

— Не «может быть», а точно — прав. Уж поверь старому бойцу. Никогда не расслабляйся перед противником. Действуй жёстко, и будет результат. Знаешь, что в своё время говорил по этому поводу Иван Грозный?

— Что?

— Надо уметь прощать врага… — Булаев выдержал «качаловскую» паузу и победоносно завершил: — Но только после того, как его уничтожишь.

Максим внимательно смотрел на торжествующего напарника и ощущал все более явную тревогу. Что-то ужасно не нравилось ему в начатой Сергеем операции. Вдруг он понял: нельзя было отдавать флакон с вирусом в случайные руки. Мало ли что.

— Мы ошиблись, — сказал Максим, но тут же и передумал продолжать: какой смысл?

— Да успокойся ты, — ответил Сергей. — Всё будет нормально.

А про себя подумал: «Живыми я этих сосунков отсюда не выпущу. Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Девчонка умрёт от вируса, а этих двоих мы свяжем и замуруем заживо в пещере, где-нибудь недалеко от города. Пусть умирают медленной смертью. Нечего было брать то, что им не принадлежит!»

И усмехнулся довольный.

Глава 34
ПОДАРОК НЕЗНАКОМЦА

Слуга вошёл в большой зал, где ребята ужинали вместе с хозяином дома.

— У ворот какой-то человек спрашивает вашу гостью, — низко поклонившись, доложил он.

— Что за человек? — спросил Джедхор.

— Один богатый торговец. Он говорит, что принёс подарок даме от знатного вельможи.

Саша перевёл диалог слуги и Джедхора друзьям, и девушка удивлённо подняла брови.

— Не понимаю, — прошептала она. — От какого вельможи он принёс подарок? И что это может быть?

— Я думаю, его надо впустить, — сказал Саша. — Вдруг у него есть какие-то сведения о пропавшем приборе.

Хозяин дома распорядился впустить. Ребята и Джедхор прошли в соседнюю комнату, предназначенную для приёма посетителей, и в ожидании таинственного торговца опустились в кресла.

Невысокий худой человек преклонного возраста вошёл в приёмную и смиренно остановился. Низко поклонившись, он пожелал всем присутствующим жизни, здоровья и могущества, затем раскрыл красивую резную шкатулку из ливанского кедра и достал оттуда изящный полупрозрачный флакончик из алебастра.

— Один знатный вельможа, — начал он, — преподносит в дар прекрасной даме эти удивительные по своему аромату духи? в знак любви и преданности.

Аня в смущении посмотрела на ребят.

— Ещё один тайный воздыхатель, — усмехнулся Ваня и отвернулся в сторону, явно раздосадованный услышанным. — Чего они все к тебе липнут?

— Но я же никого не знаю в городе, — пыталась оправдаться Аня.

Ваня только хмыкнул:

— Зато тебя знают.

— Как зовут этого вельможу? — решил уточнить Саша.

— Он пожелал не называть своего имени… пока, — ответил торговец.

— К чему такая таинственность? — недоумевал Саша.

— Я только исполняю его просьбу, — почтительно произнёс Мериб.

— А на словах этот вельможа ничего не передавал даме? — допытывался Саша.

— Он лишь очень просил, чтобы дама непременно подушилась этими духами и сказала, понравился ей аромат или нет, — он протянул девушке флакончик и отошёл, ожидая ответа.

— Я что, должна прямо сейчас душиться? — спросила Аня.

— Ну да, — растерянно ответил Саша. — Таинственный вельможа попросил, чтобы ты сказала, понравился тебе подарок или нет.

Аня повертела флакончик в руках и передала его Саше со словами:

— Да не хочу я душиться. Мне сейчас не до того. И этот загадочный поклонник меня совсем не интересует. Пусть торговец отнесёт ему духи?? обратно. Мне ничего не надо.

— Не знаю, что и делать, — произнёс Саша. — Это, наверно, будет не совсем вежливо — возвратить подношение, — и он посмотрел на Джедхора.

Джедхор улыбнулся:

— Это же признание в любви! Если дама не хочет обидеть воздыхателя, она должна с благодарностью принять подарок.

— Не нужны мне никакие подношения, — упрямо повторила Аня.

Мериб понял, что девушка не собирается принимать дар, и с жаром обратился к ней:

— Прекрасная дама непременно должна принять духи. Если она не сделает этого, вельможа умрёт от горя.

— Что за ерунда — умрёт от горя! — возмутилась Аня. — От этого ещё никто не умирал.

— Прекрасная госпожа, — опять обратился торговец к девушке, — да будут в твоём сердце милость и сострадание! Прошу тебя, дай благородному вельможе дыхание жизни! Ведь помыслы и желания его чисты! В моих словах истина. Не заставляй страдать его сердце! Прими дар!

— Да ладно, Ань, прими, — махнул рукой Саша. — Тебя это ни к чему не обязывает. А этот тип всё равно не отвяжется.

Аня взяла из рук Саши флакон и обратилась к торговцу:

— Поблагодари вельможу за столь щедрый знак внимания.

Мериб молча поклонился, но не ушёл, а остался стоять на месте.

— Чего ему ещё нужно? — тихо спросила Аня Сашу.

— Он же сказал, что вельможа просил оценить аромат, — объяснил Саша. — И ждёт, когда ты подушишься.

Аня вздохнула и открыла флакон. «Наверно, и впрямь не отстанет, пока я не подушусь». — подумалось ей. Поднеся

пузырёк к лицу, она понюхала содержимое: запах был цветочный, вполне приятный. Наконец, капнула на палец и подушилась.

— Ну, как? — обратилась она к Саше, подойдя поближе.

Саша наклонился к девушке.

— Ничего так запах, — сдержанно оценил он. — Цветочный.

— И мне нравится, — кивнула Аня.

Ваня тоже приблизился к девушке и, нарочито шумно подышав носом, сурово заключил:

— Ничего особенного, грубоватый аромат, для моющих средств — в самый раз.

Аня усмехнулась:

— Тебе никогда не угодишь.

И посмотрела на Мериба:

— Это прекрасный аромат! Я благодарю вельможу за чудесный подарок.

Саша перевёл слова девушки торговцу. Тот, низко поклонившись, с довольной улыбкой удалился из комнаты.

Джедхор предложил вернуться к столу, и все согласились. За едой он пытался отговорить гостей от самостоятельных поисков волшебной шкатулки, ведь его люди заняты этим всерьез, и бессмысленно бродить по улицам в пустой надежде встретить воришку. Но бездействие было невыносимо друзьям, и они твёрдо решили завтра с самого утра снова отправиться на поиски «Фаэтона».

Спать им не хотелось совсем. Поэтому после ужина собрались у Саши и долго обсуждали сложившуюся ситуацию. Слишком много событий за один день. Только этого тайного воздыхателя еще и не хватало!..

Глава 35
УТРО ВЛАДЫЧИЦЫ ДВУХ ЗЕМЕЛЬ

Как только рассвело, люди Джедхора опять отправились на поиски похитителя.

Накануне к вечеру им удалось кое-что узнать. Человек, по описанию похожий на вора, жил на окраине города в глинобитной лачуге и промышлял иногда нечистыми делами. Его несколько раз уже привлекали к суду за мелкое воровство и в наказание били палками. Но, это был, похоже, тот случай, когда, как говорится, горбатого могила исправит. И люди Джедхора отправились схватить негодяя. Конечно, он мог оказаться и не тем, кого ищут, поэтому Джедхор решил пока ничего гостям не рассказывать. «Пусть сначала мои люди приведут преступника, — думал Джедхор. — А уж если спасители признают в нём вора, будем разбираться дальше».

В это же самое утро в своём огромном дворце, расположенном недалеко от Большого храмового комплекса Амона, с великим унынием встречала новый день владычица Двух Земель — Анхесенамон. Ничто не радовало её. Она молча сидела в просторной, изысканно обставленной комнате. Множество слуг суетились вокруг царственной особы, но она, казалось, никого не замечала. Женщины с длинными распущенными волосами, профессиональные плакальщицы, столпившись возле трона, пронзительно рыдали и посыпали голову пеплом, что только добавляло глухой тоски в угнетённое и без того состояние владычицы. Каждое утро, изо дня в день, эти женщины входили в её покои, неся в руках гирлянду из лепестков мака. С заунывным пением подходили к вдове, надевали на её шею гирлянду и начинали свои стенания. Плакальщицы сопровождали Анхесенамон повсюду: не давали ей ни на минуту забыть о почившем фараоне. В течение всего дня по всему дворцу разносился их пронзительный плач. И только к вечеру вой постепенно затихал и дворец погружался в тишину ночи. Но и тогда Анхесенамон не знала покоя. Тревожные сны не давали ей заснуть. Она всеми силами старалась отогнать страшные видения, но они повторялись каждую ночь с навязчивым постоянством…

И сейчас, сидя в своём любимом золотом кресле на мягкой подушке, набитой мягчайшей овечьей шерстью, вдова задумчиво смотрела куда-то вдаль. Казалось, она дремала с открытыми глазами, ничего не слыша и не замечая вокруг. Бессонные ночи совсем измучили её…

Молоденькая служанка задула пламя в алебастровом ночнике, горевшем всю ночь, разбрызгала дорогие благовония по комнате и, подойдя к Анхесенамон, заботливо поправила подставку для ног возле кресла владычицы.

Другие занялись туалетом царственной особы. Служанок и слуг было великое множество. Все они толпились возле царицы, и все — с четко определёнными обязанностями. Прислужница, в ведении которой находилась ванная комната, готовила воду для утреннего омовения госпожи. Хранители масел, мазей и ароматных духов открывали изящные золотые ларцы и сундучки из эбонита, отделанные слоновой костью, и доставали оттуда предметы, необходимые для умащения тела Анхесенамон. Притирания готовились с особенной тщательностью. Лучшие масла — оливковое, миндальное, кунжутное — смешивали с соками водяных лилий и лотоса для получения изысканного аромата.

Первая дама карандаша (так называли служанку, в чьи обязанности входило подводить веки госпоже, придавая глазам миндалевидную форму) уже стояла наготове, держа золотой поднос, на котором лежали различные кисточки для подводки век, две маленькие хрустальные вазочки с чёрным порошком «кохоль» и блестящим порошком, в состав которого входил мелкотёртый сернистый свинец. Также на подносе стояли две миниатюрные бутылочки из алебастра: в одном — самое лучшее масло, в другом — настойка на травах. Они предназначались для разведения краски.

Ещё одна служанка уже приготовила всевозможные щипчики, пинцеты, ножницы, расчески. Прислужница, отвечающая за краску для век и румяна, тоже стояла во всеоружии, ожидая своей очереди. Хранитель заколок доставал и выкладывал на маленький столик изящные заколки из бронзы, золота и слоновой кости, украшенные драгоценными камнями; большое гладко отполированное серебряное зеркало уже лежало на столе, и госпожа могла взглянуть на своё отражение в любой момент. Слуги отпирали ларцы с париками, сандалиями и одеждами.

В больших сундуках, что стояли возле стены, хранились всевозможные платья Анхесенамон. Эти восхитительные наряды из полупрозрачного льна, по тонкости не уступавшего натуральному шёлку, поражали многообразием фасонов и расцветок и были украшены блестящими бусинами, золотом или великолепной вышивкой. Здесь были, конечно, белые плиссированные платья в узорах и цветах. А также небесно-голубые, кремовые, красные и зелёные прямые юбки и платья на бретельках, украшенные бисером, вышивкой и драгоценными

камнями. Ткань этих платьев была настолько тонкой, что даже через пять её слоёв, всё равно просвечивало тело царицы.

Но все эти роскошные наряды были бережно отложены в сторону. Сейчас Анхесенамон носила исключительно строгие траурные платья. Что касается париков, (а их тоже было великое разнообразие — по цвету, причёске, длине волос) то из всех выставленных выбран был один: чёрные длинные волосы, заплетённые в мелкие косички и разделенные на три части. Две части спускались по обеим сторонам спереди, а одна — на спину. К этому парику были подобраны украшения, соответствующие царственной особе — золотой головной убор с двумя высокими перьями, помещёнными на рогах барана, между которыми сверкал золотой диск; и золотая диадема в виде змеи, закрепленная на чёлке парика.

Рядом со слугами, отвечающими за одеяния, парики и сандалии, стоял хранитель ювелирных украшений. Он держал в руках резную шкатулку, где лежали великолепные кольца, серьги, браслеты, ожерелья, декоративные амулеты, подвески и пекторали. Большинство изделий были ярко разукрашенными и тяжёлыми от драгоценных и полудрагоценных камней. Пекторали состояли из инкрустированных золотых пластин, со сложным резным рисунком. На одних в центре изображался картуш владычицы, окружённый соколами. На других — «всевидящее око» и священный скарабей, обрамлённые великолепным рисунком, выполненным из полудрагоценных камней. Каждый камушек вставлен точно на свое место и окружён тончайшей золотой проволокой. Камни все яркие и непохожие один на другой: красновато-оранжевый сердолик, синяя ляпис-лазурь, голубая бирюза, желтовато-прозрачный алебастр, чёрный, жёлтый, красный обсидиан и пурпурный гранат. Пекторали были прикреплены на крупные бусы из таких же камней, и носили их поверх ожерелья на груди. Кольца, браслеты и серьги были сделаны из золота, серебра или электрума, сплава золота с серебром, и тоже обильно украшены камнями.

Из всего, что было в шкатулке, владычице надлежало выбрать нагрудное многоярусное ожерелье и по крайней мере три пары браслетов: одну на запястья, другую на предплечья, третью на щиколотки. Что же касается серёг, колец и подвесок, то Анхесенамон в дни траура надевала их с неохотой, ведь почти все эти украшения были подарены Тутанхамоном в дни их счастливой и безоблачной совместной жизни. Преподнося изысканные украшения, выполненные искусными мастерами, Тутанхамон говорил ей: «Всё это я дарю моей прекрасной жене, моей возлюбленной — госпоже Двух Земель, которая красива, как

лотос и нежна, как лепесток лилии»… Воспоминания тревожили и мучили сердце Анхесенамон, которое и так болело от невосполнимой потери.

Итак, вся многочисленная челядь толпилась в покоях владычицы. Каждый ждал, когда наступит очередь приблизиться к Анхесенамон, чтобы исполнить свои обязанности. За дверями покоев находились другие слуги и придворные, ожидавшие своего часа. Это были управляющие, следившие за хозяйством госпожи; личный писец, записывающий распоряжения и письма; всевозможные сановники; носильщики зонта и царского опахала; свита владычицы; придворные и их жёны, пришедшие пожелать доброго утра Анхесенамон и справиться о её здоровье, и многие другие.

Первая дама карандаша, склонившись над царицей, умело подводила веки своей госпоже тоненькой кисточкой. Затем она почернила брови и, закончив свою работу, робко обратилась к Анхесенамон:

— Божественная владычица, любимица богов! Да будешь ты жива, здорова и невредима! — тихо, благоговейно произнесла служанка почти в самое ухо Анхесенамон. — Да будет в твоём сердце милость Амона! Я — верная служанка твоя, и сердце моё пребывает в печали. С тех пор, как ты не можешь заснуть, о, добрая, могущественная госпожа, я не нахожу себе покоя. Я без устали пребываю в поисках, как помочь и что сделать полезного для владычицы, как утешить её душу и успокоить утомлённое сердце. И вот вчера я узнала, что в наш город прибыли чужеземцы. Но это не простые чужеземцы. Говорят, они знают множество интересных историй и сказок и даже обладают магической силой.

Анхесенамон с любопытством взглянула на служанку. Видно было, что её заинтересовали слова Первой дамы карандаша.

— Эти чужеземцы, — продолжила служанка, — выглядят необычно и таинственно. Может, они сумеют развлечь мою госпожу или даже принесут покой её сердцу своими заклинаниями.

— Ты видела их? — спросила Анхесенамон.

— Нет, — ответила служанка. — Чужестранцы прибыли только вчера. Но, говорят, — и она понизила голос до шёпота, — что таинственные путешественники могут общаться с богами.

Анхесенамон немного оживилась. Она устала от царившего во дворце однообразия. Она устала от бессонных ночей и тех скучных и много раз пересказанных, невыносимо знакомых историй — владычица уже сама могла бы их кому угодно прочесть наизусть. «Быть может, эти чужеземцы и вправду

способны меня развлечь?» — подумала она и сказала:

— Приведи их ко мне.

— Но дозволит ли Аи? — с тревогой спросила Первая дама карандаша. — Ведь он оберегает твой покой, госпожа, и никому не разрешает тревожить тебя.

— Я устала от его опеки, — недовольно произнесла Анхесенамон. — Приведи их ко мне. Я приказываю!

— Слушаюсь, моя госпожа, — покорно произнесла служанка. — Я приведу их к обеду.

Анхесенамон повеселела, и это не скрылось от глаз других слуг, которые напряжённо прислушивались к разговору.

— Я довольна тобой! — сказала Анхесенамон громко, чтобы слышали все остальные слуги. — За такую заботу о своей госпоже я награжу тебя.

Первая дама карандаша почтительно поклонилась и с улыбкой удалилась из комнаты выполнять распоряжения Анхесенамон.

«Наконец хоть кто-то из моих подданных проявил настоящую заботу обо мне, — подумала Анхесенамон. — Все слуги только исполняют обязанности, плетут интриги и сплетничают. Их совсем не трогают мои тревоги и волнения. Все находятся во власти моего визиря, постоянно следят за мной, подслушивают и подглядывают. Среди них нет почти никого, кому я могла бы по-настоящему довериться. Вот и письмо, которое я написала Суппилулиуме, наверняка перехвачено… Хеттский принц уж должен прибыть во дворец, а его всё нет. Неужели моё письмо не дошло до хеттского правителя? Но ведь послы, которых он направил ко мне, сами убедились, что всё без обмана. Где же хеттский принц? Почему Суппилулиума медлит? Осталось всего несколько дней до погребения… Если бы рядом была моя мать Нефертити, она бы поддержала меня. Она не дала бы мне упасть духом… А визирь Аи, — при одной мысли о нём Анхесенамон вздрогнула. — Он так влиятелен уже сейчас и даже не скрывает своего желания занять трон! Что будет, если он узнает о моей тайне?» — Она закрыла глаза и отогнала от себя страшные мысли. Она боялась Аи, боялась его проницательного долгого взгляда. Всякий раз, когда он пристально смотрел на неё, она старалась отвести глаза. Казалось, что он действительно читает самые затаённые мысли. Она хоть и была владычицей, но реальная власть принадлежала Аи. Слуги и придворные понимали это, поэтому всячески старались угодить «правителю». Они исполняли любые его поручения, даже самые низкие и грязные, все боялись его гнева. Ведь Аи, и только Аи, принимал все решения во дворце.

По окончании процедур владычица Двух Земель вышла из своих покоев и направилась в сопровождении слуг и придворных в Большой зал дворца, предназначенный для официальных утренних визитов.

Глава 36
ВИЗИРЬ ДОЛЖЕН ВСЁ ЗНАТЬ

Этим же утром в другой части дворца визирь Аи, выслушал доклады своих придворных, продиктовал письма и официальные документы и уже был готов отправиться в Большой зал дворца, как вдруг его слуга, охраняющий покои, быстро подбежал к креслу повелителя и тихо произнёс:

— Великий Аи, да будешь ты жив и здоров ежедневно! Тебя хочет видеть один из слуг Анхесенамон (да будет благословенно её имя). Он говорит, что у него важные сведения относительно владычицы.

— Пусть войдёт, — коротко бросил Аи.

Двери покоев отворились, и в комнату вошёл слуга. Он почтительно поклонился и произнёс:

— Жизнь, здоровье, могущество, великий Аи!

— Подойди ко мне и скажи, зачем пришёл, — присказал визирь вошедшему слуге.

Тот, ещё раз поклонившись, приблизился к Аи.

— Сегодня утром владычица (да будет она жива, невредима и здорова!) пожелала видеть у себя за обедом иноземных гостей.

Аи удивлённо приподнял брови:

— Каких иноземных гостей? Уж не хеттов ли? — и он усмехнулся.

— Нет, — тихо ответил слуга. — Неведомых чужеземцев, которые прибыли вчера в город.

Аи изменился в лице. «Вчера в город прибыл Джедхор. Не о нем ли речь? И откуда Анхесенамон узнала о его приезде?.. Нет, — оборвал он собственные мысли, — Джедхор совсем не похож на иноземца. Значит, это какие-то другие люди».

Он повернулся к слугам, стоявшим чуть поодаль, и гневно обратился к ним:

— Почему мне не доложили об этих иноземцах!

Слуги растерянно смотрели друг на друга. Ни о каких иноземцах они и слыхом не слыхивали. Кто такие? Во дворце ничего неизвестно про них.

Аи понял, что бесполезно расспрашивать слуг, и снова обратился к вошедшему человеку:

— Расскажи подробнее, что ты знаешь о чужеземцах.

— Я ничего о них не знаю, — смутился слуга. — Это Первая дама карандаша говорила владычице о них. Она сказала, что эти люди знают много удивительных историй и сказок и даже

обладают какой-то магической силой.

Аи надолго задумался. Его очень беспокоили события последних дней. Как-то всё получалось одно к одному. То его лучники не могут убить Джедхора, ссылаясь на таинственные видения на дороге. То прибывают в столицу загадочные иноземцы-маги… «Что-то здесь не то, — думал Аи. — Откуда эти чужестранцы появились? Надо послать своих людей выяснить это… Анхесенамон уже узнала про иноземцев, — вздохнул визирь, — и я не смогу помешать ей принять их. Слово владычицы — закон. А если она объявила об этом во всеуслышание, то я вдвойне бессилен что-либо изменить… Главное, чтобы Джедхор не был зачинщиком всего этого. Нельзя допустить его появления во дворце. Он очень опасен… Жаль, что не удалось убить его на подступах к городу. А сейчас, в столице, его трогать нельзя. Он у всех на виду. Если я прикажу убить его, тень подозрения сразу падёт на меня, а я не в коем случае не должен запятнать себя дурной репутацией убийцы… по крайней мере, за несколько дней до вступления на трон… Да, Джедхор очень опасен…»

Аи вышел из задумчивости и обратился к слуге:

— Ты сделал правильно, что сообщил мне об этом. Визирь должен всё знать. Я доволен тобой. Иди и, если что-нибудь еще узнаешь, доложи мне.

Слуга, поклонившись, вышел из комнаты.

Настроение Аи было испорчено. Он с недовольным видом встал со своего кресла и направился в Большой зал дворца. Он должен был присутствовать на официальном утреннем приёме и прибыть в Большой зал раньше владычицы. По этикету, Анхесенамон появлялась со своей свитой, когда все придворные уже присутствовали там.

Огромный зал был уставлен множеством светильников на длинных ножках, и дрожащие языки пламени освещали его строгое убранство. Невообразимо высокие колонны, выполненные в виде стеблей папируса, поддерживали потолок, расписанный замысловатым орнаментом. Пол был выложен разноцветной мозаикой. А росписи на стенах прославляли в основном военную доблесть могущественного фараона. На одной из них властитель был представлен в виде сфинкса, грозно смотрящего вдаль. У ног фараона-сфинкса — поверженные враги Великой Та-Кемет. Эти маленькие фигурки людей, стоящих на коленях, со связанными руками, жалостливо взирали на всесильного фараона-сфинкса с мольбой о пощаде в глазах. На другой стене изобразили фараона на боевой колеснице, ведущего в бой свою непобедимую армию. Сцены праздников, где владыка выступал во главе процессии,

немного смягчали воинственный настрой, и всё же в целом настенные изображения скорее подавляли присутствующих.

В самой середине зала стояли два золотых трона. На одном из них гордо восседала Анхесенамон, другой был пуст. Второй трон предназначался для владыки Двух Земель. И на этом пустующем троне лежали символы королевской власти — плеть и посох, сделанные из золота и украшенные драгоценными камнями. Царские принадлежности олицетворяли наказание и верховную власть над Верхним и Нижним Египтом.

Лицо молодой правительницы, сидевшей на золотом троне, было непроницаемо. Военачальники докладывали о состоянии дел на границе Та-Кемет. Казначей представил отчёт о расходах на церемонию погребения Тутанхамона. Главный зодчий доложил о готовности гробницы владыки Двух Земель. Выслушала правительница и других вельмож, а под конец в Большой зал впустили послов иностранных государств, которые высказали соболезнования вдове и поднесли к стопам ее подарки. По ходу всей официальной части Анхесенамон не проронила ни слова. Когда же утренний приём был окончен, она, вздохнув с облегчением, встала и в сопровождении слуг направилась в свои покои.

Визирь Аи тоже покинул Большой зал и направился в передние покои. Взмахом своего жезла он приказал открыть парадный вход дворца. Расторопные слуги мгновенно принялись исполнять приказ, и вскоре огромные двери с изображением Амона наверху распахнулись. Теперь дворец был официально открыт на день.

После этого Аи направился в зал Большого Совета. Там ему предстояло выступить в роли главного судьи — выслушать просителей, разобрать сложные судебные дела и от имени богини правосудия Маат вынести решения. Обычно простые судебные разбирательства проходили в Доме правосудия. Но спорные или сложные вопросы решались в зале Большого Совета. Туда со своими жалобами приходили не только жители столицы, но и приезжие из дальних мест, жители других городов и сел Великой Та-Кемет, ведь здесь, в зале Большого Совета, заседали верховные судьи Египта.

Аи, надев судейскую мантию — простую белую рубаху с поясом — приступил к своим обязанностям верховного судьи.

Анхесенамон, вернувшись в покои, приказала служанкам снять с себя парадную корону с перьями и парик. Она удобно устроилась в кресле и решила немного отдохнуть. Правительница с нетерпением ожидала обеда, когда, наконец, сможет отвлечься

и послушать истории необычных чужеземцев. Царица пребывала в хорошем расположении духа. Особенно её порадовало, что старый Аи ничего не сказал на утренней церемонии относительно приглашённых гостей. «Наверняка, он уже всё знает, — подумала владычица, — но не посмел запретить мне принять их, ведь я сказала об этом во всеуслышание. Подрывать авторитет владычицы не посмеет никто. Почаще мне надо быть такой смелой».

А потом мысли опять унесли её в недалёкое прошлое, когда они с Тутанхамоном были так счастливы… Под заунывные голоса плакальщиц молодая женщина сомкнула веки и задремала.

Глава 37
ЕЩЁ ОДИН СОИСКАТЕЛЬ РУКИ И СЕРДЦА ВЛАДЫЧИЦЫ

Максим и Сергей проснулись рано и завтракали в своей комнате. Они ждали вестей от человека, которого наняли ещё с вечера для наблюдения за домом Джедхора. Человек этот должен был торговать всякой мелочью неподалеку от усадьбы вельможи. Так было проще следить, не вызывая подозрений.

Сергей пребывал в отличном расположении духа: всё время шутил и смеялся. А его напарник хоть и старался казаться спокойным, но у него не очень получалось. Максим плохо спал ночью, всё время думал об этом злосчастном вирусе. Конечно, он понимал, что Сергей предложил отличный план, не требующий особых усилий в реализации. Но торопливый выбор самых жестоких мер вызывал у Максима внутренний протест. Ему не давала покоя мысль, что можно, наверняка можно было придумать что-нибудь другое, а вирус оставить на крайний случай. Почему это стало для него так важно?

Максим знал ответ, но не решался признаться даже самому себе: ему было безумно жаль эту лихую троицу нарушителей. Да нет, жаль — не то слово, просто подвергать их жизни опасности — это колоссальная ошибка. Тогда, в средневековой Франции он преследовал этих ребят и был одержим одной идеей — отобрать «Фаэтон», пусть даже придется оставить негодных юнцов навсегда в прошлом. И ужасно злился, когда срывались его, казалось бы, такие хитроумные планы. Неуловимая троица всякий раз ускользала. Как-то сгоряча Максим даже поклялся, что убьёт их собственными руками. Это было после того, как он два раза подряд попался в ловушку. И по идее офицер службы безопасности должен был ненавидеть юных выскочек. Но… почему-то они скорее нравились ему, эти удивительно смелые и способные молодые люди.

Позднее Максим не раз анализировал все происшедшее и пришел для себя к выводу, что Лаборатории невероятно повезло со случайно подвернувшимися студентами. Кто еще, без всякой подготовки оказавшись в далеком прошлом, сумел бы так же бережно отнестись к событиям истории, да еще в условиях постоянного преследования?.. Нет, ему решительно не хотелось так бесчеловечно наказывать их. Во-первых, не за что, а во-вторых, он страшно боялся потерять этих ребят. Он был уверен,

все в Лаборатории, включая Сергея, пожалеют потом о жестких мерах. Не убивать надо их, не шантажировать, а где-то вместе собраться и спокойно поговорить обо всем. Почему они не отдают «Фаэтон» и документы? Ведь нелогично же! За ними идет большая охота. И это уже давно не игра. Жизнь каждого висит на волоске, а они будто нарочно искушают судьбу. Такой узел проблем хотелось развязать, а не рубить с плеча…

— Эй, ты меня не слушаешь, что ли? — спросил Сергей. — О чём ты думаешь?

— Да так, — ответил Максим. — Мне кажется странным, что ребята не отдают «Фаэтон» и документы. Зачем им всё это надо? Не понимаю.

— А чего тут понимать?! — вспылил напарник. — Дурная голова ногам покоя не даёт.

— Не сходится, — покачал головой Максим. — Все три головы совсем не дурные.

— Особенно одна, девичья головка очень недурна! — изящно пошутил Сергей и тут же добавил, упиваясь собственным остроумием: — Была. Через сколько часов начинает действовать эта зараза? Напомни, Голова!

Сергей не успел ответить: за дверью послышались торопливые шаги.

— А вот и первые вести, — весело сказал Сергей.

Слуга вошёл в комнату и доложил, что какой-то юноша ждёт достопочтенных вельмож у ворот.

— У него важное сообщение для вас, — добавил он.

— Проводи его сюда, — велел Сергей.

Слуга поклонился и вышел.

В комнате появился бедно одетый молодой человек. На нём была лишь набедренная повязка, а шею и руки украшали дешёвые изделия из бронзы и керамики.

— Молодая дама вместе с двумя юношами с самого утра отправились в город, — сообщил вошедший.

— Что?! — рассвирепел Сергей. — Повтори, что ты сказал.

Египтянин испуганно посмотрел на вельможу, не понимая, почему тот гневается, и тихо повторил:

— Дама и двое юношей ушли в город.

Сергей нервными шагами заходил по комнате. Затем он остановился и спросил египтянина:

— Как выглядит дама?

— Выглядит? П-прекрасно, — заикаясь от испуга, стал рассказывать парень. — Она очень хороша собой, но внешность её необычна для здешних мест.

— Может быть, ты не понял, и у нее просто что-то не в

порядке с лицом? — продолжал допытываться вконец растерявшийся Сергей.

Египтянин непонимающе уставился на вельможу.

— Может быть, — невольно согласился он, не желая расстраивать вельможу. — У дамы ненормально светлая, гладкая кожа лица без единого изъяна.

Сергей повернулся к Максиму резко, даже агрессивно, словно тот и был во всем виноват.

— Ты думаешь, я знаю, как это всё объяснить? — спросил его Максим.

— Ни черта я уже не думаю! — то ли для конспирации, то ли от избытка чувств Сергей перешёл на русский. — Почему у девчонки нет никаких признаков болезни? Где обещанные язвы и отвратительное самочувствие?! Какая может быть прогулка по городу?!! Я что-то перепутал?

— Да нет, — проговорил Максим, — вообще-то вирус начинает действовать уже через два-три часа. А прошло часов восемь-десять. Может, у неё иммунитет к этому аллергену?

— Ты наших спецов за придурков держишь? Не бывает на него иммунитета.

— Тогда я не знаю, — развёл руками Максим, с трудом скрывая улыбку.

Нет, он ничего не подстраивал, но то, что случилось, не могло не радовать его. Впору было поверить в богов, которые услышали его молитвы.

— Торговец поклялся нам, что девчонка подушилась… — рассуждал Сергей. — Может, соврал? Эй, послушай, — перешел он вновь на местный язык, обращаясь к молодому египтянину, принесшему странную весть: — Торговец Мериб приходил в дом Джедхора?

— Да, я сам видел. Он вошёл туда и вышел далеко не сразу.

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — разнервничался Сергей. Он сел в кресло и задумался, глядя в одну точку.

Египтянин стоял, не зная, уходить или нет — ведь он ещё не получил вознаграждения за свою работу.

Однако Сергей был полностью потерян для общества. Максим, понял, что пора брать инициативу в свои руки, подошёл к египтянину и протянул вознаграждение — изящный браслет на запястье. Тот, повертев украшение в руках, остался вполне доволен.

— Возвращайся к дому Джедхора и продолжай наблюдение. Запоминай, кто входит и выходит. Обо всех событиях докладывай. Понял?

— Да, я понял, — ответил тот. — Я уже подружился с

привратником и могу выведать у него подробности происходящего в доме. Но я должен сказать ещё кое-что, — египтянин мялся, всё никак не решаясь, говорить или нет. Теперь он уже боялся, что вельможи опять разгневаются.

— Говори, не бойся, — подбодрил его Максим.

— Когда эти трое ушли в город, через некоторое время у ворот дома появились люди из дворца.

— Почему ты решил, что они из дворца? — спросил Максим.

— Привратник сказал.

— И что им нужно было?

— Они прибыли сообщить, что владычица — да будет она жива, невредима и здорова! — пригласила чужеземцев во дворец на обед.

Сергей удивлённо поднял брови, а Максим даже привстал с кресла и не удержался от вопроса:

— В связи с чем же такая высокая милость?

— Не знаю. Больше я ничего не знаю, — замотал головой египтянин.

— Ладно, — сказал Максим. — Ты сообщил очень важные сведения и поручение наше выполнил добросовестно. Ступай. А как узнаешь что-нибудь ещё, извести.

Парень низко поклонился и вышел.

— Ну, эти юнцы и шустры! — присвистнул Сергей. — Не прошло и дня, а они уже приглашены во дворец. Как им это удалось? И зачем, интересно узнать?

— Гадать бессмысленно, — пожал плечами Максим, — я же тебе говорил, что ребятишки умны и небывало сообразительны. Ладно, оставим это пока. В первую очередь надо разобраться, что случилось с вирусом. По-моему, назрела необходимость поговорить с Мерибом.

— А что с ним разговаривать? Он отнёс духи?, девчонка подушилась и… ничего не произошло.

— Может быть, он соврал, что девчонка подушилась, — предположил Максим. — Ты же сам его в этом заподозрил. Разве нет? Возможно, Мериб просто передал духи?, а уговорить её подушиться не смог. А нам, чтобы получить вознаграждение, сказал, что всё прошло успешно.

Сергей опять начал ходить по комнате. Глаза его недобро заблестели.

— Ох, вышибу я из него правду! — яростно прошипел Булаев уже в дверях.

Минуты не прошло, как перепуганный торговец стоял перед ними в комнате.

— Расскажи-ка нам подробно о том, как ты вчера передавал

духи? юной даме, — начал допрашивать Сергей.

Торговец мельком покосился на вельмож а потом, пряча глаза и запинаясь, повторил все то, о чём уже рассказывал накануне.

— Ты врёшь, подлый обманщик! — крикнул Сергей.

— Нет, — обмирая от страха, пролепетал Мериб. — Я рассказал всё, как было. Почему вы не верите мне?

— На то есть причины, — коротко бросил Сергей.

— Какие причины? — недоумевал торговец.

— Вопросы здесь задаю я, — солидно сказал Сергей, вспомнив какой-то еще с детства знакомый фильм. — Или ты сейчас рассказываешь всю правду, или… — он приблизился к торговцу и сдавил ему шею натренированными пальцами, — я просто сверну твою глупую голову.

Торговец упал на колени и прохрипел:

— Не надо… Я всё расскажу…

Икая от страха, сбиваясь и всхлипывая, он начал свой рассказ.

Булаев, сидевший в кресле, с трудом сдерживал эмоции, желание убить этого мерзавца просто переполняло его. Огромные кулаки Сергея сжимались и разжимались, сжимались и разжимались… Максим же слушал спокойно, искоса поглядывал на напарника и, в случае чего готов был разрядить ситуацию.

Хитрый Мериб, конечно, не хотел упустить редкого шанса воспользоваться «любовным эликсиром» для своих личных целей. Он заменил флакончик с вирусом на другой, очень похожий, но с обычными духа?ми и понёс его в дом Джедхора. А «Эликсир любви» оставил себе. С его помощью он вознамерился стать ни больше, ни меньше… как фараоном, ведь трон владыки был пока свободен. Мериб часто носил во дворец ткани для владычицы и её придворных. Так вот, сегодня утром он, как обычно, отобрал самые лучшие образцы, которые у него имелись, и понёс во дворец, прихватив с собой заодно и «любовный эликсир». Придя туда, он передал ткани служанкам, занимавшимся гардеробом Анхесенамон, и шепнул несколько слов одной из них, с которой давно был знаком и которой, по его мнению, можно было доверять. Торговец сообщил ей, что принёс в подарок владычице необыкновенные, чудесные духи, каких ещё никогда не видели в Египте. Уверял, что аромат просто очарует её. А потом Мериб подумал и добавил, что эти духи? необычны — это «любовный эликсир», и если правительница Двух Земель подушится ими, то непременно влюбится в дарителя. А уж он не упустит такого шанса! Надо только обязательно сказать царице, что этот флакон именно от него. И если повезёт, то есть он станет фараоном, служанке было обещано повышение — Мериб назначит её Первой

придворной Дамой. Служанка взяла духи? и сказала, что сделает всё, как велено.

— Значит, у тебя нет этих духо??в, — сквозь зубы процедил Сергей.

— Они во дворце, — тихо проговорил торговец.

— Ты должен вернуть их! — крикнул Булаев, выходя из себя.

Мериб виновато поднял голову — он всё ещё стоял на коленях — и еле слышно произнёс:

— Это невозможно. Меня не пустят к владычице и, потом, что я ей скажу?

— Пусть служанка заберёт духи обратно, — сказал Сергей.

— Не думаю, что у неё это получится. Да и как я объясню служанке своё странное поведение, тем более…

— Как хочешь, так и объясняй! — перебил Сергей, он был в ярости.

Торговец закрыл лицо руками и жалобно застонал, готовый к побоям и даже к смерти.

Максим, до этого молчавший, встал с кресла и подошёл к Сергею. Что-то шепнув ему на ухо, он повернулся к торговцу и коротко бросил:

— Ты можешь идти.

Торговец прекратил стенания и замер. Он не верил своим ушам.

— Ты можешь идти, — повторил Максим.

Мериб вскочил и быстро-быстро попятился к двери.

— Ну, и что у тебя за план? — спросил Сергей, когда они остались вдвоем. — Зачем ты отпустил этого лживого мерзавца?

— А смысл его держать? Он не сможет вернуть вирус, как его ни запугивай. Никто не пустит Мериба к владычице, да и служанка ничем не поможет. Но изъять пузырёк из дворца необходимо. У меня есть одна идея.

— Так говори же скорее, — весь напрягся Сергей.

— Пусть этот флакон с вирусом принесут нам трое юнцов.

— Как это?

— А помнишь, что сказал этот парень, который следит за домом?

Сергей кивнул.

— Так вот, — продолжил Максим. — Владычица пригласила их во дворец. Пусть они и заберут у неё наш флакон.

— А им-то зачем это нужно? — спросил, было, Сергей, но тут же широко улыбнулся: он сам нашел ответ.

Глава 38
СТРАННОЕ ПИСЬМО

Джедхор оказался прав. Поиски вора методом случайного хождения по улицам были абсолютно бесполезным занятием. Примерно к полудню ребята вернулись в дом усталые и разочарованные.

— Мои люди ищут его, — сообщил им Джедхор, — и возможно, уже напали на след. Но главное, приходили посланники от Анхесенамон и передали, что владычица готова принять вас к обеду.

Теперь оставалось одно — похищение Тамита.

Апуи, Джедхор и его родственник, управляющий имением, тщательно подготовили похищение, еще с вечера согласовав свои действия с ребятами. Теперь можно было приступать к выполнению плана. Нескольких доверенных людей еще рано утром отправились за пределы города в указанное Сашей место. Им велено было дождаться колесницы, в которой привезут Тамита, и затем охранять похищенного вельможу, пока не поступит команда везти его обратно.

— Составим-ка письмо от имени визиря, — сказал Джедхор, — и я скреплю его печатью, полученной от Нефертити.

Апуи принёс папирус, и Джедхор сам написал послание для Тамита, которое и передал своим верным слугам. В указанный час колесница с двумя хорошо одетыми людьми, исполняющими роль приближённых Аи, выехала по направлению к Большому храмовому комплексу Амона.

Время тянулось очень медленно. Ребята ходили по комнате, как хищники ходят по клетке в зоопарке.

— Если они не смогут похитить Тамита, — твёрдо сказал Саша, — нам во дворец идти нельзя. Сами знаете…

— Ну, если я правильно помню, — Ваня, как всегда норовил поспорить, — это грозит нам каким-то там коротким замыканием во времени и невозможностью вернуться. Чего такого-то? «Фаэтон» у нас все равно уже отобрали.

— Ну, ты скажешь! — возмутилась Аня. — Сам оставайся в этом дремучем Египте, а я пойду вызволять «Фаэтон»… Вот если бы в средневековой Франции… — мечтательно добавила она. — Там я готова была остаться… Только вы не разрешили.

— Ух ты, ах ты! — попался Ваня на эту провокацию. — Ну, конечно! Там ты была со своим рыцарем и порхала, как *птичка* в облаках.

— Дорогой мой Иван Владимирович, — ответила девушка с достоинством, — не Вам, приземленному человеку, судить о том, насколько высоко может подняться Птицына на своих собственных крыльях!

Ваня вдохнул воздуху побольше, чтобы ответить не менее цветистой фразой, но Саша очень строго посмотрел сначала на него, потом на Аню.

— Не думаю, что есть какой-то смысл идти во дворец без меня, — сказал он. — Вряд ли царицу порадуют ваши рассказы на русском или английском языках. Так что давайте дождемся успешного похищения Тамита. Это будет означать, что история пошла по своему основному руслу. Я же вспомнил, как мой предшественник был похищен. А что касается «Фаэтона»… Джедхор приложит все усилия, чтобы найти волшебную шкатулку, как он её называет. Я слышал, как слуги докладывали ему о ходе поисков.

— Ну, и что они говорили? — поинтересовался Ваня.

— Да вроде вычислили уже, кто украл прибор, и направились по следу. Но тут от нас ровным счетом ничего не зависит. Предлагаю о другом подумать. Пока время есть.

— О чём? — заинтересовалась Аня.

— Уже второй раз «Фаэтон» переносит нас в прошлое, и у нас опять нет возможности сидеть сложа руки, оставаться простыми наблюдателями, мы вынуждены почему-то принимать участие в исторических событиях. Вам не кажется это странным?

— Знаешь, — медленно произнесла Аня, — тут вообще-то с самого начала всё странно… Но я думаю, это зависит от человека: кем он был, какое положение занимал в обществе, как влиял на историю. Наверно, любой человек как-то на историю влияет. Из маленьких конкретных поступков она и складывается. А все люди связаны между собой. Вот ты, например, проснулся утром в плохом настроении, вышел из дому и нахамил человеку, чтобы «выпустить пар». А этот, кому ты нахамил, допустим, личный шофёр какого-нибудь члена правительства. Твоё настроение передалось ему — цепная реакция. Он сел за руль автомобиля и не справился с управлением, его босс попал в больницу… А в правительстве решался важный вопрос, одного голоса не хватило, ну, и ввели, допустим, войска в соседнюю страну или дефолт устроили… А всё из-за чего? Из-за твоего плохого настроения.

— Ты какие-то страсти рассказываешь, — покачал головой Ваня. — Если бы все так было, мы бы уже из Франции вернулись не в свою Москву, а в какой-нибудь душный кошмар похожего, но искаженного мира, как в кино показывают. Не верю! Как говорил Станиславский. Наверняка существуют какие-то регулирующие

механизмы. Ты, как слон в посудной лавке, влезаешь в мир со своим плохим настроением, а другой человек — с хорошим настроением — все это безобразие исправляет.

— Согласна! — обрадовалась Аня стольлюбопытной мысли. — Я ведь о том же и говорю. Регулирующий механизм, Бог или природа — это все игра словами. А по сути, каждый из нас влияет на историю. Каждый поступок вплетается в некий общий поток. Понимаете? — она все больше увлекалась. — И все мы отвечаем друг за друга и за мир в целом. А «Фаэтон», собственно, ничего к этому и не добавляет. Просто, оказавшись в прошлом, мы особенно ярко видим, как работает этот закон истории. Раз мы живём здесь, значит, влияем на данный отрезок времени. Так задумано. Быть сторонними наблюдателями могут только боги. А мы — обычные люди и сразу, автоматически становимся участниками всех событий. Понимаете, о чём я говорю? Не было у нас выбора и нет.

— И все равно странно, — сказал Саша, оставаясь при своём. — Мы же могли оказаться в каком-нибудь захолустье, общаться со случайными людьми… Так нет же, сначала попадаем в легендарный Монсегюр, потом — прямо на похороны не менее знаменитого Тутанхамона.

— Мудрите вы оба, — заметил Ваня. — Каждый просто попадает в свою прошлую жизнь. А уж кто кем был, — это дело случая. И два раза — это еще не статистика. Да и так ли уж сильно в итоге мы повлияли на историю?

— Ну, по поводу Франции — тебе виднее, — не стал спорить Саша. — А здесь на сегодняшний момент мы лишь выяснили, исходя из моих воспоминаний, что Тамит был похищен Джедхором. Джедхор это сделал, потому что мы его попросили, точнее даже, поставили условие, так как у нас нет выбора. Вот и всё, что пока известно о нашей роли в истории Древнего Египта.

— Но это и есть самое важное, — заключил Ваня, — мы же согласились на участие в похищении Анхесенамон. И если не совершим его, история изменится, а этого нельзя допустить. Правильно я понимаю?

— В общем, да, — кивнул Саша. — Но у нас нет подсказки, что делать дальше во дворце: как вести себя, что говорить… Мы даже не знаем, что должно получиться в результате, то есть что будет с Анхесенамон.

— Да, — вздохнул Ваня, — во Франции было проще. Я там добросовестно все вспомнил и выдал готовый сценарий жизни в Средневековье, оставалось лишь чётко следовать этому плану и никакой самодеятельности. А ты, Ветров, халтуришь: половину перезабыл и подбиваешь нас действовать по наитию.

Саша ничего не сказал, лишь виновато развел руками. И Ваня, вдруг почувствовав себя самым здравомыслящим среди них троих, твердо заявил на правах временно исполняющего обязанности старшего:

— Ладно. Что будет — то будет. Но во дворец идти надо. Кстати, ребята, вы придумали интересные истории, которые мы будем рассказывать Анхесенамон?

— А чего их придумывать, — ответила Аня. — Их давно уже придумали другие люди. Гомер, например. И вообще, лично я знаю предостаточное количество сказаний, мифов и легенд, которые будут интересны владычице своей новизной.

— Вот и чудненько! — обрадовался Ваня. — Ты их будешь рассказывать, а Сашка — переводить.

— А ты что будешь делать? — спросила Аня. — Плясать, что ли? Или фокусы показывать?

— Короче, — прервал их Саша, вспоминая, что старший все-таки он. — Каждый будет рассказывать истории. Иначе мы подорвём свой престиж. Корнет Оболенский, уж и Вы, пожалуйста, не ударьте в грязь лицом! Мы должны дополнять друг друга, как музыканты в оркестре. Задача ясна?

— Так точно, поручик… Ветрицын, — дурашливо козырнул Иван. — Буду думать и вспоминать что-нибудь интересное из своего золотого детства.

— Из самого раннего не надо. Ладно? — жалобно попросила Аня. — Про колобка не стоит, наверно?

— Зря так думаешь, — возразил Ваня. — «Колобок» — это настоящий триллер с поучительным финалом. Все от рассказчика зависит.

— Ну, хорошо, дерзай, — смирилась Аня. — Пусть каждый сам подбирает себе репертуар.

— Главное — другое, — напомнил Саша, — нужно как-то исхитриться передать Анхесенамон письмо Джедхора с планом побега из дворца.

— Да, это будет непросто, — признал и Ваня. — Вокруг неё, наверно, миллион слуг и все потенциальные стукачи. Надо что-то придумать.

На троих они придумали минимум пять вариантов передачи письма и еще не успели выбрать лучший, когда в комнату вошёл Апуи. Он сообщил, что похищение Тамита прошло успешно и теперь помощник визиря находится на безопасном расстоянии от дворца. Правда, Апуи решительно не понимал, зачем все это нужно, но он давно привык чётко исполнять приказы и не задавать лишних вопросов.

Оставалось совсем немного времени до назначенного часа

обеда во дворце. Под руководством Джедхора ребята привели в порядок свою одежду, проверили все украшения, поправили парики и макияж и в полной «боевой» готовности стали ждать прихода сопровождающих. Письмо Джедхора они тщательно спрятали под одеждой — хорошо, что пышные складки наряда и широкая верхняя накидка позволяли сделать это. Также Джедхор позаботился и о подарках владычице. Это считалось обязательной церемонией. Великолепные браслеты и серьги, сделанные лучшими мастерами Египта, были бережно уложены в резной ларец из эбенового дерева.

— Если бы вы смогли преподнести владычице какой-нибудь необычный подарок, это было бы просто великолепно, — произнёс Джедхор с надеждой в голосе. — Она бы сразу поняла, что вы не простые люди, а таинственные чужеземцы. Все эти браслеты, кольца и ожерелья, конечно, очень дорогие вещи, выполненные специально на заказ, но этим Анхесенамон не удивишь.

Саша и Ваня посмотрели на Аню.

— Что вы на меня смотрите? — сказала она. — Опять хотите «раскулачить»? В средневековой Франции вы только и делали, что отбирали у меня мои вещи. А ты, — и она обратилась к Ване, — специалист по женским сумочкам, может, угадаешь, что лежит в моей косметичке и чем можно удивить владычицу?

— Во-первых, — возразил Ваня, — в нашем прошлом путешествии мы изъяли у тебя только браслет, который не имел особой ценности, потому что являлся бижутерией. И, как ты помнишь, он здорово помог нам. А зеркальце ты подарила сама нашему гостеприимному хозяину замка. Во-вторых, я никакой не специалист по женским сумочкам. А в-третьих, Ань, ты же понимаешь, у нас с Сашкой вообще ничего такого нет. Чем мы можем порадовать Анхесенамон? А у тебя как у женщины непременно найдётся что-нибудь интересненькое для нее. Губная помада, крем-пудра, духи …

— Стоп! — остановил его Саша. — Духи! Конечно, духи. Здешние дамы просто помешаны на них. И если у тебя есть духи?, да ещё с необычным для них ароматом, — это будет лучшим подарком.

— Ну, уж нет, — надула губы Аня. — Свои духи я никому не отдам.

— А какие у тебя? — спросил Ваня.

— «Шанель № 5».

— Классика! — засвидетельствовал Ваня. — Это то, что нам нужно! Дай-ка понюхать.

Аня с неохотой полезла в корзину, где лежала её косметичка

и, покопавшись немного, скорее для виду, вытащила изящный прямоугольный флакончик своих любимых духо?в. Она уже поняла, что придётся с ними расстаться. И конечно, ради общего дела была готова к этому — просто кокетничала по привычке.

— О, да это спрэй! — восхитился Ваня. — Точно будет волшебный подарок!

Он осторожно понюхал, словно боялся вытянуть носом весь флакончик, и с удивлением поведал:

— У-у! Знакомый запах. Ань, ты всегда пахнешь этими духа?ми. И по ним я могу узнать тебя с закрытыми глазами.

— Если только другая девушка не подушится такими же, — съязвила Аня.

— Все равно узнаю, — упрямо повторил Иван, — у тебя они особенные. Потому что тебе они по-настоящему идут. В отличие от той цветочной дряни, которую прислал твой тайный воздыхатель. У него совсем нет вкуса.

— И запаха, — скаламбурил Саша.

Аня хмыкнула и протянула флакончик ребятам.

— Берите. Но когда вернёмся домой, вы с Ванькой купите мне точно такие же.

— Нет, — сказал Ваня, — мы купим флакон в пять раз больший. Договорились?

Саша подошёл к Джедхору и показал ему, как из стеклянного пузырька вырывается тончайшая струйка изысканного аромата. Казалось, вся комната заблагоухала.

— Подойдёт такой подарок владычице? — скромно спросил Саша.

Джедхор был в восторге:

— О, какое чудо! Никогда не видел и не обонял ничего подобного. А какая поразительная форма у флакона! И что за знаки здесь нанесены? Сразу видно, не наши мастера делали. Я просто уверен, что этот подарок восхитит царицу. Да будет она жива, невредима и здорова!

Джедхор положил драгоценный дар рядом с другими и подал корзину ребятам. Затем он стал рассказывать Саше, как надо обращаться к владычице, как вести себя во дворце, в частности, что следует говорить и чего не стоит произносить ни в коем случае. Пришлось из вежливости послушать, хотя, конечно, всё это он проходил не раз в своей прошлой жизни и теперь уже в подробностях вспомнил, и даже друзей успел проинструктировать в необходимых для них пределах, но… уж играть роль чужестранца — так до конца.

Вошел слуга и доложил, что сопровождающие от владычицы прибыли.

— Да помогут вам боги! — сказал на прощание Джедхор. — Я буду молиться за вас. Не знаю, сколько времени вы проведёте во дворце, но надеюсь, к ночи или к завтрашнему утру получу хотя бы весточку от вас. А лучше приходите обратно, если, конечно, владычица не захочет оставить вас во дворце в качестве своих гостей.

— Мы постараемся так договориться, чтобы свободно выходить из дворца в любое время, — пообещал Саша. — Если Анхесенамон прочтет письмо, думаю, она предоставит нам полную свободу передвижений.

— Если этому не воспрепятствует Аи, — засомневался Джедхор.

— Посмотрим, — ответил Саша. — Мы постараемся не навлечь на себя никаких подозрений. В общем, будем действовать строго по плану.

Они вышли на улицу в сопровождении слуг царицы. И вдруг — буквально от ворот не успели отойти — к ним подбежал какой-то мальчишка и, сунув письмо в руки, быстро скрылся в соседнем переулке.

Ребята раскрыли аккуратно свёрнутый папирус. Слуги не посмели заглядывать им через плечо, хотя один из сопровождавших явно очень заинтересовался. А письмо было написано иероглифами, и прочесть его, конечно, мог только Саша:

«Если вы хотите получить то, что у вас украли, вы должны принести из дворца флакон с духа?ми, который сегодня был подарен владычице. Флакон из прозрачного алебастра с крышечкой в виде распустившегося цветка лотоса. Если вы добудете эти духи? и принесёте в условленное место, о котором мы сообщим позже, то получите свою вещь обратно в целости и сохранности. Но, предупреждаем, в это место вы должны прийти одни, иначе обмена не будет. Мы знаем, что только вы можете добыть этот флакон, все говорят, что вы великие маги».

Ребята в недоумении смотрели друг на друга.

— Что это значит? — спросила Аня.

— Все очень просто, — Ваня был невозмутим, — мы должны украсть у царицы ее духи.

— Странно, — задумался Саша. — Почему они думают, что именно мы сможем сделать это? И вообще, что это за духи? такие? Ничего не понимаю. Они тут все задвинулись на духах!

— Что ж это получается? — возмутилась Аня. — У нас украли «Фаэтон» с одной единственной целью — добыть во дворце у

владычицы какой-то паршивый флакончик!

— Не стыкуется, — возразил Саша.

— Что не стыкуется? — не поняла Аня.

— У нас украли «Фаэтон» вчера, а духи Анхесенамон — они сами пишут — подарили сегодня, и мы только сегодня узнали, что идём во дворец. Просто какие-то ясновидцы, а не воры!

— У меня уже голова кругом, — вздохнула Аня. — Эти египтяне действительно, что ли, ни о чем, кроме духов, думать не могут? Один дарит и просит, чтобы я непременно подушилась именно сейчас, другие требуют, чтобы мы выкрали духи из дворца. Да и мы сами несём в подарок владычице не что-нибудь, а именно духи. Меня уже мутит от этой круговерти запахов.

— Да уж, есть наука одорология, и есть аромотерапия, а это какая-то одоромания с аромопаталогией пополам, — проворчал Ваня.

— Вообще-то, — поведал Саша, — в моей прошлой жизни такого не было. Да, египтяне любят всякие масла и благовония, но чтобы вот так, до фанатизма… — он развёл руками. — Здесь что-то не чисто. Ладно, что делать будем?

— Как что? — сказал Ваня. — Конечно, красть эти злосчастные духи. Есть другие варианты?

— Давайте покажем это странное письмо Джедхору, — предложил Саша. — Может, он догадается, в чем тут дело.

И они быстро вернулись в дом, благо отошли недалеко.

— Я думаю, воришка украл у вас волшебную шкатулку по заказу неких людей, — сказал Джедхор, вертя в руках папирус. — Не сам же он написал письмо. Но мы его найдём, и он расскажет, кто эти люди.

А слуги Анхесенамон, оставшиеся на улице, уже выражали крайнее нетерпение, когда чужеземцы вновь вышли из дома.

— Теперь придется очень спешить во дворец, — объяснили они. — Владычица не может никого ждать.

Глава 39
ВО ДВОРЦЕ

Великолепный Фиванский дворец, куда шли в сопровождении дворцовых слуг трое чужеземцев, располагался рядом с Большим храмовым комплексом Амона. От любопытных глаз дворец скрывала высокая кирпичная стена, покрытая белой штукатуркой и богато разукрашенная рельефами и разноцветными росписями. Ребят подвели, конечно, центральному входу. Это были огромные ворота из дорогого ливанского кедра, отделанные золотом, с ликом Амона наверху, и открывались они для посетителей после того, как великий визирь отдавал соответствующее распоряжение. Перед входом высились кедровые же флагштоки, на которых развевались синие и белые царские флаги.

Воины, охранявшие главный вход, подозрительно оглядели необычных посетителей и пропустили их лишь после того, как сопровождающие представили грамоту с печатью владычицы.

Пройдя ворота, ребята оказались во внутреннем дворе и невольно остановились, увидев прямо перед собой дворец — величественное квадратное сооружение в несколько этажей с простой плоской крышей. Главным тут был фасад, смотревший как раз в сторону ворот. Его резные колонны с роскошными капителями, яркие росписи и рельефы на фризах вносили благородное изящество в простую квадратную форму дворца и делали все здание в целом настоящим архитектурным шедевром.

К середине фасада пристроен был богато расписанный балкон, поддерживаемый колоннами в форме стеблей папируса. Его называли окном появлений. Сюда фараон вместе со своей женой выходил во время церемоний или для награждения фаворитов. Получение царских наград становилось настоящим праздником. Тех, кто удостоился высочайшей милости, заранее предупреждали об этом, и претенденты на награду специально готовились. В этот день они выходили из дому, облачившись в лучшие одежды, и усаживались в празднично убранные колесницы. Запряжённые по такому случаю лошади украшались перьями и лентами. Все слуги и соседи выстраивались у дверей, чтобы проводить во дворец своего хозяина, удостоенного царской милости.

Подъехав к дворцу, счастливчик оставлял колесницу на специально отведённой площадке, а сам шёл во внутренний двор и становился вместе с другими претендентами на награду под окном появлений. Празднество начиналось. Фараон с супругой

выходили на балкон, позади них стояли слуги и держали ларцы со всевозможными дарами. Это были ожерелья, браслеты, золотые чаши и прочие драгоценности. По мере надобности слуги подносили новые ларцы. А все, кто ждал награды, выстраивались в очередь, и вельможа, отвечающий за церемонию, каждого лично подводил к балкону. Претендент, поприветствовав фараона и его супругу, произносил обязательную хвалебную речь в честь царственных особ. Затем владыка милостиво хвалил и одаривал своего подданного, бросая с балкона причитавшиеся тому награды. Счастливчик подхватывал их на лету, слуги помогали ему. И надев на себя то, что можно было надеть, а остальное неся в руках, сам или с помощью слуг, одаренный шёл к выходу. Писцы, сидящие возле балкона, добросовестно записывали, кто, что и сколько получил. А за пределами дворца ликующая толпа встречала награждённого шумом, криком и пением и сопровождала до дома, где за щедро накрытым столом его уже ждали жена, дети и друзья.

Но вот уже больше двух месяцев никто не выходил на балкон, никто не одаривал своих слуг подарками, новыми званиями и почестями. Во дворце соблюдался траур, и все праздники были отменены.

Миновав внутренний двор, куда выходило окно появлений, ребята оказались в переднем зале дворца, поражавшем прежде всего высотой своих потолков.

— Такое впечатление, — сказал Ваня, — что здесь живут люди трёхметрового роста.

Действительно, под этими сводами человек ощущал себя маленькой, жалкой букашкой. Он терялся на фоне огромных скульптур фараона, украшающих передний зал, и таких же огромных настенных рельефов и росписей, изображающих владыку гигантом. Казалось, грозный повелитель Двух Земель, смотрящий с дворцовых стен, может легко растоптать вошедшего. Конечно, скульпторы и художники, изображая владыку, как раз и добивались этого эффекта, напоминая, что фараон не только могущественный повелитель, но и воплощение бога Хора на Земле.

Аня и Ваня, войдя в зал, так растерялись при виде всего этого, что инстинктивно прижались друг к другу. И только Саша был совершенно спокоен и покосился на друзей с невольным чувством превосходства.

Из переднего зала, слуга повёл чужеземцев на второй этаж. Там они долго шли коридором, за стенами которого с обеих сторон, располагались внутренние покои фараона, его супруги,

визиря и других знатных вельмож. Все эти помещения были разделены большими холлами, соединенными с коридором. Сами же покои представляли собой анфиладу комнат, куда входили спальня, гостиная, обеденная, ванная и, конечно же, тронный зал, если речь шла о покоях фараона или его царственной жены.

Сопровождающий вёл ребят по длинному коридору, и бесконечные слуги, обгоняя их или идя навстречу, непременно провожали гостей любопытными взглядами. А знатные дамы и вельможи, встретив столь необычных посетителей, даже останавливались и начинали перешёптываться между собой. Наконец, коридор вывел их в просторный холл. С правой его стороны был вход в покои фараона, а слева за изящными резными дверями находились апартаменты владычицы. Около её дверей толпились слуги и вельможи. Сопровождающий попросил ребят подождать немного, а сам вошёл в покои царицы с докладом.

Надо сказать, что второй этаж дворца, где располагались комнаты владык и знатных вельмож, были оформлены гораздо веселее, чем залы на первом этаже. Потолки и стены, расписанные более ярко, изображали сцены из реальной жизни. Например, все росписи длинного коридора были посвящались охоте. Анюте лучше других запомнилась сцена охоты на водоплавающих птиц. Уж больно здорово нарисовано! На небольших лодках средь зарослей папируса прячутся стрелки?, они выслеживают дичь. Вместе с ними на лодках неподвижно сидят кошки, которые нужны для вспугивания птицы. Дикие утки спокойно плавают, не замечая охотников. А на другой картине рядом утки уже вспорхнули с поверхности воды, и меткие стрелки?, натянув тетиву луков, выпустили свои стрелы в перепуганных птиц.

А Ваня как самую эффектную картину отметил сцену охоты на крокодилов и гиппопотамов. Одна команда охотников стояла на лодке с гарпунами, другая — держала в руках сети и канаты…

Внутренний холл, разделяющий личные покои фараона и его супруги, где сейчас в ожидании стояли ребята, тоже был изумительно оформлен. Стены его глубокого зелёного и синего тонов украшали словно парящие в воздухе разнообразные диковинные птицы и цветы. С высокого потолка будто свешивались искусно нарисованные виноградные лозы. На резных столиках с ножками в виде львиных лап стояли великолепные алебастровые вазы с цветами, кувшины и чаши всех размеров, сделанные из золота, серебра или фаянса. На других столиках — золотые и деревянные статуэтки богов, бронзовые подсвечники и прочие милые пустяковины, без которых любой интерьер не будет законченным и уютным.

Большое окно холла выходило в сад, открывая взору чудесные виды. Вдалеке — огромный водоём, вокруг — ухоженные лужайки, множество разнообразных деревьев, клумбы с яркими цветами — действительно глаз не оторвать от подобного великолепия! Ребята так загляделись, что и не заметили, как открылась высокая дверь в покои царицы. Слуга, вежливо поклонившись, попросил их войти.

Ваня, Саша и Аня проследовали через анфиладу комнат, каждая из которых являла собою настоящий парад шедевров. Стены апартаментов были выложены разноцветными изразцами с преобладанием синего цвета и рисунками по ним золотом. Полы ярко разрисованы изображениями животных и птиц. Великолепные ковры висели на стенах и лежали на полу вперемежку с циновками искуснейшего плетения. Мебель, вазы, светильники — буквально всё ослепительной красоты.

И вот, наконец, они в трапезной. Небольшие столики с яствами стояли полукругом, вокруг сидели — кто на подушках, кто на маленьких табуретках — дамы, фаворитки правительницы. И на некотором возвышении большой богато накрытый стол, во главе которого восседала сама владычица. А за спиной — слуги, обмахивающие её большим опахалом из страусовых перьев, и служанки, готовые тут же исполнить любой приказ повелительницы.

Войдя в трапезную, ребята опустились на колени, и Саша произнёс, как полагалось, традиционные восхваления великой правительнице Двух Земель:

— Божественная владычица, любимица богов! Да будет благословенно имя твоё! Мир тебе, здоровье и могущество!..

И после приветствия передал слуге изящный резной ларец с подарками. Тот поднёс ларец Анхесенамон и раскрыл его. Вынимая одну вещь за другой, слуга показывал их царице, и та в знак одобрения кивала головой. Когда же он достал необычный флакончик с духа?ми, то в замешательстве посмотрел на троих чужеземцев.

— Что это? — спросила Анхесенамон.

— Это самые лучшие благовония, божественная правительница! Таких в вашей великой стране еще не было. Самый тончайший аромат. Мы надеемся, что он понравится владычице.

Анхесенамон с сомнением взяла в руки небольшой квадратный флакончик, внимательно рассмотрела его, затем передала слуге и велела открыть сосуд, чтобы понюхать содержимое. Слуга повертел флакончик в руках и виновато произнёс:

— О, великая повелительница, я не могу его открыть.

— О, божественная владычица, — заговорил Саша, — если мне будлет дозволено, я покажу, как надо пользоваться этими духа?ми.

Анхесенамон, в знак согласия, кивнула головой.

Слуга подошёл к Саше, протянул ему флакончик и подвёл к столу повелительницы.

Саша привычным движением нажал на распылитель и по комнате распространился изысканный аромат духо?в.

Анхесенамон улыбнулась. Ей очень понравился запах, а ещё больше — любопытная конструкция пузырька.

Саша объяснил слуге, как надо пользоваться устройством и, поклонившись, вернулся на своё место.

— Необычная вещица! — восхитилась Анхесенамон. — Вижу, в вашей стране делают поистине чудесные предметы. Я хочу побольше узнать о ней.

Затем она обратилась к слуге:

— Проводи гостей к столу и подай им самые лучшие кушанья.

Слуга в точности исполнил повеление, и друзья, усевшись на мягкие подушки, с волнением стали ждать дальнейших расспросов.

— Я слышала, вы прибыли издалека, — начала Анхесенамон. — Где находится ваша земля? Кто в ней правит?

Саша стал рассказывать заранее заготовленную версию. Он коротко изложил, что страна, где они живут, находится так далеко на севере, что дорога туда займёт несколько лет. Он также сказал, что страна эта существует обособленно от других. Путь туда крайне опасен, так как территорию вокруг занимают воинственные народы, обитающие в горах. О жизни в далёкой стране он поведал в самых общих чертах, не сказав ничего лишнего и максимально приблизив её к привычной жизни в Великой Та-Кемет. Единственно о чём он подробно рассказал, так это о флоре и фауне своей родины. Это была безобидная тема, выдумывать ничего не требовалось. В итоге история получилась достаточно яркой, но правдоподобной. Люди на их земле живут самые обыкновенные, от египтян отличаются только цветом кожи, волос и одеждой. Политическое устройство — почти такое же. Короче, ничего сверхъестественного. Ребята так и договорились: не надо пробуждать особого интереса к их далекой родине. Историями о «диковинных» животных и природных явлениях можно разнообразить повествование, но от более сущетсвенной информации решили воздержаться. Мало ли что… Вдруг этот рассказ занесут в египетские хроники и потом, через тысячелетия,

несчастные историки будут искать несуществующую страну. Не так ли возникла, например, библейская легенда о загадочной земле Офир, откуда привозили золото, драгоценные камни и красное дерево для царя Соломона и откуда, возможно, была родом царица Савская? Или другой миф — о бесследно исчезнувшей, таинственной Гиперборее…

Анхесенамон с интересом слушала рассказ чужеземцев, и когда Саша закончил, спросила:

— Говорят, что вы великие маги и чародеи. Это правда?

Саше не терпелось сказать, что слухи об их магических способностях несколько преувеличены, но, подумав, он все-таки решил не разочаровывать владычицу.

— Мы, конечно, обладаем некоторыми особыми знаниями, — скромно произнёс он, — но вряд ли можем сравниться с вашими магами.

— Ваша скромность делает вам честь, — улыбнулась Анхесенамон. — Было бы интересно устроить состязание в мудрости и магии с нашими оракулами. Но сейчас это, к сожалению, невозможно. У нас траур, — и она тяжело вздохнула. — Однако я слышала, что вы знаете много увлекательных историй и сказок.

— Истинно так, божественная владычица, — поклонившись, произнёс Саша.

— Желаю послушать хотя бы одну из них, — сказала Анхесенамон.

«Если они действительно прекрасные рассказчики, — решила Анхесенамон, — а их истории и вправду необычны и удивительны, значит, меня не обманули и в том, что они маги. Возможно, эти молодые люди просто очень скромны, поначалу каждому нелегко бывает в чужой стране. Послушаю их рассказы, а там видно будет».

Глава 40
ЯБЛОКО РАЗДОРА

Саша уселся на подушках поудобнее и начал свой рассказ:

— У дальних берегов великого моря раскинулся необычайно красивый и богатый город Троя. Правил там мудрый царь Приам. Когда у его жены, царицы Гекубы, родился сын, счастливые родители решили узнать у оракула, что ждёт их ребенка в будущем, ведь знать, что ждёт тебя впереди, всегда было заветным желанием смертных. А к тому же, царица Гекуба перед самым рождением сына видела странный сон — будто бы сын её родился из пламени. Предсказатель грустно взглянул на царя и молвил: «Твой сын, повелитель, станет причиной гибели Трои». У царя Приама дрогнуло сердце. «Ты говоришь правду, предсказатель?» — спросил он гневно. «Мужайся! — ответил оракул. — Ибо предстоит тебе оплакивать землю, откуда ты родом. Отнимет Бог царство из рук твоих и не достанется оно никому из смертных». Приам был удивлён последними словами оракула, но просить разъяснений не стал, он был слишком взволнован услышанным. Опечаленные родители вернулись во дворец. После долгих разговоров и споров царь Приам принял единственное, по его мнению, правильное решение — избавиться от сына. Париса — так звали сына царя Трои — отнесли в горы и оставили на съедение хищным зверям. Однако мальчик выжил: его вскормила медведица, а потом воспитали пастухи.

Прошли годы. Парис стал красивым статным юношей, сильным и ловким. И вот однажды, когда он пас овец в горах, ему встретились три красивейшие богини: Афродита — богиня любви и красоты, Гера — жена самого главного бога Зевса и Афина — богиня мудрости. Три богини оживлённо спорили о чём-то между собой. Они кричали, ссорились, что-то доказывая друг другу. Парис подошёл к ним и поинтересовался, о чём вышел спор. Гера показала золотое яблоко, на котором было написано: «Самой красивой». (Это золотое яблоко подсунула им богиня раздора Эрида, обидевшаяся на то, что её не пригласили на пиршество богов). Афродита, Гера и Афина посовещались между собой и решили, что рассудить их должен Парис. Он выберет самую красивую из них и отдаст ей яблоко. Парис, услышав решение богинь, растерялся. Перед ним стояли три красавицы, одна прекраснее другой. Он не знал, кому отдать предпочтение. Тогда каждая из богинь предложила ему подарок. Гера пообещала Парису власть над великим множеством городов, где её

почитают. Афродита пообещала, что он получит в жёны самую красивую из смертных женщин — принцессу Елену, дочь царя города Спарты. Правда, Прекрасная Елена уже была замужем, но для всесильной богини и это не являлось преградой. А Афина — победу в любой битве и бессмертную славу героя…

Тут Саша прервался и замолчал. Все в ожидании смотрели на рассказчика. Чужеземец улыбнулся и обратился с вопросом к владычице:

— Кому же отдал Парис золотое яблоко?

Анхесенамон, слушавшая рассказ с большим интересом, ответила сразу, не раздумывая:

— Я бы на месте Париса, без сомнения, отдала яблоко Гере, которая пообещала власть. Что может быть лучше? — и она посмотрела на знатных дам, сидевших за маленькими столиками вокруг царицы.

Те закивали головами и в один голос ответили, что великая повелительница права.

Анхесенамон обратила свой взор на чужеземца.

— А что выбрал Парис? — спросила она.

— Парис выбрал подарок богини любви Афродиты. Как верно заметила великая владычица, предложение Геры был бы самым подходящим из всех. Но Парису дар Афродиты понравилось больше, хотя та предлагала ему чужую жену.

— Какой неразумный юноша, — покачала головой Анхесенамон. — И что же было дальше?

— Парис отдал золотое яблоко Афродите, чем, разумеется, навлёк на себя гнев двух других богинь. Прошло время, и он узнал, не без помощи Афродиты, конечно, что является сыном царя Трои Приама. И, придя в Трою, был признан своими родителями. Он остался жить во дворце. Прошло ещё немного времени, и царь Приам послал своего сына Париса послом в Спарту, где жила Прекрасная Елена. А надо сказать, что царь Приам ничего не знал о подарке Афродиты, иначе бы он не стал искушать судьбу. Прибыв в Спарту, Парис был представлен Прекрасной Елене и… сражён её необыкновенной красотой. Говорят, даже боги завидовали ей. А все мужчины, раз увидев красавицу, уже никогда больше не могли забыть её. Юноша вспомнил о подарке, который ему пообещала Афродита и подумал: «Я непременно должен получить Елену в жёны». И Афродита не забыла о своём обещании, хотя выполнить его было трудно, ведь Елена любила своего мужа Менелая. Она сама выбрала его себе в мужья. Афродита ждала подходящего случая. И вот, когда Менелай уехал из Спарты по важным делам, Афродита, проникнув в комнату к Елене, убедила её бежать с

Парисом. Как она смогла это сделать, остается загадкой. Но ведь на то она и великая богиня! Богиня любви. Коварство, хитрость и немного волшебства — вот и всё… Парис бежал в Трою с красавицей Еленой. Менелай, вернувшись во дворец и, узнав о коварстве Париса, пришёл в ярость. Он решил непременно наказать неблагодарного гостя и вернуть себе принадлежащую ему по праву Елену.

Саша еще раз прервал свой рассказ. Дальше должна была рассказывать Аня, ведь ребята договорились, что каждый из них расскажет свою историю, иначе их тройственный союз потеряет смысл. Анхесенамон с нетерпением ждала продолжения, и Саша передал слово девушке, объяснив, что так у них принято: вторую часть всегда рассказывает дама — Анна, а третью их друг Иван. Оба, к сожалению, не знают здешнего языка, поэтому Александр сам будет переводить.

— Итак, Менелай решил отомстить обидчику и вернуть себе красавицу жену, — напомнила Аня, на чем закончил Саша. — Но у него не было достаточно сил, чтобы вступить в борьбу с вероломным гостем, и тогда он решил созвать всех царей соседних городов, чтобы выступить в поход против далёкой Трои. Менелай напомнил им о клятве, некогда данной друг другу, в то время все они были женихами Прекрасной Елены. А дело было так. Когда Елена выросла, слава о её красоте разнеслась по всей земле. Множество женихов приезжали свататься к красавице, но она всем отказывала, боясь, что может начаться распря между ними, а то и кровавая борьба. Выход нашёл хитроумный Одиссей, царь Итаки, который тоже был соискателем руки и сердца Елены. Он посоветовал собрать всех женихов и потребовать с них клятву, что они не станут ненавидеть того, кого выберет сама Елена, а наоборот, придут к нему на помощь, если потребуется. Женихи согласились с этим решением и дали клятву верности друг другу. После этого Прекрасная Елена объявила, что пойдёт замуж за Менелая. Итак, Менелай собрал всех соседних царей, чтобы идти войной на Трою. Сотни кораблей отплыли к далёким берегам. После нескольких дней пути вдали показались берега Трои. Воинство Менелая рассчитывало нанести по врагу неожиданный удар, но, приблизившись к берегу, они увидели, что их ждёт армия троянцев во главе со старшим сыном царя Приама — Гектором. Войско Гектора не шло в наступление, а поджидало, когда воины Менелая сойдут на берег. Однако воины почему-то медлили. И дело было вовсе не в трусости, а в том, что ещё перед отплытием в далёкую Трою, оракул предсказал им: «Первый, кто ступит на землю Трои, погибнет».

Аня остановилась и обратилась с вопросом к

присутствующим:

— Положение, в которое попали воины Менелая, казалось, безвыходным. Никто не хотел умирать, ещё не сразившись с врагами, но и оставаться на корабле было нельзя. Как же они поступили?

Анхесенамон и все знатные дамы задумались. Вопрос оказался трудным, но решение должно было найтись обязательно.

И пока присутствующие все вместе, советуясь друг с другом, думали, как поступить воинам Менелая, Анхесенамон предложила Саше и Ане немного подкрепиться, они с удовольствием отведали разных блюд и даже успели похвалить повара за прекрасно приготовленный обед. Ваня, в отличие от них, давно уже всё попробовал и тоже остался вполне доволен угощением.

Наконец Анхесенамон подняла руку вверх, и все тут же замолчали.

— Я думаю, — сказала владычица, — что воины Менелая должны были обратиться к магам, чтобы те защитили их от опасности. Маги своими заклинаниями сделали бы так, чтобы пророчество оракула не сбылось.

Саша, Ваня и Аня переглянулись, раздумывая над ответом Владычицы.

— Конечно, — осторожно произнесла Аня, — они бы могли поступить так, но на кораблях не было ни одного мага… Зато нашёлся один храбрец. Одиссей, чтобы увлечь за собой воинов, прыгнул с корабля первым. Однако никто не заметил, что, прежде чем сойти на берег, он бросил на песок свой щит. И таким образом, первый шаг был сделан не на землю, а на щит. Он обманул судьбу. А бросившийся вслед за ним юноша ступил на песок, и судьба взяла реванш. Юноша был сражён копьём Гектора. Битва началась. И хотя смелые троянцы дрались как львы, перевес был на стороне войска Менелая. В итоге, после непродолжительного боя, троянцы вынуждены были укрыться за стенами города. Воины Менелая пришвартовали корабли и разбили военный лагерь на берегу.

Девять лет тянулась осада Трои. Время от времени вспыхивали бои, но ни та, ни другая сторона не одерживала верх. Троя стояла незыблемо. Тогда царь Менелай решил уладить дело миром. Он пришёл в осаждённый город и попросил вернуть Елену. Он сказал, что если получит свою жену обратно, воины уйдут, не причинив вреда Трое. Елена тоже была не против, она поняла свою ошибку и очень раскаивалась. Даже народное собрание согласилось на это условие. Однако царевич Парис воспротивился, в чём его поддержал брат Гектор. И война

продолжилась.

Боги долго наблюдали, как сражаются воины Менелая с троянцами, и богиня Афина, вспомнив давнюю обиду на Париса, решила помочь Менелаю. Она наградила одного из его воинов несокрушимой силой и способностью видеть во время сражения бессмертных богов. Однако сказала воину, чтобы он не вступал в битву с богами, кроме Афродиты, той богини любви, которой Парис отдал золотое яблоко. Воин, наделённый силой и храбростью, бился как лев. Удары его копья беспощадно разили троянцев. На помощь троянцам бросилась Афродита, но воин из армии Менелая ранил её в руку, и та вынуждена была покинуть поле битвы. Почти все небесные властители вмешивались в ход войны. Одни вдохновляли троянцев, другие были на стороне Менелая.

Гера, вторая обиженная богиня, тоже принимала горячее участие в битвах, но, разумеется, без оружия. Она переманивала богов, которые были за Трою, на сторону Менелая. Скоро великому Зевсу надоела эта бесконечная война, тем более что боги все перессорились между собой. И тогда Зевс, собрав небожителей, велел им больше не вмешиваться в ход Троянской войны, а того, кто ослушается, пригрозил отправить в Тартар — бездонное, мрачное, полное вечной тьмы подземелье.

Аня замолчала и передала слово Ване.

— Итак, троянцы и воины Менелая, уже без вмешательства богов, продолжали сражения. Война немыслимо затянулась, воины Менелая уже начали бояться, что не смогут взять Трою. И тогда Одиссей, не желавший мириться с мыслью о поражении, задумал хитрость. Он решил, что есть только один способ победить в войне — обманным путём проникнуть в город и открыть ворота. По его плану воины Менелая стали спешно сооружать огромного деревянного коня, полого внутри, в брюхе которого должны были спрятаться несколько воинов. Троянцы со стен крепости с изумлением наблюдали за строительством. И вот, когда конь был сделан, корабли Менелая стали готовиться к отплытию. Хитрый Одиссей выбрал одного из воинов и поручил ему важное задание: после того как корабли отплывут от берега, он должен попасть в Трою и уговорить троянцев втащить коня в город. Воин сделал всё, как сказал ему Одиссей. Он велел поколотить себя и весь избитый, в ссадинах, направился к стенам города. В это время корабли Менелая уже покинули берега Трои, но… ненадолго.

Троянцы праздновали победу. И тут в главные ворота постучался человек. Это был тот самый воин. Троянцы сжалились над несчастным и впустили его. Тот рассказал, что бывшие

товарищи жестоко избили его и хотели принести в жертву богине Афине, но ему удалось бежать. Затем он добавил, что надеется отплатить им за причинённое зло. «Вот видите, — сказал хитрый воин Менелая, — на берегу остался конь. Его соорудили в дар богине Афине. Перед отплытием кораблей я слышал, как один из воинов говорил, мол, если вдруг троянцам придёт в голову втащить коня в город, разразится страшная буря и все корабли Менелая погибнут, не добравшись до берегов родины». Долго спорили троянцы, что же делать с конём. Дочь царя Приама Кассандра, обладающая даром предсказания, сказала, чтобы троянцы не трогали коня, но ей никто не поверил.

Ей вообще никто и никогда не верил, хотя все её предсказания сбывались. Так сбывалось проклятие Аполлона — бога гармонии, бога-прорицателя, бога вдохновения и покровителя муз. Кассандра была жрицей в его храме Аполлона. Бог очень любил служительницу и наделил её даром предсказывать будущее. Но Кассандра не ответила ему взаимностью, и вот тогда разгневанный Аполлон наказал её.

Когда Парис привёз из Спарты Елену, Кассандра умоляла царевича вернуть жену Менелаю: в противном случае с городом случится беда. Но никто не поверил. Не поверили ей и сейчас, когда она со слезами на глазах умоляла не втаскивать коня в город. И вот троянцы, поверившие хитрому воину и не желавшие своим врагам ничего, кроме смерти, бросились на берег моря и притащили огромного деревянного коня в город. Наступила ночь. В Трое все спали глубоким сном. Им больше не нужно было волноваться. Менелай со своим войском отплыл, и теперь Троя свободна. Однако на самом деле всё оказалось иначе. Воины Менелая тихо вернулись к берегам Трои и спрятали корабли за маленьким островом, что находился неподалёку от ненавистного города. Сами же, ступив на берег, вернулись к месту десятилетней стоянки. В это время Одиссей и ещё несколько воинов, сидевших внутри деревянного коня, вышли и открыли городские ворота, впустив в Трою войско Менелая. Троянцы были застигнуты врасплох. В этой последней битве они потерпели поражение. Одних убили, других взяли в плен и в качестве рабов отправили за море. Лишь немногим удалось спастись. Старого царя Приама убили прямо в храме Зевса во время молитвы. Его жена Гекуба стала рабыней Одиссея. А Париса и его брата Гектора вообще убили раньше, ещё когда боги вмешивались в Троянскую войну. Плененную Кассандру отправили наложницей в чужую далёкую страну. Менелай вновь обрёл любимую жену и увёз её в Спарту. А город Трою сожгли дотла. Так сбылось предсказание оракула о том, что сын троянского царя станет причиной гибели

своего родного города.

Анхесенамон, помолчав немного, грустно произнесла:

— Мне жаль правителя Трои… да и его жену тоже. А Париса мне совсем не жаль. Он поступил слишком опрометчиво. Он — будущий владыка, и поэтому должен был, прежде всего, думать о родном городе, а не о своих желаниях. Как он смел поступить так с Менелаем, который, как брата, принял его в своём дворце? Зачем Парис посягнул на чужое?.. Телом и жизнью управляет сердце, — назидательно произнесла Анхесенамон, — а сердце Париса не дрогнуло, когда городу угрожала опасность. Им двигали личные желания, исполнение их было для него важнее спокойствия и благополучия его подданных. Надо всегда следовать велению своего сердца, и тогда твоё имя останется прекрасным навеки… История, рассказанная вами, очень интересна и поучительна. Она понравилась мне, и я хочу одарить вас своей милостью, чужестранцы.

Анхесенамон повернулась к одному из слуг и сказала:

— Принеси мне шкатулку даров.

Слуга незамедлительно исполнил приказ. Царица открыла шкатулку и достала оттуда три нагрудных золотых ожерелья. Положила их на золотой поднос в руках прислужника, и тот быстро-быстро направился к чужеземцам. Затем помог им надеть подарки и вернулся на своё место.

Когда процедура одаривания была закончена, владычица встала и удалилась в соседнюю комнату в сопровождении слуг и служанок. Это означало, что обед закончен. Придворные дамы спешно поднимались со своих мест, искоса поглядывали на чужеземцев и расходились каждая по своим делам. Вскоре обеденный зал почти опустел.

Друзья были в отчаянии. Они не только не смогли передать письмо, но даже про духи ничего не узнали. Что теперь делать? Идти обратно к Джедхору? Владычица так неожиданно удалилась, даже не сказав, желает ли она видеть их вновь. Ребята растерянно сидели за своим столиком, не зная, что и предпринять. Уже почти все гости разошлись, очевидно, им тоже пора было подниматься.

— Ну, надо же, какая ерунда! — Ваня весь кипел. — Анхесенамон ушла и даже не удостоила нас аудиенции. Мы тут, как дураки, выкладывались перед ней, а она? Просто встала себе и ушла!

— А кто мы такие, чтобы уделять нам слишком много внимания? — рассуждал Саша. — Глупо было рассчитывать на это. Если она захочет видеть нас вновь, пришлёт кого-нибудь из слуг. Но захочет ли? Вот вопрос. И вообще, я не понимаю, как Джедхор представлял себе передачу письма? Он что, никогда во

дворце не был?! Вокруг царицы столько прислуги и придворных!..

— Он, вероятно, думал, — предположила Аня, — что мы будем использовать колдовство.

— Ага, — кивнул Ваня, и перевел на более современный язык: —Телепортируем письмо из своего кармана в карман Анхесенамон.

— Да у них тут и карманов-то никаких нет, — задумчиво проговорил Саша.

— Какая разница! — Ваня был ужасно расстроен. — Факт остаётся фактом: нам ничего не удалось. Может, попросим кого-нибудь из слуг, а? — но тут же сам и раскритиковал эту мысль. — Нет! Слишком опасно. Джедхор говорил, что у них повсюду шпионы Аи, подслушивают, подглядывают, потом доносят визирю… Конечно, у владычицы есть верные слуги, но мы же не знаем, кто именно… Слушайте! — новая идея посетила Ваню. — А может, пока мы здесь, хоть духи эти, будь они неладны, поищем.

И он огляделся по сторонам, надеясь увидеть флакон с крышкой в виде цветка распустившегося лотоса. Аня и Саша тоже невольно начали озираться.

— Пустое, — сказал Саша. — Все духи? и благовония запираются на замок. Это слишком дорогие вещи.

— Так надо было спросить о них у царицы, — проворчал Ваня, — а не трещать бесперечь про Менелая и Одиссея.

— Ты что, совсем ку-ку? — Аня покрутила у виска пальцем и тут же изобразила, как это должно было выглядеть: — Великая владычица, отдайте нам духи, которые вам подарили сегодня утром, — захныкала она голосом попрошайки в метро, — они нам очень-очень нужны, а мы вам за это еще одну сказочку расскажем. Так, что ли?

И они все трое рассмеялись. В конце концов, сколько можно расстраиваться?

— Ладно, — вставая с мягких подушек, Саша по-деловому подвел черту. — Надо топать домой. Надеюсь, нас хоть проводят до главных ворот.

В зале уже никого не было. Они вышли из-за стола и двинулись к выходу. Но тут не весть откуда взявшаяся служанка приблизилась к ним и быстро шепнула:

— Владычица ждёт вас в своих покоях. Следуйте за мною в десяти шагах, не привлекая внимания.

И она, обогнав друзей, направилась вперёд по коридору.

Ребята в недоумении переглянулись. К чему такая таинственность? Впрочем, шпионы же кругом… Но главное, это было намного лучше, чем уйти ни с чем. У них появился шанс

выполнить просьбу Джедхора, а возможно, и заполучить духи.

Глава 41
СТРАШНЫЙ СОН

Проходя по длинному коридору, служанка вдруг остановилась, огляделась по сторонам и, убедившись, что никого нет, кроме чужеземцев, надавила на стену, где были нарисованы те самые понравившиеся Ане утки и кошки. Стена медленно отодвинулась, образовав небольшой проход, и прислужница, махнув им рукой, исчезла в полумраке потайной комнаты. Друзья быстро юркнули следом, и стена за ними сразу задвинулась. В небольшой слабо освещённой комнате служанка подошла к противоположной стене и опять надавила на только ей известное место. Вторая стена отъехала так же плавно, как предыдущая, открывая вход в великолепные покои Анхесенамон.

— А что? — зашептал Ваня, — отличное место, чтобы спрятаться от врагов в опасную минуту.

— Не думаю, что только Анхесенамон и ее доверенные слуги знают об этой потайной комнате, — с сомнением произнёс Саша.

Войдя в покои, ребята увидели владычицу, сидевшую на мягких подушках в большом удобном кресле.

— Садитесь, — Анхесенамон величественным жестом пригласила чужеземцев, указывая на невысокие табуретки, стоящие подле неё.

Подозвав свою верную служанку, ту, что привела друзей, царица шепнула:

— Уна, встань за дверями и не пускай ко мне никого, пока я не закончу разговора.

Уна поклонилась и вышла. Она была самой верной служанкой владычицы ещё со времён Эхнатона и удостоилась почётной должности — Первая Дама карандаша. Это она сообщила царице о чужеземцах. А ей, в свою очередь, шепнул об этом Хену, придворный вельможа и давний знакомый Джедхора.

— Я слышала, что вы можете разговаривать с богами, — начала Анхесенамон. — Это правда?

Саша сделал умное лицо и таинственно проговорил:

— Иногда мы удостаиваемся этой чести.

— Я хочу, чтобы вы растолковали мой сон, — прямо попросила она.

— Мы благодарим божественную владычицу за доверие, оказанное нам и, конечно, готовы помочь. Но, прежде чем сделать это, мы просим прочесть вот это письмо, — и Саша, вытащив из-под одежды послание Джедхора, протянул его Анхесенамон.

Повелительница развернула папирус и начала читать. Тень тревоги скользнула по её лицу, и это не скрылось от внимательных глаз Саши и его друзей. Наконец, дочитав письмо, Анхесенамон внимательно посмотрела на гостей. Вся осторожность, с которой она хотела вести разговор, исчезла, и это принесло ей несказанное облегчение. Теперь у неё появились люди, которым она могла доверять. И это были не простые люди, а чужеземцы, наделённые магическим даром. Во всяком случае, так было написано в письме. Джедхор сообщал, что эти трое появились из облака и спасли его. А Джедхору можно верить, он никогда не лгал царице. Немного подумав, Анхесенамон тихо произнесла:

— Благодарю вас, чужеземцы, за участие в моей судьбе. Джедхор — мой наставник, и мне не хватало его с тех пор, как я покинула Ахет-Атон. То, что он написал о хеттском принце, — ужасно! Сына Суппилулиумы убили, и теперь у меня не осталось надежды… — она тяжело вздохнула. — А то, что они задумали вместе с моей матерью, Нефертити, — она говорила еле слышно, чтобы никто посторонний не мог услышать её слова, — пусть и очень опасно, но единственно правильно. Другого выхода у меня нет. И я счастлива, что есть люди, которые помогут мне и позаботятся о моём будущем и будущем великого правителя Двух Земель.

Саша тихонько шептал, успевая почти синхронно переводить друзьям слова царицы. Аня покосилась на Ивана: «Интересно, он понял, кого имеет в виду Анхесенамон, говоря о будущем правителе?» И невольно поразилась, каким серьезным стало лицо этого неутомимого шутника по любому поводу. В тот момент они все трое прониклись сознанием собственной значимости. Древнейшая история вершилась на их глазах и сегодня, сейчас зависела буквально от каждого слова, произнесенного ими.

— Однако меня очень беспокоит мой сон, — продолжала царица. — Я просто не знаю, что мне делать, как поступить. Но раз боги послали мне вас, великих мудрецов и рассказчиков, надеюсь, вы и поможете мне сделать правильные выводы.

Анхесенамон говорила очень медленно, помня, что Александр должен еще перевести её слова товарищам.

— О, пусть божественная владычица поведает нам свой сон, — заговорил Саша. — И, возможно, мы сумеем разгадать его.

— Этот сон преследует меня каждую ночь. Мне чудится, что я нахожусь в какой-то тёмной пещере. Рядом со мной никого. В пещере холодно и сыро. Неожиданно в глубине появляется свет, такой яркий и тёплый! Я иду и вижу, что там, откуда идёт свет, есть выход. Подхожу ближе, и мне открывается сказочная

картина. Неземной красоты дворец с великолепным садом и чистейшим озером. Диковинные птицы порхают с ветки на ветку и поют удивительно звонкими голосами. Благоухание цветов, весёлая музыка, пение, танцы — всё это превращает сад в настоящую сказку. А сам дворец сверкает в лучах солнца так, будто сделан из чистого золота. Дорожка, ведущая к нему, выложена драгоценными камнями, вдоль нее — прекрасные статуи богов в человеческий рост. И кажется, перешагнешь невидимую черту и очутишься в волшебном мире вечного счастья. И я уже делаю этот шаг навстречу вечности, но переступить зыбкую грань никак не могу. Мне мешает невидимый барьер. Я оглядываюсь назад и вижу тёмную пещеру. Не хочу идти обратно, хочу вперед, к сказочному свету, но туда меня не пускают неведомые силы.

И вот, совсем уже отчаявшись, я вдруг чувствую, как кто-то невидимый берёт меня за руку и увлекает в сказочную страну. Барьера больше нет. Я пытаюсь понять, кто этот человек, выведший меня к свету. И тут очертания моего спасителя начинают приобретать форму. Леопардовая шкура на плечах, посох, походка… Я узнаю своего визиря и верховного жреца Аи, однако лица его не вижу. Просто чувствую, что это он. Пытаюсь выдернуть свою руку из его ладоней, но у меня не получается, он крепко держит меня, и все тянет, тянет в блаженное сказочное царство… Но всё-таки мне удаётся вырваться, и я, развернувшись, бегу назад, в тёмную пещеру. Почему-то мне совсем не хочется оставаться в этой сказочной стране вместе с ним… А он и не пытается догнать меня… Очутившись в сырой пещере, я бегу прочь от прекрасного места и обернувшись, вижу, как свет исчезает и проход закрывается. Я в отчаянии пытаюсь найти хоть какой-то выход, но выхода нет. Вдруг земля подо мной начинает дрожать и проваливаться. Я кричу в испуге, но никто не слышит меня…

Анхесенамон перевела дух, взяла со столика золотой бокал и отпила немного воды. Видно было, как тяжело ей говорить, ведь она словно вновь переживала весь этот ужас.

— Я всё-таки продолжу… Когда землетрясение кончилось, я обнаружила, что стою на маленьком островке, а вокруг бездонная глубокая чернота. Я опять начала кричать, звать на помощь, но всё было тщетно. Я села на землю, обхватила колени руками и стала ждать конца. Не прошло и нескольких мгновений, как в пещере что-то зашумело. Это был звук воды. Она полилась со всех сторон, быстро наполняя казавшиеся бездонными пустоты, и вскоре я оказалась на острове, окружённом водою. Вода прибывала, и мой островок становился всё меньше и меньше.

Снова я подумала, что пришёл мой конец. Начала молиться богам, просить их о милости. И… боги услышали меня. Они остановили воду. Но как мне выбраться отсюда? Я стала думать…

Вдруг из глубины вод показался огромный змей. Он приближался, и его горящие глаза выражали ненависть и презрение. Пасть его была открыта. Бежать — некуда. Я закрыла глаза руками и приготовилась к смерти. Но змей не проглотил меня, а лишь обвив моё тело кольцом, подхватил и унёс в бездну…

Открыв глаза, я увидела, что лежу на земле. Ярко светит солнце, вокруг один раскалённый песок… и ничего больше. Я встала и пошла. Идти было трудно, ноги глубоко увязали в рыхлом песке. Сначала я еще как-то передвигалась, потом песок стал засасывать всё глубже и глубже. Я оказалась по пояс в нем. Выбраться уже не было сил, песок держал крепко, а я все погружалась и погружалась в него. Опять я стала молиться богам, но боги не слышали меня или не хотели слышать…

Внезапно над моей головой почернело небо. Оно зловеще надвигалось на меня, как будто хотело придавить… И, когда уже чудилось, что оно коснулось моей головы, я почувствовала, как что-то тянет мои ноги вниз. Я не могла ни кричать, ни дышать. Нос и рот были забиты песком. Песок засасывал меня стремительно и беспощадно. В последний раз я взглянула в чёрное небо и поняла, что если не песок убьёт меня, то небо уж точно раздавит, не оставив и следа… Когда я осознала, что умираю, песчаный поток выбросил меня на твёрдую поверхность.

Я снова открыла глаза, отряхнулась и осмотрелась. В кромешной тьме на меня смотрели сотни жёлтых жадных и голодных глаз. Это были свирепые крокодилы. Из каждой отвратительной пасти с острыми зубами капала слюна. Они постепенно брали меня в кольцо, жадно клацая челюстями. Ужас охватил меня. Быть разорванной крокодилами и корчиться в страшных мучениях, чувствуя, как от тебя постепенно отдирают куски мяса, — это жуткая смерть. Я в ужасе закричала и… проснулась… Я всегда просыпаюсь именно на этом месте. Или заставляю себя проснуться… Не знаю, что ожидает меня дальше в моём сне, но выносить эти муки уже не хватает сил. И мне думается, что эти ужасные испытания никогда не закончатся…

Анхесенамон умолкла. Ребята тоже молчали. Сон, о котором рассказала владычица, был действительно не из приятных. Не кошмар, а просто какой-то сериал кошмаров.

— Как бы вы истолковали мой сон? — спросила Анхесенамон после паузы.

Ребята, посовещавшись немного, пришли к единому мнению.

— Этот сон, — сказал Саша, — уж слишком откровенен. Смысл его понятен даже без вмешательства оракулов. Но это и удивило нас больше всего. Обычные сны несут в себе тайный смысл. Сон — всегда таинство. Боги не говорят с людьми так откровенно, они лишь дают знак, но не раскрывают его смысла. А в этом сне, божественная владычица, всё слишком ясно. Визирь Аи предлагает сказочный мир, но только в том случае, если повелительница Двух Земель войдёт туда вместе с ним. Без него этот мир закрыт и владычицу ждут страшные и мучительные испытания, а возможно, и смерть.

— Да, — подтвердила Анхесенамон, — именно такое толкование дал оракул. Но он сказал, что так желают боги, а, значит, я обязана слушаться их для своего же блага. Неужели я должна связать свою жизнь с Аи? Я не хочу этого! И потом… А как же мой ребёнок? Аи погубит его!

И несчастная молодая женщина тихо заплакала.

Ваня в ярости сжал кулаки и проговорил, не сдержавшись, тем более, что царица все равно не понимала его слов:

— Какой же подлый этот Аи! Поражаюсь только, как же ему удалось влезть в сон владычицы? Это очень странно…

— И ещё, — добавила Анхесенамон, подозрительно и одновременно с какой-то надеждой посмотрев на Ивана. — Я была в Большом храме Амона у магического зеркала и сама спрашивала у богов, что значит мой сон. Мне явился мой дед Аменхотеп III, владыка Двух Земель. Он сказал, что если я не исполню желания богов и не выйду замуж за визиря Аи, боги покарают меня… Теперь вы понимаете, сколь глубоки мои сомнения. Как я могу бежать из дворца? Ведь тогда я буду отвергнута богами! А это самое страшное, что может случиться! Нет, пусть будет так, как хотят властители небес. Я не смею ослушаться их.

Саша сочувственно посмотрел на Анхесенамон.

— То, что этот сон навеян не богами, нам уже ясно. Скажу больше: вся история с магическим зеркалом — тоже не более чем хитрая уловка визиря Аи.

— Вы прогневаете богов такими речами! — Анхесенамон испуганно подняла глаза на чужеземцев. В них стоял страх — глубокий, неуправляемый, запредельный.

«Она слишком боится богов, — подумал Саша. — Будет очень нелегко переубедить ее. Но она молода и весьма не глупа. Значит, есть шанс».

— Я понимаю божественную владычицу, — медленно проговорил он. — Я только хочу спросить: если мы предоставим доказательства, что и сон, и видения в храме — дело рук Аи, а

вовсе не богов, великая правительница согласится бежать из дворца?

Анхесенамон думала каких-нибудь несколько секунд и твердо сказала:

— Да! Это мой единственный выход. Там, за пределами дворца, я буду под защитой своей матери Нефертити, и её верных слуг, таких, как Джедхор.

Ох, нелегко ей дался этот смелый ответ! И уже в следующую секунду, заколебавшись, царица спросила:

— А вы, правда, думаете, что мой сон навеян не богами?

— Мы не думаем, мы знаем, что сон этот навеян человеком, — обретая все большую уверенность в голосе, — заявил Саша. — А кто он, этот человек, божественная владычица знает сама. Мы только найдём доказательства. А пока я хочу дать один совет и, возможно, сегодня великая правительница будет спать спокойно. Но сначала нам необходимо узнать, как проходит вечерняя трапеза. Кто присутствует на ней?

— Последнее время я ужинаю вдвоём со своим визирем. Он мне докладывает о событиях, произошедших за день, отчитывается о делах и…

Она не закончила рассказа. Саша перебил её:

— Этого вполне достаточно.

Друзья немного посовещались между собой. То, что царица слишком впечатлительна, было понятно сразу. Такому человеку можно внушить всё, что угодно. И если Аи хоть немного обладает даром гипноза, а это наверняка так, ведь он — главный жрец, то задача для него упрощается во сто крат. Немного «волшебного» зелья на ночь, личная беседа с Анхесенамон перед сном, и всё — дело сделано. Но что за магическое зеркало? Вот с этим ребята решили разобраться во что бы то ни стало.

А совет, который они придумали для правительницы Двух Земель, был прост и рассчитан именно на её впечатлительность.

— Итак, хочет ли божественная владычица услышать наш совет?

— Разве можно сделать так, чтобы мне не снились сны? — удивилась Анхесенамон. — Ну, разве что магическими заклинаниями!..

— Это вполне возможно, — заверил её Саша. — Только нужно делать именно то, что я скажу.

— Хорошо, — согласилась она. — Я выслушаю вас. Надеюсь, ваш совет мне поможет, и если так, то я одарю вас богатыми дарами.

— Мы сегодня уже удостоились этой милости, и у нас осталась только одна просьба к владычице, но об этом потом, —

сказал Саша. — Итак, сегодня вечером, когда придёт визирь, ничего не надо есть и тем более пить. Разговаривать с ним недолго и — самое главное! — во время разговора не смотреть ему в глаза. А лучше вообще отказать в вечернем приёме под благовидным предлогом. Наконец, перед тем как заснуть, нужно сделать еще следующее, — и Саша перешел на таинственный шепот. — Когда солнце скроется на западе, сорвать ровно три ветки тамариска. Одну бросить в воду, другую сжечь, а третью положить под голову. И мысленно прочитать такое заклинание: «Могущественный повелитель грёз и снов, дай мне руку и защиту свою. Не оставляй меня одну в моих сновидениях, не покидай меня». Дальше нужно закрыть глаза и представить красивого юношу. Этот юноша будет посланником страны грёз и сновидений. Он будет сопровождать владычицу в её сне и всегда крепко держать за руку. Если повелительница всё сделает так, как я сказал, сегодня сон её будет спокойным.

Анхесенамон во все глаза смотрела на мудрого чужеземца, раскрывшего ей таинственное заклинание. Она несколько раз повторила слова, которые должна была произнести перед сном.

— И ещё, — сказал Саша, — есть ли в опочивальне предметы, подаренные визирем?

Анхесенамон внимательно огляделась вокруг.

— Здесь только бронзовая статуя сокола.

— Надо вынести её из комнаты. Больше ничего?

Правительница Двух Земель задумалась.

— Вот ещё что, — вспомнила она. — Амулет из красного сердолика.

— Великая владычица не должна носить его.

Анхесенамон сняла амулет и положила на столик, стоящий рядом.

— Я буду делать то, что вы мне сказали, чужеземцы, — произнесла царица, — надеюсь, это поможет мне. Но как же быть с магическим зеркалом? Ведь оно не могло обмануть?

— Магическое зеркало иногда говорит чужими словами, — загадочно произнёс Саша. — Мы попытаемся разобраться в этом.

— Я буду ждать вас завтра утром. Непременно пришлю за вами слуг… Но, скажите, о чём вы хотели просить меня?

Саша решил, что настал момент узнать про этот загадочный флакончик с духа?ми и попросить Анхесенамон подарить его им.

— Сегодня утром божественная владычица получила в подарок алебастровый флакончик с духа?ми, крышечка которого сделана в виде цветка распустившегося лотоса.

Красивые чёрные брови Анхесенамон взлетели вверх.

— О чём вы говорите? Я не получала такого подарка сегодня.

Саша, Аня и Ваня переглянулись. Что за ерунда? Кто их обманывает? Анхесенамон? Или те, кто прислал письмо? Это послание было чьей-то злой шуткой? Слишком глупо…

Ребята расстроились до такой степени, что владычица не могла не заметить этого.

— Что это за духи?? Почему вы спрашиваете о них? Вас огорчило то, что я не получила этого подарок?

— Нет, огорчило то, что нас обманули.

— Обманули? — искренне удивилась владычица.

— Да. Но мы пока не можем ничего объяснить, — устало проговорил Саша, — потому что и сами… не все понимаем.

— Вы говорите загадками, — сказала Анхесенамон. Она хотела ещё что-то добавить, но вдруг, прислушавшись, приложила палец к губам. — Тихо, сюда идут!

Уна вбежала в комнату и сделала знак, что пора прекращать беседу.

— Итак, я жду вас завтра утром, на рассвете. Уна приведёт вас.

— Почему так рано? — спросил Саша.

— Завтра я переезжаю в другой дворец на левом берегу. Туда привезут тело Тутанхамона, и я буду целый день оплакивать его. А послезавтра состоится траурная церемония погребения, — быстро прошептала Анхесенамон и махнула служанке рукой, чтобы та проводила гостей через тайный ход.

Ребята скрылись в маленькой комнате за стеной и очень скоро оказались все в том же длинном коридоре.

— Идите прямо, — объяснила Уна, — и через двадцать шагов увидите лестницу, ведущую на первый этаж. Спуститесь по ней, пройдёте по большому залу, и через главные двери выйдете на улицу, — с этими словами она скрылась в потайной комнате.

Все складывалось не так уж плохо, но последний аккорд их встречи сильно подпортил настроение.

— Где ж нам теперь искать эти окаянные духи? — задумчиво произнёс Ваня.

— У Анхесенамон их нет, — сказал Саша. — Наверняка.

— Я понял, — буркнул Ваня. — Однако мы сломаем всю голову, если станем разгадывать этот ребус. Может, Джедхору удалось что-нибудь выведать? Давайте побыстрее пойдём домой и там с ним вместе всё обдумаем. Слушай, — Ваня вдруг остановился и посмотрел на Сашу, — а чего ты такого наплёл царице? Что еще за дурацкие веточки ей надо варить, курить, кусать и бросать?

— Хохмач! — улыбнулся Саша. — Неужели ты не понял? Анхесенамон, как и все египтяне, настолько суеверна, что если б я

не придумал для неё магических ритуалов и заклинаний, она бы вряд ли стала нам доверять. Понимаешь, если такой впечатлительный человек во что-нибудь поверит, это обязательно произойдёт. Самовнушение. Ты никогда не слышал про пустые таблетки? Их применяют в медицине. Они так и называются «плацебо». Если человек уверовал, что он тяжело болен, а на самом деле это только его фантазии, понимающий врач выписывает ему таблетки, не содержащие лекарств, и убеждает пациента, что они непременно помогут. Мнимый больной усердно принимает мнимые таблетки и… выздоравливает. Это и есть самовнушение. Наша владычица, как раз из таких людей. Я придумал для неё магические ритуалы, и она уже уверовала, что они ей обязательно помогут.

— Ну, ты и хитрюга! — оценил Ваня. — Я бы в жизни не додумался.

— Я бы тоже, — ответил Саша. — Но ты же знаешь, у меня и мама, и папа — врачи. Столько всего рассказывают — поневоле станешь медиком-теоретиком.

— Ну, во Франции-то ты у нас и практиком выступал, — напомнила Аня.

— Было дело, — скромно согласился Саша. — А что касается Аи, я вам скажу: он подсыпает ей какой-нибудь галлюциногенной гадости в питьё или в еду. И еще, скорее всего, владеет гипнозом.

— Наверно, ты прав, — сказал Ваня. — Ну, ничего, это не самое страшное. Нам бы с магическим зеркалом разобраться! Вот тогда выведем визиря на чистую воду.

— Не думаю, что это легко, — философски заметил Саша.

И тут масла в огонь подлила Аня:

— Кто знает, может, это зеркало действительно волшебное.

— Ну, начинается! — ответил Ваня. — Ты еще скажи, что здешние маги посильнее нас и нам действительно пора устроить с ними состязание. Смотри, договоришься у меня — отправлю на излечение к доктору Ветрову вместе с царицей Анхесенамон!

Они уже подошли к главным дверям, ведущим из здания во внутренний двор. И вроде бы никто не собирался препятствовать их выходу на улицу. Но едва эти двери открылись, несколько слуг одновременно кинулись им навстречу и с необычайным проворством затолкали обратно во дворец.

Глава 42
ЕЩЁ ОДНО ПИСЬМО

Аи в задумчивости сидел в своей комнате и вертел в руках алебастровый флакончик с крышечкой в виде распустившегося цветка лотоса.

«Этот торговец, передавший служанке флакон для царицы, слишком самоуверен. Откуда он взял любовный эликсир? Надо допросить его. А если не станет говорить, то палка — хороший инструмент для развязывания языка, — рассуждал про себя визирь. — Но что же делать с этими духа??ми? — он пристально рассматривал флакон. — Может быть, здесь действительно эликсир любви? Как это проверить? Испробовать на ком-нибудь? А вдруг это яд? Нет, вначале надо поговорить с торговцем. Если он не врёт, флакон может очень даже пригодиться. Анхесенамон не жалует меня. Наверное, боится. Даже написала письмо хеттскому правителю. Не хочет она, чтобы я находился у власти. Зато я хочу!» — и он ударил кулаком по подлокотнику кресла.

Великий визирь и главный жрец Амона был хозяином в царском дворце, по крайней мере, таковым себя ощущал. Никто не смел без его ведома что-либо сделать. Везде были его глаза и уши. И он всегда всё видел и всё знал. Придворные, слуги и рабы трепетали при виде его. Он, и только он — реальный хозяин Великой Та-Кемет, хотя и не носит двойную корону! Пока…

Когда Мериб передал для владычицы духи и шепнул служанке о назначении эликсира, об этом сразу стало известно визирю. Тот немедленно потребовал доставить прислужницу к себе, так что она даже не успела отнести волшебный эликсир Анхесенамон. Флакон отобрали, а перепуганная женщина предстала перед Аи.

— Что за флакон передал тебе торговец тканями? — грозно начал свой допрос визирь.

— Это подарок владычице, — еле слышно пролепетала служанка.

— А что говорил тебе торговец? Я знаю, он говорил тебе что-то и показывал на этот флакон.

Служанка упала на колени и стала оправдываться:

— Он сказал, что этот прекрасный аромат должен понравиться владычице. Да будет она жива, невредима и здорова! Он сказал, что принёс духи в дар божественной госпоже и, что ничего подобного нет во всей Та-Кемет.

— Где же он их взял?

— Я не знаю.

— А почему же такой изысканный аромат, который, наверно, очень дорого стоит, он решил подарить владычице, а не продать его? Ведь он же торговец.

Служанка ещё ниже склонила голову и ещё тише прошептала:

— Я не знаю.

— Ты не знаешь?! — гневно выкрикнул Аи. — Зато я знаю! Ты хотела отравить владычицу и попросила торговца принести яд!

Служанка зарыдала в голос и упала на каменный пол.

— Нет!!! — всхлипнула она. — Я не хотела никого травить. Это не яд! Я говорю правду! Это не яд! Боги — мои свидетели!

— Они покарают тебя за ложь! — начал угрожать Аи. — Ты умрёшь страшной смертью. Твой прах будет развеян по ветру, и твоё Ка никогда не найдёт покоя!

— Я сказала правду, это не яд! — вскрикнула служанка. — Это эликсир любви.

— Что? — поднял брови Аи. — Повтори.

— Это любовный эликсир, — и служанка, наконец, рассказала всё.

«Вряд ли это яд. Зачем торговцу убивать владычицу? Бессмысленно, — размышлял Аи, продолжая разглядывать загадочный флакон. Он задавал себе вопросы и сам же на них отвечал. — А вот влюбить в себя Анхесенамон, обрести надежду стать фараоном — это похоже на правду. Но торговец не понимает, с кем связался. Кто он такой? Мелкая букашка, пыль под моими ногами. И он смеет притязать на трон?»

Аи злорадно рассмеялся, поставив флакон на столик, и вновь погрузился в тяжкие раздумья. Его уже не беспокоил глупый торговец, его беспокоил Джедхор и чужеземцы, которые, как ему доложили, остановились в доме этого придворного и доверенного лица Нефертити.

«Джедхор очень умён. И он явно что-то задумал, — Аи попытался выстроить логическую цепочку. — Сам он не может попасть во дворец, поэтому исхитрился подослать к владычице чужеземцев. Но кто они такие? И откуда их знает Джедхор? Прежде всего, надо выяснить именно это. Говорят, что они обладают магической силой и могут разговаривать с богами. Если так, то с чужеземцами надо быть осторожным и постараться переманить на свою сторону. Сейчас их приведут ко мне, и я поговорю с ними по-доброму, попытаюсь разузнать как можно больше».

Ещё перед обедом он отдал приказ привести чужеземцев к нему после трапезы у владычицы. И сейчас, в ожидании гостей,

перебирал в памяти всё, произошедшее за день. «Слишком много странных событий, — думал Аи. — Духи?, таинственные чужеземцы, и в добавок я нигде не могу найти своего слугу Тамита. Он как сквозь землю провалился…»

Слуги визиря, поджидавшие чужеземцев на улице перед дворцом, ужасно нервничали. Обед у Анхесенамон уже закончился, а этих троих всё не было и не было. Слуги тихо переговаривались, не зная, что и предпринять.

— Эх, надо было встретить их прямо возле покоев владычицы! — сетовал один из них.

— Но великий визирь отдал приказ ждать чужестранцев у дверей дворца, — возразил другой.

Приказ действительно был таким. Аи не хотел показать придворным, что его люди перехватывают гостей Анхесенамон.

Слуги уже решили, было, вернуться во дворец и поискать иноземцев там, но тут главные двери распахнулись, и оттуда вышли трое молодых людей. Поджидавшие ребят люди кинулись к ним и, не давая опомниться, затолкали обратно во дворец.

— Чего вы хотите? — возмутился Саша, вырывая свою руку.

Слуга сообразил, что немного переусердствовал и, низко поклонившись, сделал шаг в сторону.

— Великий визирь и верховный жрец Амона просит вас к себе.

Другие слуги тоже расступились перед чужеземцами и почтительно склонили головы.

— Прошу следовать за мной, — сказал всё тот же слуга. Очевидно, он был старшим.

Оставалось только подчиниться. Да и любопытно было повидаться с Аи.

И снова они шли по длинному коридору второго этажа. Покои визиря оказались в самой дальней части дворца. Следует заметить, что это были не единственные его апартаменты. Недалеко от Дома правосудия находилась резиденция визиря с садом, прудом, конюшнями, загонами для скота, хлевом, пекарней, домашней пивоварней и прочими атрибутами богатства. В этом имении жила его жена Ти. Множество слуг и рабов трудились на благо великого визиря. Но сейчас Аи предпочитал жить в царском дворце, что было вполне понятно.

Дойдя до покоев визиря, слуга распахнул дверь и повёл гостей через анфиладу комнат: приёмный зал, обеденную комнату, комнату отдыха. Наконец, они оказались в просторном кабинете. Прямо перед ними на высоком кресле, обитом золотом и слоновой костью, сидел верховный жрец.

Ребята поклонились визирю, поприветствовали его, как

подобает, и замерли в ожидании.

«Очень молоды, — подумал Аи, пристально рассматривая чужеземцев. — По виду они и вправду не из наших краёв. Слишком светлая кожа и глаза… Глаза совсем светлые».

Все трое, переминаясь с ноги на ногу и с трудом скрывая волнение, задавали себе один и тот же вопрос: «Что ему от нас нужно?»

Визирь, привычно чувствуя себя хозяином положения, улыбнулся и мягко произнёс:

— Я рад встрече с вами, чужеземцы. Говорят, вы хорошие рассказчики и могущественные маги, — Аи сделал паузу. Он очень любил делать многозначительные долгие паузы. Это придавало его речи особую значимость, намекало на его таинственное могущество.

Но и гости молчали. К чему суетиться? Пусть визирь скажет все, что хотел сказать.

— Мне доложили, что вы живёте в доме Джедхора, — он опять немного помолчал. — Откуда вы знаете этого знатного вельможу?

Саша не только перевёл друзьям вопрос визиря, но и объяснил, как хочет ответить. Аня и Ваня, кивнув, согласились.

— По дороге в город на Джедхора напали лучники, — спокойно начал рассказывать Саша, — а мы помогли ему — спасли от неминуемой смерти. В знак признательности он пригласил нас к себе в дом в качестве гостей.

У Аи перехватило дыхание, но он ничем не выразил своего беспокойства. «Так вот они, те таинственные люди… а может, не люди, а боги, которые явились из облака и повергли в смятение моих воинов!» — пронеслось в голове у визиря. Он помолчал немного, обдумывая услышанное, потом вкрадчиво произнёс:

— Вас пожелала видеть владычица. Да будет она жива и здорова ежедневно! И я рад, что вы смогли немного развлечь её своими рассказами. Мне тоже хотелось бы побольше узнать о тех землях, в которых вы побывали и откуда вы родом… Знайте, мои двери всегда открыты для вас. Мой дом находится рядом с Домом правосудия, и я буду рад видеть вас у себя гостями.

— Мы благодарим великого визиря за честь, которую он нам оказал. Быть гостями верховного жреца Амона большая милость для нас. Но позвольте нам ненадолго задержаться у Джедхора. Мы не хотим обидеть гостеприимного хозяина.

Аи был явно недоволен ответом. Он прикрыл глаза и, еле сдерживая гнев, как можно мягче повторил:

— Знайте, мои двери всегда открыты для вас.

Ребята почтительно поклонились. Они поняли, что визирь

остался крайне раздражен. Но другое занимало их гораздо больше: во время аудиенции все трое то и дело косились на столик рядом с креслом Аи. А когда вышли из покоев великого визиря, Ваня сразу спросил свистящим шепотом:

— Вы видели, что там стояло?

— Конечно, — сказал Саша. — Тот самый флакон с крышечкой в виде распустившегося лотоса.

— Ну и что теперь делать? Как его заполучить? — разнервничался Ваня.

— Не знаю, — пожал плечами Саша. — Спасибо, что ты не попытался его украсть. А просить что-то у визиря… Значит сразу попасть к нему на крючок. Нет, это невозможно, — затем, помедлив немного, он бодро добавил: — Зато теперь, мы точно знаем, что этот флакон существует, и даже можем догадываться, почему он не попал к Анхесенамон.

— Но это ещё хуже, — махнул рукой Ваня, — лучше б его вовсе не было — легче торговаться с похитителями «Фаэтона».

Они уже вышли за ворота и направлялись теперь к дому Джедхора, как вдруг, откуда не возьмись, выскочил мальчишка-посыльный и сунул прямо в руки Саше свёрнутый трубочкой папирус. Вот что там было написано:

«Если флакон с духа?ми у вас, то на заходе солнца мы будем ждать вас на окраине города у заброшенного храма Мут. Но предупреждаем, получите свою вещь только в том случае, если придёте одни».

— Что скажете? — проговорил Саша.

— А что сказать? — расстроено произнёс Ваня. — Не видать нам «Фаэтона» без этих чёртовых духо?в.

Глава 43
ОПАСНАЯ ЗАТЕЯ

В доме Джедхора царило оживление. Слугам, ещё с утра отправившимся на поиски, удалось поймать человека, похитившего волшебную шкатулку. Джедхор лично допросил воришку и выяснил, что украденную корзину тот передал двум знатным вельможам, которых до вчерашнего дня в городе не видел. Кто они такие, он не знал, и где живут — тоже не имел представления. Вельможи щедро заплатили ему за корзину, по всей видимости, они получили именно то, что хотели, ведь проверив содержимое, они остались довольны. Больше Джедхору ничего разузнать не удалось.

И Саша решил сам допросить похитителя, запертого в маленькой комнате привратника. Человек был тот самый, Саша узнал его, но — вот незадача! — ничего нового вытянуть не удалось. Место встречи с заказчиками оказалось, разумеется, случайным, да и внешность их воришка описал невнятно.

Наскоро обсудив ситуацию, ребята пришли к выводу, накануне у Джедхора кто-то подслушал их разговор о волшебной шкатулке, пересказал тем вельможам, и они решили завладеть ею. Зачем? Неужели ради этих злосчастных духов? Да и не могли они знать, что чужеземцев пригласят во дворец, ведь «Фаэтон» украли до того… На этот парадокс они уже натыкались однажды.

— Ну, полная ахинея! — возмущался Ваня. — Концы с концами не сходятся… — И повторил еще раз, словно надеялся найти подвох: — Духи? для Анхесенамон принесли сегодня утром, а прибор украли вчера днём. Нет, они его не для этого украли!

— А может быть, — задумалась Аня, — этими таинственными духа?ми вельможи хотели завладеть давно, но не знали, где искать. И вот, когда случайно стало известно, что у Джедхора гостят чужеземные маги, да еще с волшебной шкатулкой, позволяющей разговаривать с богами, они решили эту штуку украсть и с её помощью выяснить, где находятся духи, мол, боги подскажут. Но, сами понимаете, «Фаэтон» оказался им не по зубам, выяснить ничего не удалось. Но духи? находятся во дворце, а мы как раз приглашены туда. Похитители решили воспользоваться моментом и предложили сделку…

— Как-то очень сложно получается, — с сомнением произнёс Саша. — Наверняка, всё гораздо проще. Просто мы не о том думаем… Ну сами посудите, из-за каких-то духо?в устраивать всю

эту возню с похищением? Сомнительно…

— Может, это вовсе и не духи?, — предположила Аня, — а какой-нибудь… ну, допустим, эликсир молодости?

— А что? — согласился Ваня. — Правдоподобно. Каждый хотел бы завладеть таким флакончиком. А тут народ доверчивый…

— Зачем эликсир молодости дарить Анхесенамон? — спросил Саша. — В ее-то годы!

— Так, на перспективу, — быстро нашёлся Ваня. — Однако злобный старик Аи, прослышав об этом, справедливо решил, что дедушке эликсир нужнее, чем внучке, и, не долго думая, экспроприировал его.

— Ох, — вздохнул Саша, не зная, смеяться или плакать. — Зачем дарить эликсир молодости владычице…да хоть кому! — любой бы сам воспользовался им.

— А если даритель — колдун? — расфантазировалась Аня. — И специально сделал этот эликсир для владычицы. По заказу кого-то из вельмож, а другие узнали и решили завладеть…

— Ага, — иронически покивал Саша. — И для этого украли «Фаэтон», подарили флакон с духами, устроили нам встречу с царицей, потом с визирем, забросали письмами… В итоге окажется, что колдун — тот самый человек, который делает для нас веревочную лестницу, разумеется тоже заколдованную… Слушайте, еще в четырнадцатом веке жил такой английский философ Уильям Оккам, он сформулировал золотой принцип всех наук, называемый с тех пор «Бритвой Оккама».

— «Не изобретай сущностей сверх необходимого», — блеснул эрудицией Ваня.

— Вот именно, — подтвердил Саша, — придумывать всякую ерунду можно до бесконечности. Давайте повторим, что мы знаем наверняка: эти духи? не совсем обычные, некие вельможи хотят получить их во что бы то ни стало. И духо?в этих у нас нет. Они у визиря.

— Пора советоваться с Джедхором, — резюмировал Ваня.

Джедхор внимательно прочитал второе письмо, переданное неизвестным мальчишкой, походил по комнате, что-то обдумывая, а затем уверенно произнёс:

— Я думаю, вам надо пойти в заброшенный храм.

— Без духо?в? — удивился Саша.

— Почему без духо?в? — улыбнулся Джедхор. — Вы принесёте незнакомцам то, что они просят.

Саша непонимающе уставился на Джедхора.

— Вы сказали, — стал объяснять он, — что флакон выглядит

точно так же, как и тот, что подарил Анне ее тайный воздыхатель, за исключением крышки. Сделать крышку в виде распустившегося цветка лотоса — не великая задача. На это потребуется совсем немного времени, — и он посмотрел на Апуи.

Тот сразу среагировал и быстро ответил:

— Я сейчас же приведу сюда резчика по камню, и он всё сделает.

— Вы возьмёте приготовленный флакон, — продолжил Джедхор, — и отправитесь в назначенное место.

— А если похитители раскроют обман? — спросил Саша.

— Вы не станете отдавать флакон, — сказал Джедхор, — пока вам не передадут волшебную шкатулку. На всякий случай мой человек будет следить за этими вельможами. Я пошлю его к храму раньше, и он спрячется неподалеку. Скажу откровенно, эти похитители выбрали отличное место для встречи. Разрушенный храм Мут стоит на пустыре. Если вы пойдёте туда не одни — это сразу будет обнаружено. Но мой человек спрячется заранее. Там, около храма, есть заброшенная каменоломня, где в давние времена добывали известняк. Сейчас от этой каменоломни остались лишь груды каменных блоков, среди которых и можно схорониться.

Джедхор опять повернулся к Апуи:

— Доверить такое важное дело я могу только тебе, Апуи. Ты сам пойдёшь в каменоломню и будешь наблюдать за вельможами. Если спасители выйдут из храма без волшебной шкатулки, ты последуешь за похитителями и выяснишь, где они живут.

Апуи кивнул.

— Итак, времени у нас мало, — заключил Джедхор. — До захода солнца осталось совсем чуть-чуть. Апуи, приведи сюда резчика по камню и отправляйся на окраину города. Но смотри, действуй осторожно. Хотя это предупреждение излишне. Ты сам понимаешь всю ответственность задачи.

— То, что вам удалось передать письмо Анхесенамон, — сказал Джедхор, когда Апуи уже вышел из комнаты, — это поистине огромная удача. Но плохо, что она боится бежать. Она слишком напугана. Да ещё это магическое зеркало в храме Амона. Могу сказать одно: многие владыки вопрошали у этого зеркала, и оно действительно вызывало ду?хов умерших. Меня очень беспокоит то, что сказал дух Аменхотепа III, явившийся Анхесенамон. Не противиться судьбе и выходить замуж за Аи! Он так сказал. А я хочу похитить владычицу. Пойти против воли божественного духа? — Джедхор задумался. — Однако мой сон накануне отъезда говорит, что в задуманном мною нет ничего

дурного. На это указали Боги. Всемогущие властители небес дали мне защиту и направили спасителей в вашем лице. Так может, это жрецы во главе с Аи навеяли Анхесенамон страшные пророчества?

— Именно это мы и подозреваем, — сказал Саша. — Мы хотим выяснить всё про магическое зеркало и представить Анхесенамон доказательства обмана. Тогда она будет готова к побегу.

— Но как это сделать? — вздохнул Джедхор. — Проникнуть в храм Амона невозможно. Входить туда могут лишь жрецы, фараон с супругой и самые знатные придворные. Простые смертные не допускаются в святое место и могут молиться только у ворот храма. А магическое зеркало вообще стоит в специальном помещении, рядом со святилищем, где находится святая святых — главная статуя Амона. Если даже вы проникнете туда, как узнать об обмане? Ведь нужно, чтобы зеркало заговорило. А оно говорит и показывает ду?хов только после магических ритуалов.

— А что это за ритуалы? — спросил Саша. Из своей прошлой жизни он кое-что помнил о знаменитом зеркале. Но вдруг Джедхор знает больше?

— Точно не скажу, однако, по слухам, жрецы сначала проводят специальный обряд очищения того, кто хочет вопрошать, и только после этого ведут человека к магическому зеркалу. В таинственном полумраке жрецы воскуривают благовония возле зеркала, читают молитвы и магические заклинания, призывая духа кого-нибудь из умерших. И тогда появляется видение, которое отвечает на все вопросы.

Саша молчал довольно долго. Наконец, произнёс:

— Нам обязательно надо взглянуть на это зеркало. И думаю, мы обойдемся без ритуалов.

Джедхор хотел что-то сказать, но Саша опередил его:

— Только хорошо бы знать точно, в каком из помещений храма находится зеркало и как охраняется храм. Сегодня же ночью мы туда проникнем.

— Это очень опасно! — решил предостеречь Джедхор.

— Опасно, — согласился Саша. — Но боюсь, у нас нет другого способа уговорить Анхесенамон бежать. А ведь мы знаем, что зеркало говорит чужими словами. Осталось лишь доказать это.

— Ну, хорошо, — сказал Джедхор, — раз это необходимо, я расскажу вам о храме подробно.

— Нам нужны самые точные данные, — настаивал Саша.

— В правильности моих сведений можете не сомневаться, — начал объяснять Джедхор. — В молодости, служа писцом у

Нефертити, я жил в столице. Эхнатон задумал тогда построить храм Атона. Сначала хотел сделать его в виде пристройки к Большому храмовому комплексу Амона. Я помогал архитектору готовить проект и не однажды держал в руках план всего комплекса. Потом Эхнатон решил, что нужно возвести отдельный храм Атону и построил его между Южным Опетом и Опетом Амона. Жрецы, конечно, были крайне возмущены, ведь территория, на которой построили святилище, принадлежала им. В новом храме Эхнатон повелел поставить тридцать статуй, изображавших его самого. Больше никаких изваяний там не было — ни священных животных, ни богов. Единственный бог правил в этом храме — Атон. Однако изображён он был не в образе человека и не в образе животного. Сверкавший над алтарём Атон, выглядел так, как в жизни, — солнечный диск со множеством лучей. Лучи тянулись к головам молящихся и заканчивались кистями рук. Одна из них держала «анх» — символ жизни… Теперь этот храм разрушен, все статуи Эхнатона разбиты, и в стране опять торжествует Амон.

Джедхор отвлекся, начав вспоминать свое прошлое, но это было тоже интересно. Саша и не заметил, как вместе с ним принялся философствовать и даже мысленно проводить аналогии со своим миром.

— Да уж, — задумчиво произнёс он. — Мне кажется, веру, которая сделала страну могущественной, нельзя уничтожить одним царским указом.

— Новое должно сменять старое, но не отменять его. Когда перечеркивают все, что было — это огромная ошибка, — подтвердил Джедхор. — Но вернёмся к плану Опета Амона. Я нарисую его.

— Вот это самое лучшее! — обрадовался Саша. — Тогда мы точно не заблудимся.

— Может, всё-таки не стоит рисковать жизнью? — в последний раз переспросил Джедхор. — Может, как-нибудь без этого уговорим Анхесенамон?

Саша отрицательно помотал головой.

— Она слишком напугана пророчеством.

— Тогда я пойду вместе с вами, — придумал Джедхор.

— Нет, — возразил Саша. — Если что-нибудь случится, кто нам поможет?

— Тогда я со своими слугами буду ждать вас недалеко от храма. Поднимется переполох — я тут же попытаюсь спасти вас.

— Нет, и так рисковать не стоит. Опять же захватят и нас и вас — ничего хорошего.

Джедхор был в отчаянии.

— Ну, разрешите мне хотя бы ждать вас на своей колеснице там же.

— Хорошо, — сжалился Саша, — И никаких слуг. — Потом поглядел на Аню и добавил, перейдя на русский. — Ты тоже будешь ждать нас возле храма.

— Это еще почему? — возмутилась девушка. — Я пойду с вами.

— Чтобы попасть на территорию Большого храмового комплекса, — стал объяснять Саша, — нужно перелезть через высокую каменную стену. Не женское это дело — лазить по каменным заборам, особенно в местной одежде.

— Ну, ладно, — смирилась Аня быстрее, чем Джедхор, но тут же и разочаровала Сашу. — Только если вас долго не будет, я полезу следом.

— Нет, Анюта. Даже не вздумай! Игры кончились. Ты поняла? Никакой самодеятельности!

Саша говорил строго, но до ненормальности спокойно. И это производило сильное впечатление. Он казался ей повзрослевшим сразу лет на десять. Ане тут же расхотелось спорить, и она лишь молча кивнула.

Спорить было действительно некогда. Джедхор хлопнул в ладоши и тотчас же в комнату вошёл слуга.

— Принеси мне письменные принадлежности, — распорядился хозяин.

Слуга вышел и быстро вернулся, неся в руках папирус, кисточки и чёрную краску.

Джедхор стал аккуратно вырисовывать план Большого храмового комплекса Амона. А ребята принялись обсуждать свои будущие конкретные действия, разумеется, привлекая к этому и египтянина. Они ещё не закончили, когда в комнату вошёл Апуи вместе с резчиком по камню. Тому принесли духи, подаренные Анюте, потом объяснили и даже нарисовали, как должна выглядеть крышечка для флакона, и резчик удалился — выполнять задание. Апуи, не мешкая, отправился на окраину города к заброшенной каменоломне.

А четверо заговорщиков опять склонились над планом храмового комплекса.

Глава 44
СПАСИТЕЛЬНЫЙ ОБМАН

Солнце медленно скрывалось за горизонтом, и светло-голубое небо темнело, приобретая пурпурный оттенок. Этот необыкновенно красивый переход от нежно-розового на горизонте до глубокого синего над головой вызывал чувство умиротворения и восторга. Казалось, чья-то божественная рука мазнула красной кистью между землей и небом, и теперь волшебная краска плавно растекается по всему окоёму. Однако чарующие сумерки в этих широтах длятся недолго, и неумолимый ночной мрак начинает быстро окутывать город.

Ребята с факелом в руках стояли в одной из комнат разрушенного храма Мут и с волнением оглядывались вокруг. Высокие полуразвалившиеся колонны, покрытые наполовину стёршимися надписями, расписные стены, вернее, то, что от них осталось, расколотые скульптуры — всё говорило о том, что когда-то этот храм был прекрасен. Его построили давным-давно, да и враги разрушили не вчера…

Этими врагами могли быть гиксосы, завоевавшие Древний Египет за триста лет до Тутанхамона. В то далёкое время, а случилось это около 1640 г. до н. э., в ослабленный междоусобными войнами Египет вторглись племена из Юго-западной Азии. Гиксосы, как стаи саранчи, набросились на богатые земли египтян, и жители Та-Кемет не смогли дать им достойного отпора. Страну раздирали распри а, ко всему прочему, у гиксосов было преимущество — они вторглись в Египет на конных колесницах. У египтян не было ни лошадей, ни колесниц, и враги просто сметали пешее войско, обращая воинов в бегство. Итак, сначала завоеватели покорили Дельту — Нижний Египет, а потом постепенно стали продвигаться вглубь страны. Союзником гиксосы выбрали Нубию, вассальную колонию Египта. Некогда покорная Нубия теперь поджимала Египет с юга, а сами гиксосы обосновались на севере Египта, в Дельте. Там они построили новые города и окружили их неприступными стенами. Из своих крепостей тысячные отряды хорошо вооружённых воинов выходили разрушать египетские города и храмы. Они собирали дань со всех городов Египта. Власть гиксосов длилась более столетия. Египтяне их называли «правителями из чужих стран».

Последнего из шести гиксосских правителей звали Апо?пи. Его резиденцией был город Аварис, что в Дельте, и вся земля

Египетская приносила ему дань. Однажды, Апо?пи отправил своего посланца к правителю южного города Фивы. Тот прибыл во дворец и сказал тогдашнему правителю Фив Секне?ре: «Владыка Апопи посылает сказать тебе, что твой бассейн с гиппопотамами должен быть закрыт, ибо животные своим рёвом не дают спать господину ни днём, ни ночью». Правитель Фив был озадачен. Как мог слышать Апо?пи рёв гиппопотамов, если его столица находилась на расстоянии многих дней пути от Фив? Секне?ра понял, что Апопи просто издевается над ним, а, может, специально провоцирует на что-то. «Хочет сместить меня и назначить своего приближённого управлять Фивами? — думал Секнера. — Нет, правитель Фив не станет выполнять глупые приказы зазнавшегося гиксоса!» Это послание переполнило чашу терпения египетского правителя и послужило толчком к восстанию. Секнера, которого прозвали Храбрый, начал освободительную войну против завоевателей.

Знамя подхватил его сын Ка?мос, дошедший со своими войсками до Авариса, где находилась непреступная крепость Апо?пи. Ка?мос атаковал её, но взять так и не смог. Он погиб от руки предателя. А полную победу над гиксосами одержал его младший брат Я?хмос, основатель XVIII династии, той самой, последним представителем которой являлся Тутанхамон. После победы над гиксосами столицу Двух Земель по праву перенесли в Фивы. Египтяне предпочли бы забыть этот период «великого унижения». Но кое-что напоминало жителям Та-Кемет о гиксосах, например, колесницы и лошади. Это приобретение с успехом использовалось в военных целях и в повседневной жизни.

А ещё они переняли у гиксосов составной лук, который был более мощным, чем традиционный простой. Прежде египтяне делали лук из цельной твёрдой древесины: акации или рожкового дерева. Теперь же деревянной делалась только сердцевина, к внешней стороне приклеивались сухожилия животных, а к внутренней — пластины из рогов буйвола. Внешне лук выглядел, как тупоугольный треугольник при надетой тетиве и как полукруг при полном её натяжении. Создавалось впечатление, что центральная часть лука сгибается. Но это было не так. Угол в центре был жёсткий, и лук сгибался по всей длине своих плеч. При отпускании тетивы не случалось резкого рывка, что позволяло производить плавный и точный выстрел. Также новая трёхслойная конструкция давала б***о***льшую дальность выстрела. И ещё одно преимущество выгодно отличало составной лук от простого: оружие могло храниться с надетой тетивой в течении длительного времени без ухудшения боевых качеств.

Прогнав гиксосов, египтяне поняли, что жить спокойно уже

не получится. Во времена Древнего и Среднего Царства они знали только междоусобные войны. На них никто и никогда не нападал извне. Теперь же надо было научиться защищать себя от внешних врагов, то есть иметь сильную подготовленную армию. И представители XVIII династии вплоть до правления Эхнатона всегда помнили об этом.

…Ребята начали сомневаться, состоится ли встреча вообще, и решили обойти все комнаты разрушенного храма. Что, если похитители «Фаэтона» ожидают их где-нибудь в другой части здания? Тут и послышались шаги.

Из глубины храма вышел человек с факелом в руках, по виду знатный египтянин, остановился шагах в десяти и строго спросил:

— Вы принесли то, о чем мы договаривались?

— Принесли, — ответил Саша и показал флакон.

Вельможа расплылся в улыбке.

— Эти духи? дорогого стоят, — сказал он. — За них можно получить половину всех земель, принадлежащих Великой Та-Кемет.

Саша перевёл слова незнакомца друзьям, и те в изумлении уставились на вельможу.

— Не желаешь ли подушиться этим необыкновенным ароматом? — вдруг добавил египтянин, обращаясь к девушке. — Должны же вы знать, чего ради подвергали свою жизнь опасности, похищая духи у владычицы.

— Почему ты считаешь, что мы их украли? — возмутился Саша. — Анхесенамон любезно согласилась подарить нам флакон.

Вельможа с сомнением посмотрел на молодого человека.

— Это неважно, как вы их добыли. Важно, что вы принесли их сюда, — египтянин опять посмотрел на девушку и еще раз настойчиво попросил её подушиться.

Аня в растерянности смотрела на ребят. «Удивительно, — думала она, — все меня просят понюхать и подушиться. Что они, сговорились что ли?»

— Зачем тратить бесценные духи? — спросил Саша. — Лучше отдайте то, что вы у нас украли, а взамен мы вернем ваш флакон.

Вельможа нахмурился.

— Вы хотите обидеть меня, — сказал он. — Вы получите, что хотите, но я должен отблагодарить вас за эти духи. И мой подарок заключается в том, чтобы дама подушилась этим чарующим ароматом.

— Да не нужны нам ваши подарки, — сказал Саша. — Отдавайте украденное, и делу конец.

Вельможа стал выходить из себя.

— Я не привык, чтобы мне отказывали! — в ярости выкрикнул он.

Ребята поняли, что придётся выполнить желание похитителя. И самое главное, стало очевидно, что этот вельможа неспроста хочет, чтобы Аня подушилась. Наверняка, это не просто духи?, а какой-нибудь волшебный эликсир или даже яд. «Хорошо, что флакон, который мы принесли — фальшивка», — думали они.

— Ладно, Ань, подушись, что тебе стоит? — сказал Саша и поймал себя на том, что слово в слово повторяет фразу, которую говорил накануне, когда Аню уговаривал тот торговец.

— Хорошо, — согласилась девушка тоже почти теми же словами, — раз вельможа настаивает…

Торговец тогда слушал их диалог растерянно, ожидая очередного отказа. А этот вельможа улыбался, словно понимал русский язык. По интонациям, что ли, догадался?

Аня открыла крышечку в виде цветка распустившегося лотоса и подушилась.

— Ну, скажите, скажите скорее, нравится вам этот аромат?! — с каким-то просто карикатурным нетерпением поинтересовался вельможа. Он вел себя, как плохой актер.

Саша перевел, добавив от себя:

— Ему сейчас плохо станет, если тебе не понравилось.

— Очень, — ответила Аня, усмехнувшись про себя… — Потрясающе! Великолепно! Божественно!

Саша перевел.

— Я рад, что вы получили удовольствие, прекрасная дама, — сказал довольный вельможа.

— А теперь мы можем получить, то, что вы украли у нас? — полюбопытствовал Саша, уже догадываясь, что все будет не так просто.

Вельможа расхохотался. Ребята смотрели с удивлением: «Что это с ним?»

— Берите духи и отдавайте нам нашу вещь! — Саша из последних сил старался не перейти на крик.

— Вашу вещь? — еще веселее засмеялся вельможа. — А вы уверены, что она ваша?

Все трое переглянулись. Они не знали, как реагировать на столь неожиданные слова египтянина.

Вельможа перестал смеяться и громко хлопнул в ладоши. Из соседнего помещения вышел второй человек, и когда он подошел ближе, ребята еще раз переглянулись: лицо его было им знакомо. Где же они его видели?

— Узнаёте? — спросил первый вельможа.

Саша решил промолчать: уж слишком много лиц промелькнуло перед ними за эти два дня…

И тогда «знакомый египтянин» усмехнулся и снял с головы пышный парик.

— А теперь узнаёте? — спросил уже он сам по-русски.

Аня отшатнулась и крепко схватила Сашу за руку.

— Ну что, допрыгались? — усмехнулся их старый знакомый.

Друзья молчали. Они ясно поняли, что положение их более чем серьёзно и теперь они вряд ли получат назад «Фаэтон». Но зачем была нужна эта комедия с духа?ми? Разве что духи эти действительно особенные?

Саша сделал последнюю попытку вернуть «Фаэтон».

— А духи? Вы хотите их получить? Только в обмен на прибор. Так мы не отдадим их.

— Возьмите себе, — усмехнулся их первый соотечественник, подойдя к девушке, мило улыбнулся. — Разрешите представиться: Сергей Булаев. — И вдруг спросил: — Как вы себя чувствуете, мэм?

Аня растерянно взглянула на него: что за дурацкий вопрос?

Тогда Сергей погладил её по голове и нарочито ласково объяснил:

— Мне очень жаль тебя, детка, но скоро ты умрёшь мучительной смертью.

Аня ещё крепче сжала Сашину руку и инстинктивно обратилась к нему.

— Что он хочет сказать? Я не понимаю.

А Саша вдруг растерялся, и Ваня опередил его:

— Вы объясните, наконец, что вы имеете в виду?

— Я сказал ровно то, что хотел сказать, — ответил Сергей и победоносно взглянул на ребят. — Медленная, мучительная смерть ожидает именно вашу подругу Аню.

Общее молчание и нескрываемый страх в глазах были ему ответом.

— Этот флакончик с духа?ми действительно дорогого стоит, — продолжал довольный собою победитель. — В них растворен вирус, вызывающий страшную аллергию. Воздушно-капельным путём он плохо передаётся, зато через кожу всасывается лихо: полкапли на палец, полкапли на шею — и всё — через несколько часов появятся первые признаки болезни, а через пару-тройку дней человек умирает в страшных мучениях. Кожа покроется нарывами, — скривив лицо и морщась, он говорил медленно, смакуя каждое слово, — а затем превратится в одну сплошную рану. Ты будешь задыхаться, как астматик, — взяв себя за горло, он изобразил и это. — Несчастная, ты будешь

хватать ртом воздух, но не сможешь дышать, потому что всё твое горло распухнет от жутких язв. В итоге ты захочешь смерти как избавления от невыносимых мук. И смерть не заставит себя ждать. Она заберёт тебя…

Сергей явно немного перестарался. У девушки в глазах стояли слезы, она была близка к истерике и, похоже, уже просто не слышала его. Ваня все больше наливался яростью, кулаки его начали непроизвольно сжиматься. А Саша, осознав, что имеет дело с патологическим садистом, наоборот, словно вдруг успокоился и стал смотреть на секретного агента едва ли не сочувственно — как врач на пациента.

— Вы говорите странные и страшные вещи, — тихо произнёс Саша. — Зачем же вы притащили через века такой жуткий смертоносный вирус? Он вызовет эпидемию среди местных жителей, и вся история человечества пойдет кувырком.

Булаев несколько растерялся от такого натиска, но быстро сориентировался:

— Во-первых, этот вирус не передаётся по воздуху. Им можно заразиться, только если жидкость попадёт на кожу.

— А нарывы? — перебил его Саша. — Как я понял из описания симптомов, если другой человек дотронется до язв, он, наверняка, заразится: зараза трещинку найдет — очевидная аналогия с проказой.

— Да кто же станет трогать такое мерзкое тело? — глуповато пошутил Сергей.

— Врачи станут трогать! — с вызовом сказал Саша. — Здесь тоже есть врачи, хоть их называют чаще магами и целителями.

Ваня поддержал друга:

— А для чего вы отнесли флакон с вирусом во дворец? Вы что, хотели убить владычицу Египта? Зачем?

Сергей замахал руками и скорчил недовольную гримасу.

— Вы слишком много вопросов задаёте.

— Нет уж, ответьте, — упрямо настаивал Ваня. — Зачем вы хотели убить Анхесенамон? Кто-то поставил вам задачу изменить ход истории?

— Господи, какую чушь вы говорите! — вмешался, не выдержав, напарник Булаева. — Флакон с вирусом попал во дворец случайно.

И он счел возможным рассказать проигравшей стороне всю историю с подменой флакона. Сергей, немного уставший от своих монологов, был даже рад передышке, но потом проворчал недовольно:

— Можно было и не объяснять им этого. Ну да, глупый торговец испортил нам весь план. Тяжело работать с этой

отсталой публикой, верящей в любовные эликсиры и прочую лабуду. Ну, ладно, теперь-то мы всё исправили. Да, крошка? — и он опять многозначительно посмотрел на Аню. — Ты какая-то уж больно спокойная, — удивился он. — Почему не рыдаешь? Не рвёшь на себе волосы? Разве ты хочешь умереть такой жуткой смертью?

Аня в испуге спряталась за Сашу и Ваню.

— Какой-то вы совсем безграмотный человек, — заметил Саша, чувствуя, что пора спасать ситуацию: вдруг этот мерзавец догадается о подмене? — Знаете, что такое запредельное торможение? Никогда не видели, как ведут себя люди, обреченные на смерть?

— А ты постоянно видишь вот таких умирающих девчонок? — хохотнул Сергей.

— Я будущий медик и психолог, — соврал Саша.

— А-а-а, — протянул Булаев, снова пялясь на Аню и готовясь к новой шутке, но тут не выдержал Иван.

— Хватит издеваться над ней! — глаза его потемнели от гнева. — Зачем вы это сделали? «Фаэтон» уже в ваших руках. Что вам еще от нас надо?

— А то вы не знаете, — с укоризною произнес второй, снова вступая в разговор. — Нам нужны секретные документы. Где они?

Никто не ответил, они были еще не готовы, и тогда Сергей продолжил тему:

— Если скажете, где документы, получите вот это, — и он вытащил небольшой флакончик из того же прозрачного алебастра.

— Что это? — презрительно скривился Саша. — Ещё одна отрава, позволяющая умереть быстро и без мучений?

— Ценю твое остроумие, — улыбнулся Сергей. — Но это не отрава, а настоящий антидот, противоядие. Девчонка примет его, и все — полностью здорова…

Ваня кинулся вперед так неожиданно, что, казалось, он успеет вырвать флакон из рук Сергея, но все же его первый разряд по самбо несколько уступал спецназовской выучке Булаева. Ваня оказался на полу, а флакон у Сергея в кармане.

— Ай-ай-ай! — сказал Булаев, отойдя на почтительное расстояние. — Не надо резких движений! Я же мог уронить флакончик на камни, и тогда антидот — тю-тю! Что же ты так не ценишь жизнь, здоровье… и могущество! — хохотнул он, — своей подруги. Скажи, где документы, — и всё! Противоядие — ваше! — Сергей начал терять терпение. — Поняли, молокососы?! Отвечайте, где спрятали документы! А то, честное слово, хуже будет.

— Да куда уж хуже, — проворчал Ваня, всё ещё отряхиваясь, пол в храме был очень пыльным.

В наступившей тишине спокойно и вежливо заговорил напарник Сергея Булаева:

— Упрямство для вас сегодня плохой союзник. Будет действительно гораздо лучше, если вы все расскажете честно. Мы же представляем серьезную официальную организацию. Меня зовут Максим Соколов. А Сергей Булаев — мой начальник.

«Знакомая схема, — подумал Саша. — Злой следователь, добрый следователь. Знаем, читали…»

А Ваня опять не выдержал:

— Что, и вот этот отмороженный, — он показал на Сергея, — тоже представляет официальную организацию?! Но вы-то хоть понимаете, что мы знать не знаем, где эти чёртовы документы!

— А кто же знает? — как-то почти по-детски расстроившись, спросил Булаев. Он даже на отмороженного не обиделся.

А Соколов промолчал, сверля взглядом всех троих по очереди.

— Но мы действительно не знаем, где документы, — абсолютно спокойно произнёс Саша. — Даже не понимаю, почему вы нам не верите?

— Потому что вы бегаете от нас, — резонно объяснил Максим. — А раз бегаете, значит, что-то скрываете.

— Да ничего мы не скрываем. Мы нашли только «Фаэтон», никаких документов там не было, — повторил Саша.

«Говорить правду очень легко и даже приятно, — думал он, — а возводить на себя напраслину… Чего ради? Даже в тридцать седьмом, если верить истории, никому это в итоге не помогло».

Но этот упёртый Сергей так и не поверил им.

— Даю вам сроку до утра! — рявкнул он. — Если не одумаетесь, антидот будет уничтожен. И прошу заметить: любые действия, направленные против нас, приведут к тому же результату. Пошли, — бросил он Максиму, развернулся и пошёл к выходу.

— Лучше бы вам все-таки вспомнить, где документы, — сказал им Максим на прощание, и в голосе его прозвучало сочувствие, даже искренняя жалость. Казалось, он сейчас добавит: «Я-то вам верю, но что я могу поделать?»

Ребята остались одни в разрушенном храме. Аня присела на какой-то случайный камень и, наконец, дала волю слезам.

— Ну, вот и все, — всхлипывала она. — Теперь мы никогда не вернёмся домой. Я больше не увижу маму и папу, никогда не увижу их… Никогда… Но почему?!

— Да не расклеивайся ты! Не падай духом. Убиваться не надо, Анюта! — Саша перебирал дежурные для таких ситуаций слова, но все они звучали полнейшей бессмыслицей. Аня продолжала тереть глаза и хлюпать носом.

— Радуйся, дурёха, что они не заразили тебя вирусом! — несколько грубовато рубанул Иван, и Аня вдруг сразу перестала плакать: ведь это, и правда, было хорошо.

— Джедхор — молодец, — всхлипнув еще пару раз по инерции, сказала она. — Это он придумал духи подменить.

— Короче! — Ваня поднялся, подошел к выходу и выглянул наружу. Дрожащий огонек факела был виден уже далеко-далеко. И Ваня, вернувшись, заговорил громко, почти торжественно: — Я считаю, что нам здесь, в Египте, просто невероятно везет. Посуди сама, Ань, тебя два раза хотели отравить, и оба раза не получилось. А это знак!

Аня подняла на него еще мокрые от слёз глаза.

— Какой знак?

— Добрый знак, Анюта! Выходит, «кто-то там наверху любит нас», как сказал один хороший писатель.

— Ты опять шутишь? — растерянно спросила девушка.

— Да не шучу я! Сейчас, честное слово, не шучу. Фортуна и впрямь на нашей стороне!.. Ну, а если без мистики, у нас есть могущественный покровитель — Джедхор. Его слуги, его связи, знания, опыт, его ум, наконец. Мы спасли ему жизнь, а такое не забывают.

— К тому же мы и сегодня работаем на него, — добавил Саша, — мы нужны ему. Отчаиваться не стоит. Наш страх — это источник храбрости для наших врагов. Не я придумал.

— Вот именно! — подхватил Ваня. — Никакого страха и уныния! Надо быть сильными, и тогда всё получится. Мы обязательно вернёмся домой целыми и невредимыми.

— Напоминаю, — сказал Саша, — Апуи проследит за псевдовельможами, выяснит, где они живут. Это еще один наш козырь. А первый и главный вот какой: они не догадываются о подмене духов, и потому уверены, что мы никуда не денемся, а тем более не сделаем им ничего плохого.

— Слушайте! Я поняла! — у Ани в глазах появилась надежда и она впервые за вечер улыбнулась. — Они такие дураки! Мы сумеем обмануть их еще раз. Правда, ребята?

Глава 45
СИЛЬНЫЙ ВСЕГДА ПРАВ?

Когда похитители вышли из заброшенного храма Мут, Апуи сразу последовал за ними. Он не упускал их из виду ни на секунду, но держался на почтительном расстоянии. Крался, как кошка, ступая тихо и осторожно. А Сергей и Максим, не замечали слежки, уже хотя бы потому, что совершенно не ждали ее здесь и сейчас. Факел не позволял им видеть дальше двух-трех метров вокруг, а слышали они только хруст камней под своими ногами, да еще и разговаривали между собой.

— Видишь ли, — говорил Максим, — как психолог я почти уверен, что они сказали правду и ничего не знают про документы.

— А я — как боевой офицер на задании! — этому не верю, — твёрдо заявил Сергей. — Пусть думают. У них еще есть время. Посмотрим, что они запоют на утро.

— Скорей всего, то же самое, — вздохнул Максим. — Они же почти ещё дети! Не стали бы они так рисковать жизнью ради каких-то документов…

— Дети, говоришь? — завелся Сергей. — Ты бы видел, с какими детишками мне приходилось воевать! Десять, двенадцать лет, а в зубах кинжал, на плече «стингер», и такая ненависть в глазах!.. Поймаешь его, будет молчать, как партизан, хоть на куски режь…

— Это в Чечне? — робко спросил Максим.

— Ну, — подтвердил Булаев. — А эти-то взрослые совсем.

— Но здесь же не Чечня, — возразил Максим.

— Здесь — Египет. Абсолютно чужая земля, и мы с тобой выполняем спецоперацию. Прекратить разговорчики в строю!

— По-моему, насчет разговорчиков и Круглов, и Рафаэлич давали чуть-чуть другие инструкции, — Максим не выдержал, и в голосе его зазвенел металл.

— Ну, хорошо, — Сергей сбавил обороты, — я буду тебя слушать. Ты только работать не мешай. Я ведь тоже думать умею. И считаю: документы они кому-то продали в Москве за нехилые деньги. А сейчас выкручиваются, и надо их дожать! Знаешь, в разведке только так: пока не добудешь нужной информации — не выпускай врага из рук! А эти малолетки просто ещё не поняли, с кем связались. Ну, ничего, скоро поймут…

— «Вы меня еще не знаете, но вы меня еще узнаете», — пробормотал Максим, вспомнив подпоручика Дуба из «Похождений Швейка».

— Чего-чего? — переспросил Булаев.

— Да я говорю, вряд ли они продали документы, — с сомнением произнёс Максим. — Не такие они люди. Этих ребят надо забрать с собой в Москву и там спокойно во всем разобраться.

— Знаешь, что? — Сергей даже остановился. — Место схватки они выбрали сами. А у меня есть приказ — вернуть «Фаэтон», разузнать про документы и дальше действовать по обстоятельствам, вплоть до ликвидации самовольных путешественников во времени. Я этот приказ выполняю, а ты — мой подчиненный. Давай завтра поговорим, когда молокососы увидят свою подругу во всей красе и сами к нам прибегут. Всё расскажут, как миленькие! А я им антидота всё равно не дам. Пусть подыхают.

И он подозрительно покосился на Максима.

— Лишнего только не говори. Ладно? — проговорил Максим мрачно, и лицо его в дрожащем свете факела казалось даже грозным. — Пошли, поздно уже.

— Нет, постой! — взъелся Сергей. — Ты почему их всё время оправдываешь? Они сказали, что не знают, где документы, и ты им сразу поверил. Я тебе вот что скажу — никому нельзя доверять. Понял? Особенно тем, на кого охотишься.

— Я тебе тоже кое-что скажу, — едва ли не по слогам произнес Максим. — Эти молодые люди — не шпионы-диверсанты, которых готовили годами, которых учили убивать и не бояться смерти. Они — обыкновенные ребята, попавшие в переплет, и смерти, особенно мучительной они, наверняка, боятся. Они бы уже давно рассказали про документы, если б знали. А завтра, в ужасе и панике они расскажут тебе такое, чего вообще не знали никогда. Зачем тебе это? Не понимаю. С ними надо вести диалог, а не давить на них. Ребята достаточно разумны. Сергей, нам пора в Москву вместе с ними. Сегодня это еще легко сделать, и там от них будет больше пользы.

Сергей нахмурился и надолго замолчал. Ему очень не нравилось, когда Соколов спорил с ним, и аргументы более образованного товарища оказывались сильнее.

— Главный здесь я, — сказал он, наконец, жёстко. — Я тебя выслушал, но решения буду принимать сам. И запомни: мы все-таки не на курорте — мы на войне. А в бою именно сильный всегда прав. Кто у нас сильный? Я. И по должности, и по званию, и по всему остальному.

Максим пожал плечами, имея ввиду «всё остальное», но больше до самого дома не проронил ни слова.

Глава 46
ЛУЧШИЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ — ЭТО НАПАДЕНИЕ

«Вдруг с ними что-то случилось? Вдруг им помощь нужна? — Джедхору становилось все тревожнее с каждою минутой. — Всё-таки надо было вместе с Апуи послать еще людей». — Он встал с кресла и прошёлся по комнате. Дурные мысли так и не отпускали его. — «Может, вместе со слугами пойти сейчас к разрушенному храму?» — Он вышел во двор и направился по дорожке к воротам. «Если они тотчас же не появятся, я скажу привратнику, чтоб собирал людей и…»

Но он не успел додумать свою мысль, потому что ворота открылись и во двор вошли Аня, Саша и Ваня. Вид у них был расстроенный. Джедхор сразу понял, что получить назад волшебную шкатулку не удалось.

Все прошли в дом, и хозяин распорядился, чтобы принесли поесть.

— Значит, она осталась у похитителей, — задумчиво произнёс Джедхор.

— Эти похитители из нашего мира, — Саша счел нужным сообщить правду.

Ведь было просто необходимо рассказать Джедхору в подробностях и про цели врагов, и про смертоносные духи?, и про то, как флакон попал во дворец. В заключение Саша печально добавил:

— Если мы не найдем способа отнять у них шкатулку, мы никогда не сможем вернуться в свой мир.

— Забрать у них волшебную шкатулку, я думаю, не так уж трудно, — немного поразмыслив, сказал Джедхор. — Пока ваши враги уверены, что отравили Анну, они будут спокойно разгуливать по городу, ничего не опасаясь. Они же считают, что держат вас в своих руках.

— Совершенно верно, — кивнул Саша.

— На самом же деле вы свободны в своих действиях, — продолжал Джедхор. — Значит, надо поторопиться. Апуи выяснит, где живут эти двое, и мои люди выкрадут у них волшебную шкатулку. Сегодня же ночью.

Саша перевёл слова Джедхора ребятам, и те чуть не закричали от радости. Особенно Аня. Она готова была броситься на шею Джедхору и расцеловать его, но, вовремя сдержала свой

порыв. «Все-таки тут Фивы, а не Москва, у них, наверно, так не принято, — подумала девушка. — Но Джедхор — настоящий друг. Он же сам предложил похитить „Фаэтон“, не дожидаясь, пока мы его попросим!»

Ваня, будто услышав эти мысли, многозначительно произнёс:

— Правильно сказал один мудрый человек: «Друг — тот, кто всякий раз, когда ты в нём нуждаешься, догадывается об этом».

В комнату вошёл Апуи:

— Похитители живут у торговца, который приносил духи, — заговорил он прямо с порога. — Я следил за ними до самых ворот. И что меня особенно удивило, они между собой разговаривали на непонятном языке. Они не жители нашей страны, хотя и выглядят очень похоже.

— Да, это не жители Та-Кемет, — подтвердил Джедхор. — Они из того же мира, откуда прибыли наши спасители.

И он рассказал Апуи обо всём, что произошло с Аней, Сашей и Ваней, а затем, не откладывая, выдал слуге новое поручение. Апуи не растерялся:

— Ты прав, мой господин. Волшебную шкатулку надо похитить именно сегодня ночью, иначе уже завтра утром они поймут, что даму отравить не удалось, и, наверняка, предпримут какие-то действия, как минимум переедут жить в другое место. Могут и вовсе скрыться. Так что… не буду терять времени, соберу людей, мы проникнем в дом торговца и застанем врасплох наших недругов.

Джедхор одобрительно кивнул, провожая Апуи, а Саша попросил всех ещё раз внимательно изучить план храмового комплекса и подумать, всё ли у них готово к предстоящей операции.

— А давайте переоденемся в свою привычную одежду, — сказал вдруг Ваня. — Лазить по стенам в этом наряде не совсем удобно.

Предложение было неожиданным, но его дружно признали разумным.

Глава 47
БОЛЬШОЙ ХРАМ АМОНА

Высокая стена с множеством входов, маленьких и больших, окружала весь храмовый комплекс, куда включались, прежде всего, Большой храм Амона и малые храмы, посвящённые другим богам; а также специальный дом для жрецов, священное озеро, где они четыре раза в день совершали ритуальные омовения, различные мастерские, храмовая библиотека, административные здания и, конечно же, Дом Жизни. В Доме Жизни находилось свиткохранилище, а еще там была школа, где готовили будущих жрецов.

Все жрецы разделялись по кастам, и каждая проходила своё, специальное обучение в Доме Жизни. Во главе жрецов стоял верховный жрец-сем. Он являлся своего рода заместителем или представителем фараона в храме. Фараон мог посадить на это место любого человека по своему усмотрению. За верховным жрецом шли жрецы-специалисты. Первыми среди них считались жрецы часов. Они следили за временем. Умение определять время имело важнейшее значение для деятельности храма, поскольку каждая служба и каждая церемония начинались в строго определённый час. Жрецы следили за ходом солнца и звёзд на небе и по их местоположению определяли, когда должно было начинаться то или иное священное действо. Так же внимательно они смотрели за специальным сосудом, этакими водяными часами, по которым определяли более точное время. Сосуд был конической формы, и на его стенках имелись отметки. Вода вытекала через небольшую дырочку внизу с определённой скоростью, и по ее уровню следили за ходом времени.

За жрецами часов следовали жрецы-астрологи, которые являлись хранителями календаря. Календарь предписывал египтянам, как вести себя в данный конкретный день. При этом каждому дню года соответствовало какое-то событие. Например, рождение Гора или День разрушений и изгнания сообщников Сета, или День праздника Мут, жены Амона, или День сопровождения Осириса на его ладье в Абидос и так далее. Отдельно в календаре обозначалось, благоприятен день или нет, и жрец-астролог должен был сообщать, какие поступки следует совершать людям в этот день, а каких не следует. Например, в День гнева глаза Гора нельзя было пользоваться огнём. Или в День, когда приверженцы Ра ловят птиц и рыбу, нельзя выходить на реку в лодке, а каждый, кто ослушается, умрёт. Или в День

выхода Осириса из дома богов нельзя есть мясо львов. И также, если кто тяжело заболеет в этот день — уже не поправится. А в День, когда все боги и богини празднуют в святом храме, всё, что увидишь, будет тебе во благо.

В общем, буквально каждый день что-то значил, и советы жрецов-астрологов чётко определяли для египтян правила их поведения.

Надо заметить, что год в Великой Та-Кемет начинался весной, одновременно с разливом Нила. В этот день на востоке, перед самым восходом солнца, появлялась на мгновение звезда Сириус, по-египетски — Сопдет. И египтяне праздновали начало Нового года, первый день которого имел ещё и религиозный смысл — отмечался праздник Умиротворения Сахмет, львиноголовой богини.

Согласно преданию, люди разгневали Сахмет своим неуважительным отношением к богу Ра, и она задумала уничтожить их. Но бог Ра смилостивился над людьми, и, чтобы Сахмет не причинила им вреда, напоил её пивом, подмешав в него особое зелье. Сахмет захмелела и заснула. А когда проснулась, то забыла о своём намерении. Поэтому Новый год египтяне отмечали как праздник Умиротворения Сахмет. В этот день они пили спасшее их от гнева богини пиво, дарили друг другу подарки и восхваляли Ра.

Вообще, год у египтян делился на три сезона по четыре месяца: сезон половодья, сезон сева и сезон сбора урожая. Все три сезона были разделены на месяцы, по тридцать дней в каждом. Итого, получалось двенадцать месяцев — триста шестьдесят дней. К последнему месяцу «сбора урожая» добавлялось пять дней, чтобы общее число дней в году равнялось трёмстам шестидесяти пяти. Эти последние дни перед Новым годом были особенными. На них приходились дни рождения всех великих богов. В первый день египтяне праздновали день рождения Осириса, во второй — Гора, в третий — Сета, в четвёртый — Исиды и в пятый — Нефтиды.

И всё-таки самым значительным праздником был Опет, который праздновался в середине сезона половодья, когда на полях работы прерывались, потому что вода полностью заливала землю, подготовленную для посева. Этот праздник был самым длинным, он справлялся больше месяца. Начиналось с того, что священная ладья с золотой статуей Амона отправлялась по воде из Большого храма Амона в другой — тот, что в Южном Опете. Ликующая толпа сопровождала ладью шествием вдоль берега. После всевозможных праздничных церемоний и обрядов священная ладья таким же образом плыла обратно в Большой

храм Амона.

Итак, жрецы-астрологи чётко следили за календарём, это было необходимо, ведь праздников в стране отмечалось великое множество, собственно, каждый день был для кого-то праздником.

В иерархической лестнице после жрецов-астрологов шли жрецы, владеющие тайнами храма, они и заведовали храмовой библиотекой. Считалось, что свитки этого хранилища обладают могущественной силой, поэтому непосвящённым следовало держаться от них подальше. Также в библиотеке хранились свитки с храмовыми уставами, инвентарные книги по имуществу и манускрипты по самым разнообразным вопросам магии.

Все перечисленные служители храма имели высокий ранг и работали не в самом Доме Жизни, а в специальных административных зданиях. Жили они в отдельном доме на территории храма. Были и другие жрецы-специалисты, отвечающие за строго определённую работу. Но служение в храме не было чем-то обременительным. Жрецы делились на группы, каждая из которых пребывала на службе всего по одному месяцу три раза в год — итого три месяца. А это не так много. В остальное время жрец был свободен и вёл обычную жизнь мирянина, не отягощая себя никакими запретами. Возвращаясь в храм на службу, священнослужитель совершал обряд очищения и лишь в течение этого месяца вёл строгую жизнь, полную ограничений.

Но были в числе жрецов и те, кто работал постоянно. Это — толкователи снов, маги и целители. Они служили в самом Доме Жизни и оказывали услуги простым людям. Дом Жизни имел отдельный вход для посетителей, поэтому прийти туда и воспользоваться услугами оракула или мага мог любой.

Вернёмся, однако, к самому храмовому комплексу.

Аллея сфинксов вела к центральному входу, который был украшен величественными вратами — пилоном. Этот великолепный пилон, богато инкрустированный малахитом, ляпис-лазурью, золотом и серебром, был построен сыном великого завоевателя Тутмоса III — Аменхотепом II, который, в свою очередь, являлся прадедом Эхнатона. Надо сказать, что малахита на оформление пилона ушло более пяти тон, но Аменхотеп II не жалел средств на строительство.

Всё это он делал во славу свою и Амона. Аменхотеп II так же, как и его отец, был не только великим строителем, но и великим воином — владыкой жестоким, отважным и физически сильным. «Ни один человек не сможет натянуть мой лук», — хвастался он. После смерти его отца Тутмоса III некоторые вассальные княжества стали проявлять неповиновение, однако новый

правитель Двух Земель Аменхотеп II подавил восстания, прежде чем они успели развернуться. Он вышел в поход во главе своей армии и вернулся в Фивы победителем. Его корабль причалил к берегу столицы, а на носу царского корабля висели вниз головами семеро из восставших царей. Эти жертвы Аменхотеп II посвятил Амону. Сняв тела непокорных правителей с корабля, владыка вывесил их на стене, окружавшей город, чтобы все видели, как новый повелитель Двух Земель расправляется с теми, кто выказал ему неповиновение. А тело одного из семи убитых царей он даже отправил в Нубию, чтобы и там предотвратить возможное восстание.

Но не только великолепным пилоном дополнил ансамбль храма Аменхотеп II. Он расширил священное здание, сделал к нему пристройки и, конечно же, возвёл на его территории личный храм, на стенах которого отразил все свои боевые подвиги.

Перед величественным пилоном, построенным Аменхотепом II, возвышались шесты из кедра, на них развевались знамёна главного бога Египта, а в глубине ворот виднелась огромная бронзовая дверь с золотым ликом Амона. Эта дверь вела непосредственно в Большой храм Амона, но простому смертному путь туда был закрыт — можно было лишь приблизиться к вратам храма, принести дары и вознести молитвы богам. Писцы восседали тут же, и если кто-нибудь обращался к богам с просьбой, то писец записывал вопрос, конечно, беря за это плату, а затем передавал записку жрецам.

За главными воротами открывался огромный зал — Большой двор храма, украшенный очень высокими колоннами — двадцать один метр. Стены и колонны были расписаны великолепными рисунками из жизни богов. А вся площадь огромного двора составляла восемь тысяч квадратных метров. Сюда могли допускаться простые египтяне, но только в особо торжественных случаях, например при рождении ребёнка. Однако такая милость оказывалась, разумеется, не каждому родителю.

Следующий за Большим двором зал носил название Торжественный. Его площадь равнялась пяти тысячам квадратных метров. Построен он был Аменхотепом III, отцом Эхнатона и предназначался для всяческих церемоний. Сто тридцать четыре колонны, каждая еще большей высоты — двадцать четыре метра — поддерживали потолок, где была нарисована карта звёздного неба. Колонны располагались в шестнадцать рядов, и центральный проход назывался священным коридором. Барельефы на стенах и колоннах изображали восхождение фараона к богам. Торжественный зал в дневное время освещался за счёт солнца. Мягкий, равномерный свет проникал сверху

сквозь зарешеченные окна. А в вечернее время, когда солнце садилось за горизонт, зал освещался пламенем светильников, коих было тут великое множество. В этом зале совершались важнейшие ритуалы, великие торжества и отмечались особые события в жизни царской семьи. Торжественный зал был тем местом, где короновался Эхнатон. В нём же он заключил союз с прекрасной Нефертити.

Следующий зал носил название Святилище и состоял из двух помещений. В одном хранилась священная ладья, в другом — золотая статуя Амона на постаменте в специальном ящике, дверцы которого были отделаны золотом и драгоценными камнями. На ладье выносили статую во время ритуальных церемоний. Росписи на стенах Святилища изображали фараона, приносящего дары богам и совершавшего другие ритуальные действия. В этот зал могли ступать только избранные жрецы и сам фараон. Несколько раз в день, на рассвете, в полдень и на закате, жрецы совершали жертвоприношения перед статуей. По утрам золотое изваяние Амона облачали в священные одеяния, а на ночь запирали дверцы алтаря, где стояла статуя. И днём и ночью священную реликвию охраняли жрецы, попеременно сменяя друг друга.

Боковые помещения главных залов, тоже богато украшенные, хранили память о великих правителях, об их деяниях. Позади Святилища находился зал Тутмоса III и его Ботаническая комната, где на стенах изображались диковинные растения, привезённые им из завоевательных походов. В самом зале Тутмоса III правитель велел запечатлеть не только сцены его великих завоеваний, но и сцены охоты, а также атлетических соревнований. А у входа в зал он велел поставить стелу, на которой велел изобразить себя в момент принесения жертв в честь шестидесяти двух своих предков.

Некоторые боковые помещения, примыкавшие к Большому двору и Торжественному залу, служили хранилищами для ритуальных принадлежностей, благовоний, подсвечников, различных масел для омовения рук и других необходимых предметов.

Место, где непосредственно находилось магическое зеркало, являлось боковым помещением Торжественного зала. Эта комната была небольшая, и высота потолка составляла там всего около пяти метров. Маленькое окно наверху, выходившее в глубину двора, смотрело на официальные здания и священное озеро.

Обсуждая план, ребята пришли к выводу, что проникнуть в комнату через окно невозможно. Даже учитывая, «скромную»

высоту потолков, по сравнению с другими помещениями храма, прыгать вниз, на землю не хотелось. Оставался один путь — проникнуть туда через боковую дверь Торжественного зала, тоже выходящую во двор к официальным зданиям. Дверной замок нужно было сломать, и ребята приготовили соответствующие инструменты.

А для перелезания через высокий забор, заготовили длинную жердь с заранее сделанными насечками, в которые удобно было упираться ногами. Наконец, чтобы спуститься по ту сторону во двор храма, они решили использовать верёвку, и на ней через каждые полметра завязали прочные узлы.

— Вот, собственно, и всё, — сказал Ваня.

Саша в последний раз взглянул на папирус с планом, придирчиво оглядел небогатый инвентарь скалолазов и взломщиков, и всем стало ясно без слов: пора отправляться в путь.

Глава 48
ПОХИЩЕНИЕ МАГИЧЕСКОЙ РЕЛИКВИИ

Колесница Джедхора выехала из ворот усадьбы и неспешно направилась по пустынным улицам Фив к храмовому комплексу Амона. Город казался просто вымершим. Местные жители ложились спать рано и по ночам не выходили из домов. Колесницей управлял сам Джедхор, рядом с ним стояла Аня. Саша и Ваня шли пешком чуть позади и старались не отставать. На плечах они несли довольно тяжелую длинную жердь.

Погрузить бы ее на этот конный экипаж! Но, к сожалению, египетские колесницы совершенно не предназначались для перевозки грузов. Повозка была небольшой, вмещала только двух человек и не имела никаких дополнительных устройств. Но это не слишком огорчило ребят. Они уже давно поняли, что езда в колеснице — удовольствие ниже среднего: надо было стоять, да и трясло ужасно, потому что, условно говоря, «кабина» опиралась прямо на ось без всяких рессор.

— Никакой амортизации, — бурчал Ваня. — Одной такой поездки по камням и рытвинам хватит, чтобы отбить себе все внутренности.

И действительно, без привычки, человек, попадая даже в небольшую ямку, рисковал вышибить зубы или пребольно ударить любую нескладно подвернувшуюся часть тела. Чтобы смягчить толчки, следовало постоянно подпружинивать ногами, согнутыми в коленях, а это требовало навыка. К тому же, колесницы легко опрокидывались на неровных дорогах, и чтобы избежать этого, возничему требовался особый талант. Слава богу, дорога, ведущая к храму, оказалась относительно ровной, да и Джедхор управлял лошадьми мастерски. Ане было лестно, что ее удостоили такой чести — не отказываться же теперь — но вообще, она предпочла бы пойти пешком.

Наконец, повозка остановилась. Джедхор спрятал колесницу в пышных зарослях и привязал лошадей. К стенам храмового комплекса они отправились вместе. Оглядевшись и не заметив вокруг никого, выбрали место, где наиболее удобно взбираться на стену, и приступили. Надежно зафиксировав жердь, Саша полез первым. Добравшись до верха, он улёгся на широкое сечение ограды и стал осматривать владения храма. Кругом было тихо. Вероятно, жрецы уже давно спали. Разумеется, кроме тех, кто

охранял в Святилище статую Амона. Саша махнул рукой Ване, и тот быстро, как обезьяна, полез наверх. Джедхор и Аня для верности придерживали жердь. Сидя на стене рядом с Сашей, Ваня вытащил из-за пазухи толстую верёвку. Они закрепили один её конец за торчащий камень, а другой бросили вниз и по очереди спустились во двор.

Джедхор и Аня долго ещё стояли и прислушивались к звукам за стеной. Но всё было тихо. И они вернулись к колеснице, спрятанной от случайных глаз. Им был хорошо виден тот участок стены, где наверху крепилась веревка, а жердь они, конечно, убрали — от греха подальше.

Саша и Ваня, ступая с предельной осторожностью, вслушиваясь в каждый свой шаг, пробирались к главному храму Амона. Похоже, им удавалось передвигаться почти неслышно. Миновав маленькие здания, ребята оказались перед боковой дверью, ведущей в Торжественный зал. На их счастье дверь оказалась достаточно хлипкой. Аккуратно, без особого шума, они сбили замок и прокрались внутрь. Тусклый свет ламп растекался по величественному залу с множеством колонн, блики от маленьких язычков пламени вздрагивали на стенах, испещрённых сакральными надписями. А высокие столбы уходили далеко вверх, теряясь в темноте. Слабый огонь был не в силах осветить потолок, и вместо роскошного звёздного неба, там, наверху была сейчас сплошная пугающая чернота.

— Я себя чувствую здесь муравьём, — прошептал Ваня.

— Аналогично, — так же тихо произнёс Саша, — высота зала с шестиэтажный дом.

— А колонны? — вновь зашептал Ваня. — Их руками не обхватишь. Особенно те, центральные, где священный коридор. Сколько по окружности? Метров десять?

— Давай лучше поищем магическое зеркало. Где этот проклятый закуток? Должен быть по правую сторону от входа.

Они стали медленно продвигаться вдоль стены, и через некоторое время увидели небольшую деревянную дверь, которая была приоткрыта.

— Похоже, нам сюда, — сказал Саша.

Маленькое помещение освещалось еще более слабыми, дрожащими огоньками светильников, расположенных по углам. У левой стены на красивой подставке стояло гладко отполированное серебряное зеркало. Овальной формы. В деревянной оправе. Не больше метра по высоте. В общем, ничего особенного. А разговоров-то! Впрочем, позади зеркала, вдоль всей стены выстроились статуи богов.

Ребята подошли поближе и занялись детальным осмотром. Зеркало крепилось на подвижных опорах, так что его можно было поворачивать под разными углами и наклонять. Рядом стояли светильники на длинных ножках, но они не были зажжены. Чуть поодаль находились треножники с красными глиняными чашечками, в которых воскуривали благовония. Треножников было много.

— Если их все зажечь, — тихо произнёс Саша, — задымление будет капитальное.

Дальше они приступили к детальному осмотру и ощупыванию самого зеркала. Но никак не могли увидеть, в чём же подвох.

— Зеркало как зеркало, — шептал Ваня. — Не понимаю, откуда тут ду?хи. А может, не в зеркале дело? Может, эти жрецы сами изображают видения. В сплошном дыму — поди, разбери!

— Нет. Дело именно в зеркале. Видения бывают туманные, полупрозрачные, они как бы колеблются в воздухе. Я уверен, что дело в зеркале. Надо бы внимательно рассмотреть его при ярком свете.

Ваня огляделся.

— Два дохлых светильника по углам. Даже если мы их подтащим, хотя скорее всего они намертво прикручены, сильно светлее не станет… Ну, дай мне, что ли, галогенный фонарик, — грустно пошутил он. — Никогда не догадаешься, что надо брать с собой в прошлое!

— Ты меня не понял, — сказал Саша. — Надо рассмотреть зеркало при *дневном* освещении. В оправе могут быть скрытые механизмы, потайные кнопочки. Кто его знает. Или это двухслойное зеркало. Здесь мы только время потеряем и ничего не поймем.

— Что ты хочешь сказать? — Ваня не верил, что на этот раз Саша оказался большим авантюристом, чем он.

— Да, да, зеркало надо украсть.

— Украсть? — озадачился Ваня. — А если обнаружат пропажу?

— Раньше завтрашнего утра не обнаружат. Может, и утром еще не обнаружат. Часто они заходят в эту комнату? Не знаю. А потом… Потом, скорее всего, не об этом думать придется.

Ваня не заставил себя долго уговаривать. Вдвоем они довольно легко сняли зеркало с подставки и, взяв за края, осторожно понесли к выходу. В Торжественном зале, внимательно осмотрелись и тихо скользнули к наружной двери, но… еще через несколько шагов, услышали какие-то звуки. Пришлось быстро спрятаться за колонну и замереть, трясясь от страха.

— Если нас заметят — конец, — прошипел Ваня. — Казнят на месте. Отрежут руки и забьют до смерти.

— Не каркай, — цыкнул Саша, — помолчи лучше. Слышишь, какое эхо!

Вдоль священного коридора в сторону Святилища проследовали два жреца с факелами в руках. Когда они скрылись, Ваня с облегчением вздохнул и хотел двинуться дальше, но Саша остановил его:

— Надо выждать. Эти, наверно, пошли сменить двух других, которые охраняют священную статую, и те, как пить дать, пойдут обратно.

— Ты уверен? — спросил Ваня. — Может, лучше рвануть побыстрее?

— Нет, лучше подождём, — твёрдо сказал Саша.

Ваня нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Прошло совсем немного времени, как из Святилища вышли два других жреца, прошли по коридору Торжественного зала и скрылись в Большом дворе.

Ваня по достоинству оценил предусмотрительность друга, но решил еще на всякий случай уточнить:

— Зачем они так замысловато ходят? На плане дом, где живут жрецы, около священного озера. Могли бы выйти через боковую дверь.

— Во-первых, прежде чем войти в Святилище, жрецы должны совершить определённый ритуал очищения — умастить руки священным маслом, вознести молитвы и так далее. Ритуальная комната, где они совершают обряд, — это боковая комната Большого двора. А во-вторых, я думаю, что рядом с Большим двором находится какое-нибудь административное здание, где жрецы, так сказать, отмечаются. «Вахту сдал — вахту принял»…

— А они еще куда-нибудь не потащатся? — спросил Ваня с тревогой. — Например, с докладом по начальству…

— Нет, Вань, теперь можно идти.

Через боковую дверь, ребята проскользнули во двор и, благополучно миновав его, дошли до места, где так и висела их никем не тронутая веревка.

— Как мы будем поднимать зеркало? — спросил Ваня.

— На веревку привяжем и втащим вместе с ней.

— Длины хватит?

— Да, тут есть за что зацепить.

— Только давай сперва завернём в куртку, чтоб не попортить во время транспортировки, — предложил Ваня.

Это было разумно, хоть куртка и не закрыла зеркала целиком с двух сторон. Саша привязал украденную реликвию и остался

внизу, а Ваня полез по канату наверх. Тащили медленно и аккуратно. Опускали еще осторожнее. В общем, все получилось просто замечательно. Особенно, когда Джедхор и Аня подбежали, чтобы помочь. Ребята в итоге решили, что выбрали не ту профессию в жизни. Воровать ценности из музеев намного прибыльнее, чем работать программистом или научным сотрудником. А они уже в совершенстве овладели этим ремеслом.

— Что это? — спросила Аня, когда эпопея благополучно завершилась.

— Магическое зеркало, — улыбнулся Ваня.

— Очумели?! Зачем вы притащили его? — Аня расширила глаза от удивления.

— По другому не разобраться, — коротко ответил Саша.

Сняв с зеркала куртку, он внимательно осмотрел, нет ли повреждений, и убедился: с магической реликвией всё в порядке.

Джедхор смотрел на всё это с неподдельным ужасом и не мог проронить ни слова. Саша поспешил объясниться, мол уж взялся за дело, надо иметь мужество довести его до победного конца.

— Вы знаете, что будет, если обнаружат пропажу? — испуганно спросил Джедхор.

— Начнут искать, но ничего не найдут. — Саша был абсолютно спокоен. — Мы не оставили никаких следов, и нас никто не видел ни по дороге в храм, ни в самом храме.

Джедхор как-то неуверенно покачал головой.

— Не надо так волноваться, — успокоил его Саша. — Если нам не удастся выяснить секрет зеркала, мы следующей ночью отнесём его к храму и оставим у входа. Если же мы что-нибудь обнаружим, реликвию обязательно должна будет увидеть Анхесенамон. В любом случае, зеркало не останется в твоем доме.

— Да я не об этом беспокоюсь, — сказал Джедхор.

Саша поднял на него удивлённые глаза.

— Боги могут покарать нас! — встревожено произнёс вельможа. — Зеркало — это дар богов!

Саша махнул рукой.

— Если боги и покарают кого-нибудь, то лишь меня и Ивана, — спокойно сказал он. — Ты-то здесь при чем, Джедхор? Но я почти уверен, что этот ритуальный предмет не дар богов, а хитрость жрецов.

Видя спокойствие своих спасителей, Джедхор и сам немного успокоился.

«Они — посланцы богов, и раз сделали это, значит, так нужно, — думал Джедхор. — Сейчас не стоит им противоречить».

Ребята смотали верёвку и забрали ее с собой. А жердь Саша предложил спрятать где-нибудь неподалёку в кустах.

— Зачем тащить ее обратно? Всё равно никто не узнает, что мы ею пользовались. В Древнем Египте такой науки, как криминалистика, ещё не существует.

— Зато есть оракулы, — хмыкнул Ваня. — Вот пусть они и расследуют это дело. А мы посмотрим, что за «висяк» у них на полку ляжет.

— Только Джедхору об этом не говори. Ладно? — шепнул Саша.

Еще раз завернув зеркало, они двинулись назад, к дому Джедхора тем же порядком: Аня — на тряской колеснице, уже немного освоившись с коленно-голеностопной амортизацией; Ваня и Саша — сзади, всё больше отставая, поскольку зеркало они опекали словно носилки с тяжело больным пациентом.

Глава 49
ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Когда колесница подъехала к воротам дома, навстречу Джедхору и ребятам выбежал радостный Апуи.

— Я молился за вас, чтобы вы вернулись невредимыми, — взволнованно заговорил слуга.

— Пойдём в дом, и ты узнаешь, как всё было, — сказал Джедхор. — Но вначале скажи, удалось ли захватить волшебную шкатулку?

— Сегодня боги воистину благоволят нам! — ответил Апуи. — Волшебная шкатулка у нас в руках.

Ребята, услышав это, буквально подпрыгнули от радости и, не скрывая своих чувств, с ликующими воплями стали скакать по дорожке сада. Джедхор со слугой даже не пытались поспеть за ними, и свою историю Апуи рассказал им уже в доме.

— Один из наших людей напоил привратника сонным зельем, подмешанным в пиво, а когда тот заснул, мы беспрепятственно проникли в дом. Ещё пришлось схватить и припугнуть слугу, который и показал нам нужную комнату. Когда мы вошли, вельможи спали, как младенцы. А под кроватью одного из них стояла корзина с волшебной шкатулкой… Видите, как все просто!

— Апуи, мой верный слуга, — сказал Джедхор, — воистину ты достоин похвалы. Ну, и конечно, боги сегодня благоволят нам. Ладно, пойдемте ко мне в кабинет.

На маленьком деревянном столике, инкрустированном слоновой костью и золотом, стояла та самая корзина. Содержимое ее было прикрыто белой тканью.

— Мы боялись прогневать богов и не брали в руки шкатулку, — объяснил Апуи. — Мы только приподняли ткань, дабы убедиться: там именно то, что мы ищем.

Ваня прогневать богов не боялся, поэтому сразу, нетерпеливо сбросил ткань и вытащил «Фаэтон». И тут же радость на лицах ребят сменилась изумлением.

— Это не наш «Фаэтон»! — буквально простонала Аня. — У него даже цвет другой…

Но Ваня решительно откинул крышку. На эту фамильярность чужой прибор ответил с предельной лаконичностью:

«ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ, ПОЖАЛУЙСТА».

— Вот так, — сказал Саша. — Это их прибор.

— Ну, часа за три я, пожалуй, взломаю защиту, — бодро заявил Ваня.

— Уверен? — выразил скепсис Саша. — Это же все-таки не компьютер.

— Принцип наверняка тот же, — сказал Ваня.

Джедхор и Апуи сочли возможным вклиниться в их диалог, так как растерянность и тревога на лицах спасителей обеспокоили их:

— Что случилось? Вы чем-то огорчены? Эти ужасные люди испортили волшебную шкатулку.

— Нет, — начал объяснять Саша. — Просто это не наша, а их волшебная шкатулка, и мы не знаем магического заклинания, необходимого, чтобы ею пользоваться.

— Вот как? — Джедхор строго и с укоризною посмотрел на Апуи.

Слуга растерянно пожал плечами:

— В комнате тех вельмож мы больше не обнаружили ничего похожего на это, — и он указал пальцем на прибор.

— Так, значит, вы не можете общаться с богами при помощи их шкатулки? — спросил Джедхор весьма опечаленно.

— Что за невезуха! — Ваня от злости чуть не грохнул прибор об пол. — Эти негодяи спокойно воспользуются нашим «Фаэтоном», чтобы вернуться домой, а мы как дураки останемся здесь разгадывать их пароль! — его уверенность в собственных хакерских способностях как-то сильно поубавилась.

Саша подошел к прибору, стоящему на столике и задумчиво посмотрел на него.

— Значит так, — произнес он, — главное — не терять времени. Давайте посмотрим, какие есть варианты.

Аня, не дожидаясь вариантов, решила пойти своим путем и для начала изучить содержимое корзины. А вдруг там лежит что-нибудь полезное! Она последовательно извлекла на свет божий несколько набедренных повязок, шарф, красивое ожерелье со скарабеем, два платка, вышитых бусинами, два браслета, гофрированный пояс с бахромой и ещё какую-то мелочь.

— Минуточку! — вдруг выкрикнула она. — А это что?!

Ошибки быть не могло: на самом дне лежал еще один «Фаэтон». Неужели опять чужой? Ну, теоретически, могло быть и такое…

Аня аккуратно поставила прибор на столик, подняла крышку. Все трое склонились над ним. И уже через мгновение раздался дружный вздох облегчения:

— Наш!

Анюта совершенно счастливая обняла Ваню за шею, а тот подхватил ее на руки и закружил по комнате. Потом девушка спрыгнула на пол, и в тот же миг Саша поднял ее в воздух, чтобы

продолжить этот танец, а Ваня тем временем перекатился через всю комнату колесом: с ног — на руки, с рук — на ноги. И так три раза.

— Вау! Какой класс! Ура! Мы спасены! Победа! — кричали они на незнакомом Джедхору и Апуи языке.

Египтяне с удивлением смотрели на ребят. Они, конечно, поняли, что произошло — догадаться было нетрудно, но подобное проявление радости показалось им весьма необычным.

— Ну, вот что, — сказал Саша, когда все немного успокоились, — неплохо бы ещё проверить, всё ли в порядке с прибором.

Ваня нажал несколько кнопок, и на экране возникла надпись:

«ВОЗВРАТ В СВОЁ ВРЕМЯ НАСТУПИТ ЧЕРЕЗ 57 ЧАСОВ».

— Так, — прикинул Саша, — значит, двое суток и еще девять часов. Время в запасе есть…

— Представляете, мы провели здесь только два дня, — удивилась Аня, — а, кажется, уже месяц тут живем. Событий-то сколько! Выдержим ли ещё два с половиной дня в таком же ритме?

— Должны! — улыбнулся Саша. — Главное, «Фаэтон» больше не терять.

— А что мы будем делать с их прибором? — спросила Аня.

— Как что? — удивился Ваня. — Воспользуемся ситуацией и начнем диктовать условия.

— Шантажировать, что ли, будем?! — уточнила Аня, поморщившись.

— А я не вижу в этом ничего плохого, — завёлся Ваня. — нормальный симметричный ответ. Были мы у них в руках, теперь они у нас.

— Правильно, — поддержал Саша, — с волками жить — по-волчьи выть. Но сейчас давайте займёмся магическим зеркалом.

И, повернувшись к Джедхору, Саша попросил принести как можно больше ламп. Апуи, услышав просьбу, очень удивился, но Джедхор строго напомнил слуге о важности задачи и велел поторопиться.

— Конечно, хорошо бы дождаться дневного света, — мечтательно произнёс Саша. — Но сидеть еще часа два в бездействии… Никакого терпения не хватит, да и рискованно.

Апуи принёс светильники в комнату. Магическую реликвию положили на стол, вокруг зажгли лампы, и все склонились над гладко отполированным серебряным зеркалом в деревянной раме. Ваня начал именно с нее, ища какие-нибудь потайные

механизмы, а Саша взялся за саму отражающую поверхность: провёл ладонью по отполированному серебру, побрызгал водой, поскреб ногтем… Нигде ничего подозрительного!

— В чём же дело? — приговаривал Саша шепотом и морщил лоб, напряженно задумываясь.

— Ладно, ладно, — тихо повторял Ваня, — не такие ещё загадки разгадывали!..

К тщательному разглядыванию и ощупыванию подключился и Джедхор.

— Ничего тут нет, — сказал, наконец, Ваня. — Зеркало как зеркало.

Саша сидел, глядя в одну точку, ничего уже не шептал и ничего, похоже, не слышал.

— Эй, Ветров! — сказал ему Ваня в самое ухо. — Мы ничего не нашли.

Саша рассеянно повернул голову:

— А ты ничего и не найдёшь. Скрытых механизмов тут действительно нет… Но я, кажется, догадываюсь, в чём дело. Чтобы проверить мою идею, мне нужен чёрный порошок, которым подводят глаза местные жители, и мягкая кисточка.

Джедхор распорядился, чтобы Апуи принёс всё необходимое.

— Давайте так, — сказал Саша. — Сейчас я ничего не буду объяснять. А вот если моя теория верна…

— Пока я буду кое-что проверять, вы, пожалуйста, принесите побольше глиняных чашечек с благовониями и зажгите их. Мне нужно, чтобы было много дыма… В общем, создайте точно такую же обстановку, какую в храме создают жрецы перед магическим зеркалом. Если моё предположение верно, то мы все должны будем увидеть таинственные образы ду?хов.

Апуи вернулся с порошком и кисточками. Саша взял все это хозяйство и вместе с зеркалом удалился в соседнюю комнату, как фокусник, закулисные приготовления которого никто не должен видеть.

Благовония разжигали старательно, и вскоре в комнате запахло миррой. Лёгкий дым постепенно стал расползаться по помещению, заполняя его все более густым туманом.

Тут и вышел весьма довольный собою Саша.

— Ну, вот я и раскрыл секрет этого магического зеркала, — сказал он улыбаясь. — Вы готовы увидеть таинственные образы ду?хов?

Все закивали головами и с волнением стали ждать представления.

— Вань, — попросил Саша, — будешь моим ассистентом. Нужно держать зеркало в руках, и поворачивать его по моей

команде. Собственно, ты будешь исполнять роль вращающейся подставки, которую мы оставили в храме.

— Спасибо, Александр, — сказал Ваня проникновенно, — о такой роли любой настоящий артист может только мечтать!

Аня невольно прыснула, а Саша сказал:

— Как хорошо, что ты не говоришь по-египетски. Боюсь, здесь бы не поняли твоего юмора в столь серьезную минуту… Так, зеркало хорошо держишь? Встань вон туда, поближе к углу. Да. Так нормально. А вы, — Саша лихо отдавал распоряжения всем, — поднесите, пожалуйста, подсвечники и треножники с миррой. Треножники — напротив зеркала, ближе, ближе, нет, не настолько… Вот теперь хорошо! А подсвечники — по бокам. Мне нужен только боковой свет. Остальные светильники затушите.

Когда указания были выполнены, Саша велел всем встать напротив магической реликвии на расстоянии метра.

Дым горящей мирры окутал зеркало, его почти не было видно в этом сплошном тумане. Саша подошёл к ритуальному предмету сбоку, где стояли светильники, и тихо произнёс, обращаясь к зрителям:

— Когда увидите парящий дух, скажите мне.

Потом повернулся к Ване:

— По моей команде медленно поворачивай зеркало.

И начал перемещать светильники, то дальше от зеркала, то ближе, при этом давая указания Ване.

— Стой! — крикнула Аня. — Я вижу! Вижу!

Джедхор и Апуи тоже закричали и замахали руками.

Саша остановил светильник и сказал Ване, чтобы тот по возможности зафиксировал зеркало в данном положении.

Сквозь тонкую дымку проглядывал зыбкий, но совершенно недвусмысленный образ Осириса. Видение было полупрозрачным и, казалось, оно само по себе раскачивается в благоуханной дымке.

— Там образ Осириса, — срывающимся голосом произнёс Джедхор. — Он двигается, как будто хочет что-то сказать нам. Это и есть дух? Он слышит и видит нас? А если мы прогневали его, и он вышел, чтобы покарать нас?..

Апуи даже отвернулся, страшась непонятного явления.

— Мы прогневали богов, — прошептал он обреченно. — Видите, боги послали Осириса, чтобы он проклял нас…

Саша, видя волнение Джедхора и Апуи, поспешил успокоить их:

— Это не настоящий дух, поверьте мне! Вы же сами сказали, что для духов нужны магические заклинания, а я не произносил ни одного. Смотрите внимательно, я покажу вам ещё образы,

среди них будет и тот, который явился Анхесенамон.

— Аменхотеп III? — спросил Джедхор.

— Именно, — сказал Саша и обратился к Ване: — Медленно поворачивай зеркало и слегка наклони вниз. Я опять начинаю двигать светильники.

Теперь в колыхании дымки от горящей мирры возник образ Исиды. Потом, при новом повороте, все увидели грозного змея Апо?па, и наконец, Аменхотепа III.

— Всё! — объявил Саша. — Представление окончено. Теперь объясняю смысл. Как только я понял, что никаких скрытых механизмов в зеркале нет, сразу решил проанализировать действия жрецов около него, и вот что пришло мне в голову: жрецы не просто так воскуривают благовония — обильный дым — первое условие появления видений. Затем я понял, что очень важен правильно расположенный источник света. Оставался вопрос, откуда берётся изображение. Вывод напрашивался сам собой — из зеркала. Но как? Мы ведь абсолютно ничего в нём не обнаружили.

— Вот именно, — кивнул Ваня, он был и вправду заинтригован. — И где же там прячутся эти ду?хи?

— Где прячутся и как вылезают из зеркала — вот вопрос! — Саша старался говорить коротко и просто, ведь ему каждую фразу приходилось еще переводить на древнеегипетский. — Размышления навели меня на интересную мысль. Если поднести светильник ближе к зеркалу, луч света, отразившись, упрётся в дымовую завесу. А можно направить его таким образом, что на полупрозрачном слое дыма возникнут световые образы. Столь сложное движение светового луча достигается с помощью очень маленьких трещин в зеркале.

— Но никаких трещин мы не обнаружили, — заметил Ваня.

— Конечно. Я же сказал: очень маленьких, то есть микротрещин. Невооружённым глазом увидеть их невозможно. Вань, я не знаю, как переводить на древнеегипетский термины современной физики: преломление, фокусное расстояние, дифракция… Вот и рассказываю, как попало. Если хочешь, я тебе потом подробнее изложу. Короче, для того я и попросил чёрный порошок и мягкую кисточку — чтобы микротрещины проступили на якобы идеально гладкой поверхности. Так вот — это не просто трещины — это какой-то весьма талантливый художник с помощью тончайшего резца под разными углами нанёс на зеркало все те образы, которые мы с вами сейчас видели. Какой именно бог проявится перед зрителем в дымовой завесе, зависит от поворота зеркала и положения боковых светильников. Я понятно объяснил? — Потом он перешел на русский. — Вань, а

вообще, больше всего это похоже на значки или открытки с рифлёной поверхностью и переменным изображением в зависимости от угла зрения. Мода на них давно прошла, но и сегодня такие штуки иногда можно встретить.

Вряд ли Джедхор и Апуи сумели понять всё, но по их лицам было видно: оба под колоссальным впечатлением от увиденного.

— Так это всё обман? — Джедхор, наконец, решился высказать ужасную, с его точки зрения, мысль.

— Да, — покачал головой Саша.

— О, это недостойный поступок для тех, кто служит богам! — со вздохом разочарования и осуждения произнёс Джедхор. — Как же эти обманщики посмели использовать божественные образы властителей небес для своих низких целей?!

— И, очевидно, эти образы-ду?хи разговаривают голосами жрецов, — смело предположил Апуи.

Джедхор в задумчивости смотрел на зеркало. Все-таки ему было очень тяжело вот так сразу поверить, что всеми признаваемая святыня оказалось орудием коварного обмана.

— А могу я посмотреть изображения на зеркале с помощью чёрного порошка? — спросил Джедхор.

— Конечно, — сказал Саша. — Сомнения любого человека в такой ситуации очень понятны.

И он ещё раз, теперь прилюдно, совершил те манипуляции с зеркалом, какие проделывал раньше.

Все присутствующие склонились над теперь уже не магической и почти не реликвией. На гладкой поверхности серебра четко просматривались тончайшие линии гравировки — переплетенные, перепутанные, но при желании можно было разглядеть, как они складываются в итоге в изображения конкретных ду?хов.

Джедхор отошёл от зеркала и твёрдым голосом произнёс:

— Анхесенамон должна знать об этом обмане. Жрецы во главе с Аи очень коварны. Они используют священные образы ду?хов для своих низменных целей.

— Теперь мы все убедились, — сказал Саша, — что магическое зеркало — на самом деле обычный фокус жрецов. Нам осталось только убедить в этом Анхесенамон, и тогда она, конечно, согласится бежать. Сегодня на рассвете за нами придёт Уна, служанка Анхесенамон, и мы отнесём это зеркало во дворец. Правда, оно несколько великовато для того, чтобы пронести его незамеченным.

— Я буду сопровождать вас до дворца на своей колеснице, — произнёс Джедхор. — Мы завернём зеркало в ткань и аккуратно положим в мою повозку. А во дворце вас будет сопровождать Уна.

С ней вы можете не опасаться, что вас остановят и схватят с поличным. Уна — доверенное лицо владычицы. Её не посмеют тронуть. И потом, в такое раннее время многие во дворце ещё будут спать.

— Хорошо, — сказал Саша. — С этим всё понятно. Теперь насчёт плана побега.

— Анхесенамон сегодня же утром переберётся на левый берег реки в свой дворец, — стал рассказывать Джедхор. — И там весь день проведёт около тела Тутанхамона, а завтра утром объявит нового правителя. И это будет Аи. Анхесенамон должна это сделать, чтобы усыпить бдительность визиря. После объявления нового владыки траурная церемония двинется в Долину царей. Я, Апуи и вы, спасители, — мы все будем присутствовать на церемонии погребения. В этом нам никто не посмеет помешать, таково будет желание вдовы. Что же касается Аи, то он, получив желаемое — двойную корону Та-Кемет, не станет так рьяно следить за нашими действиями. Тут мы и воспользуемся моментом. После траурной церемонии Анхесенамон вернётся во дворец. Вы тоже вернётесь туда вместе с ней. Ночью выведете её из дворца, вернее, не вы, а она выведет вас. Анхесенамон знает все потайные ходы. Мы с Апуи станем ждать вас за пределами стен дворцового города. В каком месте — я покажу, когда мы завтра поедем на левый берег. Дальше всё будет идти по плану Нефертити. Мы сопроводим Анхесенамон до назначенного места, где её встретят верные люди Нефертити с отрядом лучников. Они проводят владычицу до границы Та-Кемет, а там уже появятся люди Суппилулиумы. С Анхесенамон останутся лишь несколько лучников и самые верные слуги.

— Хорошо, — сказал Саша. — Детали плана мы ещё успеем обсудить. После визита во дворец у нас почти целый день впереди.

— Может, всё-таки отдохнём немного, — предложила Аня, почувствовав, что у нее буквально слипаются глаза. — Скоро придёт служанка Анхесенамон, а мы ещё не ложились.

Никто не возражал. Они все, мягко говоря, не выспались, и ещё неизвестно было, что их ждет. Поэтому ребята быстро разошлись по своим комнатам. Зеркало и оба «Фаэтона» Саша отнёс в свои апартаменты и попросил Джедхора поставить у дверей двух вооруженных слуг. На всякий случай.

Глава 50
НЕПРЕДВИДЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

Над восточными холмами неторопливо поднималось солнце, окрашивая небо в бледно-розовые и нежно-голубые тона. Глубокая темнота ночи постепенно рассеивалась, отступала. Но пустыня, окружавшая плодородную долину, ещё не нагрелась, и воздух был прохладен и свеж. Птицы, пробуждаясь, встречали новый день весёлым щебетом, свистом и пением. Яркие цветы, обласканные первыми лучами, медленно раскрывались, наполняя воздух чудесным ароматом.

Аня, Саша и Ваня шли по улицам города в сопровождении Уны и Джедхора и наслаждались утренней свежестью. Кроме вальяжно расхаживающих кошек и гусей, вокруг никого не было видно. Город только просыпался. Поднявшись с постели и завершив обязательные утренние процедуры, жители Фив одевались, как подобает, неспешно завтракали, обсуждали дела на предстоящий день и лишь потом готовы были выйти на улицу.

У дворца ребята распрощались с Джедхором, и внутрь их повела уже только Уна.

— Подождите немного, — попросила служанка, оставляя их в большом зале. — Я посмотрю всё ли тихо кругом. — И быстро скрылась за колоннами.

— Слушайте, — вдруг спохватилась Аня, — а что же нам делать с вирусом? Ведь он здесь, во дворце. Что если кто-нибудь подушится этой отравой и начнётся эпидемия?

Ваня пожал плечами, а Саша сказал:

— Предупредим Анхесенамон об опасности, пусть попробует как-нибудь забрать флакон у Аи.

— Бедная девушка, — покачал головой Ваня. — Мне её так жалко!

Ребята не поняли: если он иронизирует, это и неуместно, и неостроумно, а если говорит всерьез… Это так не похоже на Ваню! И Аня на всякий случай спросила:

— Ты всё ещё не оставил затею стать фараоном?

— А что? — поднял голову Ваня. — Разве я был бы плохим владыкой? Но если честно, меня просто привлекает возможность стать мужем Анхесенамон. Она мне понравилась.

И он лукаво покосился на Анюту.

— Интересное откровение, — процедила та сквозь зубы и вся напряглась в ожидании новой колкости.

— А знаешь, почему понравилась? — сказал Ваня, усыпляя

бдительность. — Владычица чем-то неуловимо похожа на тебя. — И добавил: — Чисто внешне. О характере и говорить не стоит — у неё он просто ангельский по сравнению с твоим.

— Да откуда ты знаешь её характер? — перешла в наступление Аня. — Ты с ней встречался во сне? Тогда сходи к оракулу, а то сам не разберешься.

— О своих снах я никому не рассказываю, — гордо заявил Ваня. — А что касается царицы, мне было достаточно той нашей общей и единственной встречи, чтобы понять, какой она человек, — с гордым видом произнёс Ваня.

— Ну, ты молодец! — усмехнулась девушка. — Вчера пришёл к выводу, что твоё призвание грабить музеи и храмы, а сегодня решил ещё раз поменять профессию? Слышишь, Саш, оказывается, Оболенский у нас прирожденный психолог — человека насквозь видит.

— Значит, пойдет работать в милицию, — рассудил Саша, — расхитителей храмов ловить… А на счёт владычицы, умерь свои аппетиты, Вань. Несерьезно даже обсуждать…

— Почему это? — удивился Ваня. — У меня есть все шансы.

— Мания величия, — объявил Саша как диагноз.

— Нет, — поправила Аня, — это называется по-другому: у нашего друга комплекс непокорённой вершины! Объект его влюблённости всегда должен быть принципиально недоступным.

— Ну вот, — угрюмо проговорил Ваня, — «Гвоздями слов прибит к бумаге я». Вы любите Владимира Маяковского?

— Не в этой жизни, — немного рисуясь, ответил Саша. — А «прибили» мы тебя, чтобы чего не натворил. Самодеятельность в нашем деле опасна.

— Между прочим, — обиженно сказал Ваня, — именно я первым предложил выяснить, почём тут опиум для народа. Я сразу сказал, что жрецов надо выводить на чистую воду, а вы надо мной смеялись и вот так же пугали всякими опасностями…

— Ах, вот ты как заговорил! — обрадовалась Аня новой возможности укусить Ивана. — Значит, в мужья к Анхесенамон ты тоже рвёшься во имя нашей общей цели! Интересно, что это за цель? Остаться в Египте навсегда? И какую должность ты мне пожалуешь, владыка?

— А много ты думала о наших с Сашей должностях, когда в средневековой Франции влюбилась в своего рыцаря? — решил отыграться Ваня. — А мы из-за тебя запросто могли там остаться.

— Сколько можно об одном и том же?! — всерьез разозлилась Аня. — Что ты ко мне прицепился? Хватит напоминать об этом!

— Ну вот, начинается, — вздохнул Саша. — Когда вы, наконец, прекратите ругаться?

— Во-первых, мы не ругаемся, а пикируемся, — Ваня был абсолютно спокоен. — Оттачиваем полемическое мастерство. Во-вторых. Наша дискуссия уже как раз заканчивается. И, наконец, в-третьих, — Ваня скорчил рожицу обиженного ребёнка, — она первая начала!

— Это я-то первая начала?! — возмутилась Аня, искренне забыв о своем стартовом каверзном вопросе, а Ваня сверкнул глазами, но по-джентльменски промолчал.

— Значит, так, — строго произнёс Саша, — давайте договоримся. Влюбляться можете в кого угодно, но перепалки эти в рабочее время прекращаем. Подчеркиваю: мы на работе! И у нас одна двуединая задача — спасти Анхесенамон и благополучно вернуться домой. Приказываю думать только об этом! — Саша увлекся ролью начальника и его уже чуточку занесло.

— Вот и еще один мозгой поехал, — сочувственно произнес Ваня. — Анют, взгляни, у него там под туникой погоны не просвечивают?

— С генеральскими звездами? — решила уточнить Аня.

— С сержантскими лычками, — припечатал Ваня.

Но, по сути, конечно, Саша был прав, не о чем тут было спорить, да и некогда. Вернулась Уна. Друзья последовали за ней и вскоре оказались перед потайным ходом. Служанка провела гостей прямиком в покои владычицы и вышла, прикрыв за собою дверь.

— Жизнь, здоровье, могущество! — поприветствовал Саша царицу от себя и своих друзей. — Как прошла ночь?

Анхесенамон улыбнулась.

— Боги одарили вас мудростью, хоть вы и молоды, — сказала она. — Я в точности выполнила всё, что вы сказали, и сейчас моё сердце ликует, а душа спокойна. Я не видела ночью кошмаров, сон мой был крепок. Благодарю вас за эту услугу. Просите теперь, чего захотите, и ваши желания исполнятся.

— Мы рады, что внесли покой в сердце владычицы, — просиял Саша. — Но сейчас мы хотим только одного — спасти великую правительницу Двух Земель.

Анхесенамон погрустнела.

— Я очень опасаюсь пророчества магического зеркала, — вздохнула она.

— Не стоит бояться пророчества, которое на самом деле — обман, — сказал Саша.

Ребята развернули ткань и показали Анхесенамон магическую реликвию. Владычица вскрикнула и отвернулась, закрывая лицо руками.

Саша поспешил успокоить её:

— Зеркало совершенно не опасно, оно не может причинить вреда.

Анхесенамон боязливо повернулась и с волнением в голосе еле слышно произнесла:

— Вы унесли это зеркало из храма? Богам не понравится ваш поступок.

— За богов говорить не стану, но жрецы будут просто в бешенстве, когда узнают, что мы раскрыли их обман.

Анхесенамон, наконец, услышала главное:

— Ты говоришь, обман?

— Да, божественная владычица. Сейчас мы покажем. Как это работает, и всё объясним.

Ребята положили зеркало на столик, высыпали на отполированную поверхность чёрный порошок, мягкой кисточкой растушевали его, чтоб он забился в микротрещины, и уже через минуту довольно чётко стали видны переплетенные контуры ду?хов.

— А вот и Аменхотеп III, — показал Саша на один из портретов.

Анхесенамон взглянула на зеркало, затем на Сашу.

— Я ничего не понимаю. Что это?

Саша принялся объяснять, в чём тут фокус, отчаянно уходя от сложных терминов и достигая невиданных вершин в художественном переводе. Наконец, вместе с друзьями он продемонстрировал, как именно из рисунков на зеркале, света и дыма рождаются ду?хи богов и фараонов. Всё это необычное шоу потребовало времени, но иначе ни за что не удалось бы убедить Анхесенамон, что видение, которое ей представилось в храме, — не более, чем хитрость жрецов.

— О, как они обманули меня! — разгневалась в итоге владычица. — Какая подлость! Какое изощренное коварство! Ничтожные, жалкие предатели! Как они посмели?! Боги покарают их! Я буду молить об этом. — Она встала и прошлась по комнате. Её лицо стало вдруг задумчивым и печальным. — Теперь я многое понимаю, — тихо произнесла она. — Эти вероломные жрецы убили моего мужа. Они хотели власти, но власть ускользала из их рук. Тутанхамон стал сам принимать решения, и многие вещи он делал наперекор жрецам… Теперь они убьют и меня, если узнают, что у Тутанхамона будет наследник…

Ребята слушали, затаив дыхание и не решаясь вставить хотя бы слово в этот бесконечный эмоциональный монолог. Саше было как-то даже неловко заниматься в тот момент синхронным переводом.

— Но боги видят всё! И они сделают так, что жизнь

предателей в вечном мире станет мучительной и жалкой! — голос Анхесенамон сделался грозным. — Я буду молить Анубиса, великого бога Царства мёртвых, чтобы он не провожал их тела в Царство вечности, когда они умрут, чтобы не помогал им беспрепятственно добираться до зала судилища. Пусть они предстанут пред Осирисом, пройдя все ужасы загробного мира. Анубис не покажет им пути в бесконечных переходах и ловушках, не поможет избежать укусов ядовитых змей, не проведёт через Огненное Озеро! Пусть они позабудут имена всех свирепых стражей Двенадцати Врат, пусть позабудут заклинания, открывающие запоры этих врат! Пусть они придут на суд Осириса в Великую палату Двух Истин измученные и покалеченные, и тогда уже не смогут повторять вновь и вновь священные слова перед сорока двумя божественными судьями: «Я чист! Я чист! Я чист!». И не смогут убедить судей, что не делали ничего неугодного богам, что не приказывали убивать, не заставляли плакать! И когда сердце каждого коварного жреца станут взвешивать на Весах Истины, боги увидят, что лживое сердце тяжелее страусового пёрышка богини истины Маат. И боги, следившие за жизнью жалких предателей, расскажут богам-судьям, какое зло творили умершие при жизни. А жрецам останется только молиться, глядя на весы правосудия и заклиная своё сердце: «О сердце моё, не вставай против меня в качестве свидетеля! Не порочь меня перед судьями». Но это предателям не поможет! Весы никогда не лгут, и страусовое пёрышко богини истины Маат всё равно легче любого лживого сердца. И тогда они будут обречены! Анубис громко объявит решение, и умерших, не достойных вечной жизни, отдадут на съедение Амемаит — страшному чудовищу-пожирателю! — Анхесенамон перевела дух и села в своё кресло.

— Когда она вот так злится, становится еще красивее. Ты не согласен? — шепнул Ваня Саше.

Но Саша был слишком сосредоточен на переводе этой длинной и грозной тирады, Ванина фраза прошла мимо его ушей, зато ее услышала Аня и укоризненно покачала головой.

— Короче, — закруглил Саша по-русски, — страшная судьба ждёт жрецов-обманщиков в загробном мире. Я бы никому не пожелал оказаться на их месте.

Анхесенамон ещё раз взглянула на зеркало и сказала:

— Оставьте его у меня. Я сама решу, как обойтись с этим.

Владычица была просто раздавлена тем, что ей довелось узнать. Только молодость и позволила ей принять страшную правду о подложной святыне. И все равно это очень тяжело — когда в один миг рушатся все привычные представления о твоём

мире. Анхесенамон элементарно устала и наверняка хотела побыть в одиночестве. Но было ещё совершенно необходимо поговорить с ней о её спасении и об отравленных духа?х. Поэтому Саша не стал медлить.

Он изложил идею Джедхора, и правительница согласилась с этим планом. Всё-таки они сумели добиться решительного настроя Анхесенамон, и теперь уже ничто не могло изменить её желания бежать из страны.

— Пусть визирь насладится властью, — тихо сказала она. — Пусть наденет на голову корону Двух Земель. Но это будет лишь до той поры, пока мой сын не предъявит все права на трон. А вот тогда власть Аи и жрецов рухнет! И я буду способствовать этому.

— А если родится дочь? — неуверенно спросил Саша.

— Какая разница? — как-то очень просто ответила Анхесенамон. — Выйдет замуж за могущественного хеттского принца, и уж тут жрецам не избежать расплаты за убийство сына Суппилулиумы!

— О. божественная владычица! — начал Саша. — Есть ещё одна вещь, которая беспокоит нас. Вчера мы говорили о духа?х…

Он не успел договорить, Анхесенамон перебила его:

— Я помню, — сказала она и, встав с кресла, направилась к маленькому туалетному столику, на котором стоял изящный ларец.

Открыв его, владычица достала алебастровый флакончик с крышечкой в виде цветка распустившегося лотоса.

— Эти? — спросила она.

Ребята закивали головами.

— Вчера, поздно вечером мне принёс их в подарок Аи. Но я не стала ими душиться, хоть он и сказал, что это чудесный, удивительный запах. Я придерживалась ваших советов. Я не стала ужинать и почти не разговаривала с ним, сославшись на сильную усталость. Однако этот флакончик я взяла, потому что сразу вспомнила, что он вам нужен, — тут она немного замялась, потом продолжила: — Когда я проснулась утром и почувствовала себя необыкновенно хорошо, мне захотелось чего-то необычного… Я вспомнила о духа?х и… подушилась ими.

Саша почувствовал, как струйки холодного пота побежали у него по спине. Не было даже сил перевести последние слова царицы ребятам. Но, покосившись на Ваню, Ветров отметил, что тот вмиг стал белым как полотно. Видно, понял все без перевода — уж больно красноречивы были жесты владычицы и Сашина реакция. Аня прикрыла рот ладошкой, чтобы не закричать. Анхесенамон тоже почувствовала неладное, но по инерции ещё продолжала говорить, точно оправдываясь за свой поступок (для

владычицы это было так непривычно!):

— У них действительно очень приятный аромат, и вы были совершенно правы, желая получить такие духи в подарок. Их аромат не уступает тому, что вы преподнесли мне на вчерашнем обеде.

Ребята продолжали смотреть на владычицу округлившимися глазами и в крайнем смятении не могли произнести ни слова.

— Вы чем-то встревожены? — спросила она, наконец. — Решили, что я не подарю вам этих духов, оставлю себе?

Саша молчал, лихорадочно соображая, как теперь поступить. Советоваться было некогда, да и неуместно.

Анхесенамон без всякой задней мысли протягивала им чудовищный пузырек со смертельным ядом.

— Возьмите! Это подарок владычицы Двух Земель!

Саша, наконец, решился:

— Эти духи? — не просто духи. Это яд замедленного действия.

Удивление в глазах Анхесенамон сменилось тревогой, недоумением и, наконец, зарождающимся страхом.

Пришлось на скорую руку сочинять легенду, что яд был заготовлен ими для некого смертного врага, но по ужасному недоразумению в последний момент украден и подарен царице.

— Но есть одно средство, — заикаясь и путаясь, Саша вырулил, наконец, на главную мысль в надежде успокоить коронованную особу, — средство, которое нейтрализует действие яда. Мы знаем, где взять его, и доставим во дворец немедленно. Я просто уверен, что всё будет хорошо.

Однако в голосе Сашином уверенность звучала не так явно, как хотелось бы. Анхесенамон стояла молча, яростно сжимая флакончик с духами. Костяшки пальцев её побелели, руки дрожали, а лицо сделалось бледным, будто неживым, как мраморная статуя.

— Мы сейчас же отправимся за противоядием, — быстро повторил Саша. — Мы сделаем всё, чтобы раздобыть его немедленно.

Если бы Анхесенамон отдала приказ не выпускать их, а заточить в темницу или казнить на месте, Саша даже не удивился бы. Но владычица просто тихо проговорила:

— Сегодня я должна отправиться на левый берег в свой дворец. Там будут хоронить моего мужа… Если меня похоронят вместе с ним…

— Нет! — невольно перебил ее Саша, хоть и понимал, что это непочтительно. — Действие яда не мгновенно! Мы успеем доставить противоядие! У нас есть время! — он уже почти кричал.

Потом сделал паузу, взял себя в руки и добавил спокойно: — Пусть Уна отправится вместе с нами в дом Джедхора и подождёт, пока мы сделаем всё необходимое. Потом она принесёт противоядие, и великая владычица Двух Земель будет спасена.

— Вы просто утешаете меня? Или это правда?

— О, повелительница! Конечно это правда, — поспешил заверить её Саша. — Разве я посмел бы лгать владычице Двух Земель?!

— Я буду надеяться и молиться богам, — всё так же тихо произнесла Анхесенамон. — Я верю вам.

После таких слов говорить было уже нечего. Все трое молча поклонились царице и вышли из покоев через знакомую им потайную дверь.

Глава 51
СМЕРТОНОСНЫЕ МУТАЦИИ, ИЛИ ДЕЛО РУК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Максим и Сергей торопливо шагали по направлению к дому Джедхора.

— Я уже ни черта не понимаю! — жаловался Булаев. — Ночная кража двух «Фаэтонов». Потом этот парнишка, который следит за домом, рассказывает всякие чудеса про этих троих… Зачем они полезли ночью в храм? Ведь их же там могли схватить и убить на месте. И, наконец, эта проклятая девчонка опять ходит по городу, как ни в чём не бывало без всяких признаков болезни? Может, нам дали не вирус, а какую-то безвредную ерунду? Начальники-то у нас с прибабахом. Что им там в голову пришло, одному Осирису известно…

— Полегче, капитан, полегче! — одернул его Максим.

— Ну, ладно. Допустим, во флаконе настоящий вирус. Поехали дальше. На рассвете они отправляются во дворец. Зачем? — Сергей вопросительно взглянул на Максима. — А теперь сидят в доме своего покровителя Джедхора и требуют от нас противоядие в обмен на «Фаэтон», — он помахал письмом прямо перед носом напарника. — Зачем им противоядие, если девчонка не заболела?

— Вот заодно и выясним, — рассудительно сказал Максим.

— А этот торговец Мериб! — Булаев никак не мог успокоиться. — Тоже хорош гусь! «Вас хочет видеть визирь», — передразнил он торговца. — А зачем, скажи на милость, нам сдался этот визирь? И что этот торговец вообще наговорил про нас? Правильно я сделал, что выставил его за дверь. Надо было просто сломать ему шею. Ведь это из-за него сорвался наш первый план… Что теперь-то делать, Голова? Думай! На то ты и Голова. Даже «Фаэтона» у нас нет. Хорошо, если эта троица отдаст прибор. А если нет? Обманут, заманят в ловушку… Как ты собираешься завладеть «Фаэтоном»? Я-то знаю способ, но ты наверняка будешь против, умничать начнешь, логические цепочки выстраивать, историю спасать…

— Ты что имеешь в виду? — на всякий случай поинтересовался Максим.

— А то ты не знаешь! Я даже без твоей помощи, в одиночку обездвижу всю охрану и прислугу Джедхора с тремя сопляками в придачу. Но… никакой гарантии, что кто-то из них потом

проснется. Уж извини.

— Вариант не проходит, — жестко сказал Максим. — Слишком много минусов. Объяснять уже некогда. Мы скоро придём. Просто слушай сейчас меня. Первое. На что ты жалуешься? На результаты своих же топорных действий. Заметь, «Фаэтон» этих троих мы получили только благодаря моей идее. Это я придумал план кражи. А потом ты всё испортил. Зачем ты связался с торговцем да ещё вручил ему вирус? Зачем нужно было вообще раньше времени выпускать из рук эту отраву? Мы бы и так их захватили. У нас было достаточно времени. Плюс превосходство в опыте и физической силе. Понаблюдать, подумать, составить план. Потом действовать. А ты всё торопился куда-то.

— Чего ж ты не остановил меня? — прищурившись, спросил Сергей.

— А это было возможно, товарищ начальник? Ты бил себя в грудь, напоминал, кто здесь главный и в итоге мы потеряли даже то, что имели. Рыбак не тот, кто удочку забрасывает, а тот, кто ловит.

— Ладно, давай без обид, — пошёл на мировую Сергей. — Мой план провалился. Рассказывай теперь свой.

Максим помолчал и глубоко вздохнул. Он хотел сказать, что строить дом на ровной площадке или на развалинах предыдущего горе-архитектора — мягко говоря, не одно и то же, но передумал и начал сразу по существу:

— Прежде всего, надо получить назад прибор. Предлагаю не мудрить: по-честному отдаем противоядие и забираем свой «Фаэтон». А все их ловушки будут на твоей совести. Обездвиживай любого, кто попытается нас обмануть. Не думаю, впрочем, что они рискнут заниматься такой ерундой. Просто им, в самом деле, для чего-то понадобилось противоядие. А нам, считай, повезло — отделались, лёгким испугом. Остаться здесь без «Фаэтона» — это, брат, пострашнее вируса… Жди, пока за тобой команду пришлют! Или решат, что присылать нерентабельно, потому что ты всё равно профнепригоден.

— Согласен, — хмуро кивнул Сергей. — Хотя я бы просто из вредности отдал им какую-нибудь липу вместо антидота.

— Продолжаю, — Максим оставил последнюю реплику без ответа. — Теперь нам надо обдумать, как захватить их «Фаэтон». Себя мы обнаружили, они уже начеку, знают, откуда ждать опасности, и защитников у них много. Голыми руками не возьмешь. Так?

— Это правда. А убивать нельзя? — робко спросил Булаев.

— Да погоди ты с убийствами! Надо действовать хитростью.

Допустим, искать союзников. Их покровитель Джедхор — большой человек, у него наверняка есть враги. Надо выяснить, кто это. Потом узнать, что они делали во дворце, зачем ходили в храм… Понимаешь?

— Секу помаленьку, — сказал Сергей. — Но это всё долгая песня. Мы успеем?

— Должны успеть.

— Ну, хорошо, а скажи мне такую вещь: ты хоть чуть-чуть понимаешь, что они вообще здесь делают? Зачем столько суеты?

— Думаю, они, как и в тот раз, пытаются *не изменить* историю, — сказал Максим.

— Хорошенькое дело! — ухмыльнулся Сергей. — Сами сюда влезли без спросу, всё перекорежив, а теперь пытаются спасти нормальный ход событий!

— Именно так, — согласился Максим. — А ты никогда не задумывался, что вся наша лаборатория занимается именно этим. Мы вмешиваемся в историю, а потом последовательно отрабатываем механизмы компенсации этих вмешательств.

— С помощью вот таких безотказных парней, как я, — догадался Булаев.

— Да, Сергей. В том числе и с твоей помощью. Только эти безотказные парни должны быть ещё и послушными. Совсем хорошо, если они умеют думать головой. А если нет…

— Да ладно тебе! — перебил Булаев. — Опять хочешь обидеть? Смотри у меня — разозлюсь! И будешь снова строем ходить, старлей Соколов!

— Некогда уже строем ходить, капитан Булаев. Схема действий проста. Возвращаем прибор, ищем союзников и следим за ребятами. Предупреждаю о главном: им нельзя мешать. Пусть сделают то, что задумали — во имя её величества истории. А вот потом мы непременно их захватим.

— Больно хитрый у тебя план, — проворчал Булаев, — но раз я обещал. Что ж… приказываю действовать согласно плану старшего лейтенанта Соколова. Вопросы есть? Вопросов нет. Левое плечо вперед кругом марш!

— Почему кругом? — не понял Максим.

— Потому что от моего плана в другую сторону уходим.

— А-а-а, — протянул Сергей. — Зато мы уже пришли к Джедхору.

Привратник открыл гостям ворота и проводил к дверям дома. На пороге их уже встречал Апуи, который и отвёл вельмож в зал приёмов. Ваня, Саша и Аня ожидали их, сидя в креслах. Джедхор и служанка Уна находились в соседней комнате.

— Как вы уже поняли, — не здороваясь, начал Саша, едва вошедшие переступили порог, — мы хотим поменять ваш «Фаэтон» на противоядие. У нас мало времени на всякие там разговоры, поэтому давайте сделаем всё быстро и по-хорошему.

— Вы так торопитесь? — удивился Максим.

— Хотите честно? — предложил Ваня. — Мы просто не желаем долго смотреть на ваши… лица. Московской национальности. Меня как будущего владыку Двух Земель просто тошнит от подобного соседства.

— Грубоватый у вас юмор, молодой человек, — заметил Максим. — Но готов войти в положение. Давайте меняться. Только мы должны быть уверены, что при выходе из дома никто не попытается вновь отнять у нас «Фаэтон».

— Это ваши методы, — сурово припечатала Аня. — А разве мы похожи на вас? Если мы даем слово, то привыкли держать его.

— Ваше благородство делает вам честь, — сказал Максим.

— Но есть другая проблема, — продолжила девушка. — Мы тоже хотим быть уверены, что вы не подсунете нам вместо противоядия какую-нибудь новую отраву.

— Даю вам слово, — сказал Максим, — что с нашей стороны мы будем так же честны, как и вы.

— Нет, — сказал Саша. — Это какой-то детский сад. Честное слово в обмен на честное слово! Давайте всё по-взрослому. Вы отдаете флакон вперед, мы посылаем слугу туда, где он необходим, только после подтверждения, что средство реально действует, вы получаете свой прибор. Я не вижу других вариантов.

У Булаева глаза полезли на лоб от подобной наглости, но Максим тут же согласился.

— Симптомы уже проявились? — спросил он по-деловому.

— Да, — соврал Ветров, не моргнув глазом.

— Тогда рекомендую помимо трех миллиграммов внутрь нанести жидкость на самые крупные язвы. При наружном применении действие антидота ощущается практически мгновенно. А, больной, простите, находится здесь, в доме?

— Да, — соврал Сергей еще раз.

— Конечно, мы подождём, — Максим передал флакон с противоядием Саше и сел.

Сергей с огромным трудом сдерживал эмоции. Примерно то же самое можно было сказать и об Иване. Аня пребывала в полной растерянности и даже не очень пыталась это скрыть. Она вставала, садилась, совершала массу ненужных движений руками. Но ей как женщине простили бы и более странное поведение.

Саша отсутствовал минут десять, и это были очень

напряженные минуты, в ходе которых ни один из четверых не сказал ничего. Ну, еще бы! Ведь каждое неправильно сказанное слово могло стать роковым для любой из сторон.

Наконец Ветров вернулся в сопровождении двоих слуг, которые несли завернутый в белую ткань «Фаэтон».

— Всё нормально, — сказал Саша. — Получите, проверьте…

— …Распишитесь, — добавил Сергей. Успешное завершение обмена настроило его на шутливый лад.

— Ах, какие могут быть формальности между своими людьми! — ёрничая, хихикнул Ваня.

Максим опасливо покосился на него:

— Можно задать вам один вопрос?

— Только один, — сказал Саша сурово. — Времени нет.

— Кого вы там заразили? Вы же не хотели менять историю?

— Имя этого человека слишком известно в Великой Та-Кемет, и я не уполномочен рассказывать вам подробности случившегося, — навел тень на плетень Саша, — но теперь здоровье его вне опасности, а значит, ход истории не нарушен. Спасибо вам, господа-товарищи.

— Понятно, — усмехнулся Максим. — Я ещё раз убедился в вашем благородстве и, конечно же, в вашей ловкости и хитрости. Но… — он обернулся к напарнику, проверявшему «Фаэтон»: — Сергей, там все в порядке с нашим прибором?

Булаев удовлетворенно кивнул.

— Значит, так, — распорядился Максим, — садитесь все поудобнее. Настало время серьезно поговорить. Спешить вам теперь абсолютно некуда.

— Откуда вы знаете? — вскинулся Иван.

— Откуда? — переспросил Максим, размышляя, с чего бы начать. — Дорогие мои пионеры-герои! Или комсомольцы-добровольцы? Я совершенно искренне восхищаюсь вашими способностями и по достоинству ценю все ваши удачные ходы. Но сегодня вы ошиблись. Уж извините, всего не предусмотришь.

На лбу у Саши появилась дежурная морщинка, он уже понял, что разоблачен и только пытался догадаться, каким же образом.

— Да, да, господин Ветров, у вашего больного не проявилось никаких симптомов, соответственно, вы не могли проверить действенность нашего препарата. А я вам подсунул такую же пустышку, как и вы нам, когда мы встречались ночью. Там ведь не было вируса, правда? А в нашем флаконе не было противоядия. Кстати, вам не приходило в голову, что его вообще нет в природе?

— Приходило, — сказал Саша. — Но противоядие есть, вы бы просто не стали так рисковать, ведь смертоносные духи? могли случайно попасть и на вашу кожу. Но главное даже не это. Я

точно знаю: вы передали нам настоящий антидот, а вот сейчас зачем-то врёте.

— Один ноль в твою пользу, парень! Только объясни, как догадался.

— Всё гениальное просто, товарищ… В каком вы звании?

— Старший лейтенант. Но зови меня просто Максим, и можно на «ты».

— Хорошо, Максим, — согласился Саша, — у вас… у тебя неплохие актерские способности, а вот по лицу Сергея можно прочесть буквально все. Когда ты отдавал флакон, в его глазах была откровенная досада, а не торжество.

— Пять баллов, Александр! А дальше?

— А дальше я отправил посыльного во дворец, где на самом деле находится больной. Только теперь откровенность за откровенность. Откуда вам известно, что симптомы не проявились?

— Что ж, — усмехнулся Максим в предвкушении своего торжества. — Настало время открыть вам ма-а-аленький секрет. Только, пожалуйста, обещайте оставить наш договор в силе, чтобы на выходе из дома не устраивать потасовку с увечьями?

Саша растерянно оглянулся на ребят. Аня и Ваня до смешного синхронно пожали плечами: выбирать-то было, в общем, не из чего.

— Конечно, обещаем, — заверил Саша представителей Секретной Лаборатории.

— Тогда слушайте, — начал Максим, — Раз уж оба флакона теперь в ваших руках, пора вам кое-что рассказать про этот вирус. Кто бы из придворных не подушился ужасным ядом, хоть сама владычица…— Максим сделал паузу, — а так, похоже, и случилось, да?

Саша кивнул: что уж теперь скрывать?

— Так вот, — продолжил Максим, — противоядие, которое вы отправили с посыльным, ей не понадобится.

— Не поняла! — нетерпеливо вклинилась Аня. — Вирус изначально был липовым? Всё это блеф?

— Нет, ребята. Просто этот вирус действует исключительно на европейскую расу, это новейший генный препарат. Небось, и не слыхали о таких? Могу вас успокоить: ни египтянам, ни ассирийцам, ни хеттам, ни финикийцам этот вирус не причинит вреда. Наши специалисты исключили опасность эпидемии в этой эпохе, никто не собирался изменять столь любезный вам ход истории. Это — биологическое оружие четко направленного, избирательного действия.

— Какая гадость! — сказал Иван. — Представляете, если бы

подобный вирус попал в руки Гитлеру?!

— Я думаю, в этом случае, — подхватила Аня, — на планете не осталось бы уже ни одного еврея, а может, и ни одного славянина.

— А потом нашелся бы умник, который в отместку вывел под ноль всю арийскую расу… Хорошие игрушки изобретаете вы в своей лаборатории. У вашего шефа фамилия не Шикльгрубер?

— Да ладно вам, умники, — обиделся Максим. — Это совсем не мы изобретаем. Телевизор надо смотреть иногда. Мы это просто используем. Жизнь заставляет. Вы слушайте дальше. Вам же для дела надо. Итак, справочка: подобные вирусы существуют уже далеко не первый год. К счастью, пока нет сумасшедших, которые стремились бы к их массовому применению. А придуманы на сегодняшний день самые разные штуки. Например, расовый вирус убивает людей с определённым цветом кожи; половой — отдельно мужчин и отдельно женщин; есть вирусы, способные уничтожать особей, предрасположенных к определенной болезни. Поговаривают, что уже изобрели хитрую бактерию, поражающую исключительно людей с высоким уровнем интеллекта.

— Вот это похоже на правду, — сказал Ваня. — А я всё хожу, гадаю, чего это все такие тупые вокруг стали!

— Шутник! — улыбнулся Максим — А ты знаешь, что можно специально вывести вирус, опасный только для светловолосых и кудрявых?

— Спасибо, — Ваня приложил руку к груди и поклонился. — Это будет большая честь для меня.

Максим начал тихонечко закипать.

— А можно сориентировать смертоносную болезнь прицельно на голубоглазых, рыжеволосых, горбоносых, большеухих и так далее. А можно и на остряков, которые плохо понимают, когда допустимо шутить, а когда нет.

Иван воздержался от ответа, и Максим уже более спокойно продолжил:

— Между прочим, генетическое и вообще биологическое оружие активно разрабатывают во всех развитых странах. Не только фашистские режимы этим занимаются. Те же лаборатории создают, например, боевые микроорганизмы, способные поражать военную технику. Микробы, пожирающие железо, или бумагу, или пластмассу. Представьте себе: за считанные часы микробы превратят в кучу мусора самые совершенные устройства. Например, покрытие самолёта съедается за семьдесят два часа.

— Я как-то читал такой роман, — вспомнил Саша, — написан лет тридцать назад, не меньше. Кажется, он назывался

«Мутант-59». В Лондоне случайно выпустили в водопровод бактерию, которая кушала пластмассу. Такие начались катастрофы!..

— Правильно, — сказал Максим, — современные ученые учитывают подобную опасность. Бактериям вживляют ген самоубийства, чтобы эта безумная армия не вышла из-под контроля… Но я отвлекся. Напоминаю главное: доставленный сюда вирус не опасен для египтян. Только для нас с вами. Всё было продумано, ребята! «Фаэтоном» занимаются серьёзные дяди, и они так же, как и вы, совершенно не хотят подвергать опасности нашу общую историю! Мы никогда не берём в прошлое опасных предметов. Видите, у нас даже оружия нет, а ведь с ним было бы гораздо легче поймать, например, вас. Но… инструкция запрещает. Это вы тащите с собой неработающие мобильники, одежду из современных материалов, косметику и прочие недопустимые вещи. Это вы оставляете владычице в подарок современный стеклянный пузырек с пульверизатором. А что если его откопает какой-нибудь Генрих Шлиман и сойдет с ума в своем девятнадцатом веке. Вы об этом подумали? Нет, вы понадеялись на традиционный русский авось. Так-то, ребята! Оглянитесь на себя, прежде чем обвинять нас в историческом экстремизме и фашисткой идеологии.

Все трое смотрели на Максима в легкой растерянности. Первой сориентировалась Аня.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Раз вы такие умные, объясните. Допустим, сейчас в четырнадцатом веке до нашей эры египтяне не контачат с Европой. А если этот флакончик долежит здесь до Александра Македонского?

— Исключено. Вирус столько не протянет, — быстро ответил Максим, но Саша сразу почувствовал, это он только что, на ходу придумал

Видно было, рядовые исполнители знать не знают столь тонких свойств кем-то изобретенного вируса. Очень может быть, что и сами биологи, не сказали бы точно, сколько лет, а то и столетий проживут в благоприятных условиях споры этого весьма устойчивого вируса. Ведь он сохранял свою активность даже в спиртовом растворе духов! Саше только теперь пришла в голову эта мысль: спирт, одеколон, водка — универсальный антисептик. Какие там могут быть вирусы? Или для духов использовался некий оригинальный растворитель, или вирус был выведен поистине бессмертный…

Но в этой части разговора инициативу взяла на себя конечно, Аня — главный среди них знаток биологии.

— Всё равно, — заявила она, — никто не может дать

стопроцентной гарантии. В виде спор микроорганизмы живут тысячелетиями. Вы что, не знаете? Вирусы — живые организмы, их поведение непредсказуемо. Есть одна очень серьезная гипотеза: многие смертельные болезни — результат чьих-то опытов с бактериями. И теперь-то мы с вами понимаем, что, например, бубонная чума, которая косила людей веками, вполне возможно, занесена в прошлое вот такими же нерадивыми путешественниками из далёкого будущего. Или брюшной тиф, или холера, от неё до сих пор нет вакцины. Всё это очень похоже на уродливые плоды генетических экспериментов с вирусами, нечаянно или нарочно занесённые в прошлое.

— Я понимаю ваш юношеский максимализм, леди, — развёл руками Максим, — но так ненавидеть своих современников! А тем более потомков. Обвинить будущее во всех смертных грехах — очень удобная позиция для современников любой эпохи. Но она нуждается в доказательствах. Разве они у вас есть?

— Есть! — ответила Аня с вызовом. — А как ещё вы объясните, неестественное поведение всех смертоносных вирусов?

— Что, что, что? — заинтересовался Максим, он явно не был полным профаном и в биологии.

Сергей же смотрел равнодушно и на лице его читалось желание поскорее свернуть всю эту бессмысленную говорильню.

— Поведение абсолютно неестественное, если следовать законам природы и логике здравого смысла, — сформулировала девушка. — Опасные вирусы убивают организм человека, который их кормит. Согласитесь, странное свойство — уничтожать собственную среду обитания и в результате погибать вместе с ней. Такой способностью, противоречащей здравому смыслу, обладает помимо, болезнетворных микробов, разве только сам человек. Вот и приходит на ум, что это порождение интеллекта, искусственно созданные организмы.

— Лихо! — Максим прямо оторопел от столь неожиданной для него мысли.

— Судите сами, — продолжала Аня, не давая расслабиться. — Что такое вирусы и бактерии? Ближайшая аналогия — паразиты. Но отношения между ними и хозяевами складываются по принципу симбиоза. Паразит заинтересован в продлении жизни хозяйского организма. Этому тьма примеров в природе. Актинии, сидящие на панцирях раков-отшельников. Или креветки, живущие вблизи горячих источников, чтобы за счет сероводорода поддерживать существование бактерий, специально выращенных у себя во рту. Термиты, которые питаются древесиной, но не способны её переваривать. Этим занимаются жгутиконосцы, живущие в кишечнике насекомых. Удали их из

организма, и термиты погибнут. А крабы, которые мирно сосуществуют с кораллами, защищая их от морских ежей и получая в награду питательные жиры…

— Слушай, девочка, — перебил Сергей, — мы чего, на лекцию, что ли, пришли?

— Да погоди ты! — шикнул на него Максим. — Интересно же, и потом, я жду вывода.

— А вывод очень прост, — сказала довольная собой Аня. — Природа всегда рациональна. Целесообразность — её главный принцип, она создаёт только те виды, которые способны выжить. А вирусы чумы, холеры, тифа, различных лихорадок, наконец, СПИДа — это организмы-самоубийцы, и значит, они созданы не природой.

— Крыть, как говорится, нечем, — вынужден был согласиться Максим, — но что это даёт нам?

— Это даёт нам руководство к действию. Не умножать зло вокруг себя — вот главный принцип. Кто-то в своих ужасных лабораториях превращал безвредные и даже полезные бактерии в страшные смертоносные вирусы. Я просто уверена, изначально они не были такими — над генами кто-то потрудился. Так давайте хотя бы не распространять эту заразу.

— А что если это естественные мутации? — предположил Максим. — Под влиянием солнечной активности, например, или при изменении климата. Причины могли быть и техногенными, но почему обязательно злонамеренными?

— Могли быть и мутации, — неохотно согласилась Аня. — Но они всё равно должны благоприятно сказываться на выживаемости. Те же мамонты потеряли шерсть, когда изменился климат, быть слонами стало удобнее. Но мутировать ради самоубийства — нелогично! Это противоречит естественному отбору.

— Насчет мутации сдаюсь, — сказал Максим. — Но доказательств всё-таки маловато.

— Пожалуйста! Брали совершенно безобидные бактерии, специально проводили с ними генетические эксперименты и получались жуткие вирусы. Или, например, изучали возбудителя бубонной чумы. Почему он убивает? Знаете, что обнаружили? Смертоносная чумная бактерия не вырабатывает необходимого ей белка, не умеет двигаться в жидкой среде, не способна менять одного хозяина на другого, чтобы выжить, не может даже существовать в почве — только в организме вполне определённых животных. Бактерия убивает их, а затем сама умирает. Это принцип оружия, а не живого организма: заразил одного — он стал убийцей, и так до тех пор, пока все не вымрут, в том числе и

сами бактерии.

— Это про чумную бактерию, — сказал Максим, — я понял. А кто её безобидная родственница?

— Скорее всего, это простой возбудитель псевдотуберкулёза, почти безвредный, нормально сосуществующий с живыми организмами. Но если его генетически изменить, наделив способностью убивать… Исследователи подтвердили догадку: провели опыты, удалив гены, отвечающие за выработку того самого белка. Смертоносность бактерии увеличилась в тысячу раз! Какие ещё нужны доказательтсва?! Рассказать про холеру?

— Рассказывай, — согласился Максим и картинно схватился за голову обеими руками. — Уж добивай нас!

— Её возбудителем является холерный вибрион. И он, возможно, тоже был синтезирован. Для проверки учёные в качестве исходного материала взяли две родственных бактерии. Из одной позаимствовали гены, отвечающие за выработку токсинов, и ввели в структуру ДНК другой. Она и стала после этих генетических манипуляций смертоносным холерным вибрионом. Такой элемент в структуре ДНК естественным путём не образуется. Кто-то «помог» бактерии сделать это приобретение. А брюшной тиф? Тоже страшная болезнь. Возбудитель — бактерия типа сальмонеллы. Есть два вида тифозной сальмонеллы — африканская, вполне безобидная, и опять же та самая, смертоносная. Так вот, у этой бактерии, вызывающей тиф, тоже обнаружены дополнительные гены, неизвестно откуда взявшиеся. Неужели ошибка природы? Или всё-таки человек постарался?

— Ладно, считай, что убедила, — согласился Максим. — Остается один вопрос: с чего вы решили, что во всём виноваты путешественники с «Фаэтоном»? Да, сегодня это — реальность, но не хотелось бы так сужать круг гипотез. В конце концов, были протоцивилизации типа Атлантиды. Могло нам это всё от них достаться? Могло. А бактерии из космоса, занесенные с метеоритами или с нашими братьями по разуму? — и он улыбнулся. — Вариантов много, поэтому я считаю, обвинять только людей из будущего не совсем корректно.

— А я и не обвиняла, — сказала Аня. — Я сказала «возможно»… А вот вы являетесь прямым подтверждением этой теории, поскольку тащите в прошлое всякую дрянь.

— Ещё раз повторяю, — устало произнёс Максим, — тот вирус, который мы принесли сюда, действует избирательно. Он не опасен для египтян.

— И я ещё раз повторяю, — отпарировала девушка, — ваш вирус — живой организм, который несёт смерть. Никто не может

сказать наверняка, как он поведёт себя в будущем, даже в самом ближайшем. Элементарный грипп ведёт себя каждый год по-разному, а вы говорите…

— Ну, если вы так опасаетесь за египтян, то этот флакончик с духами надо у них забрать и вернуть в наше время, — настойчиво произнёс Максим.

— Вот вы и займитесь, — предложил Ваня. — Не мы же эту гадость сюда припёрли — не нам и отвечать!

— Но мы не имеем доступа во дворец, — развёл руками Максим.

— А это уже ваши проблемы, — ответил Ваня.

— Александр, какой у тебя грубый приятель, — пожаловался Максим.

— Знаешь, Максим, — откликнулся Саша, — я тоже против грубости, но с теми, кто хотел тебя убить, обычно не любезничают. Ладно, хватит об этом. На самом деле я признаю свою ошибку: мы должны были забрать флакон сегодня же утром. Но, испугавшись за жизнь Анхесенамон, про всё забыли, кроме противоядия. Сейчас она отправляется на левый берег в свой дворец, а возьмет ли флакон с собой, трудно сказать. Конечно, вирус не должен оставаться здесь, и это ещё не поздно исправить.

— Согласен, — кивнул Максим. — Поэтому прошу забрать флакон и передать его нам.

— Что?! — возмутился Ваня. — Передать вам? Чтобы вы опять попытались кого-нибудь из нас отравить? — И добавил, повернувшись к друзьям: — Ребят, они держат нас за идиотов.

Тут же включилась и Аня:

— Как вам не стыдно?! Мы отдали ваш «Фаэтон» только потому, что хотели спасти ни в чём не повинную владычицу. Мы никому не желаем смерти. Даже вам. А ведь мы прекрасно понимаем, что оставить человека в прошлом — это всё равно, что убить его.

— Хорошо, — сдался Максим. — Я только не понимаю, что вы будете делать с вирусом у себя дома? Мы-то вернем его на склад под отчёт — и дело с концом. А вы? Подарите заклятому врагу? Или в канализацию выльете, чтобы пол-Москвы отравить? Брать его с собой не менее опасно, чем оставлять здесь. Почему я и предложил: отдайте нам.

— Нет уж, — упрямо повторил Ваня. — Придумаем что-нибудь без вас. Разговор окончен!

— Как хотите, — пожал плечами Максим и повернулся к напарнику. — Ну что, Сергей, уходим?

— Уходим, — ответил тот, поднимаясь, — и так засиделись.

— Прощайте, — сказал Саша уже в спину им.

— Э, нет, ребята, — оглянулся Максим. — До свидания. Однозначно.

И оставив последнее слово за собой, они быстро вышли.

Некоторое время друзья сидели молча, собираясь с мыслями. Слишком много всего свалилось на них за этот последний час. Первой заговорила Аня:

— Как думаете, они попытаются ещё раз отобрать у нас «Фаэтон»?

— Обязательно, — сказал Ваня. — Иначе, зачем они здесь?

— Я тоже так думаю, — согласился Саша. — Надо всегда носить «Фаэтон» с собой и попросить Джедхора выделить нам охрану. Эти люди не успокоятся. Вы понимаете, что такое военный человек, получивший задание?

— А вдруг им дали задание нас убить? — заволновалась Аня. — Мы же теперь не только воры, но ещё и опасные свидетели.

— Не думаю, — успокоил её Саша. — Имея такие полномочия, они бы уже давно нас убили.

— Сашка прав, — подтвердил Ваня. — Конечно, эти двое, во всяком случае, Сергей, способны на убийство, но пока мы нужны им живыми. Заметьте, вопрос о документах так и повис. Они сегодня даже не возвращались к нему.

— Значит, пока они не выяснят, где документы и не отберут у нас «Фаэтон», — продолжила его мысль Аня, — мы будем жить. Отлично! А потом?

— Потом… могут и убрать. Но давай сделаем так, чтобы потом не случилось.

— Как? Как мы это сделаем?! Я не хочу умирать, — жалобно пролепетала девушка.

На глаза у неё навернулись слёзы.

— Да что ты его слушаешь! — Саша сердито посмотрел на приятеля и нежно обнял Аню. — Никто нас убивать не собирается. А ты, Иван, прекрати нагнетать обстановку. Я думаю, что с ними вполне можно договориться. Максим — образованный человек, очень неглупый…

Саша прекрасно понимал, что это весьма слабый аргумент, но больше ему ничего не приходило в голову, а успокоить Аню было необходимо. «Оболенский, мерзавец, совсем не думает, что можно, а чего нельзя говорить!» — злился про себя Саша.

— Ладно, хватит время терять, — сказал он. — Нас всё-таки ждут, пошли.

Уна успела уже вернуться от владычицы и очень удивилась, что ребята до сих пор не закончили переговоров. Джедхор

переживал еще сильнее.

— На чём вы порешили? — взволнованно спросил он.

Саша по возможности кратко рассказал о том, что ядовитые духи оказались не опасными для Анхесенамон, но на всякий случай, будет лучше уничтожить их вместе с противоядием — вылить содержимое в огонь, да и флакон хорошенько прожарить в пламени.

Уна вновь отправилась к своей госпоже, а ребята, уточнив с Джедхором ближайшие планы, решили, что имеют право на несколько часов отдыха. Бессонная ночь и такое тревожное, напряженное утро — это был уже перебор. А ведь совсем скоро им отправляться на левый берег Нила для участия в погребальной процессии великого владыки Двух Земель Тутанхамона.

Глава 52
БЕСЦЕННЫЙ КЛИНОК

Максим и Сергей пребывали в хорошем расположении духа. Они могли себе позволить не спеша пройтись по улицам Фив. Ведь главное, они вернули свой «Фаэтон». Невыполненное задание — обычное дело в их практике, да и не всё ещё потеряно. Есть время даже поразмышлять.

— Знаешь, Максим, — вышел из задумчивости Сергей, — я вообще-то не особо рассчитывал получить наш прибор назад. А когда ты им стал рассказывать о бесполезности антидота, честное слово, готов был заткнуть тебе чем-нибудь рот. Ведь получилось, что мы их кинули, а значит, в ответ они могли запросто уронить нам на голову ведро с камнями или выпустить ядовитых змей, как это здесь принято.

— Не суди обо всех по себе, — произнёс Максим назидательно.

— Нет, всё равно они меня удивили! Как можно быть такими доверчивыми и наивными? Ведь мы же опять опасны для них… А девчонка-то как разошлась! Наехала по полной программе!

— Ещё бы, — сказал Максим. — Ты её два раза хотел отравить. Я бы на её месте вообще глаза тебе выцарапал.

— Одно скажу, — заявил Булаев, — они не умеют пользоваться ситуацией, и, следовательно, из них никогда не получатся настоящие боевые командиры.

— А они что, учатся на офицеров? — поинтересовался Максим.

Сергей представил себе всю троицу в военной форме и расхохотался. Потом выдал ещё пару реплик относительно недальновидности, наивности и инфантильности современных молодых людей вообще и этих троих в частности. Максим слушал молча и лишь иногда усмехался.

— Ладно, вернёмся к «нашим баранам», — хохотнул Сергей, завершая тему. — Я правильно запомнил? Баранам? Или всё-таки козлам? Итак, нам нужно выполнить задание. Какие есть идеи?

— Мы уже обсуждали эту тему, — напомнил Соколов. — Без союзников нам не справиться. Например, нас хотел видеть визирь — почему бы не познакомиться с ним? Джедхору он точно враг, и враг более чем влиятельный… Правда, есть один способ, позволяющий нам не посвящать никого в свои планы, и всё же вернуться с выполненным заданием.

— Какой? — живо заинтересовался Сергей.

— Думаю, он тебе не понравится.

— Давай, выкладывай, — поторопил Булаев, — а уж там решим.

— С этой троицей нужно договориться по-хорошему.

— С ума сошёл! — возмутился Сергей. — Бред какой-то!

— Просто ты в них видишь врагов. Но даже с врагами ведут переговоры, — объяснил Максим. — А эти ребята — вполне вменяемые, разумные люди, с ними можно пойти на откровенный диалог.

— Почему же они упорно не хотят говорить, где документы? — спросил Сергей.

— Или действительно не знают, — сказал Максим. — Или у них есть ниточка, которую они боятся выдать. Допустим, оберегая кого-то. Надо очень правильно строить диалог в такой ситуации, ни коем случае, не запугивать их.

— Слушай, да ты такой же, как эти юнцы! Доверчивый и наивный. Они тебе лапшу на уши вешают, а ты веришь.

— Нет, я не наивный, а рассудительный, — возразил Максим. — Если людей невозможно взять силой, нужно брать их хитростью, короче говоря, найти к ним подход. Надо в спокойной обстановке объяснить, что никакой опасности мы не представляем, что для них же будет лучше вернуть «Фаэтон» и рассказать всё. Но это надо делать не торопясь и по-хорошему. А ты всё время спешишь и угрожаешь. Когда мы украли «Фаэтон», была великолепная возможность вообще выступить их спасителями. Вот тогда бы… А ты полез со своим вирусом!..

— Ну, и что ж ты с ними сейчас не поговорил доверительно?

— Во-первых, сейчас они бы не пошли на откровенный диалог. Ты слышал их интонации? Да и сами слова. А во-вторых, они всё-таки торопились и, я так понимаю, к владычице. Хоть они поняли, что Анхесенамон не отравлена, а всё равно душа была не на месте. Видно хотелось им все точки над «і» расставить. Пусть остынут чуть-чуть. У нас ещё есть время. И надо тщательно продумать этот разговор с ними.

Сергей долго молчал — переваривал информацию, потом, понизив голос, произнёс:

— Я тебе вот что скажу. В какой-то степени ты прав. Конечно, эти ребята не такие негодяи, как я себе представлял. Наивность — не самая худшая черта. А поменять «Фаэтон» на антидот для совершенно постороннего человека! На это тоже не каждый сподобится. Ведь наш прибор — колоссальная ценность для них, гарантия спокойствия. Так что, положа руку на сердце, убивать этаких цыплят — нехорошо, конечно. Если б они оказались отъявленными подонками, наркоманами какими-нибудь, мне бы

легче было.

— А почему ты вообще говоришь об убийстве? — не понял Максим.

— Потому что у меня приказ, — ответил Сергей абсолютно бесцветным голосом.

— Какой приказ? — решил уточнить Максим.

— Захватить «Фаэтон» и выяснить, где находятся документы, а в случае крайней необходимости ликвидировать несанкционированных путешественников во времени.

Максим помолчал.

— И ты считаешь, что крайняя необходимость уже возникла?! — вкрадчиво поинтересовался он.

— Я считаю, что она очень скоро возникнет. Как только провалятся твои мирные переговоры! — повысил голос Сергей.

— Хорошо, — процедил Максим. — А насчет того, чтобы все решения согласовывать со мной, ничего в приказе не было?

— Было, — откликнулся Булаев, глядя себе под ноги.

— Ну, так и помни об этом. Ты уже начинал с самых крайних мер. Я думаю, хватит. А, Серёга?

Булаев посмотрел исподлобья и ничего не сказал.

— Да не дуйся ты! — миролюбиво улыбнулся Соколов. — Я тебе обещаю: выкрутимся. И никого даже не разжалуют!

Возле дома торговца Мериба трудно было не заметить ещё издалека странного оживления: люди толпились у ворот и что-то возбуждённо обсуждали.

— Не нравится мне это столпотворение, — сказал Сергей.

— Правильно, в дом не пойдём, выясним для начала у зевак, что происходит.

То, что они узнали, привело в ужас обоих.

Известие о похищении магического зеркала из храма быстро облетело весь город. Жрецы сбились с ног, разыскивая вора. И тут хитрый Мериб решил выслужиться. Он пришёл в храм и рассказал, что у него в доме живут странные постояльцы: занимаются магией, делают волшебные эликсиры, произносят над ними заклинания… Не иначе, эти двое специально приехали в столицу, чтобы завладеть магическим зеркалом для своих тайных мистерий.

Торговец неспроста выдумал всё это. Он давно положил глаз на небольшой ларец в комнате постояльцев. Там хранились удивительные сокровища: больше десяти флакончиков с изысканными ароматами, необычные браслеты, кольца и, что самое ценное, из-за чего, собственно, торговец и затеял эту авантюру, небольшой нож, лезвие которого было сделано из

очень дорогого и редкого материала — железа. Только у фараона был кинжал с железным лезвием. Иметь такое сокровище — поистине великое счастье! Ведь изделия из железа ценились в Та-Кемет намного дороже золотых.

Мериб занимался торговлей далеко не первый год и за жизнь свою повидался со многими людьми, приходившими в Египет из самых разных уголков земли. Один такой человек из далекой северной страны (наши герои XXI века назвали бы её Арменией) и рассказал как-то торговцу откуда берется железо и почему оно такое дорогое.

В Египте знали только самородное железо. А оно, и вправду, встречается реже, чем золото. Ведь этот металл слишком быстро окисляется на воздухе. Вот почему большая часть самородного железа имеет метеоритное происхождение — в космосе кислорода нет. Египтяне догадывались об этом и называли железо «би-ни-пет» — «небесным металлом». Впрочем, причина могла быть и другой: цвет его серо-голубой напоминал о небе. Однако и по-армянски железо — «яркат» — означает «капнувшее с неба». По одной из распространенных версий именно армяне первыми научились получать железо из руды. По другой версии, черную металлургию примерно в те же годы придумали хетты. И те, и другие тайну изготовления самого твёрдого металла хранили в строжайшем секрете. Так на смену бронзовому веку во втором тысячелетии до нашей эры пришел железный.

Железные руды — основные среди них — магнитный, бурый и красный железняк — это по своему химическому составу оксиды, гидроксиды и сульфиды. Собственно, главной задачей древних металлургов было придумать, как же убрать из соединения кислород и получить чистое железо? Найденный тогда способ, по существу, используется и по сей день. Руду перемешивали с древесным углем и поджигали. Углерод, имеющий более высокую степень окисления, оттягивал кислород на себя, образуя легко летучий углекислый газ, а железо освобождалось, образуя рыхлую массу — крицу или сварочное железо.

Самые первые печи для выплавки железа имели вид трубы и назывались сыродутыми. Устанавливали их прямо на земле, как правило, на склонах оврагов, чтобы ветер поддерживал горение угля. Сварочное железо представляло собой металл с включениями шлака — углерода и примесей, перешедших из руды. В процессе ковки, куски шлака отваливались, и под молотом оставалось железо, пронизанное, однако, шлаковыми нитями. Так естественным образом выплавляемое железо обязательно содержало углерод. Пытаясь освободить металл от

примесей, древние металлурги заметили, что чистое железо обладает гораздо худшими свойствами, чем его сплавы с углеродом. Так появились различные стали и чугуны, используемые во всем мире по сей день.

Потом на смену сыродутым печам пришли домницы в виде «вольчьих ям» или надземных построек со специальными мехами, нагнетавшими воздух в горны и, наконец, большие домны. Разные народы изобретали свои добавки к соединениям железа с углеродом, свои методы выплавки, и создавали уникальные по твёрдости и прочности материалы: дамасская сталь, булатные сабли, толедские клинки, миланские доспехи… Многие из этих секретов не раскрыты до сих пор.

Железо — четвертый по распространенности элемент нашей планеты и первый среди металлов. Однако добыча и обработка его для древних племен была совсем не простым делом. В Египте времен Тутанхамона этот такой обыденный для нас металл был действительно настоящей драгоценностью.

Торговец Мериб отлично знал, что обладателем железных предметов мог быть только очень и очень богатый человек, практически равный великому владыке Двух Земель.

И вот однажды вельмож не было дома. (Это случилось в тот самый вечер, когда они ушли в разрушенный храм). Торговец из чистого любопытства зашёл к ним в комнату и открыл ларец, где, по его предположениям, хранились самые ценные вещи. Увидев железный нож, он так и замер в восхищении! Вот то, что не сравнить ни с какими ценностями! Вот то, о чем мечтает каждый! Мериб просто заболел этим клинком. Однако украсть его было бы слишком опасно. И он решил пуститься во все тяжкие, но во что бы то ни стало завладеть сокровищем.

Случай помог ему осуществить эти намерения. Услышав о пропаже магического зеркала, торговец сразу понял, как надо действовать. Стоило вельможам уйти (на этот раз в дом Джедхора), он побежал к жрецам и обвинил постояльцев в краже великой святыни. Жрецы без промедления отправились к дому Мериба и стали поджидать воров, которых должны были схватить прямо на входе. А торговец тем временем уже взял ларец из комнаты и надёжно спрятал его. Таинственных вельмож теперь непременно посадят в тюрьму и, вернее всего, очень скоро казнят, а он, Мериб, будет владельцем бесценного клинка и всего остального! И уже никто не отнимет у него похищенного сокровища!

Максим и Сергей сразу подумали, что это козни Джедхора и замечательной троицы их современников. Ведь кто ещё, кроме

них, был способен похитить зеркало, а потом подговорить Мериба свалить всё на его постояльцев. А самому торговцу зачем было оговаривать людей, так щедро заплативших за постой? Им как-то в голову не пришло, что человеческая жизнь — ничто в сравнении со стальным клинком, лежащим в шкатулке. Хотя могли бы и сообразить — всё-таки проходили кое-какую подготовку по истории Египта. Однако совсем другие мысли занимали их в тот момент…

— Что теперь будем делать? — растерянно спросил Сергей.

— Приказывай, командир, — довольно нелюбезно отозвался Максим.

— Я думаю, надо сматываться, — решил Булаев. — Иначе отдадут на съедение крокодилам.

— А как же задание, товарищ капитан?! — невинным голосом поинтересовался Максим.

— Уноси ноги подальше, а там решим. Главное, не останавливайся.

— Логично, — согласился Максим. — Но не рванёшь же ты прямо с этого места домой в Москву. Начальство нас не поймет.

— Я этого и не говорил. Уносить ноги — не значит «улетать». Ты шагай, шагай быстрее! Отсидимся где-нибудь на окраине, подумаем… У тебя есть план?

— А мой план не меняется: всё равно переговоры. Надо переправиться на левый берег — сегодня все будут там — и попробовать ближе к вечеру войти в контакт с визирем Аи. Только с его помощью у нас есть шанс организовать серьезную встречу с этой троицей хитрецов. Расскажем Аи, кто на самом деле похитил зеркало, вот тогда и начнём снова диктовать им свои условия.

— Как-то у тебя всё очень сложно получается, — проворчал Булаев, — я уже не верю, что из этого выйдет толк.

— Но пробовать-то надо! Тем более что у нас есть большое преимущество в сравнении с этими самодеятельными артистами. Мы можем покинуть прошлое в любой момент. Главное не отходить друг от друга и всегда держать прибор наготове.

— Это я помню, — буркнул Сергей. — Пошли быстрее. Мне кажется, кто-то уже пытается увязаться за нами.

Свернув в боковую улочку, они прибавили шагу, едва не переходя на бег.

Глава 53
ПРОВОДЫ В ЦАРСТВО ВЕЧНОСТИ

Рядом с храмом Амона в небольшом здании, называемом павильоном смерти, жрецы-бальзамировщики в течение семидесяти дней тщательно подготавливали тело умершего фараона к загробной жизни. Все внутренности были вынуты, забальзамированы и уложены в специальные сосуды — канопы. Лишь сердце оставалось в теле владыки. Именно оно должно было решить судьбу правителя в Царстве мёртвых перед судом Осириса. Если сердце окажется неотягощённым грехами, оно будет легче страусового пёрышка богини истины Маат, и тогда почивший фараон смело вступит в Царство мёртвых, где нет горестей и печалей — только бесконечная радость вечного существования.

Мумию правителя завернули в льняные пелёны, пропитанные камедью и смолами. Сто сорок два предмета были проложены между слоями бинтов. Это были кольца, амулеты, броши, нагрудные украшения, пояса, цепочки, ожерелья. На каждой вещи было выгравировано имя умершего, чтобы при переходе в иной мир он мог легко узнать её. Все предметы имели особый смысл.

Так называемый сердечный скарабей — защищал сердце. Браслеты и ожерелья в виде змеи и коршуна — говорили о том, что перед судом Осириса предстанет великий владыка. Украшения с Глазом Хора, сделанные из чистого голубого лазурита или красной яшмы и оправленные в золото — помогали усопшему беспрепятственно взойти на солнечную ладью бога Ра и путешествовать на ней по загробному миру вместе с другими богами. Амулет в виде колонны Джед — связывал усопшего с Осирисом, а амулет с изображением Анубиса — давал почившему человеку покровительство могущественного бога мёртвых. Анубис помогал пройти все испытания, перед тем как предстать перед судом Осириса.

Были среди предметов и два кинжала в золотых ножнах: у одного лезвие золотое, у другого — железное. С помощью этих кинжалов умерший мог поразить всех демонов на своём пути. Кинжал, сделанный целиком из золота, лежал вдоль правого бедра мумии, а другой, бесценный, с железным лезвием и набалдашником из горного хрусталя был заткнут за пояс, тоже золотой. Ножны тоже изготовили из золота — в виде изящного пальмового листа.

Ещё один очень важный атрибут положили у ног мумии,

прежде чем завёрнуть её в льняные пелёны, — «Книгу мёртвых», где были написаны все заклинания и молитвы, открывающие двери подземного царства и помогающие преодолевать опасности на пути к палате Двух Истин.

Завернув мумию в пелёны и поместив обереги между бинтами, жрецы обернули её ещё раз в большое льняное полотно, на голову надели колпак, имитирующий головной убор Осириса, а затем медленно и осторожно опустили на лицо золотую маску, повторяющую черты усопшего фараона. Брови и веки на золотой маске были выполнены из тёмно-синего стекла, белки глаз — из светлого полупрозрачного алебастра, зрачки — из чёрного обсидиана. Полосатый платок-немес — царский головной убор — на золотой маске был украшен вставками из голубого стекла, а коршун и кобра на лбу — символы царской власти — лазуритом, обсидианом и яшмой. Оканчивалась маска широким воротником в виде нагрудного ожерелья из цельного листа золота, украшенного разноцветными камнями: кварцем, лазуритом, полевым шпатом, а на плече оно крепилось застёжкой, в виде головы сокола. Золотая маска и нагрудное ожерелье были сделаны настолько искусно, что в первый момент казалось: на золочёном ложе лежит живой фараон. Лицо его выражало полное спокойствие и умиротворение, будто правитель без тени горести отправляется в Царство мёртвых, обретая долгожданную вечную жизнь среди богов.

Надев на мумию золотую маску и ожерелье, жрецы приступили к другой, не менее важной работе. На льняную ткань, в которую было завёрнуто тело, они пришили символ царской власти — две золотые руки, сложенные на груди и держащие посох и цеп Осириса, ведь фараон являлся при жизни божественным созданием а, следовательно, после смерти становился Осирисом. Рядом жрецы прикрепили пектораль, где изображалась птица-душа Ка с распростёртыми крыльями и головой человека. Наконец, всё тело мумии они обложили тяжёлыми золотыми полосами с религиозными надписями из «Книги мёртвых», посвящёнными возрождению царя, и скрепили их между собой нитками из бус.

Итак, тело фараона было подготовлено. Жрецы аккуратно перевезли мумию в царский дворец и возложили на золотое ложе, чтобы вдова совершила последний обряд оплакивания перед погребением.

В своём большом дворце на левом берегу безутешная Анхесенамон оплакивала усопшего мужа. Целый день и всю ночь просидела она в ногах мумии правителя, плача и произнося молитвы о воскрешении фараона в загробном мире. Она

исполняла роль Исиды у тела Осириса. Другая представительница царской семьи стояла в изголовье золочёного ложа, на котором покоилась мумия, и воплощала собой Нефтиду, сестру Осириса.

На рассвете в день похорон в комнату оплакивания вошли жрецы, неся на плечах три саркофага, по форме напоминающих тело человека с лицом почившего правителя. Со скорбными песнями и молитвами они уложили мумию сначала в саркофаг, сделанный из чистого золота, затем поместили его в другой, из позолоченного дерева, а тот, в свою очередь, в самый больший саркофаг — тоже из дерева с золотой инкрустацией. Анхесенамон во время этого ритуала громко плакала, припадая к ногам умершего мужа. Лицо её выражало безутешное горе и скорбь, ведь она в последний раз разговаривала с Тутанхамоном, который, увы, уже не слышал её:

«Я — твоя жена, о, Великий Владыка, не покидай меня! О, мой брат, о, мой супруг, о мой друг, не уходи, останься на месте своём! Не удаляйся от меня! Ты, любивший меня, почему ты ушёл так рано? Почему ты молчишь и не говоришь ни слова?..»

Жрецы, выражая величественное смирение, продолжали делать своё дело и, казалось, совсем не обращали внимания на стенания вдовы. Они вынесли тройной саркофаг и поместили его на похоронные дроги в форме ладьи под огромным балдахином. Ладья стояла на салазках, и два буйвола под заунывное пение и чтение молитв повезли салазки к заупокойному храму. Группа из двенадцати человек, наиболее близких к царю и называемых друзьями владыки, подталкивали салазки. Впереди шли жрецы, а позади саней следовала многолюдная процессия, которая несла погребальную утварь, еду для трапезы и четыре канопа с внутренностями фараона. Анхесенамон вместе с другими женщинами, приближёнными царской супруги, следовала отдельно. Завершали процессию вельможи и знатные сановники, среди которых был и Джедхор, а с ним Апуи, Саша, Аня и Ваня.

Аи не было ни среди вельмож, ни среди жрецов. Он ожидал процессию в заупокойном храме, готовясь к обряду восшествия на трон. На рассвете Анхесенамон официально объявила, что желает взять в мужья своего визиря, и предоставляет ему право стать владыкой Двух Земель. Сама церемония коронования и бракосочетания была отложена на послезавтра.

Подойдя к каналу, соединяющему Нил с заупокойным храмом, вся процессия погрузилась на большие и маленькие лодки. Чтобы возродиться, умерший должен был совершить символическое путешествие в священные города Великой Та-Кемет. Жрецы несколько раз делали остановки, сходя на берег в местах, символически обозначавших тот или иной священный

город, совершали ритуалы, произносили молитвы и оставляли подношения богам. Наконец лодки причалили к пристани заупокойного храма, где процессию встречали другие жрецы. Они помогли снять мумию с салазок и вместе с сопровождающими отправились в заупокойный храм.

После совершения многочисленных обрядов и жертвоприношений над статуями умершего фараона наступил самый ответственный момент — воскрешение правителя. Аи в шкуре леопарда — символ верховного жреца — и в синей кожаной короне хепреш — символ царской власти — появился в главном зале храма, чтобы исполнить свою обязанность — совершить обряд «отверзания уст и очей». Обычно этот обряд совершал сын для своего отца, как это делал Хор над телом Осириса. Но здесь был особый случай. У фараона не было сына, и обряд должен был совершить наследник трона. Аи, взяв необходимые предметы для священного действа, произнёс магические заклинания и специальным ритуальным инструментом прикоснулся к губам и глазам мумии, чтобы открыть их навеки. Это означало, что теперь усопший сможет двигаться, видеть, говорить и есть.

После церемоний в храме, которые длились в течение всего дня, похоронная процессия направилась к гробнице Тутанхамона в Долину царей. В лучах закатного солнца всё вокруг приобретало красноватый оттенок: и сполохи факелов на лицах, и белые одежды, и церемониальные маски. Маски, изображавшие божественных животных и птиц, выглядели особенно зловеще, а заунывное пение усугубляло чувство мрачного ожидания и трепета перед лицом смерти.

Вся процессия держала путь к цепи известняковых холмов, которые тянулись на многие километры. Они одиноко возвышались в Западной пустыне и казались непреодолимыми и дикими, как сама смерть. В глубине этих каменных глыб нашли успокоение предки великого владыки Двух Земель Тутанхамона. В одном из ущелий Долины царей найдёт своё прибежище и он сам. В отличие от пышных заупокойных храмов здесь царило уединение и тишина. С виду ничем не примечательные скалы хранили в себе несметные сокровища великих владык, а внутренние погребальные покои порой не уступали по красоте дворцам и храмам. Но всё это было спрятано глубоко в недрах. Многочисленные переходы вели в усыпальницы и сокровищницы, расписанные и украшенные замечательными картинами и рельефами. Погребённые здесь вместе с фараонами изделия из золота, серебра и драгоценных камней измерялись тоннами. Их было столько, что можно было усеять ими все улицы Фив. Но

чтобы вор не смог проникнуть в священную гробницу, её тщательно замуровывали, делали всевозможные ловушки и, конечно же, накладывали заклятие, выбивали угрожающие надписи на стенах усыпальницы:

«Любой человек — будь он мудрец, писец или просто горожанин, если возвысит голос в гробнице, или повредит надписи, или разобьёт статуи, или унесёт хоть что-то из вещей усопшего — испытает на себе гнев Тота, самого строгого из богов, испытает на себе ножи палачей фараона, пребывающего в великих дворцах. Его боги не получат хлеба! Его имя больше не будет существовать на земле Великой Та-Кемет! Он умрёт от голода и жажды! И никогда ему не совершат погребальных церемоний!»

Медленно и торжественно процессия подходила к усыпальнице Тутанхамона. Теперь уже не буйволы, а двенадцать приближённых бывшего правителя тянули на канатах погребальные сани. Подойдя ко входу в гробницу, они аккуратно сняли мумию фараона с саней и поставили вертикально. Над телом фараона опять были совершены ритуальные действия, а в завершение на него надели «корону оправдания» из оливковых листьев и лепестков лотоса. Великий Аи, исполняя миссию верховного жреца, прочёл магические заклинания из «Книги мёртвых». Теперь душа Ка могла беспрепятственно вернуться в тело Тутанхамона и возродить правителя к вечной жизни.

Наступал самый тяжёлый момент — момент расставания с фараоном. Анхесенамон безутешно рыдала, а сопровождающие дамы вторили ей: «Горе! Горе! Плачьте, плачьте, плачьте не переставая! Великий владыка уходит в страну вечности. Теперь он будет в стране, которая любит одиночество…».

Пока вдова плакала над телом мужа, жрецы перенесли в гробницу погребальную утварь, все ларцы и сундуки опечатали царской печатью. Внутренние покои усыпальницы сделали тесными и скромными, в отличие от погребальных покоев предыдущих правителей. Но количество сокровищ, положенных туда, ничуть не уступало богатству других гробниц.

Жрецы торжественно внесли в сокровищницу канопы и опечатали комнату. Теперь осталось только спустить саркофаг, положить его в каменный ящик и закрыть сверху ещё четырьмя деревянными саркофагами. Девять защитных саркофагов будут защищать тело фараона.

И вот мумию правителя внесли в гробницу. Анхесенамон следовала за жрецами. Царицу сопровождали два близких друга Тутанхамона — хранитель царских сокровищ Маи и военачальник Нахтмин. Они держали в руках погребальные дары для усопшего. Маи и Нахтмин были самыми преданными и верными людьми

бывшего владыки. Они специально для фараона приготовили дары, сделанные искусными ремесленниками, чтобы ещё раз засвидетельствовать преданность бывшему правителю Двух Земель.

Маи нёс в руках миниатюрное изображение царя, лежащего на похоронном ложе. Две птицы по бокам простирали по одному крылу над сложенными на груди руками фараона, словно оберегая ушедшего. Птица справа от лежащей фигурки, имела человеческую голову и олицетворяла его душу Ка, а по левую сторону была птица с головой сокола, олицетворяющая сына Осириса Хора.

Нахтмин приготовил в подарок пять маленьких статуэток, изображавших умершего царя. На одной из них была надпись: «Слуга, который возрождает имя хозяина». Такую надпись мог сделать только самый преданный и очень близкий человек, каким, собственно, и являлся военачальник Нахтмин. Анхесенамон тоже несла дары для своего усопшего мужа.

И вот, наконец, все девять саркофагов запечатаны царскими печатями, дары возложены, церемония прощания завершилась. Жрецы и близкие стали выходить из погребальной камеры. Анхесенамон на мгновение задержалась. Она вытащила что-то из складок платья и положила небольшой предмет рядом с саркофагом Тутанхамона. Никто не посмел помешать ей. А может, никто ничего и не видел?

Опечатав все помещения, жрецы вышли наружу, и рядом с гробницей развернулось завершающее действо — погребальная трапеза. Оплакивание было закончено, наступал момент, когда гости смогут веселиться, петь песни, танцевать и возносить радостные молитвы в честь воскресшего фараона. На столах, которые были привезены специально для трапезы, лежало много разнообразной еды. Теперь все присутствующие ели, пили и ликовали во славу бессмертной жизни любимого владыки.

Только глубокой ночью трапеза была завершена. Знатные вельможи и все те, кто принимал участие в погребальной церемонии, отправились в обратный путь, тихо напевая весёлые песни, а жрецы ещё долго наводили порядок возле гробницы Тутанхамона.

Глава 54
БУРЯ В ПЕСКАХ

Многочисленные придворные, принимавшие участие в траурной церемонии, не имели на левом берегу Нила собственных домов, поэтому для них во дворце были отведены специальные покои. Уставшие от длинного дня, они разбрелись по своим комнатам, и вскоре дворец погрузился в сон. Среди тех, кому отвели комнаты во дворце, разумеется, были Аня, Саша и Ваня. Но они не ложились. Они ждали условного сигнала от Анхесенамон.

— Я валюсь с ног, — сказала Аня. — Единственное, чего мне сейчас хочется — это рухнуть на постель и спать. Эта погребальная церемония просто доконала меня. Я словно до сих пор слышу рыдания и стенания плакальщиц.

— Придётся ещё немножко потерпеть, — напомнил Ваня. — Самое трудное — впереди. Сейчас за нами придёт Уна и отведёт к владычице. Надеюсь, Анхесенамон не передумала, — он обернулся к Саше и, увидев, как тот копается в корзине, с удивлением спросил: — Зачем ты всё вытащил?

— Проверяю комплектность. В этой суматохе у нас могли украсть что угодно.

— Например, «Фаэтон», — мрачно пошутил Ваня. — Давай посмотрим, что там ещё есть. Так, наша московская одежда… Придётся снова напяливать. Говоря откровенно, я уже привык к набедренной повязке и платью на бретельках. Украшения всякие тоже мне нравятся… Слушай, и для чего вообще люди придумали брюки?

— Для тепла, — сказал Саша первое, что пришло в голову.

Сейчас ему не хотелось вступать с Ваней в пустые дебаты. Ане — тем более, у неё просто не было сил. Заглянув в корзину, девушка лишь ухватила за край аккуратно сложенную верёвочную лестницу, натянула ступеньку, испытывая на прочность, и бросила назад.

— Всё-таки молодец Джедхор! — заметила она. — В этой суете мы с вами чуть не забыли самое главное.

— Да уж, — проговорил Саша. — Ты хоть спасибо сказала?

— Я — да, двумя словами, которые помню, — похвасталась Аня, — но лучше будет, чтобы ты нормально поблагодарил и Джедхора, и Апуи.

— Успеем, — отозвался Саша немного рассеянно, потом повернулся к Ване: — Что ты там ещё тащишь? Давай уже

укладывать корзину.

— Смотри, какие шикарные нагрудные ожерелья! Это нам подарила Анхесенамон.

Ваня всякий раз произносил имя владычицы, как будто читал стихи со сцены, смакуя каждый звук необычного слова.

— Побрякушки хороши, — сказал Саша. — Но что мы будем делать с ними в Москве?

— Ты еще не понял? — спросила Аня, хитро покосившись на Ивана. — Оболенский спрячет их у себя под подушкой и будет перед сном целовать.

Ваня плотно сжал губы и прищурился.

— Нет, — проговорил он жестко. — Я их продам антикварам. А на вырученные деньги куплю два «мерседеса». Один себе, а второй — Анюте, чтоб у нее характер стал помягче.

— Слушайте, — улыбнулся Саша, — да вам хоть по миллиону долларов дай каждому, вы всё равно ругаться не перестанете. О чём вы говорите?! Это же такие артефакты! Египтологи все с ума сойдут: украшения второго тысячелетия до нашей эры и… абсолютно новенькие!

— Да никто не поверит, что они настоящие, — сказал Ваня. — Проще какому-нибудь подпольному ювелиру отнести. А то ученые и впрямь могут рассудком помутиться.

— Погодите, — встряла Аня. — Почему никто не поверит? А углеродный анализ?

— Вот чудачка! — сказал Саша. — Во-первых, углеродный анализ абсолютно неактуален для изделий из золота и камня. А во-вторых, мне вдруг пришло в голову, даже если использовать другие изотопные методы, подумайте сами: мы же перемещаем эти предметы из прошлого мгновенно, значит, никакие радиоактивные элементы не успеют в них распасться. И любая экспертиза покажет, что это — лишь современная подделка высочайшего класса. Так что Ваня прав, реализовать их можно только на черном рынке. Ни в музей, ни в академию наук не возьмут.

— А ты так страдаешь от этого? — удивился Ваня. — Тоже мне, меценат! Музеям решил помочь… Тут и думать нечего. Насчет продаж я пошутил, конечно. Кончится это либо ударом по голове где-нибудь в подъезде, либо элементарным арестом. Лично я все эти штуки оставляю себе на память. А вот через несколько лет, когда такие путешествия во времени станут обычным делом… ну, как поездка в Турцию на неделю, тогда обязательно введут закон о реституции культурных ценностей, похищенных в прошлом. И всё встанет на своё место.

— Ну, ты фантазёр! — восхитилась Аня ходом его мыслей. —

Но вообще, Вань, я с тобой полностью согласна. А ты, Саш, с учёными и музеями погорячился, конечно. Твоя «правильность» иногда просто бесит. В конце концов, чего такого мы везём в двадцать первый век? Вот если б ты притащил на себе библиотеку Ивана Грозного, или Янтарную комнату, или шлем воина из Атлантиды — тогда бы можно было говорить об артефакте, об интересе для науки. А так… — и она усмехнулась.

— Знаешь что, Ветров, — решил еще добавить Ваня. — соблюдать все законы — дело, вестимо, благородное, но советую не забывать золотого правила: если нельзя, но очень хочется, то можно. Не будь таким занудой, Сашка! Кстати, мы же не взяли ничего чужого! Это всё — подарки. А дарёное не дарят. Даже музеям. Верно?

Саша почесал в затылке.

— Ну, братцы, совсем вы меня заклевали. Конечно, оставим ожерелья себе на память, — вздохнул он, — но я уже о другом думаю: помните, из какой ситуации мы стартовали? Эх, не пришлось бы нам этими ожерельями во врагов кидаться, как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»!..

— Ой, нет, нет! — замахал руками Ваня. — Только не об этом! Не порть нам настроения.

— А когда об этом? — угрюмо спросил Саша. — В Москве уже некогда будет.

— Завтра, — сказал Ваня уверенно. — Знаете, как сказал однажды Уинстон Черчилль: «Если вы стоите, но есть возможность сесть — сядьте. Если вы сидите, но можно лечь — ложитесь».

— Отличная идея! — согласилась Аня. — Прилечь давно пора, а вы всё треплетесь.

И она первая подала пример.

— Завидую змее, — философски заметил Ваня, тоже улёгшись и вытянув гудящие от долгой ходьбы ноги. — Эта тварь, даже когда двигается, всё равно лежит.

— В армию пошёл бы, — буркнул Саша, — там этому учат. Перемещение по-пластунски называется. Масса удовольствия. Особенно, я так думаю, поздней осенью и по болоту.

— Ребят, вы поспать дадите, или так и будете бубнить до прихода Уны? — взмолилась Аня. — Мало мне того, что здесь какие-то подушки кривые?

— Как это — кривые? — хихикнул Ваня.

— Ну, каждый раз, когда я кладу голову на эту деревянную подставку, мне кажется, что меня пытают инквизиторы.

— А ты подложи что-нибудь из одежды вместо этой подставки, — предложил Ваня. — Я, например, так и делаю.

— Да уж, — поддержал Саша, — подушечки здесь жестковаты. От долгого лежания на них, наверно, деформируется череп. А голову надо беречь, ведь в ней самое ценное, что есть в человеке…

— Зубы, — подсказал Ваня.

— Для тебя наверно, так и есть, — включилась Аня. — Зубы тебе необходимы, чтобы держать за ними свой язык без костей.

— А у тебя он с костями?! — изобразил искреннее удивление Ваня. — Вот что надо в музей сдавать!

— А я предлагаю поставить памятник тому, кто изобрёл мягкие подушки, — сказал Саша. — Без костей.

Каждый из них говорил о своём, как в пьесах Чехова. Но все вместе снова задумались о подушках: почему именно теперь им стало так неудобно лежать на здешних кроватях?

— А кто изобрёл мягкие подушки? Неизвестно. Как неизвестен и автор колеса, — рассуждала Аня, похоже, уже забывшая, что собиралась спать.

— Не знаю, как вы, — проговорил Ваня, а я, если посплю минут пятнадцать-двадцать среди дня, потом чувствую себя только еще более разбитым.

— Вот что, ребята, — строго произнёс Саша, как он уже привык это делать в последнее время. — Каждый отдыхает, как умеет: спит или не спит, с подушкой или без, лежит или стоит, как лошадь, но чтобы все были в форме к началу операции!

— Товарищ командир, — подняла голову Аня. — Это что, приказ? Или только проект приказа в первом чтении?

— Это черновик приказа, — улыбнулся Саша. — Окончательный вариант будет в стихах. Ванька напишет.

— А что — запросто! — откликнулся Иван и замолчал, очевидно, про себя подбирая рифмы.

Так никто их них задремать и не успел, когда в дверь тихо постучали, и появилась Уна. Коротким жестом она велела следовать за ней, и вскоре все четверо оказались у потайной двери в покои Анхесенамон.

— Через главный вход мы не можем войти, — объяснила служанка. — Стражники охраняют покои владычицы.

А царица уже с нетерпением ожидала своих спасителей.

— Я готова бежать, — тихо произнесла она. — Сейчас самое время. Все разошлись по своим комнатам, и мы сможем беспрепятственно покинуть царский дворец.

— А что делает Аи? — спросил Саша.

— Пребывает в состоянии блаженного покоя, — сказала Анхесенамон. — Он получил всё, что хотел, и теперь наслаждается победой, даже не подозревая о том, что я затеяла.

— Но его победа не полная, — произнёс Саша. — Официальная церемония состоится только послезавтра.

— Это его уже не волнует. Я же сегодня утром объявила его владыкой, а церемония — это лишь подтверждение прав на престол… Не будем больше о нём говорить. Надо поторопиться, пока все спят.

И она направилась к потайной двери.

Аккуратно минуя все посты стражников, владычица и её служанка, вели ребят сложным маршрутом: узкими кривыми коридорами и короткими тёмными переходами, открывая и закрывая потайные двери, спускаясь и поднимаясь по небольшим деревянным лестницам, и, наконец, благополучно выбрались на улицу. Пройдя великолепный сад с прудом, они оказались у высокой стены, окружавшей царскую усадьбу. В стене едва виднелась маленькая дверца, заросшая виноградом. Анхесенамон и Уна раздвинули лозы, и ребята, подойдя ближе, увидели, что дверь заперта на довольно мощный засов с несколькими отверстиями, своего рода накладной замок. Уна достала из корзины специальный ключ — большую плоскую дощечку с бронзовыми штырями, и запорный брус легко скользнул в сторону.

За пределами царской усадьбы их ожидали Джедхор и Апуи, а с ними люди, вооружённые луками, копьями и боевыми топорами. Неподалеку стояло пять колесниц.

— Мы не можем терять времени, — сказал Джедхор. — Скоро рассвет. Обнаружив исчезновение владычицы, Аи тут же вышлет в погоню своих воинов.

— Нас встретят на границе Та-Кемет? — спросила Анхесенамон.

— Да. Я уже отправил к Нефертити гонца с донесением, — и добавил, повернувшись к ребятам: — Своему родственнику, управляющему имением, я поручил освободить нашего заложника Тамита. Он это сделает послезавтра, как вы просили. Мои люди передадут и письмо для Аи. Прочитав его, визирь не сможет сделать Тамиту ничего плохого. Так что не беспокойтесь.

— И всё-таки что в письме? — спросил Саша.

— Там сказано, что Тамита похитили, чтобы он не смог помешать побегу владычицы. Я предупредил Аи, что сейчас, когда дело сделано, Тамит не должен быть казнён и вообще наказан. Невинный не должен пострадать, иначе боги разгневаются и покарают нанёсшего вред невиновному. А чтобы у Аи не появилось желания подвергнуть Тамита пыткам для выяснения подробностей, я приложил к письму одну из многих глиняных

табличек его переписки с нашими врагами во время царствования Эхнатона и предупредил, что, если с Тамитом что-нибудь случится, об этой переписке узнают многие вельможи. Ему не будет тогда пощады, хоть он и получил корону владыки Двух Земель.

— Понятно, — сказал Саша и, повернувшись к ребятам, многозначительно произнёс по-русски: — Политические интриги и шантаж посредством компромата, оказывается, не выходят из моды уже три с лишним тысячи лет.

На колесницы взошли без дальнейшего промедления, и лошади тронулись. Повозки были рассчитаны на двоих, но пришлось потесниться и встать по трое. Это было не слишком удобно, однако ничего не поделаешь: большим количеством колесниц Джедхор не располагал.

Неподалеку от дворца в густых зарослях тамариска лежали двое. Теперь они были одеты не как вельможи, а как воины.

— Слушай, — тихо сказал Булаев Соколову, — вот здесь бы их и брать прямо тепленькими.

— Аи не велел, — откликнулся Максим. — А он наверняка что-то знает. Сказал, брать в пустыне — значит, в пустыне.

— Хитрый старикан, — заметил Булаев. — Тебе он как показался?

— Безусловно, умен. Даже очень. Он понял про нас с тобой больше, чем мы можем себе представить. Но и подлец он, вне всяких сомнений. А каким еще может быть владыка Двух Земель, получивший власть не по наследству, а дорвавшийся до неё?

— Да, — согласился Сергей, — порядочная сволочь. Так что же мы его слушаем? Может, всё-таки нападем прямо сейчас. «Фаэтон» и ребятишек захватим, я тебе обещаю, а царица эта — она мне даром не нужна. Или ты хочешь держать слово, данное Аи?

— Я хочу живым остаться, Сергей, — серьезно проговорил Максим. — Видишь, там десяток воинов с топорами и луками.

— Этих я нейтрализую, Макс. Поверь мне.

— А если прибежит ещё сто? Кто устраивает такие потасовки под стенами дворца? Нет, Аи прав. Надо дождаться боевого подкрепления. Тогда мы спокойно возьмем их всех в пустыне, как запланировали.

— Ну, и где это подкрепление? — спросил Сергей раздраженно. — Смотри, наши голубки улетают.

Пять колесниц Джедхора действительно были уже едва видны впереди, и только большое облако пыли еще подсказывало, в какую сторону они уехали.

— Если опоздают, — ворчал Сергей, — потеряем их навсегда.

Максим отмалчивался и делал вид, что всё в порядке.

Отряд, выделенный Аи, появился часа через два, однако командир его был невозмутим:

— Конечно, мы должны спешить. Но без паники, воины! Следы колесниц не дадут нам потерять беглецов, к тому же кони наши резвее, люди выносливее и, наконец, нас втрое больше.

Этот туповато-самоуверенный командир, конечно, не знаком был с крылатой фразой Суворова: «Побеждают не числом, а умением». Но Максим и Сергей всё же попытались проникнуться его оптимизмом.

Однако даже к ночи им так и не удалось догнать никого.

Анхесенамон и Джедхору предстояло трудное и весьма опасное путешествие по Ливийской пустыне, называемой в Египте Западной. Ночью среди песков холодновато, но передвигаться как раз можно, а вот днём солнце так раскаляет землю, что становится трудно дышать. Поэтому основной путь предстояло проделать именно в темное время суток.

Меж тем ночной пейзаж пустыни не внушал никакого доверия: бесконечные пески, набегающие из темноты барханами, редкая чахлая растительность — черными пятнами там и тут, да одинокие скалы, за которыми мерещились всякие ужасы. К тому же путников и в самом деле подстерегали всевозможные опасности. Львы, дикие волки, леопарды, гиены, пантеры — все эти животные реально водились тут и были способны напасть и растерзать людей. Также не менее опасными могли оказаться змеи и скорпионы, притаившиеся в песках.

Слабенькой, но всё же отдушиной на этом мрачноватом фоне были изредка встречавшиеся оазисы, которые не столь важны ночью, зато днём радуют усталый от однообразия глаз и дают долгожданную прохладу, воду и спокойный отдых. И, тем не менее, эта пугающая в любое время суток пустыня была для наших героев единственной относительно безопасной дорогой. Потому что не только воины Аи, но и случайно встреченные разбойники могли оказаться пострашнее волков и скорпионов. К тому же Джедхор и его команда были неплохо подготовлены к путешествию в песках. Они взяли с собою бурдюки, полные воды и пива, хлеб, овощи, запасную одежду, оружие и много других необходимых вещей.

Колесницы, запряжённые великолепными сирийскими лошадьми, быстро продвигались на север страны. Остались далеко позади великолепный западный дворец, пышные усадьбы вельмож, заупокойные храмы владык и убогие хижины рабочих в

деревнях близ некрополя. Впереди виднелись лишь тёмные ночные барханы, угрюмо торчащие скалы, да колючая растительность.

Первая остановка со сменой лошадей планировалась недалеко от древнего священного города Абидо?с, где, по преданию, находилась гробница самого Осириса. Прибыть туда Джедхор собирался на закате следующего дня. Там хорошо обученный отряд лучников, присланный Нефертити, должен будет присоединиться к их отряду и двинуться дальше, в сторону северной границы Та-Кемет. Вот только Ани, Саши и Вани уже не будет с ними. До возвращения в своё время им оставалось всего несколько часов. Наступит полдень, горячее солнце поднимется над песками, и ребята со всей неизбежностью покинут Та-Кемет, а немногочисленный отряд Джедхора с прекрасной владычицей Анхесенамон уже без них отправится дальше навстречу своей судьбе.

Итак, остаток ночи они провели в пути, лишь иногда совсем ненадолго останавливаясь, чтобы дать отдых коням, напоить их, да и самим немного подкрепиться. Когда забрезжил рассвет, путники раскинули лагерь и решили отдохнуть, как следует. До Абидо?са было ещё далеко, и следовало набраться сил для долгого перехода уже без остановок.

Саша, Аня и Ваня, глядя на других, легли прямо на песок. Усталость во всём теле и ломота в суставах чувствовалась такая, что не хотелось шевелить даже пальцем. Многочасовая поездка на колесницах отняла у них последние силы.

— Мы вот так спокойно валяемся на песке, — еле слышно прошептал Ваня через какое-то время, — а ведь это очень опасно. Кажется, здесь полно змей и скорпионов. Но мне уже всё равно: пусть кусают.

— Змеи и скорпионы сами не нападают, — успокоила Аня. — Они только защищаются от человека. Но если какая-нибудь сумасшедшая змея все-таки укусит тебя, не волнуйся, я знаю, что делать.

— У тебя есть противоядие? — то ли всерьез, то ли в шутку поинтересовался Ваня. — Или как говорят наши «друзья» из секретной лаборатории, антидот.

— Нет. Я просто окажу тебе первую помощь.

Саша приподнялся на локте и посмотрел на Аню. Про первую помощь в самых разных ситуациях он знал очень хорошо, и намерен был теперь проверять и подправлять девушку.

— Если всё правильно сделать, смерти удастся избежать. Сразу после укуса, необходимо высосать кровь из ранки и тогда б**о**льшая часть введённого яда не успеет подействовать.

— А ты сама не отравишься? — обеспокоился Ваня. — Ведь сколько ни плюй, а какие-нибудь миллиграммы наверняка проглотишь.

— Не отравлюсь. Змеиный яд — это такой токсичный белок, который опасен только при попадании в кровь. Пить его можно хоть стаканами, если, конечно, во рту нет открытых ранок. Полагаю, что и местные хорошо знают это. Правда, Саш?

— Конечно, — кивнул Саша, — древние египтяне по части ядов большие доки.

— А скорпионы? — Ваня решил подстраховаться от всех опасностей. — От них ты тоже меня спасёшь?

— Со скорпионами сложнее. Хотя их яд менее опасен, но здесь придется уповать на удачу. Первая помощь состоит в том, чтобы смазать ужаленное место чем-нибудь жирным и укутать его в тепло. Это облегчит боль. А дальнейшее будет зависеть от вида и дозы яда, а так же от особенностей твоего организма. Вот, например, яд скорпионов, обитающих у нас на юге, не такой опасный, как у североафриканских или южноамериканских. От наших даже специальные сыворотки не нужны. Место укуса поболит чуть-чуть, ну, почувствуешь недомогание, а потом всё само собой рассосётся.

— Однако, мадмуазель, мы вроде не в Анапу приехали! — возмутился Ваня. — Пока ты мне тут про кубанских скорпиончиков рассказываешь, здешние, сахарские меня загрызть успеют.

— Не переживай, — небрежно махнула рукой Аня. — Африканские тоже не всегда опасны. И от их укуса вполне можно остаться живым.

— Только будешь немного скособоченным, заикой и полудурком, — Ваня старательно изобразил такого персонажа. — С-сы-сы-па-а-сибо, у-утешила!

— Да ну тебя! — рассмеялась Аня. — Вы главное запомните: они сами не нападают. Просто не наступайте на них и не хватайте руками. В общем, никаких резких движений…

— Ань, раз ты такой спец по змеям, — включился в разговор Саша, — может, объяснишь одну вещь? Местные жрецы, чтоб усмирить толпу и показать свои магическую силу, часто проделывают любимый трюк: бросают на землю жезл, который, превращаясь в змею, уползает. Я сам это много раз видел в своей прошлой жизни. Неужели настоящая магия?

— Точно, — подхватил Ваня, — об этом чуде даже в Библии написано, в «Исходе», если не ошибаюсь. Моисей соревновался с египетскими жрецами в магии, бросил свой жезл на землю, и тот превратился в змею. А жрецы повторили это, дескать, и мы не

лыком шиты. Там ещё было про несгораемый куст, про превращение Моисеем воды Нила в кровь, про страшные болезни, которые он наслал на египтян…

— Бог с ними, с болезнями, — сказал Саша. — Хотя некоторые «жрецы» из двадцать первого века, как нам известно, пробуют потягаться с Моисеем по этой части. Но я-то спрашиваю про жезл, который превращается в змею? Честное слово, я сам это видел и могу сказать: впечатляет. С магическим зеркалом — да, это фокус. А со змеёй?

— Можно я скажу? — подняла руку Аня. — Вы про меня уже забыли, что ли? А я, как-никак, специалист по змеям, — она улыбнулась и тут же сделала серьезное лицо. — Объясняю. Это не самое великое чудо из чудес. Дело в том, что их жезл — это и есть настоящая змея.

— А-а-а, — протянул Саша, осознавая, как всё просто.

— Вот именно — змея! Они держат в руках рептилию, а все думают, что это жезл. Они научились приводить змею в каталептическое состояние. Для этого нужно ухватить её пальцами пониже головы и надавить на основание черепа. Змея тотчас словно деревенеет. Да-да, в буквальном смысле. Ею можно размахивать как палкой. А затем жрецы просто бросают животное наземь, и, понятное дело, очнувшись, оно уползает. Вот и весь фокус.

Саша даже расстроился, что сам не додумался до этого.

— Знаешь, — сказал он, — в Москве мне как-то не приходилось читать о змеях, а здесь, думаю, на меня сильно влияет сознание Тамита. Ему-то и в голову не придёт сомневаться в чудесах.

— Век живи — век учись, — ответила Аня вполне добродушно.

— А про то, как превратить воды Нила в кровь, ты тоже знаешь? — подколол Ваня.

— Вообще-то, я специалист по змеям, а не по рекам, — лукаво улыбнулась девушка. — Но какую-нибудь гипотезу выдать могу.

Саша решил опередить её:

— Превращение воды в кровь — это элементарно. Хитрый Моисей наверняка подгадал под, может, и редкое, но предсказуемое сезонное явление. Нил течёт с Эфиопского нагорья, а там в период интенсивного таяния высокогорных снегов вода размывает краснозём, и река становится мутной и красной.

— А что? Нормальная версия, — одобрил Ваня. — Можно ещё предположить, что это какие-нибудь багряные водоросли.

— Или много-много маленьких красных рачков, — придумала Аня. — Потом приподнялась и стала осматриваться. — Ладно, хватит уже о чудесах. Посмотрите лучше, какая красота вокруг. Ведь сейчас весна? Правда, Саш?

Ребята тоже сели и стали озираться, словно впервые попали сюда. Отчасти оно так и было: ехали по пустыне ночью, когда она пугающе однообразна. А в утренних лучах солнца оказалась вовсе не такой дикой и страшной, и главное, неожиданно разноцветной. В низинах, меж песчаных холмов, виднелись ярко-красные лужайки пустынных маков, которые вместе с низкорослой зелёной осокой образовывали удивительный пёстрый ковёр. Саксаул, в ночи казавшийся сухой неприятной колючкой, смотрелся очень свежо, он буквально выставлял напоказ свои сочные тёмно-зелёные веточки. А в зарослях его неугомонно щебетали птицы. Это были перелётные птицы, остановившиеся в пустыне по пути на север, но некоторые даже выводили здесь птенцов. Промелькнула вдалеке стайка тонконогих антилоп. Они быстро пересекли высокий бархан и скрылись за горизонтом. Чуть в стороне, на самом гребне песчаного холма неподвижно, как изваяние, застыла ящерица-круглоголовка. Она лишь иногда ритмично покачивала хвостом, закрученным вверх, и высматривала свою добычу — жуков и бабочек.

— Да-а, — протянул Саша. — Весна, она и в Африке весна. Даже пустыня просыпается, оживает. А как настанет летняя жара, всё это разноцветье превратится в раскалённую, сухую, смертельно тоскливую долину.

— Но растения успеют отцвести и дать семена, — со знанием дела вставила Аня.

Ребята снова лежали на песке и мирно беседовали о всяких пустяках. Солнце поднималось всё выше и выше, воздух медленно разогревался, становился горячим и душным. И друзьям уже совсем не хотелось вставать. Нет, мышцы больше не ныли, просто накатила этакая курортная лень: лежи себе весь день и загорай под палящими лучами солнца…

Неожиданно один из воинов нарушил иллюзию безмятежности.

— Смотрите! — крикнул он. — Там, на горизонте, вооружённый отряд!

Все тут же вскочили и устремили взоры в ту сторону, куда он показывал рукой. Вдалеке окутанные густым облаком пыли двигались боевые колесницы.

— Это люди Аи, — сказал Джедхор. — Надо быстрей собираться, — и он поспешно начал отдавать распоряжения

слугам и воинам.

Не прошло и трех минут, как все уже стояли на колесницах и возничие, взмахнув кнутами, погнали лошадей по пустыне.

Однако воины Аи неустанно следовали за колесницами Джедхора. И расстояние между двумя отрядами было лишь ненамного больше полёта стрелы.

— Если они прибавят ход и сократят расстояние между нами, то их лучники начнут стрелять, — выкрикнул Джедхор. — Пока наши кони свежи и бодры, надо оторваться от преследователей. Впереди есть одно место, где мы сможем укрыться. Там огромная гряда скал, и есть большие шансы затеряться.

— Не знаю, — выкрикнул на ходу Апуи, — смогут ли лошади без остановки домчать нас до этих скал. Это всё-таки очень далеко.

— Молитесь богам! Они не оставят нас в такой трудный момент! — крикнул Джедхор и хлестнул своего коня что есть силы.

От копыт вздымалось облако пыли, смешанное с горячим песком, который, попадая в лицо, забивал глаза и нос. Но возничие как будто не чувствовали этого и гнали коней всё быстрее и быстрее. Ребята в испуге закрыли глаза, Аня вцепилась мёртвой хваткой в Сашину руку, с которым ехала на одной колеснице.

Такая безумная гонка продолжалась до тех пор, пока отряд Джедхора не оторвался от преследователей, то есть пока воинов Аи не стало видно на горизонте. Тогда Джедхор дал команду сбавить темп. Уставшие лошади перешли на шаг, возничие, переведя дух, чуть ослабили поводья.

И уже не так далеко виднелась гряда скал. Это был район каменоломен. Здесь добывали гранит разных видов: розовый, серый, чёрный — его использовался для статуй, саркофагов и обелисков. Разработки велись нерегулярно. Когда фараону необходим был именно гранит, он снаряжал сюда экспедицию, в состав которой входили тысячи человек: резчики по камню, каменотёсы, писцы, рабочие для перетаскивания тяжёлых блоков, чиновники, офицеры стражи, и многие, многие другие. Каждый отвечал строго за свой фронт работы. Возводились временные жилища, хранилища для зерна, конюшни, прочие необходимые постройки. Дикая пустыня превращалась в настоящий город мастеров. Сейчас же работы в районе не велись, и это было сразу заметно по тишине и безлюдью.

— До скал уже совсем немного, — произнёс Джедхор. — А там мы будем в безопасности.

Колесницы не слишком торопясь, но всё же быстро ехали

вперёд. Воины Аи сильно отстали. Их так и не было видно на горизонте.

Но тут совершенно неожиданно раздался громкий треск. Одна из колесниц резко накренилась на бок и, проехав ещё немного, встала, едва не перевернувшись. У неё отвалилось колесо. Возничий, лучник и Апуи быстро соскочили с повозки, придерживая лошадей. Джедхор взмахнул рукой, и остановился весь караван. Люди бросились к перекошенной колеснице.

— Сломана ось, — сказал Апуи. — Попробуем починить?

— Мы не можем долго задерживаться, — покачал головой Джедхор. — Воины Аи нагонят нас.

— Но и без колесницы не можем уехать, — сказал Апуи. — Мы и так разместились по трое, ни одна повозка не выдержит четверых.

Слуги в спешном порядке пытались починить повозку, но это было практически бессмысленно, если элементарно нечем заменить сломанную деталь.

— Пусть Анхесенамон с двумя лучниками едет к скалам, — сказал Джедхор, — а мы останемся здесь и попытаемся что-нибудь предпринять.

Один из воинов подошёл к Джедхору и прошептал ему на ухо несколько слов. Джедхор поднял руку вверх, все затихли. Он стоял молча и не шевелясь, словно прислушивался к чему-то.

— Чувствуете? — наконец спросил он остальных.

И все так же молча и настороженно стали вслушиваться в тишину. Ребята растерянно оглядывались по сторонам, абсолютно не понимая, что происходит. Кругом было слишком тихо, невероятно тихо, так тихо, как будто замерло буквально всё. Не слышно было ни пения птиц, ни шороха ящериц, ни гудения жучков. Даже лёгкий ветерок словно остановился в таинственном ожидании. А редкие кусты и колючки будто сникли, потеряв всю свою весеннюю нарядность. Да и солнце почему-то уже не казалось таким ярким. В душном воздухе повисла тревога и невероятное напряжение.

— Будет песчаная буря, — сказал Джедхор. — Надо успеть к скалам. Если не укроемся там, занесёт песком. Здесь мы будем заживо похоронены.

— Смотрите туда! — крикнул один из лучников, показывая на горизонт.

Небо у самого края земли постепенно темнело, превращаясь в грязную серую массу. И на фоне этого пыльного марева показались лучники Аи.

— Что же нам делать? — зароптали слуги и воины. — Или нас поглотит песчаная буря, или мы погибнем от рук

кровожадных воинов. Колесницы не выдержат четверых ездоков.

Тогда Аня, что-то быстро скомандовав друзьям, подбежала вместе с ними к сломанной колеснице.

— Развязывайте упряжь, освобождайте лошадей от повозки! — распорядилась девушка.

Саша и Ваня тут же принялись за работу.

— Вы хотите спасти лошадей, а не воинов? — удивился Джедхор.

— Нет, мы просто поедем… верхом, — сказал Саша, не слишком уверенный, что правильно перевел последнее слово на древнеегипетский, — а те, кто находился в сломанной колеснице, пусть займут наши места.

— Что значит «сверху»? — не понял Джедхор.

— Мы сядем на спину лошади, — объяснил Саша.

Джедхор и его люди во все глаза смотрели на ребят. Как это возможно: ездить на спине у лошади? Да, некоторые из них видели, как дикие северные племена ездят подобным образом, но в Великой Та-Кемет это не принято, и вообще неудобно. Лошади очень капризны, и такая поездка может привести к печальным последствиям. Нет, египтяне никогда так не ездят! Это всё равно что стрелять из лука, если у тебя заняты обе руки.

Аня была прекрасной наездницей, ведь она уже не первый год занималась конным спортом. Её друзья, к сожалению, не могли похвастаться тем же, но всё-таки пару раз она пыталась приобщить их к своему увлечению, и самые азы верховой езды ребята освоили, хоть и без должного энтузиазма. Ну, и конечно, у них был незаменимый и совсем свежий опыт управления лошадьми, приобретенный в средневековой Франции. В общем, теперь всё это им очень и очень пригодилось.

— Так, — решительно сказал Ваня, заканчивая возиться с упряжью, — возвращаюсь домой, и сразу вместе с Анютой на тренировку по верховой езде. Согласен, Ветров?

— Ага, — мрачно кивнул Саша. — Прямо на арбатском чердаке Аня командует нам: «По коням!», и мы прыгаем в окно, а они стоят внизу уже оседланные, и никакой веревочной лестницы не надо…

— Вечно ты подбираешь самый удачный момент для этого разговора, — огрызнулся Ваня.

— А ну не психовать! — весело прикрикнула на них Аня, настрой у неё был боевой и бодрый. — Прорвёмся! И здесь и там. — И быстро добавила. — А вообще Сашка прав: обещаниям, данным в такие минуты, верить нельзя. Всё. По коням! Их всего два, поэтому Иван садится сзади меня, — она говорила тоном, исключающим возражения. — И держись крепче, Ваня! А ты, Саш,

ездишь получше, значит, управишься самостоятельно. Предупреждаю: без седла ездить неудобно, но можно. Прижимайтесь к бокам коленями и пятками. Всё! Вперед! Времени у нас совсем нет. Но скалы уже недалеко. Главное — успеть до песчаной бури.

А небо с каждою минутой угрожающе темнело.

Лошади были не очень высокие, поэтому ребята довольно ловко запрыгнули на них без всяких стремян. И управляемость у этих умных животных оказалась не хуже, чем у мотоцикла.

— Осторожнее с нашей корзиной! — обернувшись, крикнул Саша Джедхору. — В ней самое ценное, что у нас есть!

Все остальные путники уже рассыпались по своим колесницам и, нахлестывая коней, мчались следом за всадниками.

Но и преследователи гнали своих лошадей, не жалея. Воины Аи были ещё довольно далеко, однако, окрыленные своим внезапным успехом, теперь уверенно сокращали расстояние.

А темнота поглотила уже почти всё небо и надвигалась на путников с пугающей быстротой. Лошади нервно фыркали и встряхивали головами. Спасительные скалы манили своей обманчивой близостью… Успеют или не успеют? Нельзя не успеть! Нельзя…

Фронт приближающейся бури всколыхнул огромные массы воздуха. Резкий порыв ветра, смешанного с песком, больно ударил в спины. Аня ещё сильнее вцепилась в поводья и крикнула сидевшему сзади Ивану:

— Крепче держись! Слишком сильный ветер!

Через мгновение новый порыв, взметнув облако песка, с ещё более яростной силой обрушился на них, и вскоре уже ничего вокруг не было видно. Сплошная пылевая завеса и ужасающий вой горячего ветра. Песок больно царапал лицо, забивал глаза и нос. Казалось, ни смотреть, ни дышать стало уже просто невозможно. Гряда скал была по-прежнему впереди. Но где она конкретно в этом бушующем облаке пыли?!..

Ребята, ехавшие первыми, в растерянности остановили коней. А Джедхор вырвался вперёд на своей колеснице и что-то кричал, почти неслышно разевая рот и пытаясь указать дорогу.

— Быстрей за мной! — наконец, разобрали они, или просто догадались по жестам.

Очертания колесницы были едва видны в пыльном кошмаре накрывшей их бури, однако ребята пытались не отставать. Другие повозки тоже вроде бы ехали рядом. Резкие порывы наполненного песком ветра всё сильнее хлестали то в спину, то в бок, и зловещая темнота, закрывшая небо, оставляла всё меньше надежд

на спасение. Песок казался почему-то липким и холодным, а каждая песчинка в отдельности, как маленькая острая иголка, злобно втыкалась в кожу.

«Погибнем, — пронеслось в голове у Ани. — Вот так и погибнем».

Но она почти с машинальным упрямством направляла ужасно непослушного коня следом за колесницей Джедхора. А, поворачивая голову вправо, видела, как Саша из последних сил воюет со своей лошадью, отставая почти на корпус. Иногда Ане казалось: ещё мгновение — и конь сбросит его. Девушка не выдержала, натянула поводья и поравнялась с Сашей. Правой рукою крепко схватив уздечку Сашиного коня, она крикнула:

— Ты только держись! Пожалуйста! За гриву держись! Я буду вести его за собой!

Колесницы оторвались, и ребята уже с трудом различали их в бурлящей перед ними песчаной каше. «Если скроются из виду, — думала Аня, — всё, потеряемся». Она подгоняла, подгоняла лошадей, а они как назло двигались всё медленнее и медленнее… Вскоре очертания колесниц исчезли. В отчаянии девушка дёрнулась левее, потом правее. Наконец, лошади, заржав, остановились, будто почувствовали страх наездников.

— Куда ехать? — завопил Ваня.

Он надрывался даже не от страха, а просто, чтобы его услышали в этом шуме.

— Не знаю, — закричала Аня. — Саш, ты видишь что-нибудь?! Где скалы?!

— Нет, я ничего не вижу! Но надо ехать, надо двигаться, иначе занесёт песком, вместе с лошадьми занесет!

Аня в отчаянии сжимала поводья. Сердце её колотилось как бешеное, стало больно дышать. Она растерянно оглядывалась по сторонам, но кроме клубящейся пыльной темноты не видела ничего. «Куда ехать?!» — повторяла она про себя всё тот же вопрос.

И вдруг, чья-то твёрдая рука дёрнула поводья. Аня прищурилась и увидела… Джедхора. От радости она чуть не вскинула руки вверх, что, скорее всего, немедленно привело бы к падению.

Джедхор повёл обеих лошадей, и совсем скоро ребята увидели прямо перед собой долгожданные скалы и глубокую пещеру в них. Там уже нашли прибежище все остальные путники. Они обступили вновь прибывших, искренне радуясь их спасению. И сама владычица Анхесенамон улыбалась, и друзья заметили, что на глаза у неё навернулись слёзы. Лишь одного человека не было в пещере.

— Где Апуи? — встревоженно спросил Саша.

— Он пошёл искать вас в другую сторону, — ответил Джедхор. — Я нашёл раньше.

— Он может потеряться, — заволновалась Аня.

— Не потеряется, — заверил Джедхор и улыбнулся. — Это далеко не первая песчаная буря в его жизни.

— А мы бы, наверно, погибли в этих песках, — грустно произнесла Аня.

— Не думаю, — сказал Джедхор, — я бы не допустил этого. Оставить умирать тех, кто спас мне жизнь… Это невозможно!

Саша перевёл, и Ваня ощутил некоторую неловкость. Он не любил такой патетики и предпочёл задать практический вопрос:

— А сколько продлится буря?

— Точно сказать не могу, — ответил Джедхор. — Бывает и по несколько дней. Но эта, мне кажется, ненадолго.

— А воины Аи? — вдруг вспомнила Аня. — С ними-то что?

— Найдут прибежище, переждут стихию, значит, спасутся, — сказал Джедхор равнодушно. — А нет, так нет. Долго блуждать в песчаной буре нельзя.

И тут в пещеру вошёл Апуи, целый и невредимый. Стряхивая с себя песок, он посмотрел на ребят и расплылся в улыбке:

— Ну, и зачем я там лазил, спрашивается?

Песчаная буря застала воинов Аи на абсолютно открытой местности, и те, кто поопытнее, сразу предложили разворачиваться и скакать не в погоню за Анхесенамон и Джедхором, а к ближайшим скалам, до которых реально было успеть. Так у людей, по крайней мере, оставался бы шанс выжить. Однако нашлись и горячие головы, рвавшиеся непременно выполнить приказ визиря. Пока шел этот спор, Сергей и Максим незаметно отстали от отряда, слезли с колесницы и залегли за барханом.

— Ну что, охота тебе здесь помирать? — прямо спросил Сергей. — Я знаю, что такое песчаная буря. Лучше не ждать, пока начнётся.

— Ты уже попадал в неё здесь? В прошлый раз? — удивился Максим.

— Нет, в Афгане.

— Постой, — не понял Максим, — но ведь когда война закончилась, ты был еще мальчишкой.

— Это она для кого-то закончилась, — коротко пояснил Сергей. — Ладно, доставай «Фаэтон».

— Ты точно решил, что уже пора?

— Считай, что это приказ.

— А как же задание?

— А ты еще не понял, товарищ старший лейтенант? — улыбнулся Булаев. — Задание мы с тобой на этот раз не выполнили. Отдуваться вместе будем. А сейчас… Просто очень хочется жить. Жми на газ, приятель! Назад в будущее!

Ветер стал уже весьма ощутимым, и лучники Аи, умчавшиеся в панике кто за командиром, а кто и сам по себе, отметили, конечно, брошенную колесницу, но решили, что два новичка в их команде просто потерялись со страху в песках. Обычное дело.

Глава 55
ПРОЩАНИЕ

Джедхор оказался прав. Буря утихла через каких-нибудь два часа. Когда небо окончательно просветлело и ветер стих, Апуи вышел из укрытия, чтобы осмотреться.

Прошло довольно много времени, а он всё не возвращался. Ребята даже начали волноваться: обидно будет, если так и не попрощаются, ведь до их «отлета» осталось совсем немного времени. Они даже переоделись на всякий случай заранее и сидели теперь на камнях в джинсах, держа перед собой открытый «Фаэтон».

К ним тихо подошли сзади Анхесенамон и Джедхор. Оба с любопытством и с некоторой опаской заглянули в волшебную шкатулку. Ваня поиграл клавишами, и на внутренней стороне крышки высветилась надпись:

«*ВОЗВРАТ В СВОЁ ВРЕМЯ НАСТУПИТ ЧЕРЕЗ 42 МИНУТЫ*».

— Мы скоро покинем вас, — пояснил Саша. — У нас осталось совсем мало времени.

— А может, вы всё-таки останетесь? — с надеждой в голосе спросила Анхесенамон.

— К сожалению, это невозможно, — вздохнул Саша.

Анхесенамон опустила голову и ещё более тяжело вздохнула. Она искренне не хотела расставаться с ребятами. Чужеземцы появились в самый трудный и самый важный для неё момент, и, рискуя своими жизнями, делали всё ради её спасения. «Почему? Зачем? Кто я для них? — думала Анхесенамон. — Владычица чужой страны. Они даже не мои поданные». Анхесенамон осознавала только одно — она впервые встретила людей, готовых помочь ей без всякой выгоды для себя. Спасители были так искренни в своих порывах! И ничего не просили взамен… Разве такое бывает? Никто из её приближённых никогда и ничего не делал бескорыстно.

«О, как жестоки бывают боги! — подумалось ей. — В один миг приобрести искренних друзей — и так же в один миг потерять их».

— А мы сможем увидеться вновь? — спросила Анхесенамон, и голос её дрогнул.

— Может быть, — неуверенно произнёс Саша.

Анхесенамон с грустью взглянула на ребят и тихо сказала:

— Я не смогла достойно одарить вас, а ведь вы спасли жизнь не только мне, но и будущему наследнику трона.

— Не стоит благодарности, — сказал Саша. — Мы сделали то, что должны были сделать. Мы просто искренне хотели помочь и помогли. Мы не умеем по-другому, — Саше было чуточку неловко, что он не может рассказать Анхесенамон всю правду до конца, но и обманщиком он себя не чувствовал. — Вам предстоит ещё длинный и трудный путь, однако мы знаем наверняка: боги останутся на вашей стороне, даже когда мы покинем вас.

Вот тут уже Саша немного лукавил: не знали они и не могли знать, чем закончится бегство Анхесенамон в страну Хатти. У современных историков не было однозначного ответа на вопрос о судьбе дочери Нефертити.

Джедхор снял с груди амулет и протянул ребятам.

— Это самое дорогое, что у меня есть, — прокомментировал он. — Я хочу, чтобы вы приняли его — в благодарность за всё.

Саша отрицательно покачал головой.

— Нет, такой амулет должен всегда оставаться у хозяина и охранять его, тем более что ваш опасный путь ещё не закончен.

Джедхор нахмурился, но был вынужден согласиться, и, подозвав слуг, велел принести три амулета — самых лучших, какие сумеют найти.

Аня подняла руку, и по лицу её видно было: вспомнила что-то важное:

— Можно я спрошу? А что стало с магическим зеркалом?

Саша перевёл. Действительно улететь, не узнав об этом, было бы странно.

— Я приказала бросить его на дно пруда, — сообщила Анхесенамон. — Надеюсь, оттуда оно не сможет говорить чужими голосами.

— А флаконы с отравленными духа?ми и противоядием?

— О, теперь никто и никогда не найдёт их, — сказала Анхесенамон. — А если найдёт, то это будет великим наказанием за совершённое преступление.

Ребята переглянулись между собой

— Владычица не стала уничтожать духи, как советовали ей посланцы богов? — удивился Саша.

— Во-первых, аромат противоядия оказался еще более прекрасным, чем у яда. Как же уничтожать такую прелесть? — озорная улыбка промелькнула на лице царицы, потом оно вновь сделалось серьезным. — А во-вторых, боги подсказали мне иной путь. Я положила духи в гробницу Тутанхамона. Два изящных алебастровых флакона стоят теперь рядом с саркофагом, и если кто-нибудь потревожит вечную обитель владыки, то яд во флаконе будет тем наказанием, которого заслуживает этот преступник.

В пещеру вернулся Апуи.

— Буря практически стихла, мы можем снова двигаться в путь, — поведал он.

— Хорошая новость, добрая новость, — бодро откликнулся Джедхор. — Ты осмотрел окрестности?

— Да, — ответил слуга. — Врагов нигде не видно. Если они не сумели добраться до скал, то… — он развёл руками. — Вряд ли выжили в этой стихии.

— Подождём ещё немного для верности и двинемся, — сказал Джедхор.

Ребята тем временем отошли в сторону и тихо беседовали между собой. Аня была крайне взбудоражена последними словами Анхесенамон:

— Нет, вы слышали, что она нам рассказала?! Вы понимаете, что мы натворили?!

— О чём ты? — спросил Ваня. — Ну, поставила отраву в гробницу. Это не хуже, чем в огонь. Кто туда влезет в ближайшие две тысячи лет?

— Проклятие Тутанхамона… — пробормотала Аня, словно сама с собой разговаривала.

— Что? Что ты сказала? — не поняли ребята.

— Я говорю о проклятии Тутанхамона, — начала объяснять девушка. — Вы, наверно, не знаете, а я и на экскурсии слышала и потом читала об археологе Говарде Картере, который нашёл гробницу Тутанхамона. Неужели вы не слышали? Это была очень скандальная история. Те, кто первыми вошли в гробницу, вскоре умерли.

Ребята просто оцепенели.

— Очень много написано на эту тему, — продолжала Аня, — и предположений выдвигалась масса. В проклятии Тутанхамона так и сказано: кто потревожит гробницу — умрёт. Некоторые даже уверяли, что это древнее заклятие жрецов. И что особенно интересно, сами египтяне, никогда не грабили эту гробницу, она единственная осталась не тронутой до двадцатых годов прошлого века.

Ваня почесал в затылке и произнёс с известной долей гордости:

— Короче, те, кто вместе с этим Картером вскрыл гробницу, обнаружили флакон с нашими российскими отравленными духа? ми и любопытства ради открыли его?

— Скорее даже не так, — предположил Саша. — Притертая пробка — это вам не вакуумно-плотная упаковка. Весь препарат за тысячи лет давно улетучился из флакона, и вирус равномерно заполнил атмосферу внутри гробницы. Первые надышались,

потом всё выветрилось.

— Но в любом случае, — подхватила Аня, — я же говорила этому Максиму, что вирус не умрёт, а будет жить своей жизнью. Вот вам и результат!

Что тут было возразить? Саша перевёл взгляд на «Фаэтон».

— Осталось пятнадцать минут, — сообщил он. — Мы хоть теперь обсудим, что будем делать там, на чердаке.

— А всё равно получится экспромт, — с печальной мудростью заметил Ваня.

— Погоди, но ты хоть представляешь, за что там цеплять нашу лестницу?

— Решим на месте, — отмахнулся Ваня. — Я не хочу сейчас об этом думать.

Ваня был крайне рассеян и смотрел только на Анхесенамон. Саша окинул его скептическим взором и повернулся к Анюте:

— А ты как считаешь?

— Ну, если взяли отсюда лестницу, значит, и крепеж к ней можно найти здесь, — проявила девушка неожиданную техническую смекалку.

— Прекрасная мысль, — согласился Саша.

Он вспомнил, как слуги пытались чинить отскочившее колесо, и обратился к Джедхору. Вскоре им принесли тяжелый медный молоток и несколько довольно острых бронзовых клиньев.

— Ну, хорошо, — по-деловому сказала Аня. — Уйдем мы через окно, оторвемся от преследователей. А дальше что?

— Знаешь, — ответил Саша, — Оболенский прав: всё равно будет экспромт. Это как перед отъездом куда-нибудь: переносишь важное дело всё ближе к последнему дню, и наконец, понимаешь, что займшься им только после возвращения. У меня так часто бывает. Вот и теперь, здесь, в Египте, мы ничего не придумаем, надо сначала вернуться…

— Ветров, — сказал Ваня, — я не хочу отсюда уезжать. Во всяком случае, через десять минут — это слишком рано.

— Ты с ума сошёл? — тихо спросил Саша.

— Нет, я уже почти понял, как перенастроить этот прибор. Не слишком сложная проблемка. Сначала мы отменяем заданное время возвращения — это вообще делается одной кнопкой…

Саша стремительно выдернул «Фаэтон» из рук Вани.

— Да не бойся ты, — сказал Ваня как-то вяло, почти сонно. — Не стану я этого делать, не согласовав с вами. Просто мне кажется, что мы в ответе за Анхесенамон. Нельзя её бросать тут, в пещере. Она такая… — он поднял руки, словно молил богов подсказать ему нужные слова. — Воздушная, нереальная,

недосягаемая… и одновременно такая доверчивая, нежная, хрупкая, беззащитная… Обидеть её — грех великий. Не влюбиться в неё может только совсем бесчувственный человек. А уж если она полюбит, то это навсегда, это — абсолютная преданность, неведомая нашим современницам…

— Проснись, Оболенский! Спустись на землю, — Саша ткнул его в бок довольно резко.

Иван словно и не почувствовал, он только всё так же медленно, вяло повернул голову к Саше на пару секунд и вновь стал смотреть на Анхесенамон.

— Мы очень скоро все вместе не просто спустимся на землю, а рухнем на неё, и земля будет холодной, жесткой и грязной… Зачем же торопить события? — рассуждал он, ни кому конкретно не обращаясь. — А сейчас… Разве я не прав? Девушки нашего мира уж больно самостоятельные. Феминистки. Их даже защищать не интересно. Сами могут за себя постоять. Анхесенамон — вот идеал женщины! Её хочется оберегать, драться за неё, охранять от всех бед и напастей. Рядом с ней чувствуешь себя настоящим мужчиной. А добиться её взаимности — это высокая, трудная и во всех отношениях достойная цель…

Аня скептически улыбалась, слушая Ивана, но она лучше, чем кто-нибудь, понимала, что спорить с ним сейчас бесполезно. И даже опасно.

Запоздалая влюбленность накатила на Ваню тяжелой, удушливой волной, а он и рад был подчиниться этому безумию. Конечно, он придумал себе эту красивую и необычную любовь — даже не с первого, а со второго взгляда. Но такой уж у него был характер. Иван Оболенский — великий мастер выдавать желаемое за действительное. Ещё секунда, другая, и он, распрощавшись с друзьями, решит остаться здесь. Нет, это не будет прямым подражанием Ане, скорее подсознательным копированием её поведения в той, первой экспедиции. В тот невыносимо грустный момент прощания юный рыцарь Анри и вправду был для Анюты дороже обоих миров вместе взятых. И сейчас Ване страшно хотелось, чтобы и у него было так же. Это ещё не любовь, а лишь тоска по любви, от начала и до конца придуманная, но такая отчаянная, пронзительная, что может оказаться посильнее иного реального чувства…

Он всё-таки сказал:

— Вот возьму и останусь здесь.

— Только попробуй, — пригрозила Аня.

А Саша глянул на дисплей «Фаэтона» и скомандовал:

— Трёхминутная готовность. Давайте прощаться со всеми.

Обнявшись по очереди с Джедхором и Апуи, они попросили

египтян отойти на безопасное расстояние, а сами встали плечо к плечу, как на параде, почти по стойке «смирно».

— По-моему, Анхесенамон плачет, — сказала вдруг Аня.

И действительно владычица казалась такой несчастной, такой одинокой и покинутой! Глаза её как будто умоляли: «Не покидайте меня! Мне будет так страшно без вас в чужой стране!»

— Я должен что-то сделать для неё, — решительно проговорил Ваня.

Анюта насторожилась. Саша приготовился к любым неожиданностям. А Ваня вдруг открыл свою сумку, достал оттуда ручку, выдернул лист из тетрадки и начал быстро-быстро писать.

Саша заглянул через плечо. Конечно, это были стихи.

— Она не поймёт, — тихо сказал он другу.

— Неважно, — буркнул тот, продолжая чиркать по бумаге. — Она почувствует. Думаю, больше никто и никогда не напишет ей такого.

— Ещё бы! — не удержалась Аня. — Ведь до рождения Пушкина так много веков!

— Это не Пушкин, — бросил Ваня, даже не обидевшись, ему было некогда.

Наконец, он закончил, подбежал к Анхесенамон и, протянув ей листок, встал на одно колено. Анхесенамон приняла загадочный дар чужеземца, Ваня припал губами к руке царицы и замер, словно впадая в транс.

— Назад! Быстро! — закричал Саша.

Ваня встрепенулся, но еще на мгновение задержал руку Анхесенамон в своей ладони, и лишь потом порывисто вскочил. Оказавшись рядом с ребятами, он в последний раз посмотрел в глаза царицы. Они были полны слёз. Они были прекрасны… даже сквозь пелену белого-белого тумана…

Густое молочное облако образовалось в том месте, где стояли трое чужестранцев. Потом оно стало серебристым, полупрозрачным, мерцающим, и, наконец, рассеялось полностью…

Анхесенамон стояла с тончайшим «папирусом» в руках, смотрела на непонятные знаки, и крупные слёзы катились по её бледным щекам, катились и капали на этот странный листок. Быть может, мудрецы и расшифруют эти таинственные символы, но юной владычице было понятно и без них, что здесь написано признание в любви:

Я слышу зов Отчизны дальней
И покидаю край чужой;
В час незабвенный, в час печальный

Стою я здесь перед тобой.

Мои волнующие руки
Тебя желают удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молит не прерывать.

Но здесь, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Явилась ты лишь сладким сном.

Ты, как мираж, ты, как виденье,
Исчезнешь в хаосе времён;
Твой взор ловлю хоть на мгновенье,
А в сердце слышится лишь стон.

Твоя краса, твои страданья
Исчезнут в дымке голубой.
А с ними поцелуй свиданья…
Но жду его, он за тобой…

Глава 56
ЧТО ДАЛЬШЕ?

Временной зазор между исчезновением людей и предметов, «улетающих» в далекие века, и возвращением их назад чисто теоретически измерялся в микросекундах, то есть практически равнялся нулю — путешественники в свои и чужие прошлые жизни возвращались ровно в ту же точку на оси времени. Однако на деле наблюдающие со стороны люди становились свидетелями достаточно долгого процесса: вокруг объекта перемещения начинал клубиться туман, становясь всё гуще, превращаясь в сплошное непроницаемое для глаза облако и, наконец, таял, исчезая полностью. Затем, с видимым разрывом в несколько секунд абсолютно прозрачный воздух вновь затуманивался, и события раскручивались, как в кино, если плёнку запустить обратным ходом. На финише, разумеется, из облака мог появиться и совсем другой человек или тот же, но трудно узнаваемый — из-за причёски, одежды, загара, грязи, порою сильных увечий, а иногда — были и такие случаи — возвращался попросту труп.

И время от фактического «отлета» до прибытия исчислялось таким образом уже несколькими минутами.

Сам Рафаэлич в эти минуты не любил стоять возле стартовой площадки и ждать, с содроганием гадая: вернётся — не вернётся, и кто вернётся. Он предпочитал ждать окончания очередного эксперимента у себя в кабинете и приходил поздравить вернувшихся или посочувствовать коллегам уже по звонку подчиненных. Он вёл себя, как нормальный отец в ожидании загулявших допоздна детей: отвлекался на другие дела и не думал о самом страшном. Роль заботливой и нервной мамы, бегающей от двери к телефону и обратно с трудно сдерживаемым желанием обзвонить все морги, исполняли в Лаборатории другие, чаще всего — начальник службы безопасности генерал Круглов. И на этот раз лично он встречал материализовавшихся из облака Булаева с Соколовым.

Слава Богу, ребята были живы-здоровы, вот только выражения лиц чуточку подкачали: оба выглядели замученными, расстроенными и виноватыми.

— Ну, докладывайте, орлы! — сурово сказал Круглов.

— Задание не выполнено, — как можно более нейтрально постарался произнести Булаев.

— Почему? — спросил Круглов уже мягче.

— Мы упустили их и приняли решение возвращаться, так как рисковать собственной жизнью при исчезающе малой надежде на успех сочли нерациональным.

— Исчезающе малая надежда… — раздумчиво повторил генерал. — Да вы просто поэт, капитан! Хорошо, через два часа представите подробный отчёт. У вас та же задача, старший лейтенант Соколов.

— Задание понял, товарищ генерал майор, — Максим вытянулся по стойке «смирно», и в египетской одежде смотрелось это достаточно комично.

А Круглов уже вызвал кого-то по мобильному и спрашивал:

— Они вернулись? Что?! И вы их упустили? Потрясающе! — он не удержался и начал хохотать.

В этот момент дверь распахнулась и вошёл Рафаэлич. Он несколько опешил от увиденного, улыбнулся и еще не успел ни о чём спросить, когда Круглов сам, давясь от хохота поведал:

— Роман, они их опять упустили!

— Кто — они? — решил уточнить Каюмов.

— И те, и другие, — генерал ничего не мог с собой поделать и всё продолжал смеяться.

Рафалич смеяться не стал, только улыбнулся ещё шире и радостней, а вслух выдал одно, но совершенно неожиданное для Максима и Сергея слово:

— Отлично!

И никакой иронии в этой короткой реплике. И никакого продолжения.

Оперативники, провалившие задание и ожидавшие самых серьезных разборок, стояли перед начальством совершенно обескураженные.

— Разрешите идти? — спросил, наконец, Булаев.

— Да, конечно, — кивнул Рафаэлич. — Пишите отчёт. Впрочем, постойте, один вопрос. Только честно. Вы не играли с ними в поддавки?

— Ну, знаете… — обиделся Сергей. — Я там готов был каждому из них шею свернуть!

— Молодцы, ребята! — ещё раз загадочно похвалил шеф. — Спасибо за отличную работу.

А уже возле дверей Сергей и Максим успели услышать, как генерал Круглов спросил у Рафаэлича:

— Ну что, будем брать их здесь по-взрослому?

— Нет, — ответил Каюмов абсолютно серьезно, — для чистоты эксперимента надо дать им шанс третий раз слетать в прошлое. Два путешествия — это ещё не статистика…

В коридоре Сергей спросил у Максима:

— Ты что-нибудь понял?

— Так, кое-что, — уклончиво ответил Максим. — Я тебе потом объясню. Давай для начала отчет напишем

— Ладно, — согласился Сергей угрюмо, — но, прежде всего, я бы помылся и переоделся.

— Разумеется, — не спорил Максим.

И они зашагали в сторону душа.

— Ну вот, — тихо сказал Ваня, когда белый туман рассеялся полностью, и унылый интерьер чердака проступил, как на только что проявленной фотографии, — будто никуда и не уезжали.

— А никуда и не уезжали, — проговорил Саша, сразу по-деловому приглядываясь к окну и подоконнику. — Считай, поспали немного и проснулись. Теперь спать некогда.

Аня молчала, она как-то особенно тяжело переносила эти мгновенные перемещения, и говорить ей совершенно не хотелось. А озираться по сторонам было скучно и бессмысленно: всё то же самое. И проблемы те же.

Безобразно громкий стук в дверь прервал их ничего не значащую беседу и мигом вывел из печально-философского ступора.

Саша бросился к окну, на ходу расстегивая сумку и таща лестницу наружу.

— Штыри давай! Быстро! — крикнул он Ване. — И молоток.

— Открывайте! — раздалось из-за двери. — Всё равно сломаем, а бежать-то вам некуда!

Новый сильнейший удар сотряс многострадальную дверь.

— Ещё пара таких ударов, — сказал Ваня, — и дверь не выдержит.

Саша начал вколачивать клин в стену под подоконником. Получалось не очень складно, но ведь совсем не было времени подумать. Хорошо еще, что в девятнадцатом веке стены делали деревянные, а не бетонные.

— Стой! Не так! — прервал его Ваня. — Вбивать надо прямо в подоконник, вертикально и лишь чуть-чуть под углом.

— Зачем? — не понял Саша в спешке. — Соскочить же может.

— Вот и хорошо, — странно ответил Ваня. — Делай, как я говорю, и быстрее, быстрее!

— Я поняла! — обрадовалась Аня. — В этом случае, когда мы слезем вниз, будет возможность сдернуть лестницу и унести с собой.

— Молодец! — похвалил её Ваня. (Ах, как редко они хвалили друг друга!).

— Только с собой не обязательно брать, главное — не дать

возможности нашим врагам воспользоваться ею, — добавил Саша, который тоже всё понял и теперь вбивал уже второй клин.

— Ну, давай, Анют, — распорядился Ваня, — полезай первая, как говорится, lady — first[4].

— Ты не прав, — возразил Саша. — Первый рискует больше. Давай сам вперед. Если всё крепко, тогда уж и Ане можно.

Ваня, стушевавшись и не говоря больше ни слова, перемахнул через подоконник.

Дверь трещала от очередного удара.

— Нормально всё, — крикнул он уже снизу. — По длине чуть-чуть не хватает, но я тебя поймаю, если что. Поторопись, Анют!

Аня дрожащими руками ухватилась за верёвочную лестницу и начала спускаться.

— Вниз не смотри, если высоты боишься, — посоветовал Саша.

Лестница проминалась под каждым шагом, её ужасно мотало из стороны в сторону, как во время качки на корабле. Аня не только не смотрела вниз, она вообще зажмурилась, но кончилось все на удивление быстро. Крепкие руки Вани подхватили её за талию и поставили на чуть покатую крышу одноэтажной пристройки.

Оба посмотрели наверх. Саши в окне не было.

— Ну, и где он? — ещё почти спокойно спросила Аня.

— Задерживается, — машинально ответил Ваня, словно речь шла о чём-то вполне обыденном.

— Где задерживается?! — глаза девушки округлились, голос срывался на плач.

— Всё! — он понял, что вариантов нет. — Лезу обратно!

И уже успел вскарабкаться на несколько ступенек, когда Сашина нога… А Сашина ли? Ну, конечно, Сашина!.. высунулась из окна. А вот и он весь спускается им навстречу, да ещё ворчит по дороге:

— Прыгайте, прыгайте вниз, что вы здесь толпитесь? Спешить надо!

Ваня прыгнул первым, выбрав для приземления клумбу — единственное место, где был мягкий грунт, — а не асфальт и повернулся подстраховать Аню, но та лихо спрыгнула рядом и даже устояла на ногах.

— Подумаешь, высота! — фыркнула она. — С лошади прыгать не многим ниже.

А Саша, схватив лестницу за нижнюю ступень, встряхивал её, придавая волнообразные движения, и со второй попытки ему удалось лишить врагов важного преимущества.

— Кинь её сюда, — попросил Ваня.

— Зачем, — не понял Саша. — Бежать надо как можно скорее.

— Да ты что! — возмутился Ваня. — Лестница из Древнего Египта. Такой экспонат, а он выбросить хочет!

— Ладно, — смирился Саша, спихивая лестницу вниз, и прыгая следом. — Только сам потащишь. И чтоб не отставать у меня!

Он бежал первым, указывая дорогу. Правда, и Сашино знание местных закоулков оказалось несовершенным. Всё так быстро менялось в центре Москвы, что воспоминания детства помогали уже с трудом. Ветров, конечно, бывал здесь и в последние годы, любил иногда ностальгически прошвырнуться по старинным переулочкам. Но что касается проходных дворов, их становилось всё меньше. Достаточно было полгода не побывать где-то — и вот уже на месте арки или прохода — глухой забор, а то и совершенно новый особняк в стиле восемнадцатого столетия. В общем, несколько раз маршрут их стремительного бегства приходилось изменять, дважды — форсировать препятствия в виде чугунных оград, и один раз, миновав шлагбаум, промчаться по закрытой территории под крики охранников солидного банка. Но в итоге всё обошлось, и они вынырнули из путаницы Арбатских дворов на Пречистенку, почти на площадь в двух шагах от величественного подсвеченного в темноте Храма Христа Спасителя. Улица была как-то ненормально пуста для еще весьма не позднего часа. Ребята остановились, посмотрели друг на друга, и Ваня сказал, тяжело дыша:

— Ну, кажется, оторвались.

— А дальше-то что? — простодушно спросила Аня.

Саша пожал плечами. Он тоже не знал ответа на этот вопрос.

— Слушай! — вспомнил Ваня. — А почему ты там застрял, на чердаке?

— Весёлая получилась история, — улыбнулся Саша, вспоминая. — Аня уже спускалась, когда один из них проломил дверь и просунул внутрь руку, ища запор. Он запросто мог нащупать подпирающую доску, и тогда я просто не успел бы унести ноги. Короче, пришлось подскочить и дать ему по этой наглой руке древнеегипетским молотком.

— Садист, — сказал Ваня то ли шутя, то ли не очень. — Я бы, наверно, так не смог.

— Ну и дурак, — сказала Аня. — А Сашка — молодец.

Ваня решил не отвечать. Ему вдруг подумалось, что Ветров придумал эту суперменскую историю, а на самом деле с ним случилась какая-нибудь обидная ерунда. Но сейчас обидно было ему, Ване. Спорить не хотелось. И скорее от беспомощности, чем по необходимости он предложил:

— Пойдём на лавочке посидим, подумаем.

— Возле Энгельса? — уточнила Аня.

— Ну да.

Они перешли улицу и двинулись к свободной скамейке в небольшом сквере.

Вдруг Аня остановилась, как вкопанная, инстинктивно прижалась к Саше и еле слышно выдохнула:

— Это он!

— Кто, Энгельс? — спросил Ваня, но уже в следующую секунду шутить совершенно расхотелось. Прямо навстречу им от подножия памятника шагал тот самый загадочный незнакомец из кафе.

Как он их вычислил? Или всё время следил за ними? Или прямо сейчас догнал каким-то образом?.. Логика тут не помогала — лезла в голову (точнее во все три головы) одна только мистика.

Потом мужчина поравнялся с ними, даже не повернув головы, и наваждение пропало. Конечно, это был не он — просто очень похожий человек.

Все трое обессилено рухнули на лавку.

— Вот так мы теперь и будем жить! — заявил Ваня. — Шарахаясь от собственной тени.

— Не хочу, — печально проговорила Аня.

— Но делать нечего, — рассудил Саша. — Теперь только так. Ваня прав. А единственное спасение от этого кошмара — очередной полёт в прошлое.

— Тебе этих двух мало? — удивилась Аня.

— Мало — не мало, но там лучше, чем здесь: спокойнее, — ответил Саша.

— Но я хочу нормально помыться, у меня вся башка в древнеегипетском песке! — пожаловался Ваня. Они и не заметили с Сашей, как вдруг поменялись ролями в традиционном споре. — Я выспаться, наконец, хочу!

— Это тоже легче сделать там, — заметил Саша. — А чтобы в нормальную баню сходить, выбери прошлое посовременнее. Ты же хвастался, что скоро научишься сам выбирать эпоху и регулировать время пребывания в ней. Вот и займись, пока нам никто не мешает.

Саша достал «Фаэтон», передал его Ване. Тот, положив на колени, открыл крышку и углубился в изучение. Аня с ужасом смотрела на них и не могла вымолвить ни слова. А случайные прохожие не обращали на эту сцену никакого внимания. Подумаешь, трое студентов сидят на лавочке с ноутбуком — то ли занимаются, то ли просто играют.

В быстро густевших сумерках всё ярче горели золотом купола

не так давно восстановленного храма — четыре маленьких и один большой. Этот храм тоже был путешественником во времени. Разрушенный в тридцатых годах, вернулся к людям назад из прошлого и кого-то радовал, кого-то наполнял гордостью, а кого-то, конечно, и раздражал. Перемещаясь во времени, просто невозможно не задеть ничьих интересов, обязательно кому-то поможешь, а кому-то помешаешь, но остаться совершенно непричастным — не выйдет.

Так думала Аня, немного даже щурясь от ослепительного золотого блеска, и все яснее понимала: никуда им теперь не деться, впереди — очередное путешествие в прошлое.

Приложение
ЕГИПЕТСКИЕ ПРАВИТЕЛИ

РАННЕЕ ЦАРСТВО (около 3100—2649 гг. до н. э.)

ДИНАСТИЯ I — основатель Менес (объединение Верхнего и Нижнего Египта). Столица — Мемфис (Меннефер).

ДИНАСТИЯ II

ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО (около 2649—2150 гг. до н. э.)

ДИНАСТИЯ III — среди правителей — фараон Джосер (около 2630—2611 гг. до н. э.), по приказу которого возведена великая ступенчатая пирамида в Саккаре рядом с Мемфисом.

ДИНАСТИЯ IV — среди правителей — фараоны Хуфу, Хафра и Менкаур, по приказу которых возведены три великих пирамиды в Гизе.

ДИНАСТИИ V—VI

ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (около 2150—2040 гг. до н. э.)

ДИНАСТИИ VII—X — распад государства на маленькие княжества.

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО (около 2040—1640 гг. до н. э.)

ДИНАСТИЯ XI — Объединение Египта (Фиванский князь, объединивший Египет, возглавил страну). Столица — Фивы.

ДИНАСТИЯ XII — столицу перенесли на север, в район Фаюмского оазиса. Во времена XII династии в Фаюмском оазисе был возведён грандиозный храм, получивший название «Лабиринт», площадь которого составляла 74 тысячи квадратных метров.

ВТОРОЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (около 1640—1552 гг. до н. э.)

ДИНАСТИИ XV—XVI — гиксосские правители (завоевание Египта гиксосами). Столица в Аварисе в районе Дельты.

ДИНАСТИЯ XVII — освобождение от гиксосской зависимости. Освободительную войну начал фиванский правитель Секнера по прозвищу Храбрый. Затем его сын Камос, известный как великий освободитель. Дошёл до Авариса. Погиб от руки предателя. Полную победу над гиксосами одержал младший брат Камоса — Яхмос, основатель XVIII династии.

НОВОЕ ЦАРСТВО (около 1552—1069 гг. до н. э.)

ДИНАСТИЯ XVIII:

Яхмос — — — — — — — — — — — — — 1552—1527 гг. до н. э.

Аменхотеп I — — — — — — — — 1527—1506 гг. до н. э.

Тутмос I — — — — — — — — — — — — 1506—1494 гг. до н. э.

Тутмос II — — — — — — — — — — — 1494—1490 гг. до н. э.

Хатшепсут — — — — — — — — — 1490—1468 гг. до н. э.

Тутмос III — — — — — — — — — — 1468—1438 гг. до н. э.

Аменхотеп II — — — — — — — — 1438—1412 гг. до н. э.

Тутмос IV — — — — — — — — — — 1412—1402 гг. до н. э.

Аменхотеп III — — — — — — — 1402—1364 гг. до н. э.

Эхнатон — — — — — — — — — — — 1364—1347 гг. до н. э.

Тутанхамон — — — — — — — — — 1347—1337 гг. до н. э.

Аи — — — — — — — — — — — — — — — — 1337—1333 гг. до н. э.

Хоремхеб — — — — — — — — — — — 1333—1305 гг. до н. э.

ДИНАСТИИ XIX—XX — 1305—1069 гг. до н. э. (правление Рамсесов)

ТРЕТИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (около 1069—664 гг. до н. э.)

ДИНАСТИИ XXI—XXV

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД (около 664—332 гг. до н. э.)

ДИНАСТИЯ XXVI — Саисские цари — ок. 664—525 гг. до н. э.

ДИНАСТИЯ XXVII — Персидские цари, в том числе Камбиза, Дария I и Ксеркса — ок. 525—404 гг. до н. э.

ДИНАСТИИ XXVIII—XXX — ок. 404—342 гг. до н. э. (правление египтян)

ДИНАСТИЯ XXXI — второй период правления персидских царей — ок. 342—332 гг. до н. э. Персы нанесли Египту огромный ущерб своими грабежами и разгромом.

МАКЕДОНСКИЙ ПЕРИОД (около 332—305 гг. до н. э.)

В 332 г. до н. э. Персидское царство было завоёвано Александром Македонским. Он был принят народом Египта как освободитель и получил титул фараона.

Александр Великий — 332—323 гг. до н. э. (Столица Египта — Александрия, построенная Александром Великим в 331 г до н. э.)

Филипп Арридей — 323—316 гг. до н. э.

Александр IV — 316—305 гг. до н. э.

После смерти Александра Македонского власть захватил Птолемей, который правил страной от имени сына Александра Великого — Александра и его брата Филиппа Арридея. Они оба были убиты в 305 г. до н. э. Птолемей стал фараоном, основав новую династию Птолемеев.

ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПТОЛЕМЕЕВ (около 305—30 гг. до н. э.)

Знаменитая царица Клеопатра VII правила в период — 51—30 гг. до н. э. Клеопатра правила совместно с Птолемеями и была последней египетской царицей. В 31 г. до н. э. войско Марка Антония и Клеопатры было разбито преемником Цезаря Октавианом. Антоний и Клеопатра покончили жизнь самоубийством. В 30 г. до н. э. Египет стал частью Римской империи.

notes

Примечания

1

локоть в Древнем Египте был равен 52,2 см

2

Картуш — овальная рамка, внутри которой писалось имя фараона. Картушем выделялись только царские имена.

З

мастаба — прямоугольное кирпичное сооружение — погребение древних правителей

4

Женщина — первая (англ.)